

ЗАЛ
СЛАВЫ
ВСЕМИРНОЙ
ФАНТАСТИКИ

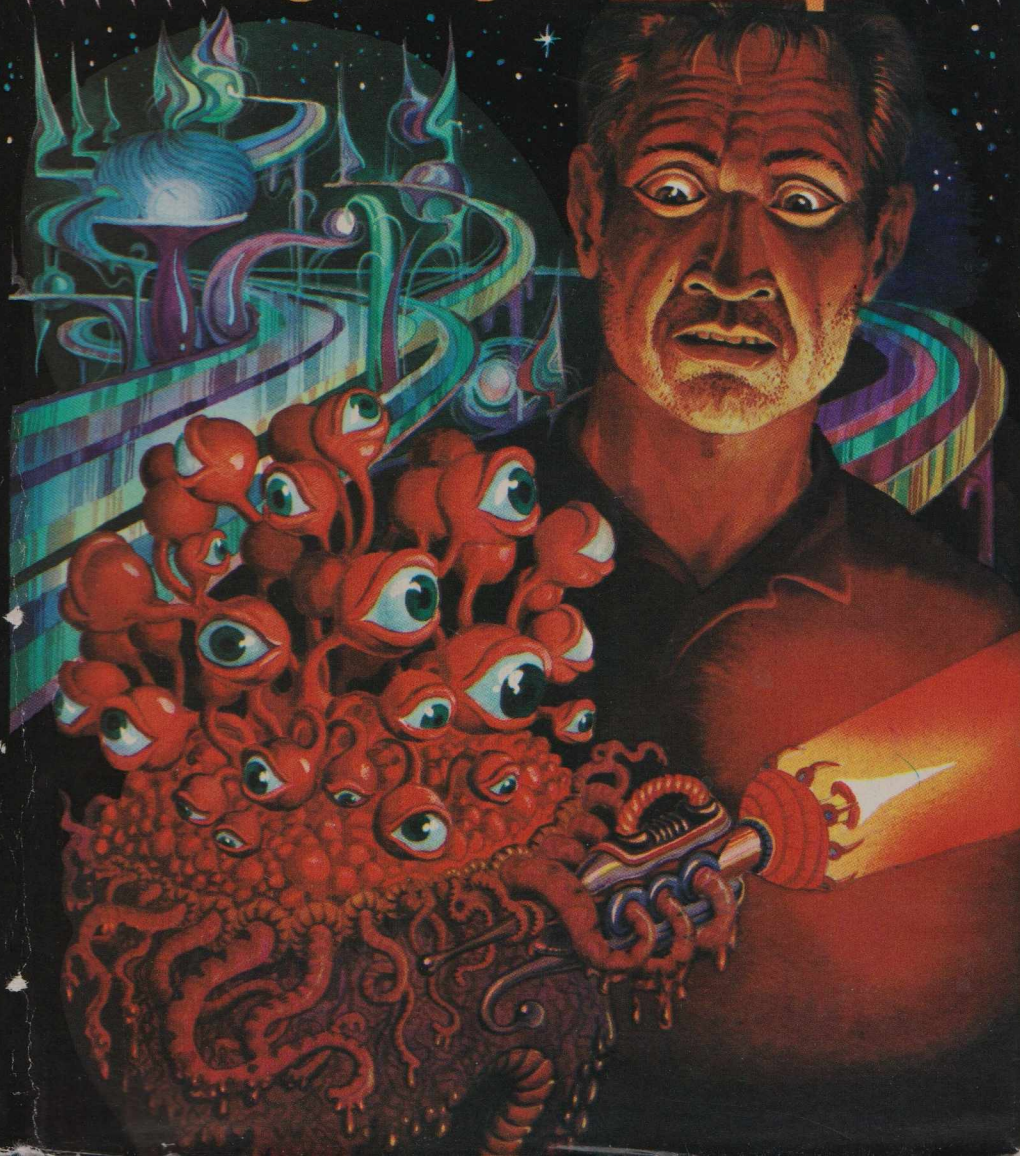
УИЛЬЯМ ТЕНН

ПЛОСКОГЛАЗОЕ

ЧУДОВИЩЕ

УИЛЬЯМ ТЕНН

William Tenn

Уильям Мейн
ПЛОСКОГЛАЗОЕ
ЧУДОВИЩЕ
★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★
WILLIAM MEIN
THE FLAT-EYED
MONSTER

Зал славы всемирной фантастики

W. Tenn **M** **THE FLAT-EYED**
MONSTER

Перевод с английского

Ч ПЛОСКОГЛАЗОЕ ЧУДОВИЩЕ *У. Менн*

Київ
"Альтерпрес"
1995

ББК 84.7 США
Т33

Редакційна колегія серії:

П.Хазін

В.Каплан

М.Шулак

**ЭТА КНИГА ДОЛЖНА ПРОДАВАТЬСЯ
ТОЛЬКО В СУПЕР-ОБЛОЖКЕ**

Сборник повестей и рассказов замечательного американского фантаста У. Тенна — мастера короткой прозы. Его произведения увлекают читателей динамичным развитием действия, массой остроумных деталей, парадоксальностью взглядов на человека. Герои писателя — обычные живые люди, поставленные в необычные ситуации, придуманные неуемной фантазией автора.

Тенн Уільям

Т33 Пласкооке чудовисько: Пер. з англ. — К.: МСП
“Альтерпрес”, 1995. — 447 с.: іл. — (Зал слави
всесвітньої фантастики). — Рос. мовою.
ISBN 5-7707-7231-X

Збірка повістей та оповідань чудового американського фантаста У. Тенна — майстра короткої прози. Його твори захоплюють читачів динамічним розвитком подій, безліччю дотепних деталей, парадоксальністю поглядів на людину. Герої письменника — звичайні люди, що поставлені у незвичайні обставини, вигадані невагмовною фантазією автора.

Т 4703040100-12 без оголош.
95

ББК 84.7 США

ISBN 5-7707-7231-X

© Упорядкування, художнє оформ-
лення, емблема і назва серії.

МСП “Альтерпрес”, 1995

© Супер-обкладинка. С.Павленко,
1995

КОНСТРУКЦИИ УИЛЬЯМА ТЕННА

Уильям Тенн — псевдоним американского писателя Филиппа Класа. Он родился в 1920 году. Обучался на литературном отделении Пенсильванского государственного колледжа, где с 1966 года длительное время занимал должность профессора. Писать начал во время службы в армии в период второй мировой войны. Первая его публикация появилась в журнале "Эстаундинг сайенс фикшн" в 1946 году, это был рассказ "Искушение Александра".

Поистине одаренный автор, У. Тенн никогда не стремился писать длинные вещи ради заработков. Это мастер короткой интеллектуальной прозы. Авторский стиль, очень запоминающийся, характеризуется тщательным отбором тем, внимательным отношением к деталям, тонким юмором. Американские критики отмечают, что У.Тенн — автор более зрелый, чем Фредерик Браун и более требовательный к себе, чем Роберт Шекли.

С пятидесятых годов его произведения прочно обосновались в журнале "Гэлакси".

Первый сборник рассказов "Из всех возможных миров" вышел в Англии в 1955 году, в него вошли рассказы "Чисто человеческая точка зрения", "Вплоть до последнего мертвеца" и другие. "Чисто человеческая точка зрения" — небольшой изящный рассказ в традиционной манере американской фантастики с неожиданной концовкой. Второй рассказ претендует на роль антиутопии: тотальная война полностью истощает ресурсы воюющих

сторон; чтобы как-то поправить свои дела, земляне начинают оживлять своих павших бойцов, превращая трупы в "зомби".

Украшением сборника стали и еще два прекрасных рассказа: "Освобождение Земли" и "Хранители". "Освобождение Земли" — сатирическая пародия на революционную активность. В "Хранителе" развивается тема последнего человека на Земле. Книга получила хорошие отзывы в прессе и была прекрасно принята читателями.

Построения писателя всегда идут по традиционной схеме: завязка, развитие, кульминация и неожиданная, часто парадоксальная, развязка. Привычная схема американской литературы, хорошо отработанная еще О.Генри. Но при этом все же главное — герои. У Тенна это всегда настоящие живые люди, поставленные в необычные ситуации, что делает произведения писателя очень достоверными.

Мастеров короткой формы в американской фантастике можно по пальцам пересчитать: Р.Бредбери, Р.Шекли, Ф.Браун, Д.Ганин. У. Тенн занимает в этом ряду блестящих имен достойное место. Безусловный ас рассказа, он опубликовал пять великолепных сборников: "Чисто человеческая точка зрения" (1956), "Срок авансом" (1958), "Корень квадратный из человека" (1968), "Семь полов" (1968) и "Деревянная звезда" (1968). Характерной особенностью рассказов У.Тенна является развитие в каждом из них одной конкретной идеи. При этом он стремится добиться абсолютной реалистичности происходящего. Ну, например, молодому адвокату Сэму Веберу в рассказе "Детская игрушка" попадает прибор из будущего под названием "Построй человека". И молодой человек становится новым доктором Франкенштейном, пройдя весь гибельный путь последнего.

Многим, наверняка, запомнилась небольшая повесть "Срок авансом" (Москва: "МИР", 1974, сб. "Звездная карусель"). Главный герой Ник Крэндол предварительно отбывает семь лет каторжных работ на освоении вновь открытых планет для того, чтобы получить пра-

во на законное убийство. В этой истории сочетаются сатирические и трагические элементы. Общество, вводящее систему узаконенных убийств, люди с кастрированным самосознанием, готовые отдать лучшие годы своей жизни ради призрачного шанса на отпущение, которое может и не состояться. Ведь с каторжных работ возвращаются очень и очень немногие. Главный герой приходит в конце концов к выводу, что не может чья-либо смерть вернуть ему годы, проведенные в адских условиях неосвоенных планет и отказывается от своих прав на убийство.

В 1963 году в журнале "Гэлакси" вышел короткий роман "Люди в стенах", который в 1968 г. в несколько расширенном виде был опубликован отдельной книгой под названием "Люди и чудовища". Очередная антиутопия радуется читателя динамичным развитием действия, массой остроумных деталей и свойственной писателю парадоксальностью взглядов на человека.

Уильям Тенн умеет по-новому обыграть традиционные темы фантастической литературы. Так, например, в сатирическом рассказе "Бруклинский проект" рассказывается о проведении эксперимента во времени с весьма плачевным результатом. Оригинальна форма подачи материала: на пресс-конференции, которая идет одновременно с экспериментом, руководитель проекта доказывает, насколько данный опыт безопасен. Во время его непрерывного спича происходят изменения, которых никто не замечает. В конце концов все присутствующие превращаются в головоногих.

В 1968 году был опубликован еще один короткий роман "Медуза была ледя" (1968), где писатель оригинально развивает тему параллельных миров, обращаясь к древнегреческому мифу о Персее.

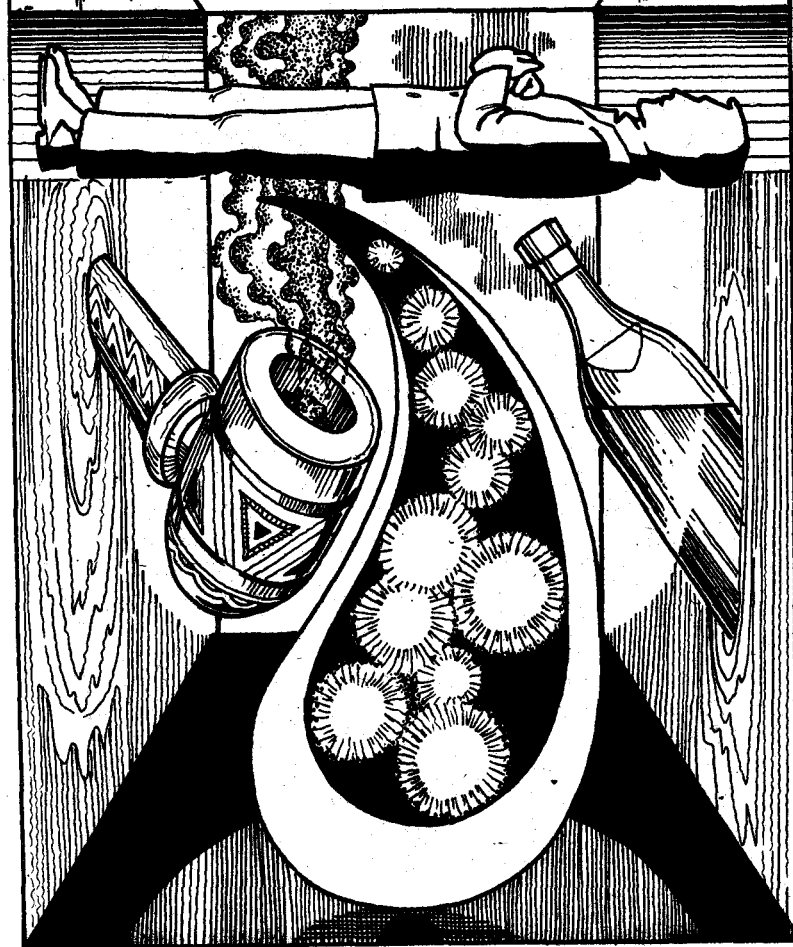
Легкий налет иронии присутствует во всех произведениях Тенна этот слой настолько тонок, что в отдельно взятом произведении его можно и не заметить. Рассказы и повести У.Тенна это маленькие кирпичики мироздания одного из возможных вариантов будущего. Собранные вместе, они словно говорят читателям: смотри-

те, ужасайтесь тому, что может сотворить людская глупость, невежество и косность. Тоталитарные системы-механизмы перемалывают человекoв-винтиков с беспощадной жестокостью, превращая талантливых, деятельных, духовно развитых людей в бездушных и безучастных "зомби".

Сборник фантастических рассказов Уильяма Тенна — прекрасный подарок любителям фантастики.

Л.Ткачук

ОГНЕННАЯ ВОДА

FIREWATER

Ballantine Books

New York

1960

Старший по возрасту из троих посетителей, он же самый грязный и заросший, почесался спиной о пластик кресла и произнес, как бы приглашая к дальнейшему разговору:

— Намеки едва бледно-лиловые.

Его двое спутников — тощий парень со слезящимися глазами и женщина, чью миловидность портили невероятно гнилые зубы — закикикали и приняли более непринужденные позы.

— Гта-гта-хрю! — вполголоса пробормотал тощий парень, а остальные двое выразительно закивали.

Грета Зайденхейм оторвала взор от миниатюрной стенографической пишущей машинки, покоившейся на самой возбуждающей паре коленок, какие только удалось сыскать ее боссу в Большом Нью-Йорке, и, повернувшись, выставила на его обозрение прочие прелести, которых было явно в избытке у этой ослепительной блондинки.

— Это тоже, мистер Хебстер?

Президент страховой компании "Хебстер секьюрити инкорпорейтед" не сразу очнулся от того блаженного состояния, в которое его погрузило ласкающее слух воркованье обворожительной мисс Зайденхейм, однако в конце концов встрепенулся и, совершив немалое над собой усилие, чтобы вернуть способность ясно мыслить, в которой он сейчас особенно остро нуждался, соизволил благосклонно кивнуть.

— Это тоже, мисс Зайденхейм, — вятно произнес он. — Записывайте с максимальным приближением к истинному звучанию всей этой тарабарщины и не забывайте

указывать, когда в ней прослушиваются вопросительные интонации, а когда восклицательные.

Он провел тщательно наманикюрованными пальцами по внутренней поверхности ящика письменного стола, в котором хранил заряженный "парабеллум". Полный порядок. От сигнальных кнопок, с помощью которых он мог вызвать на помощь любое количество служащих "Хебстер секьюрити" — вплоть до девятихот, работавших в настоящее время в штаб-квартире компании, расположенной в небоскребе "Хебстер билдинг", — его левую руку отделяло всего каких-нибудь восемь дюймов. Порядок. И еще двери — много дверей, — за которыми стояли вооруженные телохранители в особых фирменных мундирах, готовые в любое мгновение ворваться в кабинет по сигналу, который вспыхнет перед ними в то мгновение, когда он уберет правую ногу с миниатюрной пружины, смонтированной под одной из дощечек паркета. И здесь порядок.

Эдджернон Хебстер мог вести деловые переговоры даже с перваками.

Он учтиво раскланялся с каждым из своих гостей из Аризоны, грустно вздохнув при виде того, что делается с роскошным ковром, специально сотканным для его личного кабинета: в нем сейчас чуть ли не до колен утопала грязная бесформенная масса, которую представляли собой ноги его посетителей. Тем не менее, он радушно поприветствовал каждого из них, пока мисс Зайденхейм торжественно вела их по кабинету. Они же смеялись ему прямо в лицо.

— Мне кажется, самая пора представиться. Меня вы знаете. Мое имя — Хебстер. Эдджернон Хебстер. Вы особо оговорили важность встречи именно со мной в разговоре с вахтером в вестибюле. Чтобы не возникало недоразумений в процессе беседы, считаю необходимым назвать и имя моего референта-делопроизводителя. Грета Зайденхейм. А как вас зовут, сэр? Он обратился к старшему по возрасту из этой троицы, однако тощий парень, не вставая, подался всем туловищем вперед и взмахнул перед собой почти прозрачной, состоящей, похоже, только из сухожилий и костей, рукой. — Имена? — удивился он. — Имена — круглы, пока не названы. Поразмыслим-ка об именах. Сколько имен? Имен подлинных, имен измененных? Женщина тоже наклонилась вперед, и дурной запах из ее рта достиг

ноздрей Хебстера, несмотря на огромные размеры кабинета. — Отбарабанишь и потянешься и воспарить вверх и там столкнуться, — произнесла она нараспев, воздев руки вверх, как будто соглашаясь с собственным утверждением. — Пустота сама низвергает себя в бесконечность, — повторила женщина. — Гга-гга-хрю? — с горечью в голосе выразил сомнение парень. — Послушайте! — взревел Хебстер. — Когда я спрашиваю...

Прожужжал зуммер внутреннего переговорного устройства. Тяжело вздохнув, Хебстер нажал клавишу. Раздался взволнованный голос секретарши из приемной:

— Я прекрасно помню ваши наставления, мистер Хебстер, — по-видимому, с перепугу скороговоркой затараторила секретарша, — но оба представителя особой следственной комиссии ОЧ снова здесь, да еще с таким видом, будто у них в самом деле серьезные намерения. Я имею в виду, сэр, вид у них такой, что того и жди неприятностей.

— Йост и Фунатти?

— Да, сэр. Судя по тому, что они друг другу говорят, я думаю, им известно, что в вашем кабинете трое перваков. Они спрашивают, что это вы там вознамерились сделать — а вдруг умышленно настроить перваков против них? Они сказали, что не остановятся ни перед чем. При необходимости, обратятся даже к международным органам и силой проникнут внутрь, если вы...

— Не пускайте их. Задержите их.

— Но, мистер Хебстер, особая комиссия ОЧ...

— Не пускайте их — вы, что, не слышите меня? Вы секретарь или дверь нараспашку? Придумайте что-нибудь, Рут! В ваших руках сейчас организация, насчитывающая девятьсот душ служащих, корпорация, стоящая больше десяти миллионов долларов. Устройте во внешней приемной любого рода фарс, какой только вам взбредет в голову, — вплоть до того, что договоритесь с каким-нибудь актером, загримированным под меня, чтобы он вошел и свалился замертво у их ног. Задержите их, а я уж не стану скучиться на премиях. Только задержите их!

Он отпустил клавишу и закатил глаза к потолку.

Его гости, тем не менее, чувствовали себя у него в кабинете как дома. Они повернулись лицом друг к другу и, обдавая друг друга зловонием, исторгаемым из их ртов, образовали трио, несшее самую несусветную тарабарщину. Голоса их звучали все громче и проникновеннее. Порой в них прослушивалась мольба, порой — непреклонная решимость. Однако все, о чем они так возбужденно спорили, сводилось лишь к очень многим, похожим на гусиный гогот, звукам, перемежаемым время от времени несомненным хрюканьем!

Он в омерзении поджал губы. И это цвет человечества? Вот эта компаньша? Подлинные первопроходцы? Или, как их называют в народе, перваки?

Он закурил сигарету и сокрушенно пожал плечами. Ну что ж, человечество — человечеством, а бизнес — есть бизнес.

“Только помни всегда о том, что они — не сверхлюди, — сказал он себе. — Они могут быть опасны, они непредсказуемы, но никакие они не сверхлюди. А уж в долгосрочной перспективе — и подавно! Вспомни о том, как обыкновенная эпидемия гриппа выкосила их чуть ли не поголовно и как ты сам славно облапошил двух других перваков в прошлом месяце. Они не сверхлюди, но и к людям их, пожалуй, не следует причислять. Они нечто иное”.

Он глянул на свою личную секретаршу и одобрительно кивнул. Грета Зайденкейм с таким невозмутимым видом барабанила по клавишам своей трескучей машинки, будто отбивала на ней самые обычные, самые банальные деловые письма. “Интересно, — подумалось Хебстеру, — к каким средствам она прибегает для регистрации интонаций? Во всяком случае, на кого на кого, но на Грету можно вполне положиться. Ничего не скажешь, мастерица на все руки...”

— Га-га-хрю! Га-га-га-га-хрю. Хрю. Га-хрю. Га-га-га-хрю! Хрю!

Что пробудило их вступить в такой оживленный спор? Он ведь всего лишь попросил их назвать свои имена. Неужели они обходятся без имен в Аризоне? Но ведь они, несомненно, понимают, что здесь это общепринято. Молва приписывала им способность разбираться в подобных вещах не меньшую, чем у обычных людей.

Может быть, не торговля привела их в Нью-Йорк на этот раз — может быть, что-нибудь, связанное с пришельцами? Он почувствовал, как у него поднимаются дыбом коротко подстриженные волосы на затылке, и непроизвольно пригладил их. Трудность состояла в том, что выучить их язык, а тем более понимать их, когда они не в меру разговорчивы, почти так же легко, как спуститься с бревна над пропастью.

Что ж, время его ограничено. Он не знал, сколь долго Рут удастся продержат следователей из ОЧ в предбаннике. Каким-то образом ему нужно снова завладеть инициативой, не задев ненароком при этом не в меру обидчивых перваков. Сделать это можно было по-разному, но в любом случае это грозило самыми опасными осложнениями.

Он постучал пальцами по столешнице. Кстати — совсем легонько. “Га-га-хрю” прекратилось на полужвуке, после чего неторопливо поднялась женщина.

— По поводу вопроса насчет имен, — упрямо начал Хебстер, глядя на женщину в упор. — Поскольку вы утверждаете...

Женщину мучительно передернуло, после чего она усе-лась прямо на полу. И улыбнулась Хебстеру. Обнажившийся, полный гнилых зубов рот придал этой улыбке блеск потухшей звезды.

Хебстер прочистил горло и приготовился предпринять еще одну попытку.

— Если вам так уж приспичило с именами, — вдруг произнес мужчина постарше, — можете называть меня Ларри.

Президент “Хебстер секьюрити” встряхнулся и заставил себя выдать “Благодарю вас”, что получилось у него несколько неуверенно, но без особого удивления. Затем он перевел взгляд на более молодого спутника Ларри.

— Можете называть меня Тессем, — печально произнес ларень.

— Тесей? Отлично!

Одно можно было сказать с уверенностью о перваках — если уж удалось их расшевелить, то дальше все шло, как по маслу. Однако Тесей? Как это характерно для перваков! Очередь теперь за женщиной, и можно начинать.

Взоры всех обратились к женщине, даже Грета глядела на нее с таким любопытством, какое не мог скрыть навешенный в салоне красоты глянец.

— Имя, — шепнула, как бы рассуждая вслух, женщина. — Подыщите мне имя.

— Боже! — мысленно простонал Хебстер. — Не хватало только еще этой задержки¹.

Ларри, очевидно, тоже решил, что уже и без того достаточно много времени потрачено зря.

— Почему бы тебе не называть себя Мо? — предложил он женщине.

Парня — теперь это был Тесей — тоже, похоже, заинтересовала данная проблема.

— А чем плохое имя — Бродяга? — спросил он, стараясь помочь женщине.

— Или, может быть, Глория? — теряя терпение, взмолился Хебстер.

Женщина задумалась.

— Мо, Бродяга, Глория, — произнесла она, как бы рассуждая вслух. — Ларри, Тесей, Зайденхейм, Хебстер, я. — Со стороны могло показаться, что она проводила переключку.

Теперь от них можно ожидать чего угодно, понял Хебстер. Но, по крайней мере, с их стороны больше уже не ощущалось чванливого высокомерия — они снизились до того, чтобы изъясняться на понятном ему языке, отказавшись не только от тарабарщины, но даже и от насмешливо двусмысленного наречия, что было еще хуже. Нет, что ни говори, но сейчас они выражались понятно, — конечно, в определенной мере.

— Ради успеха данного обсуждения, — объявила в конце концов женщина, — зовите меня... зовите меня... Мое имя — Лузитания.

— Отлично! — возопил Хебстер, выпустив на волю слово, которое так долго вынужден был удерживать на кончике языка. — Отличное имя. Ларри, Тесей и... э... Лузитания. Чудесная компания. Просто великолепная. А те-

¹ "Лузитания" — название трансатлантического лайнера, пущенного на дно вместе со всеми пассажирами торпедировавшей его немецкой подводной лодкой во время первой мировой войны — Прим. переводчика.

перь — ближе к делу. Вы ведь по делу сюда пришли, насколько я понимаю?

— Верно, — согласился Ларри. — О вас мы прослышали от тех двоих, которые побывали в Нью-Йорке месяц тому назад. Они немало о вас рассказывали, когда вернулись в Аризону.

— Серьезно? Что ж, я на это и надеялся.

Тесей соскочил со стула и присел на корточки рядом с женщиной, которая делала какие-то странные движения руками, словно отгоняя что-то от себя.

— Они говорили о вас, — повторил он. — Они сказали, что вы хорошо обращались с ними, что вы выразили им максимальное уважение, на которое только способны. Они признались также, что вы их крепко обжулили.

— Ну вы даете, Тесей, — тут Хебстер развел руками, сверкнув наманикюренными ногтями. — Я же бизнесмен.

— Вы — бизнесмен, — согласилась Лузитания и как-то бочком, воровито оглядываясь, поднялась на ноги, не переставая усиленно размахивать обеими руками у себя перед лицом, как бы отгоняя нечто невидимое. — И вот мы здесь, вот на этом месте, в этот данный момент. Вы можете заполучить то, что мы принесли, но вам придется заплатить за это. И даже не думайте, что вам удастся обогорить НАС. — Сложив ладони вместе, она опустила их к талии. Затем внезапно разомкнула, и из них выпорхнул небольшой орел. Лихорадочно хлопая крыльями, он устремился вверх к люминесцентным панелям на потолке. Его полету мешал тяжелый полосатый щит, прикрепленный к груди пучком стрел, которые он держал в когтях одной из лап. Другая лапа сжимала оливковую ветвь. Орел повернул несоразмерно маленькую, совершенно лишенную перьев голову и, широко разинув клюв, глянул в сторону Хебстера, а затем начал быстро опускаться к ковру. В тот самый момент, когда он должен был удариться о пол, он исчез так же неожиданно, как и появился. Хебстер закрыл глаза, пытаясь себе представить полоску материи, выпавшую из клюва орла, когда он повернул голову и открыл рот, и исчезнувшую вместе с ним. На ней были написаны какие-то

слова. Хебстеру не удалось разглядеть каждую букву, но он мог поклясться, что в целом надпись гласила "Е плюрибус юнум"¹.

Хебстер был настолько же в этом уверен, насколько убежден в необходимости отнестись к тому, что произошло, с таким же равнодушием, с каким взирали на это перваки. Профессор Клейнбоксер заметил как-то, что перваки — ментальные алкоголики. Вот только для чего им так нужно заражать всех остальных приступами белой горячки?

Он открыл глаза.

— Ладно. Так что там у вас в продаже?

На некоторое время воцарилось молчание. Тесей, казалось, забыл, что он здесь излагал всего лишь минутой раньше. Лузитания с надеждой глядела на Ларри.

Ларри почесал правый бок сквозь плотную промокшую одежду.

— Мы можем, например, предложить безотказный метод обезоружить любого, кто пытается применить метод "Редукцию ад абсурдум"² к любому предложению, которое вы выдвинете.

Он самодовольно зевнул, чопорно прикрыв рот, и принялся чесать левый бок.

Хебстер улыбнулся: он чувствовал, как у него поднимается настроение.

— Нет. Мне это ни к чему.

— Так уж и ни к чему? — Ларри попытался сделать удивленный вид, затем повернул голову сначала в одну сторону, потом в другую, украдкой взглянув на Лузитанию.

Та вновь улыбнулась, но тут же повалилась на пол и стала дергаться всем телом.

— Ларри все еще изъясняется не на том языке, который был бы вам понятен, мистер Хебстер, — проворковала она с нежностью, на которую была бы способна разве что заводская сирена, вздумавшая выразить кому-нибудь свою благосклонность. — Мы явились сюда кое с чем, в

1 "Из многих единственное" — девиз по-латыни на гербе США — Прим. переводчика.

2 Способ доказательства от противного путем приведения к нелепому выводу. — Прим. переводчика.

чем вы — мы в этом несколько не сомневаемся — крайне нуждаетесь. В самом деле. Крайне нуждаетесь.

— Вот как?

“Они в точности такие же, как и те два первака, — возликовал в душе Хебстер. — Они понятия не имеют, что ценно, а что — нет. Скорее всего, этого не ведают и их повелители. Что ж, коль это действительно так — кто же станет заниматься бизнесом с пришельцами?”

— У вас есть... — Лузитания принялась тщательно наизыывать одно слово за другим в трогательной попытке достичь театрального эффекта, — ... новый оттенок красного цвета, а также полный набор тех цветовых эстетических ценностей, источником которых является этот единственный оттенок красного цвета, мистер Хебстер. Подумать только, как может пригодиться художникам-абстракционистам подобное многообразие цветовой гаммы...

— Не уговаривайте меня, леди. Тесей, теперь вам, как мне кажется, захотелось попытать счастья?

Тесей все это время хмуро разглядывал участок ковра под письменным столом Хебстера. И в конце концов откинулся назад, словно удовлетворенный увиденным. А Хебстер как раз в это самое мгновение почувствовал, что исчезающая противодействующая сила пружины под его правой ступней. Каким-то образом Тесею удалось доведаться о существовании вмонтированного в пол потайного подпружиненного рычага особого аварийного выключателя — и он непонятно как, удалил его.

Он изъездил его, не вызвав соответствующего срабатывания аварийной сигнализации, в цепь которой был включен контакт этого выключателя!

Из глоток перваков исторглись самодовольные смешки и тарабарская скороговорка. Теперь они все знали о том, что проделал Тесей и каким образом Хебстер пытался обезопасить себя. Тем не менее, они не были разгневаны — и даже не очень-то ликовали.

Попробуй-ка повянуть поведение перваков!

Впрочем, особенно сокрушаться по этому поводу не стоило: ценой, которую приходилось платить за налаживание взаимоотношений с подобными типами, были лишь неприятные ощущения в желудке, но зато, наградой...

Внезапно его посетители снова обрели деловой вид.

Тесей на едином дыхании выпалил свое предложение с категоричностью базарного торгаша, всем видом старающегося показать, что дальше отступать ему совершенно уже некуда, и что это в самом деле последнее слово.

— Анализ распределения населения по различным группам показывает, что...

— Не утруждайтесь, Тесей, — кротко остановил его Хебстер.

И пока он упивался собственной неговорчивостью, на какое-то время даже позабыв об исчезнувшем рычаге, его гости вновь затараторили, лихорадочно перебивая друг друга:

— Портативный нейтронный стабилизатор для высотных...

— Более пятидесяти способов сказать "однако" без того...

— ...так, что каждая домохозяйка сумеет выполнить антраша...

— Всеобъемлющее и окончательное опровержение теорий всех пирамидологов, начиная с...

— Синтетический материал с фактурой шелка, производимый из...

— Декоративный орнамент для лысых голов с использованием стручков в качестве...

— Ладно! — взревел Хебстер. — Ладно! Этого достаточно.

Грета Зайденхейм, самозабвенно трудившаяся все это время, вздохнула с облегчением. Ее стенографическая машина визжала, как центрифуга.

— А теперь, — произнес Хебстер, — что вы желаете взамен?

— Значит, вас заинтересовало хоть что-то из того, что мы предложили, верно? — пробормотал Ларри. — Что именно — опровержение пирамидологии как науки? Бьюсь об заклад, как раз это!

1 Прыжок в балетных танцах, при котором танцующий ударяет несколько раз ногой об ногу. — Прим. переводчика.

Лузитания презрительно всплеснула руками.

— У тебя в голове пусто, как под митрой епископа, болван! Новый оттенок красного цвета — вот что привело его в восхищение. Новые возможности, которые открываются при этом...

Из динамика внутреннего переговорного устройства раздался голос Рут.

— Мистер Хебстер, Йост и Фунатти снова здесь. Я задержала их, но только что вахтер доложил: они опять вошли в вестибюль и намерены отправиться наверх. В нашем распоряжении две минуты, может быть, три. Они настолько разъярены, что сами стали похожи на перваков!

— Спасибо. Как только они выберутся из лифта, постарайтесь их как можно дольше промурыжить, но не слишком выходя за рамки закона. — Он повернулся к гостям. — Послушайте...

Они снова переполошились.

— Гга-гга-хрю-хрю-хрю? Гга-хрю-гга-га! Гга-хрю-гга-хрю-гга-хрю-хрю.

Неужели они в самом деле улавливают какой-то смысл в этом сопеньи и фыркании, перемежаемом прочисткой глотки? Неужели этот язык действительно превосходит все остальные языки? Что ж, по крайней мере, им удалось наладить общение с пришельцами с помощью такого языка. А пришельцы... пришельцы...

Тут он вспомнил о двух разъяренных представителях мирового государства, стремившихся во что бы то ни стало проникнуть в его кабинет.

— Послушайте, друзья. Вы явились сюда для того, чтобы торговать. Вы показали мне свой товар, и я увидел кое-что такое, что мне хотелось бы приобрести. Нечто фактически нематериального свойства. Теперь единственный вопрос — что вы хотите за это? И давайте-ка, решайте по-быстрому. Меня ждет куча других не менее срочных дел.

Женщина с кошмаром во рту топнула ногой. Под самым потолком сформировалось облачко величиной не более мужской ладони, взорвалось и пролилось ведром воды на изготовленный по особому заказу великолепный ковер, украшавший кабинет Хебстера.

Хебстер провел на маникюрным указательным пальцем между воротом рубашки и шеей, чтобы чего доброго не лопнули вздувшиеся на шее вены. Не самое сейчас для этого подходящее время! Затем глянул на Грету и обрел прежнюю уверенность, увидев, с каким безмятежным спокойствием она ожидала продолжения разговора, который ей надлежало записывать. Вот подлинный образец деловитости. Перваки вполне могли отколоть то, что один из них проделал два года назад в Лондоне, как раз перед тем, как им строго-настрого запретили появляться в окрестностях мировых столиц — увеличить комнатную муху до размеров слона, — но Грета Зайденхейм все равно будет как ни в чем ни бывало фиксировать разрозненные фрагменты их речи в виде подлежащих последующей расшифровке стенографических символов.

Интересно, почему, обладая подобным могуществом, они просто не забирают все то, что им захочется? Зачем тащиться в отстоящие за многие тысячи миль от места их обитания города, с трудом добиваться запрещенных законом встреч с такими продувными дельцами, как Хебстер, несмотря на то, что большинство подобных паломников перехватывалось по дороге особыми полицейскими отрядами и водворялось назад, в отведенную для них резервацию, а те, кому удавалось преодолеть на своем пути все препоны, становились жертвами самого бесовестного обмана со стороны "честных и порядочных людей", с которыми они встречались? Почему не проложить себе дорогу силой и не удовлетворить по праву завоевателя свои загадочные потребности и не махнуть с добычей — прямиком к своим повелителям? А коль уж зашла об этом речь, то почему их хозяева — перваки-то есть перваки, с них взятки гладки — сами продолжают занимать какую-то отстраненную позицию в отношении Земли и ее обитателей, ничего по сути не делая ни для блага планеты, ни во вред ей?

— Мы скажем, что мы хотим, — начал Ларри, неожиданно перестав гоготать по-гусиному, и, подняв руку, на пальцах которой длина ногтей была визуально обозначена грязью под ними, стал перечислять требующиеся первакам предметы, загибая при этом один за другим пальцы после упоминания о каждом из них.

— Во-первых, сто экземпляров “Моби Дика” Мелвилла в бумажных обложках. Затем — двадцать пять детекторных приемников с наушниками, по два наушника к каждому из приемников. Затем — пару “Эмпайр стэйт билдингов” или три “Радио-сити” — выбор оставляем на ваше усмотрение: какой вариант кажется проще в реализации. Заранее предупреждаем: здания нам нужны только с неповрежденными фундаментами. Приличную копию статуи Праксителя “Гермес”. И электрический тостер выпуска начала сороковых годов. Вот, пожалуй, и все. Верно, Тесей?

Тесей согнулся в три погибели так, что нос его покоился на коленях.

Хебстер застонал. Перечень был не столь страшен, как можно было ожидать; обычно хозяева перваков, кроме электробытовых приборов, стремились заполучить большие художественные ценности землян, а у него сейчас было слишком мало времени, чтобы торговаться. Но два “Эмпайр стэйт билдинга”!

— Мистер Хебстер, — вновь раздался взволнованный щебет секретарши по интеркому, — эти следователи... Мне удалось собрать толпу в коридоре, которая двинулась к лифтовой, чтобы не выпустить их из кабины, когда они поднимутся на наш этаж... и я заперла... Я хочу сказать, что пытаюсь... но не думаю... Не могли бы вы сами...

— Умничка! Ты все делаешь как надо!

— Это все, что мы хотим, Тесей? — снова заговорил Ларри. — Г-га — Г-га?

Хебстер услышал грохот в приемной и топот бегущих по паркету людей.

— Послушайте, мистер Хебстер, — произнес после некоторого раздумья Тесей, — если вы не хотите купить предлагаемый Ларри детектор “Редукцию ад абсурдум” и вам не нравится мой метод украшения лысых голов, несмотря на всю внутренне присущую ему эстетичность, то подумайте о такой системе нотной записи, с помощью которой...

Кто-то дернул дверь в кабинет Хебстера, но она была заперта. Раздался стук в дверь и незамедлительно повторился, но уже куда более настойчивый.

— Он уже нашел что-то, что ему нужно, — раздраженно выпалила Лузитания. — Да, Ларри, это был полный перечень.

Хебстер раздраженно поморщился.

— Ладно! Слушайте меня внимательно: я могу дать вам все, что вы просите, кроме двух “Эмпайр стэйт билдингов” и трех “Радио-сити”.

— ИЛИ трех “Радио-сити”, — поправил Ларри. — Не пытайтесь нас провести. Два “Эмпайр стэйт билдинга” ИЛИ три “Радио-сити” — по-вашему собственному усмотрению. Неужели для вас это не имеет значения?

— Откройте дверь! — раздался в приемной рев разъяренного быка. — Я требую — именем Объединенного Человечества!

— Мисс Зайденкейм, откройте дверь, — громко крикнул Хебстер и подмигнул секретарше, которая неторопливо поднялась, потянулась и в глубокой задумчивости направилась к запертой двери.

Послышался яростный удар в дверную филенку — ясно было, что двое дюжих следователей решили не жалеть своих плеч и, навалившись всем весом, выбить дверь. Хебстер ничуть не сомневался в том, что двери в его кабинет способны выдержать напор средних размеров танка. Но вместе с тем прекрасно понимал, что дальнейшее промедление грозит ему немалыми неприятностями: Особая Следственная Комиссия не позволит долго водить себя за нос. С ней шутки плохи. Эти ребята знают и находящихся на их попечении перваков, и тех дельцов, которые водятся с перваками. Объединенное Человечество наделило членов комиссии полномочиями сначала стрелять, а уж потом задавать вопросы — если таковые вообще придут им в голову.

— Поймите, вопрос совсем не в том, что я больше не желаю тратить свое драгоценное время на бесплодные переговоры с вами, — скороговоркой выпалил Хебстер, выпроваживая перваков к запасному выходу, расположенному позади его письменного стола. — По причинам, которые едва ли представляют какой-либо интерес для вас, я просто не могу передать вам два “Эмпайр стэйт билдинга” и три “Радио-сити” с неповрежденными фундаментами — во всяком случае пока что. Я удовлетворяю на все сто процентов оставшуюся часть вашей заявки и...

— Откройте эту дверь или мы взорвем ее!

— Пожалуйста, джентльмены, пожалуйста, — сладким голосом ублажала разбушевавшихся оперативных уполномоченных Объединенного Человечества Грета Зайденгейм. — Неужели вам так хочется погубить бедную девушку только за то, что ей выпало несчастье быть служащей этой злополучной компании? Видит Бог, я так стараюсь побыстрее впустить вас сюда, да вот заклинил замок.

Она несколько раз лихорадочно дернула дверную ручку, все это время продолжая глядеть с некоторой тревогой ясными, едва ли не святыми глазами на Хебстера. Он же, как ни в чем не бывало, продолжал торг.

— И чтобы заменить эти пункты, — произнес Хебстер, — я...

— Я вот что имею в виду, — перебил его Тесей. — Вам известна та единственная серьезнейшая трудность, с которой приходится сталкиваться композиторам, пользующимся двенадцатитональной гаммой?

— Я могу предложить вам, — упрямо гнул свою линию президент компании, с лица которого пот уже лился бурными потоками, как ручьи в весеннее половодье, — полный комплект архитектурных чертежей “Эмпайр стэйт билдинга” и “Радио-сити” плюс пять... нет, я сделаю даже десять... уменьшенных копий каждого из этих самых высоких небоскребов Нью-Йорка. Вот так. Соглашайтесь — да побыстрее. Не то разойдемся с пустыми руками.

Перваки переглянулись — в это время Хебстер распахнул перед ними дверь запасного выхода и дал знак расступиться пяти охранникам в фирменных мундирах, охранявшим вход в персональный лифт Хебстера.

— Заметано! — дружным хором воскликнули перваки.

— Вот и прекрасно! — почти взвизгнул Хебстер, после чего сразу же вытолкнул гостей в дверь и велел самому высокорослому из охранников: — На девятнадцатый этаж!

Он успел захлопнуть дверь как раз в то мгновение, когда мисс Зайденгейм наконец-то открыла дверь, выходящую в приемную. В кабинет буквально ввалились Йост и Фунатти, оба в бутылочно-зеленых мундирах ОЧ. Без ма-

лейшего промедления они ринулись к тому месту, где стоял Хебстер, и вышибли дверь запасного выхода. Но успели лишь услышать лязг опускающейся кабины лифта.

* * *

Невысокий смуглый Фунатти припояхался.

— Перваки, — пробормотал он. — Все ясно, он принимал здесь перваков. Чувствуешь запах давно немытых тел, Йост?

— Еще бы! — отозвался его более крупных размеров спутник. — Давай поторопимся. На лестницу черного хода. Мы сможем проследить по световому табло, куда направляется этот лифт!

Спрятав служебное оружие, они бесцеремонно застучали каблуками по обитым металлом ступенькам запасной лестницы. Тем временем, кабина лифта остановилась где-то внизу.

Секретарша Хебстера бросилась к интеркому.

— Обслуга! — Она сделала паузу. — Обслуга, заблокируйте электромагниты замков входных дверей девятнадцатого этажа, пока группа людей, отправленная туда только что мистером Хебстером, не окажется внутри какой-нибудь из лабораторий. И не переставайте рассылаться в извинениях перед фараонами, пока эта группа будет туда добираться. Не забывайте: они оба из ОСК.

— Спасибо, Грета, — произнес Хебстер, переходя на неофициальный тон, как только они остались одни. Он плюхнулся в кресло за письменным столом и принялся усиленно отдуваться. — Наверное, существуют все же более легкие способы заработать лишний миллион.

Мисс Зайденкейм взметнула брови — верх достижений современной косметологии.

— Или стать абсолютным монархом внутри избранного всем человечеством парламента.

— Если у людей хватит терпения подождать еще совсем немного, — ленивым тоном, как о само собой разумеющемся, поведал ей Хебстер, — то я стану и Объединенным Человечеством, и современным всемирным правительством, и всем остальным вместе взятым. Еще год-другой. и так оно и будет.

— А вы не забыли о некоем Вандермеере Демпси? Его горюхаваты тоже хотят занять место ОЧ. Не говоря уже об их впечатляющих планах в отношении вас. А их так много, просто ужасающе много!

— Они меня не тревожат, Грета. От “Человечества превыше всего” даже духу не останется за один вечер, стоит только околотить этому одряхлевшему демагогу старой закладки. — Он ткнул пальцем в клавишу интеркома. — Обслуга! Обслуга, группа, которую я переправил вниз, уже в безопасности?

— Пока еще нет, мистер Хебстер. Но все идет как намечено. Мы загнали кабину с группой на двадцать четвертый этаж и заставили фараонов пешком топтать вверх по черной лестнице. О, мистер Хебстер, ох уж эта Особая Следственная Комиссия! Мы беспрекословно выполняем все ваши указания и все такое, но никто из нас не хочет нарваться на неприятности, а их не оберешься, если ОСК серьезно за нас возьмется. Согласно недавно принятому закону, противодействие ей рассматривается как тяжелейшее преступление и карается примерно так же, как умышленное убийство.

— Не беспокойтесь. Еще никогда Хебстер не давал в обиду никого из своих служащих. “Босс все уладит!” — вот здешний девиз. Позвоните мне, как только надежно упрячете перваков и будете готовы отвечать на вопросы фараонов.

Он снова повернулся к Грете.

— До своего ухода обязательно отпечатай расшифровку и передай ее лично в руки профессору Клейнбохеру. Он считает, что ему, может быть, еще удастся разобраться каким-то образом в этом гоготе и хрюканье.

Мисс Зайденгейм понимающе кивнула.

— Жаль, что вы не пользуетесь современной звукозаписывающей аппаратурой вместо того, чтобы заставлять меня корпеть над этой допотопной тарактелкой.

— Я тоже очень сожалею. Но этих перваков хлебом не корми, только дай им возможность мысленно поковыряться в аппаратуре, чтобы заколдовать ее — если, конечно, она не предназначена для передачи пришельцам. У меня здесь была уйма всякой аппаратуры, пока вся она не поломалась во время моих бесед с перваками. Вот тогда-то я и решил,

что единственное решение проблемы — это выполненная человеческими руками стенограмма. Хотя не исключено, что и стенограммы когда-нибудь кто-либо из перваков испаскудит.

— Весьма вдохновляющая мысль. Я должна хорошенько ею проникнуться, чтобы помечтать о такой возможности как-нибудь в одиночестве холодным вечером. Однако пока мне не на что жаловаться, — пробормотала она, проходя в свою собственную комнатушку. — Как раз колдовство перваков и позволяет мне настолько хорошо зарабатывать, что я могу не отказывать себе в приобретении всяких ярко сверкающих штуковин, которые мне так нравятся. Именно колдовство перваков и создало весь этот бизнес.

* * *

Но это было не совсем так, напомнил себе Хебстер, сидя в ожидании сообщения по интеркому о благополучном прибытии своих недавних гостей в одну из недоступных для фараонов лабораторий. Примерно девяносто пять процентов активов “Хебстер секьюрити” своим происхождением имели различные технические новинки, которые удалось выторговать у перваков при заключении самых различных и, как правило, совершенно невообразимых сделок, но фундаментом всего этого благополучия служил небольшой инвестиционный банк, унаследованный Хебстером от отца еще в дни Полувойны — в те дни, когда пришельцы впервые объявились на Земле.

Ужасающая мощь интеллекта крошечных точек, вихрем кружащихся внутри разноцветных сосудов самых причудливых форм размерами не больше бутылки, оказалась совершенно недоступной убогому мышлению людей. В течение некоторого времени даже речи не могло быть о каком-либо общении с ними.

Один юморист тогда заметил, что пришельцы явились на Землю вовсе не для того, чтобы похоронить человечество, завоевать или поработить его. Их миссия куда более смертельно опасна — не обращать на него никакого внимания!

Никто ни тогда, ни даже сейчас не имел ни малейшего понятия, из какого сектора Галактики явились пришельцы.

И с какой целью. Никто не знал и общей численности прибывших на Землю инопланетян. Совершенно неясен был принцип действия их нараспашку открытых и абсолютно беззвучных космических кораблей. То немногое, что удалось обнаружить в редких случаях, когда пришельцы снисходили до того, чтобы спуститься с высот своего положения и взглянуть на некоторые стороны человеческой деятельности с безразличной рассеянностью отменно воспитанных туристов, послужило лишь подтверждением такого их технологического превосходства над человеком, которое намного превышало возможности его воображения, как бы лихорадочно он его ни напрягал. В одном из социологических трактатов, недавно прочитанных Хебстером, высказывалось предположение о том, что представления, которыми руководствуются пришельцы, настолько же опередили современную науку, насколько метеоролог, засевающий сухим льдом пораженную засухой местность, опережает первобытного земледельца, трубившего в обращенный к небу рог в отчаянных попытках разбудить вздремнувших богов дождя.

В результате длительных наблюдений было, например, обнаружено, что "точки в бутылках" в своем развитии, похоже, уже вступили в такую стадию, на которой отпала необходимость в изготовлении какого-либо рода орудий. Они умели, воздействуя непосредственно на материал, придавать ему такую форму и свойства, какие были в каждом конкретном случае необходимы. И даже научились, по всей вероятности, создавать или уничтожать материю, когда им только заблагорассудится.

Некоторые из людей вступили с ними в общение...

И перестали быть людьми.

К наполненным каким-то непонятным стрекотом и непрерывно мерцающим светом поселениям, организованным пришельцами, стали наведываться самые блестящие умы Земли. Немногие возвращались оттуда с рассказами о смутно воспринимаемых чудесах, повидать которые по-настоящему им так и не довелось. Из их описаний можно было сделать однозначный вывод о том, что в самые критические моменты им либо отказывали глаза, либо их мысли путались как раз тогда, когда они начинали хоть что-то понимать.

Другим — таким знаменитостям, например, как Президенту Земли, одному из трижды лауреатов Нобелевской премии, нескольким известнейшим поэтам, — каким-то образом, по всей вероятности, все-таки удавалось преодолеть возведенный пришельцами барьер вокруг своих поселений. Однако никому из них не суждено было вернуться к людям. Они так и остались в поселениях пришельцев, разбросанных по всему земному шару в наиболее труднодоступных местах — в пустыне Гоби, в Сахаре, на североамериканском юго-западе.

Едва ли способные самостоятельно прокормить себя, несмотря на все новообретенные и почти невероятные способности, они с благоговейным трепетом униженно уживались вокруг пришельцев, говоря, по всей очевидности, на некоем человеческом суррогате языка своих повелителей — болезненно морща носы и едва ли не выворачивая наизнанку гортань. Разговаривать с пришельцами, как кто-то остроумно подметил, — это все равно, что слепому пытаться прочесть текст, написанный азбукой Брайля, первоначально предназначенный для осыминога.

И то, что эти обросшие, запыленные, провонявшиеся азгом, эти жалко лепечущие, потерявшие человеческий облик отщепенцы, отупевшие, словно от злоупотребления алкоголем, от соприкосновения с логикой и образом мышления абсолютно чуждой нам разновидности разумных существ, были когда-то сливками интеллектуальной элиты человечества, ничуть не тешило самолюбие остальных его представителей.

Люди и перваки относились с презрением друг к другу с самого начала. Люди презирали перваков за их раболепие перед пришельцами и беспомощность в обустройстве своей жизни, перваки людей — за невежество и неспособность к восприятию новых понятий с точки зрения пришельцев. И поэтому, за исключением тех случаев, когда перваки, следуя указаниям пришельцев, устанавливали контакты с такими по сути подпольными дельцами, как Хебстер, они общались с людьми ничуть не чаще, чем их повелители.

Когда их помещали в больницы или иные лечебные заведения, они или доводили себя до преждевременной смерти своим непрерывным гоготом-хрюканьем, или, внезапно

потеряв терпение, прокладывали путь к свободе прямо сквозь стены психиатрических клиник, несмотря на отчаянное противодействие со стороны санитаров, которые им попадались на пути. После этого энтузиазм шерифов и судебных исполнителей, санитаров и медсестер заметно поубавился, а принудительное заточение перваков в богоугодные заведения повсеместно практически прекратилось.

Поскольку эти две ветви человечества стали настолько психологически несовместимы друг с другом, что исключалась всякая возможность браков между ними и — соответственно — появления потомства, то для чудотворцев в локомотях выделили особую нишу в классификации живых существ и учредили название "гомо прим". Что означало, что они ничуть не лучше других людей, хотя и несколько не намекало на то, что они хуже. Они были просто совсем другими существами, и притом довольно опасными.

"Что побуждало их вести себя именно так, а не иначе? — задумался Хебстер, отъездив чуть назад в своем кресле и осматривая дыру, образовавшуюся в полу после удаления из нее контактной пружины аварийной сигнализации. — Тесей изъезил ее — но КАК? Одним лишь усилием мысли? С помощью телекинеза? Интересно, он разрушил пружину на молекулярном уровне или переместил ее в какое-то иное место? Куда? В космос? В гиперпространство? В другое время? — Хебстер сокрушенно покачал головой и, ухватившись пальцами за столешницу, потянул себя к идеально гладкой и отвлескающей от всяких нездоровых мыслей поверхности письменного стола.

* * *

— Мистер Хебстер? — раздалось вдруг из динамика интеркома, и он от неожиданности даже слегка подскочил. — Это Маргритт из широкопрофильной лаборатории двадцать три-"Б". Только что прибыли ваши перваки. Обычная проверка?

Под обычной проверкой подразумевалось выколачивание из перваков самых разнообразных технических знаний в любой сфере, какая только может прийти в голову девяти специалистам широкого профиля, работавшим в этой лаборатории. Подобная проверка заключалась прежде всего

в перекрестном допросе со скоростью, принятой в подлинейских следственных органах, с целью вывести посетителей из равновесия, и удержании их в состоянии полного душевного смятения в надежде, что подобным образом из них удастся капля за каплей выдавить кое-какие научные или технические знания.

— Да, — ответил Хебстер. — Обычная проверка. Но сначала предоставьте возможность кому-нибудь из текстильщиков хорошенько потрусить их. А затем пусть он возьмет на себя руководство всем процессом проверки.

Маргритт ответил далеко не сразу.

— Единственный текстильщик в этой секции здания — Чарли Верус.

— Ну и что из этого? — несколько раздраженно острелся Хебстер. — Для чего это понадобилось подчеркивать? Надеюсь, он вполне компетентен в своей области. Что говорят о нем кадровики?

— Кадровики говорят, что он специалист, знающий свое дело.

— Значит, вам нечего беспокоиться. Послушайте, Маргритт, по коридорам моего здания все еще рыщут двое из ОСК с налитыми кровью глазами. У меня нет времени особенно раздумывать над вашими внутренними склоками. Подайте-ка сюда Веруса. Его, его самого.

Хебстер покачал головой и самодовольно хохотнул. Ох уж эти технари! Верус, по всей вероятности, шалопай, но большая умница.

В динамике интеркома снова раздался щелчок.

— Мистер Хебстер? Мистер Верус.

Голос выражал такую заседавшую Веруса скуку, что звучал даже как-то искусственно. Однако специалист, которому принадлежал этот голос, был определенно толковым. Компания "Хебстер секьюрити инкорпорейтед" располагала первоклассным отделом кадров.

— Верус? Речь идет о перваках в вашей лаборатории. Я хочу, чтобы вы руководили процессом проверки. Один из них знает способ получения синтетического материала со всеми свойствами натурального шелка. Вот этим-то и займитесь в первую очередь и только после этого перейдите ко всему остальному, что у них там есть.

— Ох уж дались вам эти перваки, мистер Хебстер!

— Вот именно — перваки, мистер Верус. Извольте не забывать о том, что вы специалист в области текстильного производства. Так что поднапрягитесь как следует. Отчет об этом синтетическом материале должен лежать у меня на столе к завтрашнему утру. Если понадобится — работайте всю ночь напролет.

— Прежде чем мы приступим к проверке, мистер Хебстер, вас, возможно, заинтересует одна небольшая справочка. УЖЕ существует такой синтетический материал, который, например, неспадает еще более изящными складками, чем шелк, или материалы...

— Я знаю об этом, — коротко ответил вышший администратор компании. — Капрон, нейлон и все такое прочее. К сожалению, всем этим материалам свойственны определенные недостатки: низкая температура плавления, неприятный треск, обусловленный электростатическими наводками, необходимость использования для их обработки ядовитых красителей, плохая сопротивляемость химически активным веществам. Или я не прав?

Ответа он не услышал, однако каким-то шестым чувством уловил изумление, испытываемое сейчас его собеседником, и посему, не снижая напора, продолжал:

— Есть у нас также и протеиновые волокна. Они хорошо красятся, не мнутся, образуют красивые складки, имеют нарядный вид и обеспечивают надлежащие тепло- и влагообмен, однако, не обладают присущей синтетическим волокнам растяжимостью. Большой интерес представляет создание волокнистых материалов из синтетических протеинов: они могут так же хорошо собираться в складки, как шелк, при окрашивании их можно будет применять те химически активные красители, которыми мы пользуемся при окраске шелка и которые позволяют получить изумительную цветовую гамму, от которой падают в обморок покупательницы и которая заставляет их как следует раскошеливаться. Но и здесь существует множество всяких “но”. А вот раз один из перваков брякнул что-то о синтетическом материале с фактурой шелка, я не думаю, что он настолько идиот, чтобы иметь в виду ацетатный шелк. Как и капрон, нейлон, дакрон, полиэстер и что-нибудь еще, чем мы уже располагаем и что широко используем.

— Вы прекрасно разбираетесь в тонкостях текстильного производства, мистер Хебстер.

— Еще бы. Я самым внимательнейшим образом слежу за всем, что хоть чуть-чуть пахнет огромными деньгами. А вам предлагаю получить разобораться с этими перваками. Несколько миллионов женщин, затаив дыхание, ждут не дождутся раскрытия тех тайн, что спрятаны в неопрятных головах этих бродяг. Как по-вашему, Верус, тех специалистов, что я предоставляю в ваше распоряжение, и изложенных мною научных предпосылок достаточно для того, чтоб вы, набравшись духу, выполнили ту работу, за которую вам платят?

— Гм. Пожалуй, достаточно.

* * *

Хебстер прошел к встроенному в стену шкафу, надел шляпу и пальто. Ему нравилась работа в особо напряженной обстановке. Нравилось смотреть на то, как чуть ли не до потолка подпрыгивают его подчиненные, когда он на них рывкает. А вот сейчас он с особым удовольствием думал о возможности немного расслабиться.

Проходя мимо кресла, в котором сидел Ларри, он сделал кислую мину. Пожалуй, не стоит производить его дезинфекцию. Уж лучше сжечь и заменить новым.

— Я буду в университете, — сказал он, выходя в приемную, где сидела Рут. — Со мною вы сможете связаться, позвонив профессору Клейнбохеру. Но только в случае самой крайней необходимости. Его страшно раздражает, когда по пустякам отвлекают от работы.

Рут понимающе кивнула. Затем все-таки набралась смелости и робко произнесла:

— Знаете, что сказали эти два мужлана — Йост и Фунатти — из Особой Следственной Комиссии? Они сказали, что категорически запрещено кому-либо покидать это здание.

— Они опять за свое? — усмехнулся Хебстер. — Я понимаю их состояние. Они и раньше не раз впадали в точно такое же бешенство. Но воли рукам не давали, понимая, что им никак не удастся пришить мне что-нибудь по-настоящему серьезное. Вот и сейчас они, можно смело ска-

зять, остались с носом. Здесь что-то не так... Так вот, Рут, скажите моим телохранителям, чтобы они отпирывались домой — за исключением того, который остается с перваками. Пусть он докладывает мне, как дела, каждые два часа, где бы я ни находился.

С этими словами он зашагал деловой походкой к выходу, ни на мигovenье не забывая при этом благожелательно улыбнуться каждому третьему служащему и каждой пятой машинистке в просторном офисе, куда выходили двери приемной. Персональный лифт и отдельный выход были как нельзя более кстати в критических ситуациях, в которых те и дело приходилось влипать, хотя обычно Хебстеру нравилось смаковать свои достижения в открытую, в присутствии как можно большего количества зрителей.

Он заранее предвкушал то немалое удовольствие, которое доставит ему очередная встреча с Клейнбохером. Лингвистический подход к проблеме пришельцев казался ему наиболее перспективным — именно на него он возлагал надежды.

Выделяемые его корпорацией ассигнования втрое расширили филологический факультет университета. Ведь как-никак, но именно проблема общения больше всего затрудняла налаживание нормальных взаимоотношений не только между людьми и пришельцами, но даже и между людьми и перваками. Любой попытке постичь их науку, приспособить их образ мышления и логику к более примитивному человеческому разумению должно предшествовать понимание.

А найти пути к достижению этого самого понимания и предстояло Клейнбохеру, а не ему. «Я, Хебстер, — рассуждал он, — нанимаю людей для решения задач, которые им ставлю. А затем извлекаю из этого деньги».

Кто-то заступил ему путь. Еще кто-то взял его под локоть.

— Я Хебстер, — машинально повторил он, но теперь уже вслух. — Эдджернон Хебстер.

— Как раз Хебстер нам и нужен, — сказал Фунатти, крепко держа его за руку. — Надеюсь, не возражаете прогуляться с нами?

— Это что — арест? — осведомился Хебстер у здоровяка Йоста, который сделал шаг в сторону, пропуская его вперед.

Кончики пальцев Йоста выразительно поглаживали кобуру с пистолетом. Озковец пожал плечами.

— Какой смысл задавать такие вопросы? — буркнул он Хебстеру. — Идите вместе с нами и постарайтесь вести себя не очень-то агрессивно. Народ хочет поговорить с вами.

Хебстер позволял, чтобы его едва ли не выволокли к выходу через весь вестибюль, украшенный росписью модернистов и дружелюбным кивком выразил признательность швейцару, который, даже не удостоив взглядом его похитителей, с воодушевлением произнес:

“Добрый день, мистер Хебстер!”. Затем он поудобнее расположился на заднем сиденье темно-зеленого автомобиля ОСК последней модели “Хебстер моноунит”.

— Как-то странно вас видеть без сопровождения телохранителей, — бросил через плечо Йост, занявший место за рулем.

— О, я предоставил им отгул.

— Как только вам удалось поладить с перваками? Мда, мы так и не смогли выяснить, где вы их прячете, — признался Фунатти. — Слишком уж огромные хоромы вы себе отгрохали, мистер. А Особая Следственная Комиссия ОЧ давно уже печально знаменита своей неукомплектованностью.

— Не забывайте, Фунатти, что не менее печально она знаменита и мизернейшей оплатой ее сотрудников.

— Я бы не смог об этом забыть, сколько бы ни старался, — заверил коллегу Фунатти. — Знаете что, мистер Хебстер, я бы на вашем месте и шагу бы не делал без сопровождения охраны. Вам сейчас грозит гораздо более серьезная опасность, чем перваки. Я имею в виду горлопанов из “Человечества превыше всего”.

— Выкормышей Вандермеера Демпси? Благодарю покорно, но я как-нибудь проживу и без вашей помощи.

— Так-то оно так, только никогда не зарекайтесь в отношении отдаленного будущего. Это движение набирает все большую силу и становится не в меру агрессивным. Взгляните-ка, каким чудовищным стал тираж одного только “Вечернего гуманиста”. А если к этому присовокупить еженедельники, грошовые брошюры и разбрасываемые повсюду листовки, то можно заметить, что общий объем про-

паганды выглядит весьма внушительно. День за днем их передовицы мечут громы и молнии на головы тех, кто делает деньги на припелках и перваках. Главной целью их, естественно, является как всегда ОЧ, но если вы повстречаетесь с обычным чепэвистом где-нибудь в темном переулке, то считайте, что вам здорово повезло, если он не перережет вам глотку. Вас это не очень-то интересует? Что ж, может быть, вам в таком случае понравится вот это. "Вечерний гуманист" придумал для вас очень остроумную кличку.

Йост раскохотался.

— Скажи ему, Фунатти.

— Вас прозвали, — Фунатти явно растягивал удовольствие, смакуя то, что собрался провезнести вслух, — вас прозвали "межпланетным сутенером"!

* * *

Вынырнув наконец из пересекающего весь город подземного туннеля, машина ОСК помчалась по незадолго до этого построенному истсайдскому высотному многополосному путепроводу — в народе прозванному "заходом пикировщика", — целью его создания было хоть немного ослабить хватку уличного транспорта, фактически удушавшую центральную часть Нью-Йорка. Не доезжая до сорок второй стрит, являвшейся главными въездными воротами Манхеттена и особенно запруженной транспортом, Йост зазевался и не успел своевременно подать знак несущимся справа машинам о своем намерении выехать на полосу, ведущую к спиральному выезду на Сорок Вторую. Он рассеянно чертыхнулся, а Хебстер неожиданно для самого себя обнаружил, что выразил кивком головы свое согласие с недовольством водителя и притом в той непринужденной манере, которая скорее бы приличествовала пассажиру, а не конвоируемому для дачи показаний в следственной комиссии бизнесмену, подозреваемому в противозаконной деятельности.

Теперь свернуть в центральную часть Манхеттена можно было только из левых рядов, это означало, что придется добрых минут пять, а то и десять, проторчать в пробке у светофора, разрешающего прохождение транспорта со сто-

роны павани, среди сотни других машин, чьи водители еще не освоились с ездой по совсем недавно введенной в эксплуатацию скоростной магистрали и соответствующими выездами из нее.

— Глядите-ка! Вон туда, вверх! Видите?

Хебстер и Фунатти устремили взоры в направлении вытянутого, слегка подрагивавшего указательного пальца Йоста. В метрах шестидесяти к северу от пересечения путепровода с сорок второй стрит на высоте почти в четверть мили завис коричневого цвета предмет. Впечатление было такое, будто он, как зачарованный, наблюдает за создавшейся на перекрестке суматохой. Через регулярные промежутки времени ярко сверкавшая голубая точка оживляла угрюмый сумрак, заключенный внутри этого похожего на пузатую бутылку предмета, и тут же сдвигалась в сторону, а на ее месте вскоре появлялась другая.

— Глаза? Вот вы что думаете на сей счет — это на самом деле глаза? — спросил у Хебстера Фунатти. — Я знаю, что говорят ученые: что каждая точка является эквивалентом одной особи, а вся бутылка — нечто вроде отдельного клана или даже, может быть, города. Только вот откуда им это известно? Это все гипотезы, предположения. А вот я так уверен, что это глаза.

Йост, изогнувшись всем своим достаточно громоздким туловищем, наполовину высунулся из открытого окна и прикрыл глаза от солнца, сдвинув чуть ли не к самой переносице козырек форменной фуражки.

— Вы только поглядите на них! — слышали сидевшие на заднем сиденье Фунатти и Хебстер брошенные им через плечо слова. Гнусавое произношение человека, вышедшего из самых низов, так до конца и не искорененное за многие годы тщательного самоконтроля, а только загнанное в глубь естества, вдруг снова дало о себе знать в его голосе — избурившиеся в нем эмоции прорвали искусственно созданную плотину. — Расположились себе там и смотрят. Их прямо-таки чертовски интересует, как это нам удастся забираться на это сплошь забитое машинами шоссе, а затем выбираться из создавшихся на нем пробок! И при этом не обращают на нас никакого внимания, когда мы пытаемся заговорить с ними, когда пытаемся выяснить, что им надобно, откуда они сюда явились, что из себя представ-

ляют. Э, нет! Они слишком горды, чтобы снизойти к общению с такими, как мы! Но зато наблюдают за нами дено и ночно, зимою и летом, час за часом, минута за минутой. Они могут без усталости наблюдать за всем, чем только мы ни занимаемся. И всякий раз, когда мы, тупые двуногие животные, пытаемся сделать что-то стоящее и сталкиваемся при этом с какими-нибудь вполне естественными трудностями — они уже тут как тут. Появляются эти "точки в бутылке", чтобы подглядывать — что это там у этих безмозглых червяков не получается — и посмеиваться над нами. А бывает и так, что и...

— Эй, приятель! — Фунатти наклонился вперед и потянул коллегу за полу фирменного френча. — Полетче! Мы из ОСК, при исполнении служебных обязанностей.

— Не все ли равно! — тоскливо огрызнулся Йост, плюкаясь на сиденье и нажимая на кнопку включения привода. — Жаль, что нет при мне старого отцовского "Гранда М-1",¹ — при этих словах машина наконец тронулась с места и с грохом пополам свернула со сверхмагистралей. — Так бы и пальнул, несмотря на риск сломотать "дымнуку".

"И это сотрудник ОЧ! — подумал Хебстер, чувствуя себя крайне неуютно. — И не просто сотрудник, а особый агент, прошедший тщательный отбор — главным критерием при этом считалось отсутствие каких-либо антиперваковских предубеждений, — присягнувший поддерживать правопорядок без малейшей дискриминации по отношению к кому бы то ни было и посвятивший себя достижению поистине святой цели — помочь человеку стать вровень с пришельцами".

Впрочем, чего же еще можно ожидать от погрязшего в предрассудках простонародья? То есть, от людей без деловой жилки. Его отцу, к счастью, удалось выбраться из рабочей бригады путейцев-ремонтников, способных орудовать только лопатой да кувалдой, и привить единственному сыну неумное стремление к достижению все более высокого положения, позволяющего изыскивать новые возможности получения максимальной прибыли.

А вот у большинства людей, похоже, не было такой всепоглощающей страсти, — это Эдджернон Хебстер давно уже понял.

1 Самоварядная миножка. — Прим. переводчика.

Такие люди обнаруживали неспособность сжиться с теми нововведениями, которые возникли после появления на Земле пришельцев. Совершенно невозможно было свыкнуться с мыслью о том, что самые выдающиеся научные и технические свершения человечества, для достижения которых требовались напряженная работа мысли, высочайший профессионализм и недюжинное мастерство, могли быть мгновенно, как по мановению волшебной палочки, продублированы — и даже превзойдены! — пришельцами, представляя для них интерес скорее всего в качестве объектов коллекционирования. Ощущение собственной нецелесообразности достаточно ужасно даже тогда, когда оно всего лишь плод больного воображения. Но когда это уже не ощущение, а ясное понимание, когда оно очевидно настолько, что не вызывает ни малейших сомнений и касается любого аспекта творческой деятельности, то жизнь становится невыносимой и нередко приводит людей в состояние умоиступления, которое заканчивается полным ступором.

Ничего удивительного не было и в том, что людей бесило непрестанное бдение пришельцев, внимательнейше присматривавшихся ко всему, что бы ни делали люди — будь то красочно оформленные карнавалы шествия или подледный лов рыбы, мучительные поиски решения проблемы бесшумной посадки гигантских трансконтинентальных воздушных лайнеров или ритмичное отбивание поклонов в полутемных культовых зданиях под монотонные песнопения современных шаманов. И уже воспринимались как обыденность те случаи, когда люди хватали заржавевшие обрезы или сверкающие вороненой сталью охотничьи двустволки и выпускали одну карающую пулю за другой в небо, оскверненное наглым и высокомерным любопытством со стороны коричневых, желтых или ярко-пунцовых "бутылок".

Положения дел это все по сути не меняло. Однако приносило определенное облегчение натянутым, как струны, нервам. Но пришельцы не замечали людского гнева, и вот это-то и было самым существенным. Они как ни в чем ни

бывало продолжали свое наблюдение, как будто вся эта палуба и переполюх, все эти проклятья и бряцанье оружием были всего лишь частью все того же захватывающего представления, просмотр которого был заранее оплачен, и непоколебима была их решимость досмотреть спектакль до конца, прекрасно при этом понимая, что ничего интересного больше уже не предвидится, разве что вдруг нечаянно совершит какую-нибудь забавную оплошность один из участников неопытной труппы исполнителей.

Пришельцам обстрелы никакого вреда не приносили, они, возможно, даже и не подозревали о том, что подвергаются нападениям. Пули, снаряды, картечь, стрелы, камни из рогаток — все эти проявления человеческого гнева, похоже, совершенно их не задевали.

Тем не менее, их недоступным человеческому пониманию телам была свойственна некая материальная основа. Об этом можно было судить по тому, что они не пропускали свет и тепловое излучение. А также...

А также по случавшемуся время от времени “дзыньканью”.

В кои-то веки кому-либо все-таки удавалось слегка задеть одного из пришельцев. Или, что более вероятно, досадить каким-то неизвестным фактором, сопутствовавшим ружейной пальбе или метанию копья.

И тогда слышался всего лишь какой-то намек на звук — как будто некий гитарист уже прикоснулся самыми кончиками пальцев к струне, но в последний момент передумал извлекать из нее звук, а пальцы отреагировали на это решение с некоторым запозданием. И после того, как раздавалось нежное и едва уловимое “дзынь”, совершенно не производящее какого-либо особого впечатления, стрелок оказывался обезоруженным. Он так и оставался стоять в полнейшем недоумении, тупо проводя взглядом по ничего не держащим, но еще согнутым пальцам, по устремленному вверх локтевому стибу руки, по напрягшемуся в ожидании отдачи плечу, напоминая не очень-то сообразительного ребенка, который забыл, когда нужно кончать игру. Ни самого ружья, ни даже каких-либо отдельных его деталей после этого уже никогда не находили. А пришелец продолжал вести наблюдение — все так же сосредоточенно и беззастенчиво нагло.

Такое “дзыньканье” направлено было, главным образом, против различных видов оружия. Однажды, например, “дзынькнулась” стоятидесятимиллиметровая гаубица, в другой раз такая же участь постигла мускулистую руку, занесенную с целью швырнуть еще один камень — она просто исчезла под аккомпанемент едва слышного волшебного звука. Но иногда случалось и так — может быть, пришелец просто оказывался несколько небрежным? — что живой человек, еще мгновение назад такой разъяренный и настроенный самым решительным образом, вдруг весь целиком “дзынькался” — и только это и видели!

При этом, очевидно, не применялось какое-либо оружие, а следовала реакция вроде шлепка в ответ на укус комара. Хебстер, вздрогнув, припомнил случай, когда вытянутая черная “бутылка” пришельцев, заполненная непрерывно перемещавшимися янтарными точками, зависла над только что произведенным уличным раскопом, привлеченная зрелищем множества людей, копошащихся в земле прямо под нею.

Один рыжебородый гигант-ирландец, огромный, как секвойя, долбил неподатливый манхеттенский гранит и так заработался, что пот уже совсем залил ему глаза. Когда он чуть разогнулся, чтобы смахнуть пот, краем глаза увидел над собой мерцавшие точки.

Прорывав нечто нечленораздельное, он высоко поднял пневматический молоток, продолжавший громко стучать, как бы бросая шумный и дерзкий, но в общем-то, совершенно безобидный вызов небу, терпящему присутствие столь наглых соглядатаев. Товарищи по бригаде почти не обратили внимания на эту выходку, а вот вытянутый, весь в крапинку представитель явившейся со звезд расы перекувыркнулся в небе с одного конца на другой и — “дзынькнул”.

Тяжелый отбойный молоток на какое-то мгновение как бы сам собой завис в воздухе, затем рухнул вниз, словно догадавшись о том, что исчез его повелитель. Исчез? Впечатление было такое, что его вообще никогда не существовало. Настолько полным было это исчезновение, настолько мгновенным, что никто не успел даже глазом моргнуть и не ощутил какого-либо дуновения воздуха. Никто из окружающих ирландца рабочих при этом ничуть не по-

страдал. "Дзыньканье" производило впечатление некоего действия поистине космического дгтаба, противоположного акту творения.

"М-да, — отметил про себя Хебстер, — делать какие-либо угрожающие пришельцам жесты — чистое самоубийство. И притом, как это было доказано бесчисленное число раз, совершенно бессмысленное". А с другой стороны, агрессивность, характерная для сторонников движения "Человечество превыше всего!" была вполне объяснима. Какой же подход к этой болезненной проблеме был ближе всего ему самому?

Покопавшись у себя в душе в поисках чего-либо такого, что могло быть предметом абсолютной, совершенно непогрешимой веры, Хебстер довольно быстро нашел то, что искал.

"Я умею делать деньги, — выкрикнул он самому себе. — Вот каково мое призвание и моя обязанность. Это то, чем я при любых обстоятельствах смогу заниматься".

Но настоящее потрясение испытал Хебстер, когда принадлежащая фараонам машина в конце концов дотащилась до унылого приземистого здания из красного кирпича, занимаемого когда-то складом боеприпасов, а теперь приспособленного для нужд ОСК. На противоположной стороне улицы была расположена табачная лавчонка, единственная на весь квартал. Фирменные названия различных сортов сигарет, еще недавно украшавшие фасадную витрину лавки, были закрыты огромными лозунгами, тщательно выписанными позолоченными буквами. Подобные транспаранты в последнее время стали довольно привычными — но в непосредственной близости к одному из учреждений ОЧ, всемирно знаменитой Особой Следственной Комиссии?

Верхняя часть витрины демонстрировала партийно-политическую принадлежность владельца лавки тремя огромными словами, кричавшими на всю уличку:

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ПРЕВЫШЕ ВСЕГО!

Под этим лозунгом, точно в центре витрины красовалась огромная эмблема организации. Переплетенные меж-

ду собой золотые буквы ЧПВ опирались на символическое изображение огромного лезвия безопасной бритвы.

А еще ниже эта же тема развивалась более пространно, однако все в той же лозунговой манере — в выполненной от руки корявой надписи:

“Человечество превыше всего, везде и во все времена!”

Но куда более мерзкой была надпись, прикрывавшая верхнюю часть двери:

“Пришельцев — вон! Пусть катятся туда, откуда они заявились!”

И уже в самом низу двери можно было прочесть то, что хоть как-то указывало на причастность лавчонки к некоему виду бизнеса:

“Покупайте здесь! Покупайте у гуманиста!”

— Ничего себе гуманист! — пробормотал сидевший рядом с Хебстером Фунатти. — Хотелось бы видеть, что осталось бы от первака, если бы его прихватила шайка вот таких чепэвистов-гуманистов, а поблизости не оказалось бы кого-нибудь из ОСК! Одно только упоминание на страницах газет! Не думаю, что вам доставляет удовольствие любоваться подобными художествами.

Хебстер вымученно улыбнулся, когда они проходили мимо вытянувшихся по струнке часовых в зеленых мундирах.

— К табаку не так уж много подсказанных перваками штучек имеют какое-либо отношение, — произнес он. — А если бы таковых было немало, то все равно бойкот со стороны какой-то убогой лавчонки “гуманиста” не расстроил бы мой бизнес.

“Тем не менее, еще как расстраивает”, — с горечью признался себе в душе Хебстер. Все еще могло полететь в тартарары — если события станут развиваться в неблагоприятном для его бизнеса направлении. Планетарный патриотизм — это одно, а вот бизнес — совсем иное.

Губы Хебстера произвольно зашевелились — он как бы силится вспомнить свод несколько подыстершихся в памяти заповедей. Одна из них гласила: независимо от того, каких убеждений придерживается предприниматель, он должен извлекать определенную прибыль из деятельности своего предприятия, если не хочет, чтобы в один прекрасный день пришел судебный исполнитель и опечатал двери

его предприятия как обанкротившегося. Но предприниматель не сможет этого добиться, тут же сообразил Хебстер, если его убеждения задевают чувства большей части предполагаемой клиентуры.

Следовательно, поскольку владелец этой табачной лавочки все еще при деле и, судя по внешним признакам, дела у него идут довольно неплохо, то, очевидно, он может себе позволить пренебречь спросом на свой товар со стороны одного из учреждений ОЧ, расположенного на противоположной стороне улицы. Следовательно, должен существовать весьма значительный спрос со стороны случайных прохожих, которых не только не смущает чепэнизм хозяина лавки, но которые согласны добровольно отказаться от многих интересных новинок, подсказанных перваками, и переплачивать при покупке обычных потребительских товаров, цена на которые во многих магазинах стала гораздо ниже благодаря удешевлению их производства с помощью полученных от перваков технологических усовершенствований.

“Из этого весьма красноречивого факта с очень высокой степенью вероятности можно сделать вывод о том, — рассудил Хебстер, — что газеты, которые я читаю, все это время лгут напрапалу, а нанятые мною социологи и экономисты недостаточны компетентны. И очень возможно, что общество, которое в основном интересует меня как совокупность потребителей моих товаров, начинает менять общие установки, и со временем они окажут глубокое влияние на его потребительскую ориентацию”.

Вполне возможно, что экономика ОЧ уже прошла пик своего расцвета и теперь постепенно сползает к хозяйничанью в ней ЧПВ, к той сравнительно безопасной форме, когда ее устойчивость, пусть и на гораздо более низком общем уровне, поддерживается фанатичной слепотой таких людей, как Вандермеер Демпси, определяющих дамки потребительского спроса, за которые онасается выходить общество в целом. Примерно такую же эволюцию — или скорее, инволюцию — совершила экономика Рима времен империи две тысячи лет тому назад, но в гораздо более замедленном темпе. Основанная на активной ростовщической и коммерческо-спекулятивной деятельности, она за три быстро промелькнувших столетия настолько дегради-

ровала, что вся империя превратилась в статичный, безинициативный мир, в котором совершенно угас бизнес, банковская деятельность стала считаться грехом, а богатство, которое не было унаследовано от предков, вызывало самые громкие нарекания и рассматривалось как несправедно нажитое.

“И сейчас люди тоже уже, возможно, начинают задумываться о приобретении тех или иных товаров, исходя из морально-этических соображений, а не из их потребительских свойств, — понял Хебстер, сводя разрозненные, довольно смутные умозрительные догадки к беспристрастному, вполне определенному выводу. Ему припомнилась целая папка блиставших остроумием объяснений, которые направил ему Отдел изучения рыночной конъюнктуры по поводу упорного нежелания покупателей приобрести наборы блядпосуды “Ева”, в названии которой была отражена быстрота и легкость ее мойки. Тщательно проработанные выкладки исследователей, насколько понял Хебстер, сводились к тому, что женщины произвольно связывали название товара с некоей Евой Блишштейн, фотографии которой недавно появились на первых полосах газет всего земного шара в связи с тем, что она настолько наловчилась орудовать ножом для резки хлеба, что умудрилась перерезать им глотки пятерых своих же детей да еще и двух любовников в придачу. Взглянув на приведенные в конце отчета красочно оформленные диаграммы и графики, Хебстер тогда только скучающе зевнул и усмехнулся.

“Вероятно, все это — не более, чем обычная подозрительность домохозяек к абсолютно новой идее, — пробормотал тогда Хебстер, — когда после многих лет тщательного отмывания посуды им вдруг сказали, что такого же эффекта можно достичь в десять раз быстрее! Домохозяйке никак не верится, что ее блядпосуда осталась такой же после снятия самого верхнего слоя молекул. Надо, пожалуй, посылить поднадечь на соответствующие разъяснения — например, связать этот процесс с безвозвратно теряемыми частицами эпителия во время купанья под душем”.

Он сделал несколько карандашных пометок на полях и перепасовал проблему для немедленного доведения до нужной кондиции в Отдел рекламы и маркетинга.

Но тогда же произошел и резкий спад спроса на мебель — почти за целый месяц до обычного прогнозируемого сезонного спада. Поражало всякое отсутствие интереса к “Креслу-люльке Хебстера”, которое должно было произвести настоящую революцию в отношении позы, в которой люди привыкли сидеть за последние несколько тысячелетий.

В памяти всплыли и еще более десятка трудно объяснимых сбоев, имевших место на рынке сбыта за последнее время, и притом только на рынке сбыта потребительских товаров.

Все сходится, решил Хебстер. Изменение покупательских привычек не отражается на положении дел в тяжелой промышленности по меньшей мере в течение года. Машиностроительные предприятия почувствуют это раньше металлургических заводов, а те, в свою очередь, раньше горнообогатительных комбинатов и рудников. Банки и крупные инвестиционные компании будут последними среди валяющихся костяшек домино.

А вот его бизнес, тесно связанный с исследованиями и внедрением новых технологий, не переживает даже временного изменения конъюнктуры подобного типа, а “Хебстер секьюрити инкорпорэйтед” может свалиться в финансовую пропасть, как ворсинка, слутая с воротника пальто.

“Да, страхи Фунатти перед все нарастающей в обществе поддержкой чепэвистов не лишены оснований! — подумал Хебстер. — Если бы только Клейнбохеру удалось решить проблему общения! В этом случае мы могли бы переговорить с пришельцами и попробовать отыскать для себя пристойную нишу в их вселенной. Чепэвисты тогда останутся без какой-либо политической опоры!”

Только теперь он вдруг понял, что находится в большом, страшно неопрятном служебном помещении, сплошь заваленном различными картами и папками, а его конвоиры отдают честь огромному, как медведь, и еще более неопрятному мужчине, который нетерпеливым жестом дал им понять, чтобы они не слишком-то усердствовали в соблюдении этикета, и кивнул, чтобы они вышли, после чего предложил Хебстеру располагаться там, где он сам сочтет наиболее для себя удобным. Выбор оказался невелик: не-

сколько длинных, отделанных под орех скамеек, разбросанных здесь и там по комнате.

"П.Браганца" — гласила табличка на торце письменного стола, выведенная витиеватой готической вязью. У П.Браганцы были длинные, лихо закрученные, чудовищно густые усы. Кроме того, П.Браганце давно не мешало бы постричься. Впечатление было такое, будто и сам он, и вся обстановка в этой комнате были умышленно подобраны таким образом, чтобы как можно сильнее оскорблять чувства чепэвистов. Что, учитывая склонность этих парней к аккуратненькой прическе "ежиком", гладко выбритым щекам и непрестанному повторению лозунга "Чистота — единственное естественное состояние человека", предполагало многочисленные вспышки гнева в этой комнате после каждого разгона уличных демонстраций, когда сюда, как сельдей в бочку, запикивали прилизанных фанатиков, одетых с преувеличенной простотой и аккуратностью.

— Итак, вас тревожит влияние размаха активности чепэвистов на состояние вашего бизнеса?

Хебстера крайне поразило такое начало.

— Нет, я не читаю ваши мысли, — произнес, смеясь, Браганца, обнажив при этом пожелтевшие от табака зубы, после чего показал на окно за письменным столом. — От моего внимания не ускользнуло, как вы вздрогнули при виде вон той табачной лавки, а затем в течение двух минут ее разглядывали. Я понял, о чем вы думали.

— Потрясающая проницательность, — сухо заметил Хебстер.

Представитель ОСК отрицательно мотнул головой.

— Нет, дело вовсе не в этом. Проницательность здесь ни при чем. Я понял, о чем вы думаете, потому что сам сижу изо дня в день, глядя на эту табачную лавку и думаю точно о том же. Браганца, говорю я себе, вот конец твоей работе. Конец научно обоснованному подходу к руководству населением земного шара. Он уже просматривается в витрине этой табачной лавки.

Он со злостью бросил мимолетный взгляд на свой заваленный всевозможными бумагами письменный стол. Доселе дремавшие инстинкты Хебстера вдруг встрепенулись: запахло серьезным деловым разговором. Он почувал, что

человек, который находится перед ним, ощущает себя не в своей тарелке, мучительно подыскивая удобный предлог для того, чтобы поскорее перейти к делу и сразу же завладеть инициативой. От этой мысли Хебстеру самому стало здорово не по себе — не так уж часто страху удавалось сдвинуть его внутренности. Для чего это понадобилось ОСК, могущество которой практически превышало даже силу закона, а уж правительства и подавно, пытаться заключить с ним какую-то сделку?

Учитывая его репутацию следователя, перемежающего при проведении допросов угрожающее рычание с холодным металлом в голосе, слишком уж каким-то миролюбиво настроенным казался Браганца, слишком уж говорливым, даже, пожалуй, доброжелательным. Хебстер почувствовал себя загнанной в угол мышью, в чьи поникшие от страха уши кошка начинает изливать жалобы на рассеявшегося чуть повыше пса.

— Хебстер, скажите мне вот что. Какую цель вы преследуете?

— Прошу прощения?

— Что вам нужно от жизни? Какие планы вы строите днем, о чем мечтаете по ночам? Йосту нравятся девчонки — и чтобы их было как можно больше. Фунатти — человек семейный, пятеро душ детей. Ему нравится работа, поскольку она неплохо оплачивается плюс приличная пенсия и всевозможные страховки, позволяющие достойно провести остаток жизни.

Браганца поднялся из-за стола, слегка опустив огромных размеров голову, и начал лениво прохаживаться перед письменным столом.

— А я вот какой-то не такой. Не стану кривить душой: мне далеко не безразлична моя репутация прославленного сыщика. Я также высоко ценю ту регулярность, с которой финансовое ведомство выплачивает мне жалованье. Это тоже само собой разумеется. И в этом городе нашлось бы немного женщин, которые могли бы пожаловаться на то, что я пренебрегаю теми знаками расположения ко мне, которые они выказывают. Но единственное, за что я мог бы отдать свою жизнь, — это Объединенное Человечество. Отдать свою жизнь завтра, послезавтра, в более удаленном будущем... А разве нельзя сказать, что с заработанной на

службе гипертонией и частыми сердечными приступами я уже по сути это сделал? Браганца, говорю я себе, смбтри, как повезло такому болвану, как ты. Ты работаешь на первое в истории человечества всемирное правительство. Учти это.

Он остановился и развел руками прямо перед Хебстером. Растегнутый зеленый френч разошелся еще больше, обнажив густые заросли черных волос на груди.

— Вот он я. Такой как есть. Браганца выложил перед вами все, что у него за душой. А теперь, если вы хотите, чтобы это был настоящий мужской разговор, разговор между двумя трезво мыслящими людьми, я должен узнать и всю вашу подноготную. Итак, я вас спрашиваю: какие цели вы преследуете?

Президент "Хебстер секьюрити инкорпорейтед" провел языком по пересохшим губам.

— Боюсь, я куда менее сложный для понимания человек, чем вы.

— Так это же просто чудесно, — улыбнулся Браганца. — Выкладывайте все, как сами сочтете наиболее для себя удобным.

— Можно со всей определенностью сказать, что прежде всего я бизнесмен. Я заинтересован главным образом в том, чтобы стать еще лучшим бизнесменом, под чем я подразумеваю — более крупным. Иными словами, я хочу стать еще богаче, чем сейчас.

Браганца глянул на него в упор.

— И это все?

— Все? Вы, похоже, слышали, что деньги, мол, это далеко еще не все. А скажите: есть ли что-нибудь на свете, чего нельзя купить за деньги?

— Да вот хотя бы меня!

Хебстер окинул его с ног до головы бесстрастным оценивающим взглядом.

— Не очень-то уверен в том, что вы являетесь товаром повышенного спроса. Я покупаю только то, в чем нуждаюсь, и только изредка делаю исключения, удовлетворяя какую-нибудь блажь.

— Вы мне не нравитесь, — раздраженно отчеканил Браганца. — Я всегда терпеть не мог типов, подобных вам, так что нет смысла расшаркиваться перед вами. Говорю

вам со всей откровенностью: вы мне противны до глубины души.

Хебстер поднялся.

— В таком случае, я полагаю, мне следует поблагодарить вас за...

— Сядьте! — рявкнул Браганца. — Вас сюда пригласили не для обмена любезностями. Лично я не усматриваю особого смысла в этом, но кому-то все равно придется разгребать дерьмо. Сядьте.

Хебстер сел. "Интересно, — задумался он из чисто праздного любопытства, — получает ли Браганца хотя бы половину зарплаты, которую он установил Грете Зайденхейм? Грета, разумеется, щедро наделена самыми различными способностями несколько иного свойства и к тому же еще оказывает боссу специфические и весьма ценные услуги. Нет, после вычета налогов и пенсионных отчислений Браганца, пожалуй, должен быть доволен, если получает хотя бы треть заработка Греты.

Тут он заметил протянутую ему газету. Взял ее. Браганца удовлетворенно крикнул, плюхнулся в кресло за письменным столом и развернулся на нем лицом к окну.

Это был недельной давности экземпляр "Вечернего гуманиста". Газета уже потеряла вид "гласа небольшого, но плотно спаянного меньшинства", который запомнился Хебстеру, когда он в последний раз брал в руки эту газету, и теперь производила впечатление весьма влиятельного печатного органа. Даже если срезать наполовину тираж, объявленный в особой рамке в левом верхнем углу, то все равно получится более трех миллионов читателей, раскошеляющихся на эту газету.

Обведенная красным заставка в правом верхнем углу призывала правоверных читать только "Вечерний гуманист". Зеленый заголовок во всю ширину первой полосы провозглашал: "Человека от первака отличает членораздельная речь!"

Но наиболее важным был материал, помещенный в самом центре страницы. Карикатура.

Подлюжины перваков с длинными растрепанными бородами и вывалившимися изо рта в безумной ухмылке языками, сидят в полуразвалившейся телеге и держат в

руках вожжи, прикрепленные к хомуту, одетому на головы целой группы выбившихся из последних сил дородных джентльменов с — проще не придумаешь! — высокими шелковыми цилиндрами на головах. Самый толстый и уродливый из них — коренник, вырвавшийся чуть вперед по сравнению с остальными — держит в зубах трензель с надписью *“Бешеные деньги”*. Надпись над цилиндром коренника гласила: *“Элджернон Хебстер”*.

Под колесами телеги валялись раздавленный фрагмент стены дома с надписью *“дом, родимый дом”*, аккуратно подстриженный малец в форменном костюмчике бойскаута и потрясающей красоты молодая женщина с двумя вопящими младенцами, по одному в каждой руке.

Подпись под карикатурой гневно вопрошала: *“Венцы творения — или рабы?”*

— Эта газета, похоже, превратилась в довольно грязную сплетницу, — произнес, как бы рассуждая вслух, Хебстер. — И я не удивлюсь, если она приносит уйму денег.

— Насколько я вас понял, — бросил, не оборачиваясь, задумчиво разглядывавший улицу Браганца, — вы не очень-то регулярно ее просматривали последние несколько месяцев?

— Я счастлив ответить: *“Да, практически не заглядывал в нее”*.

— Непростительная ошибка с вашей стороны.

— Почему? — настороженно заинтересовался Хебстер, глядя на курчавый затылок следователя.

— Потому что она на самом деле превратилась в самую грязную, но притом чрезвычайно опасную сплетницу. А главным героем смакуемых ею сплетен являетесь вы. — Браганца громко рассмеялся. — Видите ли, эти люди усматривают в деловых отношениях с перваками скорее грех, чем преступление. И, в соответствии с подобной нравственной установкой, вы рассматриваетесь как пособник Дьявола!

Закрыв на мгновение глаза, Хебстер сделал попытку понять людей, которые умудрились придумать такую согревающую сердце систему взглядов — считать за благо униженное положение червяка, копошащегося в грязи.

— Да, я тоже не раз подумывал о чепэвизме как о религии.

Такое признание, казалось, прошибло оэсковца. Он мгновенно развернулся и взволнованно заговорил, тыча обоими указательными пальцами в Хебстера:

— Вы тысячу раз правы! Это выше всякого разума — несовместимые и противоречащие друг другу понятия, словно живительные соки, подпитывают чепэвизм. Совершенно сознательное, безмозглое отрицание в высшей степени горестного факта — факта существования во вселенной разумных существ, чей интеллект нашего превосходит наш. И каждый день задержки в установлении контакта с пришельцами только добавляет силы этому отрицанию. Если, как это становится все более очевидным, в галактической цивилизации не находится достаточно пристойного места для человечества, то почему бы, говорят такие люди, как Вандермеер Демпси, нам самим не остаться о себе самого высокого мнения? Давайте сплотимся и упьемся тем, что является бесспорно человеческим. Не пройдет и нескольких десятков лет, как все человечество станет настолько зашоренным, что, не пикнув, позволит дать себя засосать в этот умственный вакуум.

Он выпрямился во весь рост и снова зашагал вокруг стола. В голосе его появились предельно искренние, трагические умоляющие нотки. Глаза его блуждали по лицу Хебстера, как бы выискивая малейшую слабость, нащупав которую можно было бы всколыхнуть непробиваемое спокойствие поднаторевшего в искусстве скрывать подлинные свои намерения бизнесмена.

— Подумайте вот о чем, — проникновенно убеждал он Хебстера. — О периодических зверских убийствах ученых и людей искусства, которые, по навязываемым Демпси понятиям, слишком уж далеко отошли от общепринятой золотой середины так называемой человечности.

Случающееся время от времени ауто-да-фе в честь купца, пойманного за руку в тот момент, когда он торговал полученными от перваков товарами...

— Не нравится мне все это, — признался, улыбаясь, Хебстер, затем на мгновение задумался. — Я вижу, ваш последний пример связан с карикатурой в "Вечернем гуманисте".

— Мистер, это вам в первую очередь следует понять связь между ними, а не мне. Это ваша голова им нужна

на конце длинного шеста. Потому что как раз вы стали символом успешного сотрудничества в своекорыстных целях с заявившимися сюда из космоса чужаками или, по крайней мере, с их мальчиками на побегушках. Они считают, что им удастся полностью прекратить всякое общение с перваками, если они зальют вашей кровью все проходы, через которые те сюда проникают. И скажу вам еще вот что: не исключено, что они правы.

— И что же вы в таком случае предлагаете? — тихо спросил Хебстер.

— Чтобы вы перешли на нашу сторону. Мы сделаем из вас честного человека — во всяком случае, официально. Мы хотим, чтобы вы возглавили проводимые нами исследования. Только конечной целью будут не доллары, а имеющее первостепенное значение налаживание межрасового общения, а со временем — и проведение межзвездных переговоров.

Президент "Хебстер секьюрити инкорпорейтед" позволил себе взять несколько минут на обдумывание. Ему хотелось самым тщательнейшим образом продумать ответ. Ему нужно было время — больше всего остального ему так не хватало времени!

Он был уже на самом пороге создания крепко сколоченной коммерческой империи в масштабах всего земного шара! В течение десяти лет он тщательно подгонял одну к другой определенные составляющие индустриальных королевств, устанавливая свое верховенство в сфере производства и оттесняя на второй план конкурентов. Он подхватывал восхитительные лакомые кусочки, появляющиеся то здесь, то там в процессе распада цивилизации, к которой сам же и принадлежал, изыскивал беспредельные возможности обогащения среди руин, оставляемых обществом, потерявшим чувство собственного достоинства. Теперь ему требовались всего лишь какие-то двенадцать месяцев для того, чтобы утвердиться во главе своей с таким трудом сколоченной империи и найти для нее подобающую нишу в разветвленной структуре мировой рыночной экономики. И вдруг — Хебстер разинул в изумлении рот, подобно Джиму Фиску, который скупал золото на фондовой бирже по любым, самым спекулятивным ценам, и добился лишь того, что оказался полностью разоренным, побудив казна-

чество Соединенных Штатов выбросить огромное количество золота из золотого запаса государства, вдруг осознал, что у него уже не будет времени для этого. Он был слишком опытным игроком, чтобы не почувствовать появление нового фактора в игре, ничего не имеющего общего с прогнозируемыми дивидендами, графиками, изображающими динамику деловой активности, и таблицами оптимальных величин товарных запасов для различных категорий потребительских товаров, разбитых по временам года и различным регионам.

В горле у него запершило — столь неожиданное крушение всех его планов никак его не устраивало. Он буквально заставил себя ответить:

— Я очень польщен, Браганца. В самом деле, очень польщен. Я прекрасно понимаю, что Демпси заставляет нас объединить усилия. Мы или выстоим, или падём вместе. Но... я индивидуалист до мозга костей. Я привык действовать в одиночку. Всякий раз, когда я кому-либо помогал материально, я прежде всего думал о собственной выгоде. Единственной целью, которую я всегда преследовал, была прибыль. Я, прежде всего, бизнесмен.

— Хебстер, я по горло сыт вашими истерическими причитаниями! — Разгневанно воскликнул Браганца, продолжая мерить шагами свой кабинет. — Положение в самом деле критическое, причем в масштабах всего земного шара. Бывают времена, когда нельзя оставаться просто бизнесменом.

— Я категорически с этим не согласен. Быть такого не может, чтобы настало когда-нибудь подобное время.

Браганца презрительно фыркнул.

— Нельзя оставаться бизнесменом, когда привязан к огромной груде подожженного хвороста. Нельзя оставаться бизнесменом, когда народ оказывается под таким жестким контролем, что даже откажется от еды, если вождь прикажет ему умирать с голоду. Нельзя оставаться бизнесменом, мой снедаемый стяжательством друг, если спрос так давлен, что перестает существовать.

— Такое невозможно! — воскликнул, вскочив на ноги Хебстер. Для него самого оказалось неожиданностью услышать, как собственный голос поднялся почти до истеричного визга. — Всегда будет спрос. Всегда! Слышите? Весь

фокус только в том, чтобы определить, какую новую форму он принял, а затем удовлетворить его!

— Прошу прощения! Я вовсе не собирался глумиться над исповедуемой вами религией.

Хебстер тяжело вздохнул и крайне осторожно опустился на скамью. Он почти физически ощутил, как в его жилах закипает кровь.

“Спокойно, — успокаивал он себя. — Спокойно! Этого человека нужно обязательно привлечь на свою сторону, а не пререкаться с ним. Меняются правила рыночной игры, Хебстер, и тебе понадобится любой друг, какого только удастся приобрести. Деньгами этого типа, пожалуй не прошибешь. Но существуют и некоторые ДРУГИЕ ценности”.

— Выслушайте меня Браганца. Мы столкнулись с психо-социальными последствиями, абсолютно неизбежными при встрече необыкновенно развитой цивилизации со сравнительно примитивной. Вы знакомы с теорией “огненной воды” профессора Клейнбохера”?

— Сводящейся к тому, что сам факт существования разделенных высочайшим интеллектом пришельцев ударил нам в голову точно так же, как виски ударило в голову североамериканским индейцам? И что перваки, представляющие самые блестящие наши умы, являются эквивалентом тех индейцев, которые с наибольшей симпатией относились к цивилизации белого человека? Да, это убедительная аналогия. Даже применимая к тем индейцам, которые, напившись спиртного, валялись на улицах городов и помогали создавать обобщенный образ коварных, ленивых, готовых убить за рюмку виски туземцев, но их в то же самое время настолько глубоко презирали их собственные соплеменники, что они не отваживались вернуться домой из страха оказаться с перерезанной глоткой. Я всегда чувствовал...

— Единственное, о чем мне хотелось бы поговорить, — перебил его Хебстер, — это сама идея “огненной воды”. В тогдашних индейских селениях у непрерывно возраставшего большинства складывалась непоколебимая убежденность в том, что “огненная вода” и ненасытная цивилизация бледнолицых являются синонимами, что оно должно восстать и силой вернуть свои земли, убивая по ходу дела как можно больше спивавшихся ренегатов, путающихся

под ногами у этого самого большинства. Этот слой индейского населения можно сравнить с чепэвистами. Но одновременно с этим существовало и меньшинство, которое понимало превосходство бледнолицых в численности и качестве вооружения и отчаянно пыталось отыскать способ примирения с цивилизацией белого человека, найти для себя в ней определенное место — но такое, которое никак не связано было бы с алкоголем — спутником этой цивилизации. Считайте, что это ОЧ. И, наконец, были еще индейцы такого рода, как я.

Браганца сдвинул мохнатые брови и остановился у письменного стола.

— Вот оно как! — воскликнул он. — Так какого же рода индеец вы, Хебстер?

— Я похож на того индейца, у которого хватило здравого смысла понять, что у бледнолицего нет ни малейшего интереса спасти его от медленной и мучительной деградации. На индейца, у которого еще сохранились достаточно сильные инстинкты, чтобы перепугаться до смерти при виде таких новшеств, как “огненная вода”, и не прикасаться к этому пойлу даже в том случае, оно может спасти от укуса ядовитой змеи. Но самое главное...

— Ну-ну! Продолжайте!

— ... Главное, что среди них нашлись индейцы, которых привел в восхищение странный прозрачный сосуд, в котором хранят “огненную воду”! Представьте себе ту зависть, которую должен был испытывать гончар-индеец, вне пределов его скудных познаний в области гончарного мастерства, приобретенных в результате тяжелого труда. Неужели вы не видите перед своими глазами, как живого, вот такого индейца — ненавидящего, презирающего и ужасно страшасьегося пахучей янтарной жидкости, которая валит с ног самых доблестных воинов, однако жаждущего обладать бутылкой без ее содержимого? Вот примерно таким я вижу себя, Браганца, индейцам, чье алчное любопытство просвечивается сквозь мрак истерического кланового благоразумия и презрения ко всему чужеземному, как ярко искрящееся пламя. Мне нужен сосуд нового типа, каким-то образом отделенный от “огненной воды”.

Огромные темные глаза Браганца, не мигая, глядели на него в упор. Медленно приподнялась рука и пригладила

непонятно почему встопорщившиеся усы. Прошло несколько минут.

— Неплохо звучит: Хебстер в качестве благородного дикаря нашей цивилизации, — со смехом произнес в конце концов оэсковец. — Звучит, как будто, вполне нормально. Только загвоздка в том, как все это соотнести с решением проблемы в целом?

— Позволю себе напомнить, — устало сказал Хебстер, держась одной рукой за скамью, — что решение проблемы в целом нисколько меня не интересует.

— Итак, вам нужна только бутылка. Я выслушал вас. Но вы-то не гончар, Хебстер — у вас нет ни на унцию любознательности мастерового. А из всех этих исторических баск, которыми вы меня потчевали, можно сделать однозначный вывод: вам абсолютно безразлично, погибнет или нет весь мир, расхлебывая кашу, которую вы согласны заварить.

— Я никогда не утверждал, что руководствуюсь альтруистическими побуждениями. Общее решение я оставляю тем людям, у которых достаточно мозгов, чтобы распутывать самые изощренные головоломки. Таким, как Клейнбохер.

— Вы думаете, кто-нибудь вроде Клейнбохера, сможет это сделать?

— Я почти не сомневаюсь в том, что ему это удастся. Нашей ошибкой с самого начала было то, что мы пытались решить проблему нахрапом с помощью историков и психологов. То ли им всем была присуща ограниченность, обусловленная постоянным изучением исключительно человеческих сообществ, то ли... впрочем, это мое чисто личное мнение, но у меня всегда создавалось такое впечатление, что, что наука о человеческом мозге привлекает главным образом тех, кто сам когда-либо ощущал, что у него не все дома, то есть кто сам испытывал серьезные психологические затруднения и в процессе работы пытался докопаться до истинных причин своих сдвигов и благодаря этому добиться лучших результатов в своей области по сравнению с теми, кто начинал работу, не испытывая подобных затруднений, и кому поэтому было труднее достичь понимания сути этих трудностей. Я и сейчас считаю таких исследователей слишком внутренне нестабильными для столь потрясающего воображение начинания, как установление

взаимопонимания с кем-то из пришельцев. Те изначальные внутренние побуждения, которые привели их в науку, как раз-то и способствуют их неизбежному превращению в перваков.

Браганца причмокнул недоверчиво и впериł задумчивый взгляд в стенку за спиной Хебстера.

— И все это, по-вашему, не имеет никакого отношения к Клейнбохеру?

— Нет, только не к профессору-филологу. У него нет интереса к психологической нестабильности — ни к личной, как у психологов, ни к групповой, как у историков. Даже предрасположенности нет к повышенному интересу к подобным аномалиям. Сфера интересов Клейнбохера — сравнительная лингвистика. Он, по сути, технарь, специалист по части коммуникативности. Или, выражаясь проще, по проблемам общения и передачи информации. Я специально несколько раз заходил в университет и внимательно присматривался к нему во время его работы. Его подход к проблеме не выходит за рамки собственной специализации. Он занимается исключительно решением проблемы общения с пришельцами, не делая никаких попыток хоть как-то понять их психологию и особенности мышления. А ведь сколько существует всяких чисто умозрительных предположений относительно сознания пришельцев, их сексуальных наклонностей и социальной организации, в общем, такой ерунды, из которой никак не извлечь какой-либо осязаемой и непосредственной пользы для нас. Подход же Клейнбохера с самого начала был чисто прагматичным.

— Ладно. Не стану с вами спорить. Вот только сегодня утром он сам стал перваком.

— Профессор Клейнбохер? Рудольф Клейнбохер? — с глупым видом несколько раз переспросил Хебстер. — Но ведь он был так близок к... Ему почти удалось... словарь элементарных сигналов... Он уже собрался было...

— Вот так. Примерно в девять сорок пять. Всю ночь он провел без сна с одним из перваков, как раз тем, кого профессорам психологии удалось загипнотизировать, и вернулся домой в необыкновенно приподнятом настроении. В середине первой своей утренней лекции, касающейся кириллицы, он вдруг ни с того, ни с сего понес тарабарщину. Он натужно сопел и храпел, глядя на студентов, в течение

примерно десяти минут в характерной для этой стадии превращения в первака манере, проявляя поначалу крайнее раздражение тем, что его не понимают. Затем, как бы осознав, что ему больше уже не стоит нянчиться с этими неисправимыми, никчемными недоумками, он попробовал было покинуть аудиторию, прибегнув к левитации, но сделал это, как все они поначалу это делают, слишком уж несуразно, неуверенно. В результате очень сильно ударился головой о потолок и потерял сознание. Не знаю, чем это объяснить, то ли страхом, то ли волнением, может быть, уважением к любимому преподавателю, но студенты не удосужились связать его перед тем, как отправиться за помощью. К тому времени, когда они вернулись с прикрепленным к университетскому городку сотрудником ОСК, Клейнбохер очухался и дезинтегрировал одну из стен, чтобы выбраться наружу. Вот его фотоснимок, произведенный, когда он был уже в воздухе примерно на высоте в сто пятьдесят метров и, лежа на спине и подперев голову обеими руками, легко и плавно скользил в западном направлении со скоростью чуть больше тридцати километров в час.

Хебстер, прищурившись, внимательно рассмотрел небольшой бумажный прямоугольник.

— Вы, разумеется, дали радиограмму военной авиации пуститься за ним в погоню?

— А какой в этом смысл? Мы уже достаточное число раз проходили ЭТО. Он либо увеличит свою скорость и образует торнадо, рухнет вниз, как камень, и подхватит с собой все, что только попадется на его пути в этой местности, или материализует что-нибудь вроде мокрой кофейной гущи и золотых слитков внутри реактивных двигателей преследующих его самолетов. Никому еще не удавалось поймать первака в его первом, как это выразиться, порыве или приливе жизненной энергии, — не знаю точно, что они чувствуют при этом. А нам придется смириться с потерей чего угодно — от пары дорогостоящих скоростных истребителей вместе с экипажем до нескольких сотен акров плодороднейшего чернозема.

Хебстер аж застонал.

— Но ведь в его мозгу были запечатлены результаты исследований, проводившихся на протяжении восемнадцати лет!

— М-да. Такие вот дела. Количество тупиков, возникших перед нами, исчисляется уже сотнями тысяч. Не менее. Но каковы бы ни были цифры, уже близок конец. Если мы не сможем расколоть пришельцев на строго лингвистическом уровне, они так и останутся для нас загадкой и тогда — точка, конец главы! Наше наиболее эффективное оружие для них все равно, что пускаемые из трубочки детьми мыльные пузыри, а наши лучшие умы годятся разве для того, чтобы быть при них слугами, превратившись в псов, униженно виляющих перед ними хвостами. И вот перваки — это все, что у нас осталось. Может быть, с ними и можно было бы толком переговорить, как с людьми, да вот мешают их хозяева.

— Да ведь вся загвоздка как раз в том, что с ними уже никак не удастся толком поговорить — в противном случае, их бы не считали перваками.

Браганца согласно кивнул.

— Но поскольку они все-таки когда-то были людьми — самыми обыкновенными людьми — вот что главное, то вся надежда только на них. Мы всегда понимали, что когда-нибудь, возможно, нам придется рассчитывать только на них как на единственный реальный путь к контакту. Вот почему столь суровы законы, оберегающие перваков. Вот почему находящиеся в резервациях временные лагеря перваков, окружающие поселения пришельцев, охраняются самыми отборными воинскими подразделениями. Ведь по мере нарастания у людей чувства возмущения и душевного разлада первоначальные настроения подвергать перваков линчеванию все больше трансформируются в овладевающее массами страстное желание учинить грандиозный погром. "Человечество превыше всего" начинает ощущать себя достаточно сильным, чтобы бросить вызов Объединенному Человечеству. И, скажу вам, Хебстер, честно: в данный конкретный момент никто из нас толком не знает, кому удастся спасти шкуру, если дело дойдет до подлинной бойни. Но вы один из тех немногих, кому удавалось договариваться с перваками, работать с ними...

— Только на чисто деловой основе.

— Должен признаться, вы продвинулись в деле налаживания с ними контактов в тысячи раз дальше, чем мы, несмотря на все те огромные усилия, которые прилагали.

И какая безжалостная ирония заключается в том, что единственным людям, которым удалось наладить хоть какое-то общение с перваками, решительно наплевать на нависшую над человечеством угрозу краха цивилизации! Вот так! Вся суть теперь в том, что в возникшей политической ситуации вы тонете, находясь в одной лодке с нами. Понимая это, мои люди готовы очень о многом забыть и даже документально обосновать, что вы вполне респектабельный бизнесмен. Что вы на это скажете?

— Все это как-то нелепо, — задумчиво произнес Хебстер. — Никакие новые знания, полученные от пришельцев, не смогли бы добавить трезвомыслия нашим ученым. Едва став перваками, они тут же начинают метать громы и молнии в других членов своих семей и толочь воду в ступе. Как будто преступив какую-то незримую черту в своем сближении с пришельцами, они начинают в своих действиях опираться на всеобъемлющие законы космического масштаба, гораздо более глубинные, чем усваиваемые нами причинно-следственные закономерности.

Лицо озсковца мало-помалу начало багроветь.

— Так вы с нами или нет? Запомните вот что, Хебстер: в такие времена, как наше, человек, упорно цепляющийся за бизнес, как правило, в историю попадает как предатель.

— По-моему, случай с Клейнбохером — это последняя капля, — не обращая внимания на Браганца, продолжал рассуждать вслух Хебстер. — Нет никакого смысла пытаться постичь образ мыслей пришельцев, если это сопряжено с потерей лучших людей. Я предлагаю вот что: давайте напроць откажемся от всяких дальнейших попыток жить с пришельцами на равных в одной и той же вселенной. Давайте сосредоточимся на чисто человеческих проблемах и будем молить судьбу о том, чтобы в один прекрасный день инопланетяне не заявили в наиболее плотно населенные людьми местности и не приказали нам убираться прочь.

Зазвонил телефон. Браганца опустил в свое вертящееся кресло, но поднимать трубку не торопился, продолжая пристально глядеть на Хебстера. И только после того, как

аппарат издал добрых полдюжины мелодичных трелей, произнес в микрофон самый минимум, какой можно себе позволить в телефонном разговоре:

— Говорите... Он здесь... Я передам ему... Пока.

Поджав губы, он какое-то время еще глядел на Хебстера, затем резко развернулся к окну.

— Ваша контора, Хебстер. Похоже, с вами хотят встретиться жена и сын по личному вопросу. Именно с ней вы развелись десять лет тому назад?

Хебстер кивнул спине следователя и снова поднялся.

— По всей вероятности, хочет получить причитающиеся ей дивиденды по начисленным за полгода алиментам. Мне нужно уйти. Пребывание Сони в помещении компании слишком неблагоприятно влияет на моральное состояние моих служащих.

Подобный звонок означал крупные неприятности — он это сразу понял. Выражение “Жена и сын” служило кодом, посредством которого администрация должна была извещать президента о том, что в “Хебстер секьюрити инкорпорэйтед” произошло нечто весьма серьезное. Он не виделся с женой с тех пор, когда, поставив ее в крайне затруднительное положение, добился передачи контроля за пожизненное содержание.

— Послушайте! — рявкнул ему вдогонку Браганца, когда Хебстер направился к выходу. — Я вот что скажу вам: вы не хотите присоединиться к нам — ладно! Вы, прежде всего, бизнесмен, а уж потом гражданин нашей планеты — ладно! Вот только с этого момента особенно тщательно следите за тем, чтобы ваше рыльце не оказалось в пушку, Хебстер. Стоит вам теперь хоть раз оступить, и мы навешаем на вас всех собак. Мы не только устроим самый громкий показательный процесс за всю историю нашей древней планеты, но и по ходу дела швырнем вас и всю вашу организацию на растерзание волкам. Уж мы-то позаботимся о том, чтобы “Человечество превыше всего” раскромсало в пух и прах “Хебстер билдинг”.

Хебстер в недоумении пожал плечами.

— А для чего, собственно? Что вам это даст?

— Ха! Это доставит нам море удовольствия. Такого, какого мы еще никогда не испытывали. А заодно и на какое-то время позволит нам ослабить тот напор со стороны

широких слоев общественности, недовольных все более растущим влиянием чепэвистов, который мы уже давно довольно остро ощущаем. Совсем не исключено, что по мере развития судебного разбирательства по делу "Хебстер секьюрити" Демпси потеряет контроль над своими головорезами, и они в самом деле устроят давно обещанное кровопускание. Это вызовет такой взрыв ярости, что привлечение армейских подразделений к усмирению мятежников будет встречено с одобрением большинством населения. И тогда мы расправимся и с самим Демпси, и с самыми неистовыми из чепэвистов, так как Джон Кью Объединенного Человечества¹ на собственной шкуре к немалому своему удовлетворению убедится, какую серьезную опасность представляет из себя толпа.

— И это, — с горечью заметил Хебстер, — придержающееся высоких нравственных идеалов, законопослушное мировое правительство! Кресло снова развернулось, и кулак Браганца обрушился на письменный стол со всей впечатляющей силой молотка мирового судьи, выносящего окончательный, не подлежащий обжалованию вердикт.

— Нет, отнюдь нет! Это ОСК, полномочная и в высшей степени полезная организация Объединенного Человечества, специально созданная для налаживания взаимоотношений между пришельцами и людьми. Это ей присущи те качества, в существовании которых у мирового правительства вы изволили усомниться! Более того, это ОСК находится на самой передней линии огня в тот момент, когда власть закона и мирового правительства могут быть опрокинуты ураганом, вызванным действиями безответственных демагогов. Неужели вы думаете, — Голова Браганцы угрожающе наклонилась вперед, глаза превратились в две узкие щелки, не выражавшие ничего, кроме презрения, — что карьера и состояние, даже жизнь, такой, извините, откровенно эгоистической гниды, как вы, Хебстер, будут представлять хоть какую-нибудь ценность для организации, защищающей интересы двух миллиардов людей, дружно доверивших ей свое благополучие?

¹ Перефразировка общепринятого в американской прессе условного обозначения рядового американца, называемого Джон Кью Паблик. — Прим. переводчика.

Озсковец многозначительно ударил себя в грудь — черные, всклокоченные волосы, покрывавшие ее, топорщились сквозь кое-как застегнутый френч.

— Браганца, говорю я себе сейчас, тебе очень повезло, что этот тип настолько алчен, что не подловил тебя на сделанном ему предложении. Только представь на мгновение, какое это будет удовольствие подсесть его на крючок, когда он в конце концов допустит ошибку! А сняв с крючка, тут же отшвырнуть чепэвистам, чтобы они, обезумев от представившейся возможности расправиться с ним, сами себя и уничтожили! Убирайтесь, Хебстер, не хочу с вами иметь ничего общего!

* * *

“Я совершил ошибку”, — после некоторого раздумья признался себе в душе Хебстер, стоя на улице перед бывшим складом боеприпасов и щелчками пальцев подзывая к себе гирокэб. ОСК была наиболее могущественной из всех не находящихся в непосредственном подчинении правительства организаций, созданных Объединенным Человечеством. Для человека в его положении навлечь на себя неудовольствие подобной организации было столь же опасно, как водителю такси вслух усомниться в законнорожденности инспектора дорожного движения, остановившего его за нарушение правил пересечения перекрестка.

Но что он мог сделать? Согласиться работать в ОСК означало работать под руководством Браганца — но еще с юношеского возраста Элджернон Хебстер крайне ревниво следил за тем, чтобы абсолютно никто не смел помыкать им. Кроме того, это означало бросить свой бизнес — а ведь осталось еще чуть-чуть поднапрячься и подождать какое-то время, и его компания, несмотря ни на что, все-таки могла бы стать самой могущественной корпорацией планеты. Но хуже всего было то, что это потребовало бы от него полнейшей социальной переориентации, отказа от признающего только власть цифр мировоззрения бизнесмена, а ведь только оно одно находилось в полном согласии с наиболее сокровенными чаяниями его души.

Швейцар, поджидавший его у входа в здание компании, быстрой походкой направился впереди него в боковой

коридор, который вел к персональному лифту президента фирмы, и торжественно отступил в сторону, когда распахнулись двери. Кабина лифта остановилась на двадцать третьем этаже. С замиранием сердца Хебстер осторожно продвигался по коридору под пристальным наблюдением многочисленных служащих, которые с выпученными глазами, застыв, стояли вдоль стен. У входа в широкопрофильную лабораторию 23 В двое дюжих молодых людей в серых мундирах его личной охраны тотчас же расступились, пропуская его внутрь. Если их вызвали на работу после того, как он предоставил всем им отгул, это могло означать только полномасштабное чрезвычайное положение, введенное в здании компании. Он надеялся на то, что объявлено оно было своевременно, чтобы предотвратить малейшую утечку информации о том, что здесь происходит.

— Вполне своевременно, — заверила его Грета Зайденхейм. — Я спустилась сюда завинтить все гайки менее, чем через пять минут после того, как начался весь этот переполох. Полностью перекрыты все этажи с двадцать первого по двадцать пятый и включено прослушивание всех линий связи с внешним миром. Вы имеете право задержать своих служащих еще на час после пяти, что составляет в вашем распоряжении не более двух часов и четырнадцати минут.

Покрытый зеленым лаком кончик ее пальца показывал на дальний угол лаборатории, где взору его предстало валявшееся на полу тело в грязных лохмотьях. Тесей. Из его спины торчала пожелтевшая рукоятка из слоновой кости. Такими кинжалами образца 1942 года любили пользоваться древнегерманские эзэсовцы. Серебряная свастика на эфесе была заменена замысловатым символом, в котором угадывались три готические литеры Ч, П и В. Сочинявшаяся из раны кровь превратила длинные спутанные волосы Тесея в отвратительную красную тряпку.

Мертвый первак, отметил про себя Хебстер, опустив взгляд, потерявший всякую надежду. В ЕГО здании, в лаборатории, куда тайно поместили перваков, опередив Фунатти и Йоста всего лишь на два-три десятка шагов. Налицо было самое тягчайшее преступление — если вообще случится такое, что суду будет предоставлена возможность оценить его тяжесть.

— Взгляните-ка на этого грязного дружка перваков! — послышался справа насмешливый и вроде знакомый голос. — ОНИ напуганы! Попробуйте-ка извлечь денюжки вот из этого, Хебстер!

Президент корпорации неторопливо подошел к худощавому мужчине с полностью обритой головой, привязанному к незадействованному паропроводу. Внимание Хебстера привлек необычный рисунок на доброй половине галстука мужчины, свешивавшегося с шеи поверх лабораторного халата. Только через несколько секунд Хебстеру удалось разобраться в этом выполненном чересчур уж вычурно рисунке. Миниатюрное лезвие безопасной бритвы над черной "тройкой".

— Член третьего эшелона руководства "Человечества превышает всего!"

— Он же — Чарли Верус из широкопрофильной лаборатории компании Хебстера, — пояснил Хебстеру низкорослый мужчина с покрытым густой сетью морщин лицом. — Меня зовут Маргритт, мистер Хебстер. Доктор Д.К.Маргритт. Это я разговаривал с вами по интеркому, когда прибыли перваки.

Хебстер решительно мотнул головой, давая понять другим ученым, которые непроизвольно сгрудились вокруг него, чтобы они отошли в сторону.

— Интересно, сколько времени представители руководства "Человечества превышает всего", не говоря уже о рядовых членах, расписываются в ведомостях на получение зарплаты в моих лабораториях?

— Не знаю, — съездившись перед Хебстером, ответил Маргритт. — Теоретически ни один чепэвист не может стать служащим у Хебстера. Отделу кадров предписано вдвое более тщательно проверять всех принимаемых на работу, чем это делает ОСК при наборе своих агентов. Скорее всего, так оно и есть. Но что может сделать отдел кадров, если служащий компании присоединяется к ЧПВ после прохождения испытательного срока? В такое время, как наше, когда численность чепэвистов с каждым днем становится все больше и больше, секретным службам безопасности нужно, наверное, удешевить свой персонал, чтобы уследить за всем этим!

— Когда я говорил с вами сегодня в первый раз, вы высказались не очень-то одобрительно в отношении Веруса.

Как по-вашему, является вашей прямой обязанностью ставить меня в известность о том, что перваками займется один из членов руководства ЧПВ?

Подбородок коротышки слегка затрясся.

— Мне платят за руководство исследованиями, мистер Хебстер, а не за политическое воспитание сотрудников лаборатории или голосование за партию, которую вы поддерживаете.

Презрение — типичное презрение ученого-исследователя к бизнесмену-предпринимателю, выплачивающему ему жалованье, но сейчас оказавшемуся перед лицом крупных неприятностей — сквозило в каждом произнесенном им слове. «Почему, — раздраженно отметил про себя Хебстер, — люди всегда с презрением относятся к человеку, который умеет делать деньги? Даже перваки сегодня утром в его кабинете, Йост и Фунатти, Браганца, Маргритт, который проработал в его лабораториях в течение многих лет. Ведь это единственный талант, который дан ему от Бога. И, безусловно, столь же редкий и полезный, как талант пианиста».

— Мне никогда не нравился Чарли Верус, — продолжал начальник лаборатории, — но у нас не было каких-либо оснований подозревать его в чепэвизме! Он, по-моему, был кооптирован в третий эшелон примерно неделю тому назад. Верно, Берт?

— Угу, — раздалось из противоположного конца комнаты. — В тот день он появился на работе на час позже и заявил, что когда-нибудь, мы, может быть, с гордостью расскажем своим внукам о том, что работали в одной лаборатории с Чарльзом Болопом Верусом.

— Лично я, — заметил Маргритт, — подумал, что он, возможно, только что закончил книгу, в которой доказал, что пирамида Хеопса ни больше, ни меньше, как пророчество в камне наших нынешних достижений в области текстильного производства. Верус был как раз такого рода ученым. Но, по-видимому, тогда его воодушевило маленькое лезвие для безопасной бритвы. Повышение он, по-моему, получил авансом как бы в качестве предварительной платы за то, что в конце концов сделал сегодня. Хебстер аж заскрежетал зубами, когда бритоголовый пленник попытался было, хотя и безуспешно, плюнуть ему в лицо, и

поспешил назад, к двери в лабораторию, где его личная секретарша разговаривала с охранником, который дежурил все это время в лаборатории.

За ними, прислонившись к стенке, стояли Ларри и Лузитания, тихо, но взволнованно переговариваясь на тарабарском наречии. Они явно были потрясены до глубины души. Лузитания то и дело выщипывала крохотных слоников из своего рубища, которые, смешно дрыгая ногами в воздухе и пронзительно трубя, взрывались как какой-то несуразной формы мыльные пузыри, когда она роняла их на пол. Ларри нервно почесывал сбившуюся комком бороду и периодически взмахивал рукой в сторону потолка, который уже был утыкан пятью или шестью десятками точных копий кинжала, пронзившего сердце Тесея. Хебстер не мог не испытывать страха перед тем, что может произойти с его зданием, если у перваков не приведет Господь, что-то еще осталось от людей, и они вдруг начнут действовать так, как поступают обычно люди, стремящиеся к тому, чтобы обезопасить себя.

— Послушайте, мистер Хебстер. — начал охранник, — мне велели не...

— Ради Бога! — сердито бросил Хебстер. — В этом нет вашей вины. Даже отдел кадров мне не в чем упрекнуть. Это я и мои эксперты заслуживаем гильотины за то, что так бездарно отстали от эпохи. Мы умеем проанализировать любую тенденцию, кроме той единственной, которая сделает всех нас ненужными. Грета! Я хочу, чтобы мой вертолет на крыше был готов к вылету и приведен в состояние готовности стартоплан в "Ла-Гардиа"¹. Пошевеливайся, девочка! А ты... Уильямс, верно? — спросил он, наклоняясь, чтобы прочесть фамилию охранника на его служебном значке, — а ты, Уильямс, упакуй этих двух перваков в мой вертолет наверху и дожидайся вылета в самом скором времени. Все остальные! — громко обратился он к сотрудникам лаборатории и зевакам, собравшимся в коридоре. — Домой вас отпустят в шесть. Вам будет оплачен один час сверхурочной работы.

¹ Крупнейший аэропорт в окрестностях Нью-Йорка в начале пятидесятых годов, к которым относится написание данной повести. — Прим. переводчика.

Как только Хебстер вышел из лаборатории, Чарли Верус запел. К тому времени, когда Хебстер достиг лифта, несколько клерков в коридоре демонстративно подхватили гимн ЧПВ. Когда Хебстер остановился перед дверьми лифта, ему стало ясно, что добрая четверть младшего обслуживающего персонала, как мужчины, так и женщины, подпевали надтреснутому тенору Веруса:

*Слава, слава человеческим дерзаньям!
Для потомков сохраним Землю родную!
Меч карающий торжественно целую,
Холуев пришельцев растерзаем!
Аллилуйя, человеке, Аллилуйя,
Человеке, Аллилуйя, Аллилуйя!*

“Если подобное возможно в коридорах “Хебстер секьюрити”, — болезненно морщась, подумал Хебстер перед входом в личный кабинет, — то что удивляться тому, насколько быстро растет влияние ЧПВ среди широких народных масс?”

Разумеется, многих из этих поющих следовало бы рассматривать скорее как сочувствующих, чем как непоколебимых адептов, как людей, которых привлекает хоровое пение и чье сердце согревают марширующие толпы энтузиастов — но в любом случае, очень важно знать, какой еще рывок нужно сделать этому движению, чтобы стать мощной политической силой.

Единственным, хотя и несколько слабватым утешением для Хебстера, было явное понимание опасно ли в рядах высшего руководства ОСК, которое готовится предпринять беспрецедентные шаги в качестве ответного демарша.

К несчастью, эти беспрецедентные меры применены будут, скорее всего к нему самому, Хебстеру.

“В моем распоряжении осталось чуть меньше двух часов, — вспомнил Хебстер, — в течение которых можно еще попытаться увильнуть от ответственности за наиболее серьезное преступление в современном уголовном кодексе”.

Он поднял трубку одного из телефонов.

— Рут! Я хочу переговорить с Вандермеером Демпси. Соедините меня с ним напрямую.

Рут отреагировала немедленно и уже через несколько мгновений он услышал знакомый голос, звучный, неторопливый, тягучий, как расплавленное золото.

— Привет, Хебстер. Говорит Вандермеер Демпси. — Он сделал паузу, чтобы набрать как можно больше воздуха в легкие, затем продолжал откровенно высокопарным тоном. — Человечество — пусть не всегда впереди, но, впереди или позади — всегда Человечество! — Тут он рассмеялся. — Последняя новинка. Мы ее прозвали нашим телефонным тостом. Нравится?

— Очень, — почтительно ответил Хебстер, ни на секунду не забывая о том, что его бывший ведущий телевикторин может стать церковью и государством одновременно. — Мистер Демпси, от моего внимания не ускользнуло, что вы издали новую книгу, и мне интересно...

— Какую именно вы имеете в виду? "Антропологику"?

— Точно. Великолепное исследование! Так и хочется постоянно цитировать многие строки из нее, особенно из первой главы. Например, вот эту: "Человек! И не больше, и не меньше!"

В трубке раздался хриловатый, но еще достаточно сочный смех.

— Юноша, достойные частого цитирования строки имеются в каждой главе всех моих книг! У себя в штаб-квартире я запустил целый писательско-поэтический конвейер, способный выдавать на-гора до пятидесяти пяти легко запоминаемых сентенций или эпиграмм на любую злободневную тему в течение десяти минут. Не говоря уже о способности производить политические метафоры и шутки в две-три строчки с сексуальным подтекстом! Но вы не стали бы мне звонить только для того, чтобы обсудить достоинства продукции моего литературного конвейера, каким бы глубоким ни было его эмоциональное воздействие. Так в чем все-таки дело, Хебстер? Ну-ка выкладывайте все по порядку.

— Дело вот в чем, — начал Хебстер, несколько приободренный откровенным цинизмом заправилы чепэвистов и слегка раздосадованный нескрываемым презрением с его стороны по отношению к себе, — сегодня я немножко посудачил о том, о сем с нашим общим приятелем, неким П.Браганца.

— Я знаю.

— Знаете? Откуда?

Вандермеер Демпси снова рассмеялся — неторопливым добродушным смехом толстяка, самодовольно поглаживающего себя по пузу.

— Шпионы, Хебстер, шпионы. Они у меня практически повсюду. Политика — это на двадцать процентов шпионаж, на двадцать процентов организация и на шестьдесят процентов выжидание подходящего момента. Мои шпионы докладывают мне обо всем, что вы делаете.

— Но ведь у них не было ни малейшей возможности рассказать о том, что именно обсуждали мы с Браганца. Верно?

— О, рассказали, юноша, еще как рассказали! — его такой внешне непринужденный смех, понял вдруг Хебстер, был одновременно и своего рода дыхательным упражнением для регулярной прочистки горла. Хебстеру вспомнилась его изображение на телеэкране: голова, похожая на распухший до огромных размеров апельсин, едва ли не на три четверти разверзшийся в лучезарной улыбке рот. На голове не было ни единой волосинки — все они вплоть до последней реснички и даже волосяного мешочка, регулярно удалялись электролитическим методом. — Согласно донесениям моих агентов Браганца выдвинул несколько заманчивых предложений от имени Особой Следственной Комиссии, которые вы — поступив, позволю себе заметить, очень правильно — немедленно же отвергли. Судя по всему, это здорово его расстроило, и он объявил, что стоит с этого момента уличить вас хоть раз в каком-нибудь неблагоприятном поступке — ведь ни для кого не секрет, что именно благодаря множеству самых мерзких начинаний вы и стали одним из богатейших на всем земном шаре людей — он использует вас в качестве приманки для нашего гнева. Должен признаться, я искренне восхищен, прямо-таки в восторге от этого бесхитростного, даже наивного замысла!

— И совсем не собираетесь кусаться? — поинтересовался Хебстер.

В этот момент в кабинет вошла Грета Зайденкейм и, подняв руку к потолку, несколько раз покрутила ею. Хебстер понимающе кивнул.

— Как раз наоборот, Хебстер, еще как станем кусать! Даже с еще большим пылом, чем намеревались до этого. Мы с удовольствием проглотим эту провокацию, которую придумала для нас ОСК, и осуществим революцию во всемирном масштабе. Обязательно осуществим!

Вот так, мой мальчик.

— Только через мой труп! — Хебстер попытался было и сам рассмеяться, но сумел лишь слегка прочистить горло. — Вы правы — как раз такой разговор и состоялся между мной и Браганца. Возможно, вы правы и в том, что станете делать, когда в ход пойдут булыжники и бейсбольные биты. Однако, если вы не против того, чтобы значительно облегчить свою задачу, то есть тут у меня одна мыслишка...

— Крайне сожалею, мой мальчик. Никаких сделок, Хебстер. Такие вот дела. Неужели вам не ясно, что мы сами не хотим облегчать все это? По этой же самой причине мы ничего не платим своим шпионам, несмотря на риск, которому они себя подвергают, и неизмеримо возросшее богатство "Человечества превыше всего". Мы обнаружили, что шпионы, которых мы привлекаем, исходя из идейных соображений, работают гораздо лучше и подвергают себя куда более серьезным опасностям, чем те, которых побуждает работать на нас материальная заинтересованность. Да, мы отчаянно нуждаемся в "деле Хебстера" для того, чтобы воспламенить население. Напряженность в обществе нам нужно довести до такого уровня, чтобы смятение охватило службы безопасности и вооруженные силы, чтобы заволновались даже те консервативно настроенные граждане, которые обычно недовольно качают головами при виде наших массовых шествий, и чтобы они побросали свой мелкий бизнес и присоединились к участникам погромов и грабежей. Вот этого как раз и будет вполне достаточно, чтобы весь земной шар перешел под контроль "Человечества превыше всего".

— Орел — вы выигрываете, решка — я проигрываю.

И вновь зажурчало тягучее золото смеха Демпси.

— Понятно, что вы имеете в виду, Хебстер. Независимо от того, чья возьмет верх, ОЧ или ЧПВ, от вас на песках веков останется только грязное пятно. Вы упустили

свой шанс, когда мы четыре года тому назад обратились к патристически настроенным бизнесменам за пожертвованиям. Не так уж мало ваших конкурентов оказались в состоянии усмотреть эффективность взаимозависимости экономики и политики. Уолдрэн из инвестиционного треста "Ундервуд" ныне в составе первого эшелона руководства ЧПВ. А вот среди ваших высших администраторов нет ни одного, у кого бы на лацкане или галстук было бы лезвие. Но даже несмотря на это, что бы с вами ни случилось, судьба будет к вам куда милосерднее, чем к первакам.

— Пришельцы могут воспротивиться истреблению своей челяди.

— Не существует никаких пришельцев! — совершенно другим голосом ответил Демпси. Впечатление было такое, будто он настолько оцепенел, что едва не потерял дар речи.

— Нет пришельцев? Такова ваша самая последняя политическая установка? Но сами-то вы ведь так не считаете!

— Есть только перваки — существа, которые сложили с себя ответственность, лежащую на людях, и поэтому оказались в состоянии делать то, что кому-то и может показаться чудесами, но чего настоящие люди никогда не станут делать, потому что это ниже их собственного достоинства и связано с потерей человеческого облика. А пришельцев как не было никогда, так и нет сейчас. Пришельцы — это созданный перваками миф.

— Идеальный способ обращаться с не очень-то приятными фактами, проворчал Хебстер. — Делать вид, будто они просто не существуют.

— Если вам так приспичило обсуждать такой мираж, как пришельцы, — раздраженно возразил ему Демпси, — то боюсь, нам не о чем больше говорить. Вы определенно становитесь перваком сами, Хебстер.

В трубке раздался щелчок отбоя.

Хебстер задумчиво провел пальцем по ободу корпуса микрофона.

— Он сам верит в подобную чушь! — с ужасом произнес он. — Ему приходится самого себя непрерывно уве-

рять в том, в чем он убеждает своих последователей — в том, что если кто-то настолько нас превосходит, что остается для нас непостижимым, то уж лучше просто считать, что его не существует вовсе!

* * *

Только теперь Хебстер заметил, что Грета Зайденхейм давно дожидается у дверей с чемоданчиком и двумя пальто.

— Я не вправе уговаривать вас, Грета, лететь вместе со мной, но... — начал он, встав из-за стола и направляясь к выходу.

— Да ладно, — перебила его Грета и стараясь от него не отставать, засеменила вслед за ним. — Я понимаю, что это не будет увеселительной прогулкой, но куда все-таки мы держим путь?

— В Аризону. В самое первое и крупнейшее из всех поселений пришельцев. Туда, откуда к нам прибыли друзья с такими чудными именами.

— А что вы можете сделать там такое, чего нельзя сделать здесь?

— Честно говоря, Грета, сам не знаю. Просто решил, что мне не помешало бы немного проветриться. А коль так, то почему бы не отправиться туда, откуда с самого начала пошла вся эта заваруха, и не познакомиться со всем этим поближе? Я из тех бизнесменов, кому по душе импровизация. Мне не привыкать принимать на ходу самые серьезные решения.

На вертолетной площадке их ждали плохие вести.

— Мистер Хебстер, — уныло произнес пилот, — стартоплан захвачен Озковцами. Мы все равно отправляемся в путь? Если на борту этого драндулета, то нам не удастся улететь достаточно далеко. Да и скорость сами понимаете, не та.

— Все равно вылетаем, — подумав немного, ответил пилоту Хебстер.

Они забрались в кабину. Двое перваков сидели на полу в самом хвосте, фыркая и сопя — они все еще взволнованно переговаривались друг с другом. Уильямс почти-точно поздоровался с боссом.

— Кроткие, как ягнята, — произнес он. — Должен вам сказать, они и в самом деле сотворили вдруг одного ягненка. Мне пришлось выпшвырнуть его из кабины.

Громоздкий широкофюзеляжный летательный аппарат медленно поднялся в воздух и взял курс на юго-запад.

— Определенно произошла утечка информации, — сердито проворчала Грета. — Они прослушали о мертвом перваке в стенах нашего здания. Где-то в организации все-таки образовалась щель для этой утечки, которую я оказалась не в состоянии своевременно найти. ОСК стало известно о гибели первака, и теперь она за нами охотится. Вот такой я оказалась расторопной и умелой!

Хебстер только улыбнулся ей в ответ. Ей вовсе не стоило слишком уж увлекаться самобичеванием — она была и расторопным, и очень умелым работником. Такой же высокий профессионализм был характерен и для отдела кадров, и для дюжины других подразделений компании. Таким был и сам Хебстер. Вот только вся структура организации и ее сотрудники подбирались для нормальной работы в политически стабильной обстановке. Кто тогда мог помыслить о политических шпионах! Если даже Демпси удалось пораспихивать согладатаев и саботажников по всем функциональным подразделениям “Хебстер секьюрити”, то почему то же самое не мог сделать Браганца?

“Меня поймают, — подумал со страхом Хебстер, — еще до того, как я по-настоящему пушусь в бег. И бросят за решетку до того, как удастся найти укромное местечко в котором можно было бы отсидеться, пока все не успокоится”.

Его, по всей вероятности, отдадут под суд и организуют показательный процесс, который войдет в историю под названием “Процесс по делу кровавого Хебстера”. Преступление, которое ускорило революцию во всемирном масштабе.

— Мистер Хебстер, они становятся все беспокойнее, — раздался сзади голос Уилльямса. — Может быть, попытаться как-нибудь успокоить их, подбодрить?

Хебстер резко привстал, в нем проснулась надежда.

— Нет, — ответил он охраннику. — Оставьте их в покое!

Он теперь очень пристально следил за возбужденными перваками. Может быть, как раз сейчас вдруг и произойдет то, ради чего Хебстер забрал их с собою в полет! Несколько лет сумбурных торговых отношений с перваками дали ему возможность изучить их. Они способны на гораздо большее, чем те мелкие фокусы, которые то и дело показывают, или бытовые поделки для ублажения не в меру требовательных покупателей, одуревших от избытка всевозможных товаров в обществе потребления.

На фоне неба за окнами вертолета появились две риски. Еще несколько мгновений — и стало ясно, что это реактивные перехватчики с опознавательными знаками Особой Следственной Комиссии.

— Пилот! — крикнул Хебстер, не отрывая глаз от взволнованно теребящего бороду Ларри. — Бросьте органы управления! Живо! Вы меня слышите? Это ПРИКАЗ! Уберите руки с органов управления!

Пилот неохотно повиновался, откинувшись к спинке кресла. Приборная панель в одно мгновение исчезала, только град раскаленных докрасна фрагментов брызнул в хвостовую часть салона. И одновременно с этим мерный рокот лопастей превратился в оглушительный визг обезумевших саксофонов, а сами они стали темно-фиолетовыми. Скорость вращения лопастей настолько возросла, что звучание их перешло в ультразвуковой диапазон, а вертолет буквально стрелой взмыл вверх, оставив перехватчиков далеко внизу.

Через пять секунд они были уже в Аризоне.

И, как тюки, вывалились из своего фантастического летательного аппарата на песок пустыни, испещренный редкими островками чахлой полыни.

— Я даже не хочу понимать, во что это вдруг превратилась моя ветряная мельница, — заметил пилот, — и какая сила заставила ее развить такую сумасшедшую скорость — но каким это образом первак догадался, что фараны хотят достать нас?

— Не думаю, что он понимал это, — пояснил Хебстер, — но у него хватило сообразительности, чтобы по-

чувствовать, что его везут домой, а вот эти неизвестно откуда взявшиеся истребители намерены этому помешать. Вот он и сделал то, что было в его интересах, в свойственной людям манере. Он защитил себя!

— Домой, — произнес Ларри. Он очень внимательно прислушивался ко всему, что говорил Хебстер, не обращая внимания на струйку слюны, стекавшую из правого уголка его рта. — Демагог, демпинг, дозатор. Дом — это там, где ненависть. Дом, запертый на все замки.

Лузитания запрыгала на одной ноге и одарила всех какой-то особой, не такой, как у других женщин, чувственной улыбкой.

— Домовой, — игриво произнесла она, — это всего-навсего — домашний уют. Га-хрю.

Ларри поплелся вслед за нею, в три ноги на двоих. Затем медленно и не очень охотно оторвался от земли и побрел прямо по воздуху, когда дорогу им преградило множество небольших валунов, но с острыми, как бритва, вершинами краями.

— Прощайте, друзья, — произнес Хебстер, обращаясь к своим спутникам-людям. — Я уйду вслед за своими новыми приятелями, чтобы собственными глазами увидеть то волшебство, что скрывается за этим бурным маревом пустыни. И помните вот о чем: когда оэсковцы сообразят, что ваше появление здесь каким-то образом связано вот с этим необычным вертолетом — постарайтесь, кстати, держаться как можно ближе к нему, — то самым умным с вашей стороны будет свалить все на меня. Будто бы я силой принудил вас подняться на борт вертолета. Можете сказать им, что я ушел в глубь пустыни искать спасение, прикинув что уж лучше стать перваком, чем козлом отпущения, и беспомощно смотреть на то, как твое добытое тяжким трудом богатство растаскивает такое воронье, как П.Браганца или Вандермеер Демпси. Но я обязательно вернусь — в своем уме или перваком.

Он ласково погладил мокрую щеку Греты, затем быстрым и решительным шагом бросился догонять Ларри и Лузитанию. Только один раз он обернулся и улыбнулся, увидев с каким необычайно жалким видом глядят они ему

вслед, особенно Уильямс, здоровенный детина, зарабатывавший себе на кусок хлеба тем, что обеспечивал безопасность других людей.

Перваки как будто и придерживались какого-то определенного маршрута, но впечатление было такое, будто проложил его кто-то, вдохновленный зрелищем игры на аккордеоне, меха которого периодически то растягивались, то собирались многочисленными складками вместе. Снова и снова они проходили одни и те же места, натывались на свои ранее оставленные следы, уходили в сторону метров на сто, затем возвращались назад и вновь пускались в путь по собственным же следам, запечатленным на песке пустыни.

Вот это и была страна перваков. Аризона. Местность, где возникло первое и самое крупное поселение пришельцев. В этом дальнем углу Юго-Запада бывших США не было уже практически ни одного человека — только пришельцы и их кули¹.

— Ларри, — окликнул первака Хебстер, когда в голову ему закралась мысль, все больше и больше его беспокоившая. — Ларри! А ваши... хозяева знают о том, что я с вами?

Требовательность тона, которым задал этот вопрос Хебстер, побудила первака обернуться и он, сбившись с шага, споткнулся и плюхнулся наземь. Затем поднялся, сделал кислую мину, глядя на Хебстера и покачал головой.

— Вы не бизнесмен, — произнес он. — Здесь не может быть никакого бизнеса. Здесь может быть только вызывающее смех то, что вы возможно, назовете поклонением. Хотя на самом деле это попытки постичь универсальную внутреннюю природу всего сущего. Достичь понимания, полного и вечного, частичного и эфемерного, которое только одно и делает возможным...

Он сцепил между собой пальцы вывернутых наружу ладоней в отчаянной, мучительной попытке в доступной

¹ Носильщики, грузчики, чернорабочие в странах Юго-Восточной Азии. — Прим. переводчика.

для понимания Хебстера форме объяснить смысл того, что он хочет сказать. Затем стал делать медленные круговые раскачивания головы из стороны в сторону.

И тут новое потрясение постигло Хебстера — он увидел, что этот пожилой человек плачет. Выходит, внутренний мир перваков действительно во многом подобен психике душевнобольных! Именно это давало человеку постичь то, что происходит вне пределов его понимания, помогало достичь тех вершин мудрости, на которые он не способен подняться вследствие присущих нормальному человеку определенных особенностей мышления. В душе человека появлялась уверенность в том, что уже совсем близка дотоле ускользавшая психологическая земля обетованная, но она тут же исчезала, оставляя неизбывную печаль и тоску, вызванные пониманием собственной умственной несостоятельности. Оставив лишь некоторый проблеск надежды, подкрепляемой чувством удовлетворения за то, что немалым достижением при такой огромной умственной близорукости является даже смутное понимание цели сокровенных желаний. Вопрос теперь только в том, с помощью каких средств достичь этой самой цели.

— Когда я впервые здесь появился, — рассказывал то и дело запинаясь, Ларри, вглядываясь в лицо Хебстера, как будто он понимал, о чем думает сейчас бизнесмен, — когда я предпринимал первые попытки понять... Я имею в виду диаграммы и справочники, которые я сюда принес, составленные мною таблицы статистических данных, тщательно прорисованные графики определенных зависимостей... — все это оказалось совершенно не нужным. Все, что мне удалось обнаружить, — мелочи, игрушки, не связанные никакими закономерностями, всего лишь жалкие тени настоящих мыслей. Представляете себе, Хебстер, что значит после всего этого такое познать настоящие законы! Вот увидите, какое это будет счастье... Вы будете служить рядом с нами, обязательно будете! О, какая несравненная душевная приподнятость ждет вас...

Речь его вдруг стала бессвязной и взволнованной, заплелись ноги, он вновь повалился ничком на землю. Приблизилась Лузитания, все еще прыгая на одной ноге.

— Ларри, — спросила она очень тихо и нежно, — ради чего ты так страстно уговариваешь Хебстера?

Ларри поднял на нее удивленный взгляд, затем понимающе кивнул. Двое перваков взялись за руки и с огромным трудом снова выбрались на невидимую дорогу, с которой только что свалился Ларри. Какое-то мгновение они еще пристально глядели на Хебстера, похожие на двух загадочных оборванцев с какого-то сюрреалистического полотна.

А затем исчезли. Вокруг же Хебстера сомкнулся совершенно непроницаемый мрак, как будто кто-то вылил с неба невообразимых размеров флакон туши. Он осторожно попробовал землю у себя под ногами и сел на песок, который все еще оставался горячим после знойного аризонского дня.

Теперь!

Предположим, подойдет сейчас к нему пришелец. Предположим, пришелец спросит напрямик, чего же все-таки он хочет добиться? Вот на этот вопрос ему будет очень трудно ответить. Элджернон Хебстер, бизнесмен до мозга костей — в данный момент, правда, похоже, в бегах — не знал, чего ему хочется. По крайней мере — от пришельцев.

Он, с одной стороны, не хотел, чтобы они покинули Землю поскольку технология, получаемая им от перваков и применяемая в добрых двух десятках отраслей промышленности, была по сути результатом адаптации к земным условиям методов, известных лишь пришельцам. Но, с другой стороны, он не очень-то хотел, чтобы они и дальше оставались на Земле, поскольку всеподавляющее превосходство пришельцев, как кислота, разъедало последние остатки чувства собственного достоинства его обитателей.

И в довершение ко всему этому он еще со всей определенностью мог сказать, что лично он ни за что не хочет стать перваком.

Что же, в таком случае, ему оставалось делать? Продолжать как ни в чем ни бывало свой бизнес? Что ж, на этот вопрос дал вполне исчерпывающий ответ Браганца. Какой там бизнес, если спрос будет настолько зарегулирован, что по сути вообще перестанет существовать?

Да и о каком бизнесе можно говорить, если пришельцев, похоже, совершенно не интересует ничего из того, что выставлено на убогих прилавках человечества?

— Но мы обязательно найдем что-нибудь такое, что нужно пришельцам! — громко произнес Хебстер.

Но как? КАК? Что ж, индейцы и сейчас продают декоративные одеяла бледнолицым — для поддержания своего существования, для сохранения традиционного жизненного уклада. Но требуют, чтобы платили им только наличными — не приведи Господь, огненной водой!

“Если бы только, — подумал Хебстер, — изыскать хоть какую-то возможность встретиться с кем-либо из пришельцев — я бы достаточно быстро обнаружил, что ему нужно, каковы его жизненные потребности!”

А затем, когда прямо как по заказу вокруг начали материализоваться самой разнообразной формы бутылки — в виде реторты, в виде вытянутого цилиндра, в виде приплюснутого усеченного конуса, он все понял! Это они формировали в его мозгу вопросы, требовавшие безотлагательного ответа! И пока явно не были удовлетворены теми ответами, которые ему до сих пор удавалось придумать. А им нравилось получать ответы на интересующие их вопросы. В самом деле, очень-очень нравилось. И если он заинтересован в том, чтобы его ответы пришлись им по душе, то почему бы не прибегнуть к уже многократно проверенному методу...

Одна из “точек в бутылке” слегка прикоснулась к коре его головного мозга, и он закричал в отчаянии:

— Нет! Не хочу!

“Дзынь!” — зазвучало в ушах Хебстера, и он стал машинально ощупывать свое тело. Все как будто оставалось на положенных местах, и это приободрило его. Поскольку последние несколько минут испытывал опасение, что его постигнет судьба одной девушки — персонажа древнегреческой мифологии, которая вымолила у Зевса возможность узреть его во всем великолепии и блеске громовержца. Через несколько мгновений после того, как ее просьба была удовлетворена, от этой излишне любопытной особы ничего не осталось, кроме горсти дымящегося пепла.

Бутылки кружились вокруг него в странном замысловатом танце, излучая эмоции в какой-то степени сродни любопытству, однако с некоторой примесью удовлетворения и даже восторга.

Что могло привести их в восторг? Хебстер был совершенно уверен в том, что именно так можно охарактеризовать испытываемые ими чувства, несмотря на всю разницу в образе мышления. Торопливо забросив в глубины памяти всякую бредень, он извлек было несколько более или менее подходящих мыслей, но по зрелом размышлении отверг и их. Что же пытались подсказать ему до сих пор не подводившее его особо изощренное чутье бизнесмена?

Танец усложнился, стал более быстрым. Несколько бутылок прошмыгнуло ему под ноги, но Хебстер все равно продолжал видеть их, волнообразно двигавшихся и одновременно вращавшихся вокруг своей оси на глубине примерно в три метра под поверхностью Земли — впечатление было такое, будто для них земная кора не только прозрачная, но и легкопроницаемая среда. И хотя Хебстер совершенно ничего не знал о пришельцах — как феномен, они его никогда ничуть не интересовали, — и не понимал, что они пытаются выразить в своем танце — вполне возможно, это было своего рода совещание или соблюдение какого-то ритуала — тем не менее, ему было ясно одно: близится кульминация. Небольшие изломанные линии зеленых молний начали проскакивать между многими из этих несуразных бутылок. Что-то взорвалось у самого его левого уха. Он боязливо провел пальцами по щеке и отодвинулся на несколько шагов. Бутылки последовали за ним, продолжая держать его внутри сферы, образованной их неистовыми перемещениями.

Почему ВОСТОРГ? В городах пришельцы обычно зависали почти неподвижно в воздухе, как будто пытались понять, чем занимаются и чем живут люди на поверхности Земли. Они казались бесстрастными и дотошными наблюдателями и не проявляли даже малейшей склонности к... к...

И вот теперь у него кое-что появилось. Наконец, кое-что возникло. Но что можно сделать с идеей, если у тебя нет возможности сообщить о ней и нет возможности самому действовать в соответствии с нею?

ДЗЫНЬ!

Повторено было сделанное несколько ранее предложение, теперь в куда более настоятельной форме. **ДЗЫНЬ! ДЗЫНЬ! ДЗЫНЬ!**

— Нет, — завопил Хебстер, попытавшись выпрямиться во весь рост и расправить плечи. И обнаружил, что не в состоянии этого сделать. — Я не хочу стать перваком!

В голове у него послышался отрешенный, почти божественный смех.

А затем возникло жуткое ощущение какой-то шумной возни в мозгу, как будто два или три существа, отталкивая друг друга, стараются побыстрее выскрести что-то из его памяти. Он плотно сомкнул веки и сосредоточился. Он был близок к цели, очень близок. У него уже сложилось общее представление, но ему нужно было время, чтобы более точно сформулировать пришедшую ему на ум мысль — совсем немного времени на то, чтобы отшлифовать ее, а затем сообразить, как наиболее целесообразно распорядиться ею!

ДЗЫНЬ, ДЗЫНЬ, ДЗЫНЬ! ДЗЫНЬ, ДЗЫНЬ, ДЗЫНЬ!

Голова его раскалывалась от боли. Впечатление было такое, будто кто-то высасывает серое вещество мозга из черепа. Он сделал попытку превозмочь боль. Но из этого ничего не получилось.

Что ж, будь что будет. Внезапно он весь обмяк, прекратив дальнейшие попытки защитить себя. Однако теперь отчаянные вопли исторгались не только из его глотки, но из самого мозга. Впервые за всю свою жизнь, не зная со всей определенностью, к кому обратиться за поддержкой, все естество Элджернона Хебстера взывало о помощи.

— Я могу это сделать! — он то выкрикивал громко эти слова, то мысленно повторял их про себя. — Сэкономить деньги, сэкономить время, сэкономить что вы только ни захотите, — я могу помочь вам сэкономить! Только помогите мне, ПОМОГИТЕ МНЕ... Мы вместе сумеем это сделать — только поторопитесь! Ваши проблемы можно решить... Посредством рационального подхода. Итогового балланса. Только ПОМОГИТЕ...

Слова и мысли переплелись у него в голове точно так же, как все сужающиеся кольца прищельцев вокруг него. Он продолжал кричать, продолжал удерживать в воображении мысленные образы, а тем временем где-то внутри него какая-то бесшабашная сила — и это было совершенно уже невыносимо — помимо его воли начала прекрывать

один за другим последние клапаны, через которые его сознание еще подпитывалось остатками здравого смысла.

Вдруг он почти полностью перестал что-либо ощущать. И столь же внезапно к нему пришло понимание многого такого, о чем он никогда и не мечтал. И даже не задумывался над тем, что когда-нибудь сможет узнать. Он вдруг почувствовал, что каждый нерв его тела находится под контролем его указательного пальца. Он вдруг...

ДЗЫНЬ, ДЗЫНЬ, ДЗЫНЬ! ДЗЫНЬ! ДЗЫНЬ!
ДЗЫНЬ! ДЗЫНЬ! ДЗЫНЬ! ДЗЫНЬ!

* * *

— ... вот как это, — произнес кто-то.

— Как что, например? — спросил кто-то другой.

— Ну... То, что они лежат, и то ненормально. А вот он спит, как и подобает спать человеку. Они во сне корчатся и стонут. Со стороны может показаться, что это не первак спит, а какой-то забулдыга-пропойца. Вот пока мы тут заговорились о столах, наш малыш, похоже, пришел в себя.

Хебстер чуть приподнялся — он увидел, что лежит на армейской койке — и несколько раз тряхнул головой. Почувствовал как оставляют его страхи, а вместе со страхами — он не сомневался в этом — закончатся и все его страдания. Рядом с его койкой стояли крайне озабоченный, даже, пожалуй, расстроенный Браганца и еще один мужчина, скорее всего, врач. Хебстер улыбнулся им обоим, мужественно противясь искушению разразиться потоком нечленораздельных звуков.

— Привет, парни, — произнес он. — А вот и я — как несорванный майский орешек.

— Вы намерены скрыть от меня контакт с пришельцами! — завопил Браганца. — Ведь вы с ними общались, но перваком не стали!

Хебстер оперся о локоть и глянул в сторону откидного полотнища палатки, выполнявшего функции двери, туда, где рядом с входом в палатку напротив застывшего по стойке "смирно", до зубов вооруженного часового стояла Грета Зайденгейм. Хебстер помахал ей рукой, она ответила ему восхитительной улыбкой во весь рот.

— Вы нашли меня, когда я, будто какой-то бездомный бродяга, валялся где-то посреди пустыни?

— Вас найдешь! — огрызнулся Браганца. — Вас, милейший, приволокли перваки. Впервые в истории они снизошли до такого. А мы просто расположились здесь и дожидались, когда вы вернетесь, по простоте душевной полагая, что коль вы возвращаетесь, значит все будет в полном порядке.

Президент корпорации “Хебстер секьюрити” потер пальцами лоб.

— Так оно и будет, Браганца, вот так и будет. Одни лишь перваки, так что ли? Им не помогал никто из пришельцев?

— Пришельцев? — едва не поперхнувшись, воскликнул Браганца. — Что побудило вас предположить... Какие соображения позволили вам надеяться, что... что пришельцы станут помогать первакам нести вас сюда?

— Ну... наверное, мне не следовало употреблять слово “помощь”. Но мне почему-то казалось, что в составе группы, доставившей сюда мое бесчувственное тело, находилось несколько пришельцев. Так сказать, в качестве “почетного караула”, Браганца. Это было бы по-настоящему красивым жестом, ведь верно?

Оэсковец повернулся к врачу, который с нескрываемым интересом следил за разговором.

— Может быть, вы выйдете на минутку? — предложил он.

Он прошел вслед за врачом к выходу и плотно запахнул полог палатки. Затем вернулся к койке и расположился в ногах у Хебстера.

— Так вот, Хебстер, если вы и дальше будете продолжать паясничать, то я выпотрошу ваше брюхо и обмотаю кишками вашу голову. Так что же все-таки произошло?

— Что произошло? — Хебстер рассмеялся и медленно, очень осторожно потянулся, как будто опасался сломать руки. — Не думаю, что мне когда-нибудь удастся исчерпывающе ответить на этот вопрос. И в какой-то мере я даже очень рад тому, что не удастся. Вот что я достаточно четко запомнил: у меня появилась одна весьма заманчивая идея. Я мысленно уведомил о наличии у меня такой идеи другую заинтересованную сторону. Мы — эта другая сто-

рона и я — пришли к заключению предварительного соглашения в качестве уполномоченных представителей. Более точные условия соглашения будут оговорены соответствующими руководящими органами обеих сторон, и окончательно ратифицированы после обоюдного признания обеими договаривающимися сторонами. Более того... Да будет уж вам, Браганца будет! Я говорю со всей откровенностью. Опустите, пожалуйста, складной стул. Не забывайте о том, какие муки мне пришлось претерпеть!

— Вряд ли они страшнее тех мук, которые грозят всему миру в самом ближайшем будущем, — прогромыхал озковец. — Пока вы трое суток прохлаждались в пустыне, Демпси провел генеральную репетицию революции одновременно по всему земному шару. Он оказался достаточно благоразумным, ограничившись шествиями и словесными фейерверками, чтобы не дать нам малейшей зацепки, позволившей бы бросить против его сторонников отряды полиции особого назначения, но совершенно очевидно, что они готовы пустить в ход мускулы тоже. Возможно, это случится даже завтра. Завтра Демпси собирается разглагольствовать по всем программам всемирного телевидения. Вам известен их самый последний лозунг? Верус, обвиняемый в совершении умышленного убийства, провозглашается чепэвистами великомучеником.

— И вас поразило, как быстро начинают обываться ваши самые мрачные подозрения. Сколько сотрудников ОСК оказались скрытыми чепэвистами?

— Не так уж много. Но больше, чем мы ожидали. Больше, чем мы могли себе позволить. И Демпси своего добьется, обязательно добьется — теперь вся надежда только на то, что вам удалось добиться по-настоящему крупного прорыва во взаимоотношениях с пришельцами. Послушайте, Хебстер, — буквально взмолился Браганца, — перестаньте водить меня за нос. И не придирайтесь к моим словам или высказанным мною угрозам. В них не было какой-либо личной озлобленности с моей стороны, только страшная тревога за судьбу нашей планеты, людей ее населяющих и правительства, которое мне положено защищать. А если вы все еще питаете ко мне ненависть, то я, Браганца, даю вам полную свободу выме-

стить ее на моей собственной шкуре так, как вам самому заблагорассудится, сразу же после того, как мы выберемся из этой трясины. Но сначала дайте мне знать, на каком мы находимся свете. Судьба очень многих людей да и дальнейшего хода истории зависит от того, чего вам удалось добиться на этом забытом Богом и людьми клочке пустыни.

И Хебстер рассказал ему обо всем. Начав с исполненной инопланетянами “Вальпургиевой ночи”.

— Чем больше я наблюдал за тем, в каком бешеном, абсолютно неупорядоченном ритме пришельцы снуют из бутылки в бутылку, какие сложные эволюции они совершают в пространстве вокруг меня, тем больше меня поражало, насколько при этом они отличались от задумчивых “точек в бутылках”, зависающих в местах оживленной человеческой деятельности, и тогда я начал догадываться, что между этими существами имеются серьезные различия, а место куда я попал, не является их “домом” в обычном понимании этого слова.

— А как же иначе? И вы выяснили, из какого сектора галактики они сюда прибыли?

— Я совсем не это имел в виду. То, что мы выделили эту местность — и подобные ей в пустыне Гоби, в Сахаре, в Центральной Австралии — в качестве резерваций для тех их соплеменников, рассудок которых не выдержал бремени четкого и ясного понимания собственной неполноценности, еще не дает нам достаточных оснований полагать, что пришельцы, скапливающиеся вокруг поселений перваков, выбрали эти же местности в качестве мест своего постоянного проживания.

— Вот как? — удивился Браганца.

— Иными словами, мы сделали подобное допущение, изначально признавая явное превосходство пришельцев над нами. Но такое допущение, а следовательно, и упомянутое превосходство — базируются на нашем собственном понимании, что лучше, а что хуже. А ведь у самих пришельцев точка зрения на одни и те же вещи может быть совершенно иной, чем точка зрения людей. Вот поэтому-то

рассматриваемое сейчас допущение могло оказаться неприемлемым по отношению к пришельцам, которых... ну, скажем так... обнаруживают в резервациях.

Оэсковец вскочил и несколько раз быстрым шагом обошел палатку, то и дело ударяя своим кулачищем по покрытой потом ладони другой руки.

— Кажется, я начинаю... Вот теперь я начинаю...

— Точно в таком же состоянии находился тогда и я, когда только начинал догадываться. Предположения, которые не выдерживают груза логических построений, возведенных на их фундаменте, стали причиной банкротства бизнесменов, чьи аналитические способности намного превышают мои, и с которыми я бы не рискнул заключать сделки. Стоит вспомнить, например, о тех четверых брокерах, которые после биржевого краха 1929 года...

— Ладно, ладно — перебил его Браганца, снова садясь на стул рядом с койкой. — Так к чему вас тогда в конце концов привели ваши рассуждения?

— Я тогда еще ни в чем не был уверен. Ведь мне приходилось опираться только на случайно проносящиеся у меня в голове мысли, вызванные избытком адреналина в крови, и на ясно осознаваемое ощущение какой-то несуразности поведения собравшихся вокруг меня пришельцев. Я совершенно не ожидал подобного поведения с их стороны. Они мне явно напоминали что-то, вернее, даже кого-то. И я был абсолютно убежден в том, что как только я вспомню, кого, главные препятствия будут преодолены. И я оказался прав.

— В чем же заключалась ваша правота? Что именно вы вспомнили?

— Что ж, для того, чтобы это объяснить, придется совершить некоторый экскурс в недавнее прошлое. Вернуться к аналогии профессора Клейнбохера: бледнолицые спивают "огненной водой" несчастных индейцев. У меня всегда было предчувствие, что именно где-то в этой аналогии кроется отгадка. И вдруг, думая о профессоре Клейнбохере и наблюдая за тем, как эти всемогущие существа совершенно хаотически снуют вокруг меня, словно не находя себе места и от этого испытывая мучения — такое, во всяком случае, у меня сложилось впечатление, я вдруг

понял, в чем заключалась ошибка, которую мы совершаем. Не в самой аналогии, а в том, как мы ее интерпретируем. Мы, можно сказать, собрались колотить орехи молотком, но схватились за боек вместо рукоятки.

Бледнолицые в самом деле давали индейцам "огненную воду" — но при этом и получали кое-что взамен.

— Что же именно?

— Табак. Который, в общем-то, не такое уж страшное зло, если им не злоупотреблять. Однако у белых людей, которые первыми стали курить, голова точно так же шла кругом, как и у тех индейцев, что первыми вкусили спиртного. У алкоголя и табака есть одно общее свойство — они вызывают страшное недомогание, если при первом опыте знакомства с ними принять чрезмерно крупные дозы. Понимаете, Браганца? Пришельцы, находящиеся в резервации для перваков в пустыне Аризона, это больные пришельцы. При столкновении с нашей культурой они столкнулись с чем-то настолько же психологически непереваримым для них, настолько застряло в нашем умственном пищеводe и теперь заставляет нас корчиться от боли нечто такое, что свойственно их культуре и особенностям психики. Вот этих-то больных соплеменников пришельцы и поместили в наши пустынные местности до лучших времен... Пока не удастся устранить причины подобного психологического расстройства.

— Значит, нечто такое, что непереваримо психологически... Что же могло им оказаться, Хебстер?

Бизнесмен раздраженно пожал плечами.

— Не знаю. И не хочу знать. Может быть, у них такой склад ума, что не позволяет бросить решение какой-нибудь проблемы до тех пор, пока не выяснится все до конца, и проблема окажется решена, — но они не могут понять мотивы, которыми руководствуются в своей деятельности люди в силу изначальных коренных различий между ними и людьми. Только потому, что мы не можем понять их, не следует делать вывод о том, что уж они-то понимают нас.

— Но ведь все, что умеем делать мы, они умеют делать лучше.

— Тогда почему они не перестают подсовывать нам перваков с просьбой снабдить их различными давно уже

вышедшими из употребления предметами домашнего обихода или всякой другой трудновоспроизводимой дребеденью?

— Они в состоянии продублировать все, что сотворено человеческими руками.

— Вот в этом-то, скорее всего, и вся загвоздка, — предположил Хебстер. — Они в состоянии продублировать, но обладают ли они способностью создать все это? Они выказывают все признаки принадлежности к расе существ, которым никогда не приходилось что-либо делать самим. Наверное, они очень быстро эволюционировали в животных, способных осуществлять прямой контроль над материей, и таким образом не прошли те стадии развития, что связаны с изобретением орудий труда и их применением. С нашей точки зрения это является колоссальным преимуществом перед нами, но это же неизбежно поставило их в гораздо более невыгодное положение. Сопутствующая такой власти над материей ущербность может заключаться в недоразвитости искусства и отсутствии основополагающих технических знаний для создания тех предметов материальной культуры, которые невозможно получить посредством прямого воздействия на исходное сырье. Как обнаружилось впоследствии, в этом вопросе я оказался полностью прав.

Рассмотрим следующий пример. Музыка не возникает в человеческом обществе как результат теоретических построений. Все это появляется позже, значительно позже. Музыка прежде всего является результатом игры на каком-либо отдельно взятом музыкальном инструменте — тростниковой дудке, обтянутом кожей барабане, наконец, просто человеческой гортани — то есть, функцией чего-то вполне осязаемого, с чем раса, манипулирующая электронами, позитронами и мезонами, никогда даже не столкнется в процессе своего развития: Как только я это понял, то узрел и другие недостатки рассматриваемой аналогии — допущение само по себе.

— Вы имеете в виду допущение, что мы, безусловно, менее развиты по сравнению с пришельцами?

— Совершенно верно, Браганца. Они умеют делать очень многое, чего мы не умеем, однако и сами очень много не умеют, что не требует даже особенного умения от нас. Можно только догадываться, каким множеством вся-

ких способностей, недоступных пришельцам, располагает род человеческий — оставим эти исследования специалистам. Им хватит работы на доброе столетие. И это даже очень хорошо, поскольку отвлечет их от бесплодной политической борьбы на достаточно длительный период времени.

Браганца покрутил в пальцах пуговицу от своего зеленого френча и устремил взор куда-то вдаль, мимо лица Хебстера.

— Значит — никаких научных исследований пришельцев?

— Естественно — ведь пока что из этого все равно ничего не получается, а жить-то, как никак, надо. Смирившись с этой не очень-то приятной для нас ситуацией. Единственное для нас утешение состоит в том, что то же самое придется сделать и пришельцам.

Неужели вам это до сих пор не понятно? Вопрос ведь не в изначальной несовместимости людей и пришельцев. Просто мы не располагаем достаточным количеством фактов, а в данный момент просто не можем добыть их с помощью обычных для наших ученых наблюдений, так как в этом таится психологическая опасность для обеих рас. Наука, мой дальновидный и предусмотрительный друг, это комплекс взаимосвязанных теоретических построений, источником которых может быть только наблюдение!

Вспомните, например, о том, что задолго до того, как появилась такая наука, как навигация, многочисленные купцы, прижимавшиеся к берегам или перетаскивавшие волоком свои челны из одной реки в другую, прекрасно знали, как воздействуют на их утлые суденышки различные течения, научились определять их курс по звездам и по относительному положению Луны на небосводе — не питая ни малейшей склонности к тому, чтобы объединить эти разрозненные обрывки знаний в более широкие теории. И только тогда, когда этих обрывков знаний накопилось достаточно много и появилась возможность отделить предрассудки от подлинных фактов, навигация оформилась как наука, обеспечивающая хотя бы минимальные гарантии не утонуть судам, отправляющимся в дальние плавания.

Купца не интересует теория. Он заинтересован только в том, чтобы обменять что-нибудь, что блеснит, на то, что блеснит еще ярче. Но занимаясь своим делом, он вынужден, по крупицам собирать факты, которые постепенно сужают сферу непознанного. А затем в один прекрасный день этих крупиц знания оказывается достаточно, чтобы, исходя из предварительных, довольно смутных догадок выстроить рабочую гипотезу. И только после этого какой-нибудь Клейнбохер будущего, действуя в обществе больше уже не подверженном опасности неожиданных умственных расстройств, сможет сформулировать точные законы, исходя из наиболее очевидных и оправдывающихся на практике гипотез.

— Похоже на то, что я не ошибался, предчувствуя, что уж если вам удастся вернуться, то не с пустыми руками, Хебстер! Значит, следует пока что задвинуть как можно подальше теоретиков обеих рас, а на авансцену выпустить торговцев. Вот только как нам установить контакт с их торговцами — если таковые вообще среди них водятся?

Президент корпорации “Хебстер секьюрити” спрыгнул с койки и начал одеваться.

— Они у них есть! Не скажу, что это нечто вроде Совета директоров, но коммерчески настроенные пришельцы имеются. Как только я понял, что поведение “точек в бутылках”, в отличие от не потерявших душевного равновесия их коллег-ученых, сродни поведению наших собственных перваков — обладателей высокого коэффициента умственного развития, то сразу же решил, что мне нужна помощь. Мне был нужен кто-нибудь, с кем я смог бы переговорить о волнующих меня проблемах, кто-нибудь такой из пришельцев, для кого было не менее важно, чем для меня, найти решение возникших перед нами общих проблем. Где-то непременно должен был фигурировать пришелец, ведущий учет достижений и потерь той меновой торговли, которую вели пришельцы при посредничестве перваков с такими бизнесменами, как я. Тот, кого должно было интересовать, каким будет выигрыш от затраченных ими времени, сырья, энергии и кадров. Я точно знал, о чем стану с ним говорить — о бизнесе. Подход — элементарнейший. Что у вас есть, необходимое для нас, и какой минимум вы за это хотите из того, что есть у нас.

Без каких-либо попыток понять совершенно непостижимое мировоззрение. Среди участников экспедиции обязательно должен был найтись такого рода индивидуум. И вот я закрыл глаза и издал, как я наивно надеялся, телепатический вопль, адресованный именно этому пришельцу. Мне повезло.

Разумеется, удача вполне могла от меня отвернуться, если бы он сам не дожидался все это время как раз такого рода телепатического вопля. Он явился в самый последний момент — как отряд кавалеристов США, спасающий в вестернах хороших благородных парней от изуверов-краснокожих, — вернул назад, в подсознание, мой вытекавший сквозь душевные раны внутренний мир и перетащил меня в какой-то совершенно недоступный моему воображению корабль. В этом межзвездном варианте гроба Мухаммеда, подвешенном между Небом и Землей, я пробыл трое суток, в течение которых он попеременно то торговался со мною, то консультировался со своим начальством, оставшимся в головной конторе, по вопросам, связанным с нашими переговорами.

Мы с ним торговались точно так же, как я это делаю с перваками — просматривая перечень того, что каждый из них мог бы предложить, и сравнивая его с тем, в чем мы испытываем потребность. Каждый из нас старался получить чуть больше, чем отдавал другой стороне — разумеется, исходя из своих собственных понятий о выгоде. Купля-продажа — по сути, крайне простой процесс. Как я себе представляю, то, что происходило между мной и пришельцем, практически ничем не отличалось от аналогичных переговоров между финикийским моряком и раскрашенным синей глиной кельтом-обитателем древней Британии.

— И этот... этот пришелец-бизнесмен ни разу даже не заикнулся о возможности взять силой то, что им нужно...

— Силой? Нет, Браганца, ни разу. Пришельцы, возможно, слишком цивилизованны для этого. Но — это личное мое мнение — главная причина такого благородства заключается в том, что они не имеют ни малейшего понятия, что именно им на самом деле от нас нужно.

Мы для них являемся совершенно неразрешимой загадкой — для них мы существа, которые используют материю

для изменения материи, производя при этом предметы, которые, хотя и предназначены для выполнения примерно одинаковых функций, чрезвычайно друг от друга отличаются. Об этом вот что можно сказать: мы задаем вопрос "как?", когда интересуемся тем, что они делают, они же хотят знать "зачем?" мы занимаемся тем или иным делом. Их исследователи испытывают куда большее недоумение, чем наши. Насколько я разобрался, до сих пор они встречались только с доступными их пониманию разумными существами, поскольку развивались примерно по тому же самому эволюционному пути. Всякий раз, когда кто-либо из их исследователей всерьез начинал изучать вопрос, почему наши одежды отличаются таким разнообразием красок даже в тех климатических зонах, где вообще можно обходиться без одежды, он так стремительно соскальзывал в пучину непонимания, что только брызги летели во все стороны.

Разумеется именно поэтому мой коллега все это время испытывал крайнее беспокойство. Мне не известен его официальный статус — он может оказаться кем угодно: от бухгалтера до коммерческого директора экспедиции — но именно он отвечал, так сказать, горлышком своей бутылки за экономическую оправданность экспедиции. И еще я пришел к заключению, что занимаемое им положение обязывает его остерегаться опасностей, которые таит в себе стремление познать непознаваемое, зачастую приводящее его психологически нестабильных соплеменников в приюты для умственно неполноценных, которые как раз он и насоружал в наших пустынях. Между тем, те пришельцы, которым удастся сохранить душевное здоровье, постоянно выказывают презрение к нему. Они, видите ли, возомнили, что именно от их нормального функционирования зависит успех экспедиции, а вот он — не более, как суперкарго. Вы думаете, их хоть сколько-нибудь беспокоит, — тут Хебстер возмущенно фыркнул — что ему еще нужно подготовить всю отчетную документацию, показать, каково положение всей экспедиции на языке балансовых ведомостей...

1 Лицо, ведающее грузом на судне заграничного плавания; обычно — второй помощник капитана. — Прим. переводчика.

— Ну что ж, вам хоть в этом удалось найти с ним общий язык, — ухмыльнулся Браганца. — Возможно, что как раз торговцы, выработавшие простой и серьезный подход к проблеме установления контактов — подход на чисто коммерческой основе, и дадут нам ключ к решению всей проблемы в целом. Вы, безусловно, предоставили в наше распоряжение гораздо больше данных, имеющих принципиальное значение, чем удалось раздобыть за несколько лет щедро субсидируемых изысканий. Хебстер, я хочу, чтобы вы вышли в эфир с рассказом, которым поделились со мною, и показали телезрителям парочку перваков из числа пришельцев.

— Ха-ха. Вот сами и расскажите! Пока ваша контора еще не растеряла весь былой престиж. Я же со своей стороны передам мысленное послание своему дружку из пришельцев по особому персональному каналу связи, который он оставил свободным специально для меня, и он пришлет вам парочку воспылавших особой любовью к людям “точек в бутылках” для показа во время этой вашей телетрансляции. А пока мне необходимо как можно быстрее смотаться в Нью-Йорк и засадить всю мою контору за поистине энциклопедическую работу.

— Энциклопедическую?

Директор корпорации затянул потуже пояс и потянулся за галстуком.

— А как иначе назвать первое издание “Межзвездного каталога Хебстера всех достижений человечества и доступных товаров”, с указанием цен по мере поступления заказов? А то, что эти цены подвержены изменениям без особого уведомления, по-моему, понятно всем во Вселенной без каких-либо особых разъяснений.

БУНТ МУЖЧИНИСТОВ

THE MUSCULINIT REVOLT

Ballantine Books

New York

1963

ГЛАВА I

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ ГУЛЬФИКА

Историки, занимающиеся периодом между 1990 и 2015 годами, до сих пор яростно спорят между собой о причинах Бунта мужчинистов. Некоторые рассматривают его как сексуальное землетрясение в масштабах всей страны, причем весьма запоздавшее. Другие настаивают на том, что один пожилой холостяк основал Движение только для того, чтобы избежать банкротства, не увидев в нем того жуткого монстра, в которого оно превратилось и который сожрал живьем и его самого. Так вот, П. Эдуард Поллиглоу — последователи дали ему ласковое прозвище “Старина Пэп” — был последним представителем славившейся в течение многих поколений династии производителей мужской одежды. Принадлежавшая Поллиглоу фабрика выпускала изделия только одного наименования — универсальный мужской комбинезон — и всегда работала на полную мощность, пока не вошла в моду взаимозаменяемость мужской и женской одежды. И тогда совершенно неожиданно, казалось, всего за одну ночь, не стало рынка чисто мужских одеяний.

Поллиглоу решительно отказывался признавать, что и он сам, и весь его отлаженный производственный механизм стали теперь абсолютно никому не нужны в результате каприза моды. Неужели унификация одежды ликвидирует все половые отличия? — Ну-ка, попробуйте заста-

вить нас стерпеть подобное, — зубоскалил он поначалу. — Только попробуйте! Тем не менее, испещренные красными чернилами страницы гроссбухов фирмы показывали, что его братьям по полу, как бы недовольны подобным нововведением они ни были, все-таки приходилось терпеть такое положение.

Поллиглоу начал проводить долгие часы в размышлениях дома вместо того, чтобы засиживаться в тишине своего служебного кабинета. А размышлял он, главным образом, о том, насколько энергично женщины подминали под себя мужчин на протяжении всего двадцатого столетия. Тех самых мужчин, что еще совсем недавно гордились принадлежностью к сильному полу, умели при необходимости постоять за себя, всласть наслаждались всеми привилегиями, которые давал им наивысший статус в человеческом обществе. Что же все-таки произошло?

Началом всех нынешних неприятностей, решил Поллиглоу, послужили некоторые веяния в женской моде, появившиеся незадолго до начала первой мировой войны. Первого проказника, злую шутку которого Поллиглоу ощутил на состоянии своего банковского счета, звали “мужской покрой”.

В применении к женской одежде “мужской покрой” означал необыкновенно тщательную выделку некоторых фасонов твидовых юбок и шерстяных пальто. Затем в моду вошло подражание отдельным предметам мужской одежды — женские брючки, блузки, напоминавшие фасоном мужские рубашки, туфли, похожие на мужские полуботинки. По-сути, это была самая настоящая мужская одежда, несмотря на то, что украшалась она оборками или складками и получала названия более приличествующие женской одежде или просто уменьшительные производные от названий предметов мужской одежды. Затем пришла эпоха одежды “для него и для нее”. К 1991 году мода на такую одежду стала повальной. Параллельно с процессом унификации одежды укреплялось положение женщин в жизни общества, набирало силу их политическое влияние. АДТК — Антидискриминационная трудовая комиссия, или Комис-

1 Красными чернилами в бухгалтерском учете отмечаются долги и убытки фирмы. Прим. переводчика

сия по борьбе с дискриминацией в сфере трудоустройства и профессиональной подготовки — в своей деятельности начала особенно рьяно напирать на отмену любых ограничений, обосновываемых ссылками на существование определенных половых различий между мужчинами и женщинами. Постановление Верховного суда по делу “Агентство по найму” миссис Стауб в поддержку лиги женщин-спортсменок против Федерации бокса штата Нью-Йорк” торжественно провозгласило закон в исторических словах судьи Эмелины Крэтгли: “Пол любого человека — это его глубоко личное дело, ограничивающееся его кожными покровами. Во всем, что находится по внешнюю сторону кожи индивидуума — в быту, в трудовой деятельности и даже в одежде — оба пола законом должны рассматриваться как взаимозаменяемые во всех отношениях, кроме одного — традиционного долга мужчины поддерживать благополучие семьи на пределе его физических возможностей, этого неизменного краеугольного камня любого цивилизованного существования”. Двумя месяцами позже взаимозаменяемый стиль одежды впервые дебютировал в парижских салонах мод. Явился он миру в виде, разумеется, еще одной версии многоцелевой длинной рубахи, своего рода туники с короткими рукавами, которую повсеместно носили в то время. Однако теперь произошло полное слияние мужского фасона с женским, и одежда стала унифицированной и взаимозаменяемой.

Вот это-то слияние и погубило бизнес Поллиглоу. В условиях отсутствия необходимости придавать одежде определенные специфические черты, характерные только для мужской одежды, все, что получил по наследству Поллиглоу от целой вереницы предков — производителей мужской одежды: производственное оборудование, многочисленная оснастка, опыт целой плеяды дизайнеров, — все это в одно мгновение стало морально устаревшим и неспособным выдержать конкуренцию с поднаторевшими на выпуске взаимозаменяемой одежды компаниями, располагавшими к тому же более широкими возможностями, поскольку все они раньше специализировались на женской одежде, объем выпуска которой всегда намного превышал объем выпуска мужской и вследствие этого позволял внедрять в гораздо больших масштабах и механизацию произ-

водства, и автоматизацию, и компьютеризацию, и роботизацию и все прочие “зации” — позволявшие повышать рентабельность производства. А морально устаревшее оборудование Поллиглоу теперь ожидала печальная участь пойти за гроши с молотка на одном из ближайших аукционов. Отчаяние все сильнее охватывало Поллиглоу. Но вместе с ним — и вполне естественная злость. Однажды вечером он засел за изучение костюмов давно минувших эпох. И первое, что бросилось в глаза Поллиглоу, — они не только подчеркивали чисто мужские достоинства, но зачастую и преувеличивали их до такой степени, что ни одна женщина не осмелилась бы одеть подобный костюм.

Вот, например, фасоны конца девятнадцатого столетия. Они определенно были чисто мужскими, так как не сохранилось ни одной фотографии или картины, на которой можно было бы увидеть женщину в подобном одеянии, хотя, в общем-то ничто не могло помешать ей вырядиться мужчиной, если б она сама вдруг того захотела. Конечно, для современной эпохи, с более мягким климатом и перспективой искусственного управления погодой такие костюмы казались слишком уж громоздкими и неудобными. Чем дальше столетие за столетием углублялся Поллиглоу в прошлое, тем печальнее качал головой, когда напрягая зрение, вглядывался в не очень-то четко выполненные древние гравюры. И совсем уже угрюмо рассматривал разорившийся бизнесмен изображения рыцарей в латах, тщетно пытаясь представить себе кольчугу с застежкой “молния” на спине. Наконец он устало откинулся назад и обратил внимание на мужской портрет времен пятнадцатого столетия, лежавший у его ног среди груды других просмотренных ранее картин.

Вот это мгновение и стало тем отправным пунктом, с которого началось исчисление эпохи мужичнизма.

Большую часть портрета прикрывали несколько других рисунков. Теперь тесно облетающих пухлые мужские ноги гладких лосин, глянув на которые Поллиглоу несколькими минутами раньше тут же в отвращении закусил стариковские высохшие губы и не стал изучать портрет более тщательно, поч-

ти не было видно. Зато особенно четко просматривался выразительный клинообразный выступ, который ни с чем нельзя было спутать: усталому взору Поллиглю во всей своей неповторимости предстал... ГУЛЬФИК!

Этот небольшой мешочек, который некогда пришивали впереди лосин или бриджей — как легко его можно было бы добавить к мужскому комбинезону! Такая деталь одежды была, бесспорно, окончательно и бесповоротно только чисто мужской! Любая женщина, разумеется, тоже могла облачиться в подобный комбинезон, но для нее гульфик будет не только абсолютно бесполезным, но неоправданным никакими функциональными или эстетическими соображениями, но — и это самое страшное для женского самолюбия — еще и сделает ее посмешищем в глазах окружающих.

Поллиглю работал всю ночь, делая грубые наброски для своих модельеров. И даже тогда, когда он в конце концов, совершенно уже обессилив, свалился в постель, в нем все еще бурлил такой энтузиазм, что он позабыл про сон и, приподнявшись на локтях, оперся ноющими от усталости лопатками об изголовье кровати. Перед его мысленным взором плясали видения миллионов гульфиков, раскачивавшихся из стороны в сторону. Они волна за волной накатывались в его возбужденном воображении, пока он вглядывался в темноту.

Но оптовики отказались брать новый фасон. Старый комбинезон Поллиглю — да, пожалуйста: пока еще оставалось какое-то небольшое количество консервативно настроенных мужчин, скептически относившихся ко всяким новомодным штучкам-дрючкам и предпочитавших привычные и более удобные в носке фасоны. Но кому, скажите на милость, взбрет в голову принять это отнюдь неэстетическое новшество? Зачем бросать столь откровенный вызов общепринятой догме взаимозаменяемости полов, размахивая гульфиком, как флагом, прямо перед лицами многочисленных правозверных?

Он терпеливо учил своих продавцов не использовать подобные аргументы в качестве извинения за провал его затей. "Продавая такие комбинезоны, надо налегать на следующие два лозунга: обособленность и дифференциация! — кричал он на них, когда они швыряли в его ка-

бинет целые кипы непроданных комбинезонов с гульфиками. — Надо научиться продавать их, исходя из изначально присущих мужчинам отличий от женщин! Это наша единственная и последняя надежда — да и надежда всего нашего мира!” Поллиглоу почти не обращал внимания на то, что с каждым днем его бизнес чахнет все больше и больше. Он хотел спасти мир. Он был потрясен до глубины души явившимся ему откровением: он обязан во что бы то ни стало возродить гульфик, только он и никто другой. А всем остальным придется лишь смириться с этим — для своего же собственного блага. Он залез в громадные долги и развернул скромную рекламную кампанию. Игнорируя наиболее дорогостоящие средства массовой информации, собирающие многомиллионную аудиторию, он сосредоточил свои скудные средства на сферах развлечения, предназначенных исключительно для мужчин. Его реклама появилась в некоторых имевших высокий зрительский рейтинг телепрограммах — таких, например, “мыльных операх”, как “Муж сенатора”, — и в наиболее популярных журналах для мужчин — “Признания ковбоя” и “Скандальные истории, случавшиеся с воздушными асами времен первой мировой войны”. Содержание рекламы не отличалось разнообразием, независимо от того, были ли это одностраничные цветные вклады или шестидесятисекундные телевизионные клипы. Взору читателей или зрителей обычно предстал здоровенный детина с таким выражением лица, которое красноречивее всяких слов предлагало всем окружающим катиться к чертовой матери. Он курил огромную черную сигару, на голове его красовался коричневый котелок, небрежно сдвинутый набекрень. И был он одет, естественно, в комбинезон Поллиглоу фасона “Только для мужчин”, впереди которого свисал огромный гульфик зеленого, желтого или красного, кричаще красного цвета. Первоначальный текст состоял из пяти выразительных строк:

МУЖЧИНЫ ОТЛИЧАЮТСЯ ОТ ЖЕНЩИН!

Одевайтесь иначе!

Одевайтесь, как подобает не девочке, но мужу!

Носите на здоровье комбинезоны Поллиглоу

“Только для мужчин” —

с особым, придуманным Поллиглоу, гульфиком!

Тем не менее, еще в самом начале рекламной кампании специалист по изучению рыночной конъюнктуры, нанятый рекламным агентством Поллиглоу, подчеркнул, что словосочетание “как подобает... мужу” ассоциируется со словом “мужеподобно”, что в свою очередь, приобрело довольно сомнительный оттенок за последние несколько десятилетий. В умах людей “мужеподобие” стало фактически приравняться по значению к “мужеложству”. В наши дни, утверждал специалист, если вы скажете кому-нибудь, что он внешне “мужественен” или, что еще хуже, “подобен истинному мужу”, он подумает, что вы подозреваете в нем педераста. — Как вы отнесетесь к выражению “Одевайтесь мужчиристо”? — предложил специалист. — Это значительно смягчит неблагоприятное впечатление. Все еще продолжавший сомневаться Поллиглоу решил проэкспериментировать с измененной редакцией в одном из вариантов рекламы. Новое выражение казалось ему не очень-то благозвучным и нарушающим общепринятые нормы словообразования. Поэтому он добавил еще одну строку, пытаясь придать “мужчиности” чуть большую напористость. Окончательная редакция звучала так:

МУЖЧИНЫ ОТЛИЧАЮТСЯ ОТ ЖЕНЩИН!

Одевайтесь иначе!

Одевайтесь мужчиристо!

Носите комбинезоны Поллиглоу

“Только для мужчин” —

с особым, придуманным Поллиглоу, гультфиком!

(и вступайте в клуб мужчиристов!)

Успех превзошел самые смелые ожидания Поллиглоу. Реклама сделала свое дело. Тысячи и тысячи запросов стали поступать со всех концов страны, из заграницы, даже из Советского Союза и красного Китая. Где можно приобрести комбинезон Поллиглоу “Только для мужчин” с особым, придуманным Поллиглоу, гультфиком? Что еще нужно для того, чтобы вступить в клуб мужчиристов? Каковы основные требования, предъявляемые к мужчиристам, каков устав их клуба? Какова величина членских взносов? Оптовики, осаждаемые потребителями, жаждущими приоб-

рести комбинезон с гульфиком, цвет которого резко контрастировал бы с цветовой гаммой комбинезона, обратились к изумленным продавцам Поллиглоу с визгливыми мольбами. Продавцы были потрясены объемами заказов, обрушившихся на скромную фабрику Поллиглоу. Десять дюжин, пятьдесят дюжин, сто дюжин! И притом немедленно — если это вообще возможно! П. Эдуард Поллиглоу снова был на коне. Бизнес его процветал. Все возрастал, и возрастал, и возрастал объем производства, в такой же пропорции все увеличивалась, и увеличивалась, и увеличивалась продажа. От вопросов о клубе мужичиштов он отмахивался, ссылаясь на объявление о его существовании как на забавный рекламный трюк. Он был упомянут только в качестве стимула к изменению моды — одев комбинезон с гульфиком, вы тем самым автоматически попадаете в некий круг избранных. Два фактора, появившиеся практически одновременно, побудили Поллиглоу серьезно задуматься над этим вопросом: конкуренция и встреча с Шепардом Леонидасом Мибсом. Одного изумленного взгляда на неожиданно возникшую новую империю Поллиглоу в сфере швейного производства было вполне достаточно для любого другого производителя одежды, чтобы начать выпуск все тех же длинных туник взаимозаменяемого фасона — теперь вся ирония заключалась в том, что они уже никак не могли быть взаимозаменяемыми — с добавлением гульфика. Они были вынуждены признать, что Поллиглоу один, без чьей-либо посторонней помощи, самым коренным образом изменил основную тенденцию в сфере мужской одежды, что гульфик вернулся в нее как возмездие за все прежние страдания производителей мужской одежды и надолго станет неотъемлемой принадлежностью мужского туалета, но почему должен существовать один лишь “гульфик Поллиглоу”? Почему не имеет права на жизнь “гульфик Рэмботтома” или “гульфик Геркулеса” или “гульфик Рэнгэкланга”? А поскольку многие из них располагали гораздо большими производственными мощностями и могли позволить себе расходувать на рекламу куда большие средства, ответ, который они дали на задаваемый самим себе вопрос, заставил Поллиглоу вспомнить о том жалком вознаграждении, которое когда-то получил Колумб, и поверг его в тоску и печаль. Ему оставалось только одно — ка-

ким-нибудь образом подчеркнуть уникальность “гульфика Поллиглоу”. Как раз в этот критический момент он и встретился с Шепардом Леонидасом Мибсом. Мибс — “Стариной Шепом” называли его те, которые, признав превосходство его мировоззрения, стали ревностными его последователями — был вторым великим триумвиром мужчинизма. Это был весьма своеобразный неутомимый человек, исколесивший всю страну и поменявший десятки профессий в поисках места в обществе. В колледже он был подающим надежды спортсменом-универсалом, несколько раз выступал на профессиональном боксерском ринге, но особых лавров не снискал, бывал голодающим бродягой и охотником на крупную дичь, поэтом, декламирующим свои стихи в кафе, посещаемых богемой, и поваром в придорожных забегаловках, случалось, что не брезговал малопочтенным промыслом сутенера — кем только он ни был, разве что натуралистом в фотоателье. Но жизнь распорядилась так, что довелось ему покрасоваться и перед объективами камер — после того, как его свирепое лицо, навсегда перекошенное страшным ударом полицейской дубинки в Питтсбурге, привлекло внимание рекламного агентства Поллиглоу.

Его фотоснимок был использован в одном из рекламных объявлений. На долю этого объявления не выпал какой-либо особо шумный успех, бросавшийся в глаза специалистов по части рекламы, и от услуг Мибса отказались по просьбе фотографа, которому до чертиков надоели настоячивые требования Мибса присовокупить шпагу к аксессуарам нового наряда Поллиглоу — котелку, сигаре и, разумеется, гульфику. Каким-то шестым чувством Мибс понял, что прав на все сто процентов. Он стал бичом рекламного агентства, заходя в него изо дня в день и пытаясь убедить всех и вся в том, что в рекламе Поллиглоу должны обязательно наличествовать или меч, или шпага, даже, пожалуй, лучше длинный-предлинный меч и чем больше и тяжелее, тем лучше. — Меченосец тут как тут, — мгновенно реагировала на его приближение секретарша, объявляя об этом по интеркому, после чего получала произнесенный шепотом ответ художественного руководителя агентства: “Ради Бога, скажите ему, что я еще не вернулся с ленча”.

Поскольку ему все равно нечем было себя занять, Мибс почти целыми днями просиживал на прикрытом плотным чехлом диване во внешней приемной агентства, изучая рекламы, разработанные в ходе проведения начатой Поллиглоу кампании, и тщательно разбирая достоинства и недостатки каждой из них, списывая при этом трудноразборчивыми каракулями множество страничек в небольшой черной записной книжке. В конце концов с ним настолько свыклись, что стали просто рассматривать его в качестве еще одного предмета мебели приемной.

А вот Поллиглоу сразу же обратил на него самое пристальное внимание. Прибыв в один прекрасный день в агентство для того, чтобы обсудить перспективы новой рекламной кампании с заведующим агентства — кампаний, которая должна была каким-то образом особо подчеркнуть выдающиеся качества “гульфика Поллиглоу”, который, раз он уже был принят широкими кругами общественности, нельзя было менять ни при каких обстоятельствах, — он разговорился с очень странным на вид, жутко уродливым, но искренним и горячим молодым человеком.

— Можете сказать заведующему, — бросил Поллиглоу секретарше, уходя в ресторан вместе с Мибсом, — что я велел убираться ему ко всем чертям. Я нашел то, что уже давно искал.

Меч был прекрасной идеей, Поллиглоу сразу же это понял, чертовски заманчивой идеей. Для него всегда найдется место в рекламе. Но куда больше заинтересовали его некоторые мысли, которые были с особой тщательностью изложены в небольшой черной записной книжке Мибса.

“Если всего лишь одно упоминание о каком-то там клубе мужичнистов так резко повысило эффективность рекламы, — задавался вопросом Мибс, — то почему бы не употребить с еще большей пользой это упоминание? Общество давно уже испытывало острейшую нужду в чем-то подобном”.

— Рассмотрим в качестве примера вот что. Когда с улиц американских городов вдруг исчезли элементарные пивные, не говоря уже о бывших принадлежностью каждой порядочной улицы салунах, то единственным местом, где мужики могли спрятаться от баб, стали парикмахерские. Теперь, когда общепринятой стала эта чертова универсальная короткая стрижка, у них отняли даже это. Куда теперь

мужику податься — разве что в уборную, но они, похоже, взялись уже и за объединение уборных. И быюсь об заклад они своего добьются и здесь!

Поллиглоу неторопливо пил горячее молоко и понимающе кивал Мибсу.

— Вы считаете, что клуб мужичнистов заполнит пробел в жизни современных наших братьев по полу? В качестве заведения, куда строго заказан вход женщинам, как скажем, в английские частные клубы для джентльменов?

— Ни в коем случае! Да, мужики мечтают о таких местах, которые бы предназначались исключительно для них — что-нибудь такое, куда не совали бы свой нос женщины — но, разумеется, это не должны быть частные клубы для избранных. Сейчас время не то. Каждый только и твердит, что нет в нем ничего такого уж особого, что он — просто обыкновенный человек. И мужчина — человек, и женщина — человек. Разницы, вообще-то, никакой. Так вот, мужчины хотят чего-нибудь такого, что воздействует на их умы точно так же, как гульфик, что говорило бы им, что они не просто люди, — что они — мужчины! Такое место, куда бы они могли забиться, чтобы не слышать того вздора, который им все жужжат и жужжат прямо в уши, что мол, именно женщины — лучшая часть человечества. Что, настоящим мужчинам нет необходимости забивать себе голову глупыми требованиями “мужичнистости”. И так далее, и тому подобное. Его красноречие было таким впечатляющим и таким убедительным, что Поллиглоу, заслушался, не обращая внимания на свое давно простывшее молоко. Он заказал себе еще один стакан горячего молока, а Мибсу — очередную чашку кофе.

— Итак, клуб, — как бы размышляя вслух, произнес он, — единственным требованием к членству в котором была бы принадлежность к мужскому полу.

— Вы так до сих пор и не усекли сути того, что я предлагаю. — Мибс подхватил чашку с дымящимся кофе и опрокинул его к себе в нутро одним чудовищным глотком. Затем подался всем туловищем вперед, в глазах его появился фанатичный блеск. — Даже не клуб — движение! Движение за права мужчин, ведущее пропаганду против позорных законов о разводах, которыми нас опутало бабье; занимающееся изданием книг, в которых говорилось

бы о том, насколько хорошо во всех отношениях быть мужчиной, а не женщиной. Движение со своими газетами, песнями и лозунгами. Хотя бы вот такими: "Только в клубе мужичиство мужчина чувствует себя дома!" Или: "Мужичиство всего мира, соединяйтесь!" И еще: "Вам нечего терять, кроме своих яиц!" Понятно? Движение.

— Да, движение! — едва не поперхнувшись, пролепетал Поллиглоу, наконец-то поняв, что к чему. — Движение, официальной эмблемой которого будет "гульфик Поллиглоу"! И, пожалуй, различные гульфики для различных...

— ...для мужчин, занимающих в нем различное положение, — закончил за него Мибс. — Зеленые, скажем, для новичков, еще только проходящих кандидатский стаж. Красные — для полноценных мужичиство. Синие — для мужчин первого сорта. А белые — белые мы сохраним для мужчин самого высшего ранга — супермужчин. И, пожалуйста, у меня тут есть еще одна идея... Но Поллиглоу его уже не слышал. Он откинулся на спинку стула, его серое, осунувшееся лицо вдруг озарилось каким-то особо чистым, почти божественным светом.

— Только наличие утвержденного патентным ведомством США товарного знака удостоверяет подлинность, — шептал он. — Только товарный знак с официально утвержденным символом "подлинного гульфика Поллиглоу" и соответствующим регистрационным номером...

Соглашение, достигнутое за этим ленчем, вошло в анналы мужичиства. Чуть позже в этот же исторический день Поллиглоу подписал контракт, в соответствии с которым Шепард Л.Мибс назначался начальником отдела по связям с общественностью фирмы "Поллиглоу Энтерпрайзис".

Ко всем новым рекламным объявлениям теперь прилагался следующий отрезной купон:

**ХОТИТЕ УЗНАТЬ, ЧТО ТАКОЕ МУЖИЧИСТВО?
ХОТИТЕ ВСТУПИТЬ В КЛУБ МУЖИЧИСТОВ?**

Заполните этот купон и отправьте по почте по нижеприведенному адресу. Совершенно бесплатно и без каких-либо обязательств — сколько угодно экземпляров информационных буклетов и других всевозможных сведений об этом мощном новом движении!

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДЛЯ МУЖЧИН!

Почта не успевала справляться с горами купонов. В бизнесе Поллиглоу наступил подлинный бум. Небольшой двухстраничный буклет, который рассылался первым кандидатам, вскоре превратился в двадцатистраничный еженедельник "Новости мужчинизма". От него, в свою очередь, получили путевку в жизнь ежемесячный цветной иллюстрированный журнал "Волосатая грудь" и очень популярная телевизионная программа "Между нами, мужиками, говоря..." Каждый выпуск "Новостей мужчинизма" украшала шапка, составленная из лозунга Поллиглоу "Мужчины ОТЛИЧАЮТСЯ от женщин" и лозунга Мибса "Мужчины не хуже женщин". Под выполненным штриховыми линиями портретом Поллиглоу в левом верхнем углу стояла надпись "Наш отец-основатель — Старина Пэп", а чуть ниже — выведенная крупным шрифтом через всю страницу рубрика "Старина Пэп говорит начистоту...", под которой помещалась передовица номера. Передовица зачастую сопровождалась карикатурой. Например, такой: мужчина со свирепым лицом и прической в виде высокого петушиного гребня решительно надвигается на толпу тесно жмущихся друг к другу от страха широкобедрых и грудастых женщин. Подпись под карикатурой: "Петух, гуляющий сам по себе". Или еще более поучительный сюжет: несколько сотен крохотных цыплят вокруг мужчины, на котором абсолютно ничего нет, кроме огромного гульфика. Вдоль всего гульфика надпись, выполненная вкривь и вкось, омерзительно здесь неуместного, но в высшей степени патристического изречения по-латыни, и перевод для тех, кто в нем нуждается: "Из одного — много!"² Довольно часто на этих карикатурах обыгрывались и злободневные события. Один мужчина, недавно казненный за умышленное убийство своей возлюбленной, был изображен с

1 Обыгрывается двусмысленность выражения, поскольку в английском языке одним и тем же словом обозначаются понятия "петух" и "мужской половой член", причем последнее является не эвфемизмом, а наиболее близким лингвистическим эквивалентом известного каждому русскому слова из трех букв. Кроме того, вся подпись в целом перефразирует название знаменитой сказки английского писателя Р. Киплинга "Кошка, которая гуляла сама по себе". — Прим. переводчика

2 Перефразировка девиза на гербе США — "Из многих — единственное". — Прим. переводчика.

окровавленным топором в руках между рисунками, изображающими расстрел русского царя Николая II большевиками и разрывающего цепи рабства Авраама Линкольна. Газета в данном случае проявляла характерное для самой желтой прессы пренебрежение к истинному положению дел. В чем бы ни был замешан мужчина, в соответствии с исповедуемой газетой моралью, он всегда находится под покровительством самого неба, по ту сторону, так сказать, добра и зла.

“Разговоры Шепса начистоту” сводились к всевозможным увещаниям и призывам в выражениях, господствующих в раздевалке стадиона в перерыве между таймами футбольного матча. Лейтмотивом их обычно бывали вот такие сентенции: “Мужчины — потерянный пол в Америке, поскольку мужчинами пренебрегают все больше и больше и не считают их людьми не только в семье, на улице, на работе, но и в масштабах всей страны в целом. В наши дни все направлено только на то, чтобы лишить их чувства собственного достоинства и понизить общественный статус. Но кому из них не захочется стать сильным, вместо того, чтобы униженно ползать на коленях стать твердым духом, а не мягкотелым слизняком? Так давайте же постоим за себя, мужики Америки! Выше голову, настоящие мужчины!”

Существовала довольно обширная аудитория для подобного рода чтива, о чем свидетельствовало постоянное увеличение тиража “Новостей мужичнизма”. От душевых кабинок к писсуарам, от унитазов к умывальникам все распространялась молва о том, что проблемы, с которыми сталкивается мужской пол в целом, наконец осознаны, что половая потенция, возможно, снова станет высоко ценным качеством. Филиалы Общества Мужичнистов как своего рода масонские ложи были учреждены в каждом штате. Большинство крупных городов вскоре уже похвалялись наличием пятнадцати и более районных отделений общества. С самого начала традиции организации формировал энтузиазм ее рядовых членов. Вкладом в ее становление кливлендского филиала стало Тайное рукопожатие. Хьюстон подарил движению целый набор нецензурных выражений, употреблявшихся в качестве пароля. Декларация основополагающих принципов движения, созданная ложей штата

Монтана, легла в основу общенациональной мужественной конституции: "Все мужчины созданы равными с женщинами"... "Среди этих прав главными являются права на жизнь, личную свободу и стремление к представителям противоположного пола"... "От каждого — по его сперме, каждой — по ее яичникам...". Подгруппа, известная под именем "Лига Шепарда Л. Мибса", впервые появилась в Олбени штат Нью-Йорк. Те, кто приняли Олбенскую присягу, торжественно клялись жениться только на таких женщинах, которые объявят во время церемонии бракосочетания: "Обещаю любить, почитать и **ПОВИНОВАТЬСЯ**". На этом последнем слове нужно было сделать особое ударение. Таких мужественных подгрупп союз "Люби их и бросай их!", общество "Я ничем не обязан этим недомеркам-женщинам". Оба лидера делили поровну доходы, приносимые движением, и оба необычайно разбогатели. Кроме того, Мибс сколотил небольшое состояние, опубликовав книгу "Мужчина, сильный пол", ставшую библией мужественности, но богатство Поллиглоу превзошло самые смелые мечты, которые плодило его снедаемое алчностью воображение.

Он больше уже не был всего лишь одним из многих тысяч производителей мужской одежды — он перепрофилировал свои предприятия на изготовление фирменных этикеток — "лейблов". Он изготавливал лейблы, пришиваемые к воротникам мужских комбинезонов и с внутренней стороны коричневых котелков, цветные полоски, которыми перевязывались сигары, и небольшие металлические таблички для мечей, на которых владелец мог выгравировать свое имя. И только одну деталь мужской одежды он продолжал изготавливать собственноручно, вернее на своих фабриках. Он не переставал с теплотой и обожанием относиться к продолговатому матерчатому карманчику, носившему быстро ставшее легендарным фирменное название "подлинный гульфик от Поллиглоу". Производство таких карманчиков придавало ему чувство сопричастности как к величайшим свершениям его братьев по полу — мужчин, так и ко всем взлетам и падениям человечества в целом. Во всем остальном он пользовался такими привилегиями, о которых вряд ли могли мечтать многие из монархов древности. Без его санкции нельзя было производить и вы-

ставлять на продажу широкий ассортимент самых различных товаров. И всякий раз, когда Поллиглоу давал подобную санкцию, на его банковский счет переводилась очередная круглая сумма. Никто из производителей, находясь в здравом уме, даже не мечтал о том, чтобы осмелиться выйти на рынок с новой моделью спортивного автомобиля, новым вращающимся креслом для офиса или, коль речь уже зашла о мебели, новым заполнителем для сидений или спинок таких кресел, не обзаведясь бросающейся в глаза надписью на своем товаре: "Официальный спонсор — Движение мужичинов Америки". Для подавляющего большинства покупателей в их стремлении следовать моде во все времена самым характерным свойством было крайне обостренное стадное чувство: многие люди, даже и не помышлявшие о том, чтобы прикрепить к своей одежде значок, свидетельствовавший об их принадлежности к Движению или хотя бы поддержке его, все равно отказывались покупать любой товар, если он не был освящен магической фразой на ставшем уже таким привычным треугольничке небесной голубизны. Несмотря на дополнительную пошлину, которой облагались подобные товары во многих странах — на Цейлоне, в Эквадоре, в Австралии, в Нигерии — мужчины все равно требовали наличия этого лэйбла и согласны были переплачивать за возможность лицемерить на сделанной ими покупке. Рынок товаров для мужчин, всегда оттесняемый на задворки большой торговли, подвергавшийся в течение многих десятков, если не сотен лет, самой унижительной дискриминации, наконец-то вступил в такую пору расцвета, о котором никогда не смели даже и мечтать производители подобных товаров. А. П. Эдуард Поллиглоу стал всемирным сборщиком налога, установленного для данного ассортимента товаров. Он был заправиллой этого бизнеса и стриг купоны с него. Мибс же верховодил в Движении и набирал все больший политический вес. Однако прошло целых три года прежде, чем между ними возник конфликт. Жизнь не очень-то баловала Мибса в пору взросления, на ее пиру ему доставались лишь бокалы полные бешенства, переполнявшего его при каждом очередном крушении надежд на успех, и закуска в виде едва подавляемой ярости, всякий раз застревавшей у него в горле. Мечи и шпаги, которыми он наделял теперь

мужчин, предназначались далеко не для декоративных целей. "Стальные клинки, — писал он в "Волосатой груди" — для женщин столь же чужеродны, как бороды и усы. Роскошная борода и длинные, лихо закрученные наподобие велосипедного руля усы — обязательные внешние атрибуты мужественности. Но если у мужчины борода барда и шпага браво¹, то почему голос у него должен быть, как у пришибленного евнуха? Почему у него должна быть робкая походка заурядного кормильца семьи? Ни в коем случае! Вооруженный мужчина должен и вести себя так, как подобает вооруженному мужчине, он должен шествовать по жизни с высоко поднятой головой, от его львиного рыка все должны шарахаться в кусты, он должен всем своим видом ежесекундно показывать, кто есть кто, и не останавливаться перед применением силы при малейшем проявлении непокорности.

Он должен быть всегда готов дать достойный отпор любым посягательствам на его мужественность". Поначалу возникавшие то и дело разногласия улаживались в боксерских поединках. Затем в каждой ложе мужественников стали брать уроки фехтования и тренироваться в стрельбе из пистолета. Что неизбежно привело — совершенно незаметно и без каких-либо возражений — к возрождению в полном объеме свода правил, регламентирующих проведение дуэлей — печально известного средневекового Кодекса чести. Первые дуэли проводились по правилам немецких университетских братств. Мужчины в фехтовальных масках и особых костюмах с плотной ватной подкладкой с жаром хлестали друг друга саблями в глубоких подвалах своих лож. Двигая царпины на лбу, которые несколько дней с гордостью показывали участники таких дуэлей своим сослуживцам, количество штрафных очков, которыми наказывалась оборонительная манера ведения боя — все это надолго становилось темой благодушных разговоров на вечерниках, давало богатую пищу для пересудов у прилавков и стеллажей супермаркетов.

Мальчишки всегда останутся мальчишками. Мужчины всегда остаются мужчинами. Прошло совсем немного времени со дня зарождения мужественности, как стала резко па-

1 Наемный убийца в Италии 17—18 веков. — Прим. переводчика.

дать посещаемость зрелищных видов спорта — и это ли не служило наилучшим показателем того, что начался процесс оздоровления мужской половины человечества? Не лучше ли для мужчин проверить свои силы и возможности в настоящих конфликтах между собой, чем отождествлять себя с состязющимися на большом удалении от зрителей атлетами, которые только делали вид, что яростно сражаются друг с другом?

Однако вскоре подобные поединки стали уже далеко нешуточными. Как только затрагивался вопрос чести, маски и набивные костюмы отбрасывали в сторону, а тщательно општукатуренный и выбеленный подвал ложи заменялся поляной в лесу на рассвете. Кое-кому удавалось отделаться лишь рассеченным ухом, иной оставался на всю жизнь с изуродованным лицом, но не мало мужчин так и оставались лежать на траве с пронзенной грудью. Победитель с важным видом расхаживал по городским улицам, побежденный же, даже умирающий или тяжело раненый, упрямо доказывал, что случайно напоролся на антенну своего автомобиля. Кодекс чести требовал от всех, кто каким-либо образом был причастен к дуэли: самих дуэлянтов, секундантов, официальных свидетелей и обязательно присутствовавших на месте поединков врачей, соблюдения строжайшей тайны. В результате, несмотря на громкие протесты общественности и поспешно принятые законы, запрещающие дуэли, очень немногие дуэлянты подвергались судебному преследованию. Мужчины всех общественных слоев начали воспринимать поединок с оружием в руках в качестве единственного разумного способа выяснения отношений между собой по наиболее существенным вопросам.

Небезынтересно отметить, что холодное оружие поначалу широкое распространение получило, главным образом, на востоке США. К западу от Миссисипи двое участников поединка приближались друг к другу с противоположных концов улицы, ровно в полдень с револьверами в кобуре у бедра. Улицу, на которой происходила дуэль, заранее очищали от случайных прохожих и с подчеркнутой учтивостью предлагали местным жителям выступить в качестве официальных свидетелей. После этого секунданты подавали знак участникам поединка, и те начинали схо-

даться. По следующему сигналу они вытаскивали револьверы и открывали огонь до последнего патрона в магазине. Только после этого дуэлянтов втаскивали в карету "скорой помощи", которая дежурила поблизости с работающим на холостом ходу двигателем. Редко когда кому-либо из участников подобного поединка удавалось завершить его живым и невредимым. Зачастую, к тому времени, когда "скорая помощь" подъезжала к ближайшему госпиталю, врачам оставалось только засвидетельствовать факт смерти обоих. Вечером в местной Ложе мужичнистов разгорались жаркие споры в отношении всех перипетий состоявшегося поединка, которые не могли охладить даже приготовления к похоронам одного или обоих участников.

* * *

Но, пожалуй, еще страшнее, чем дуэли по-чикагски, были отдельные группы мужчин — бородатых, при шпагах с сигарами в зубах и обязательным гюльфиком, — предававшихся пьяному разгулу на ночных улицах, распевавших похабные песни и выкрикивавших непристойности в зашторенные окна офисов, в которых им доводилось работать днем. И толпы, набрасывавшиеся на активисток Женской лиги и расшвыривавшие в разные стороны негодующих членов лиги вперемежку с их членскими билетами. Таковой была уродливая сторона мужичнизма.

Подлиглоу такой поворот событий тревожил все больше и больше, и он потребовал положить конец беспорядкам. — Ваши последователи переходят все границы, — пожаловался он Мибсу. — Давайте вернемся к теоретическим началам мужичнизма. И не будем выходить за рамки его изначальных атрибутов: гюльфика, бороды и сигары. Мы же не хотим, чтобы на нас обрушила свой гнев вся страна.

Но Мибс упорно отрицал все факты проявления звериного оскала мужичнизма. Ну, позволили себе ребятишки пошалить немного — так феминистская пропаганда раздувает это чуть ли не до разгула преступности в масштабах всей страны! А как же в таком случае быть с письмами, которыми его засыпают множество женщин, выражающих удовлетворение в связи с тем, что мужчины, наконец, снова становятся рыцарями и уступают места женщинам в

общественном транспорте, помогают в критических ситуациях, в которые то и дело доводится попадать женщинам, и даже защищают их до последней капли крови? Когда же Поллиглоу, продолжая настаивать на своем, попытался урезонить партнера напоминанием о том, что в основе движения лежал чисто деловой интерес — извлечение максимальной прибыли — и что следует и далее рассматривать его именно под таким углом зрения, Мибс великодушно оставил под его попечительством бизнес, но, в свою очередь, напомнил Поллиглоу, что именно он, Шепард Л. Мибс является духовным отцом мужчинизма, непогрешимым его апостолом и непредекаемым авторитетом. Ведь все получилось именно так, как он предрекал. И вообще, что бы он ни говорил, так оно и выходило. А вот Поллиглоу, если ему так уж досаждают мужчинизм, в любое время, когда сам сочтет необходимым, может начать подыскивать что-нибудь иное для всех своих лейблов.

Старику ничего не оставалось делать, как проглотить горькую пилюлю, которой угостил его партнер. Он дружелюбно похлопал могучее плечо Мибса, пробормотал пару примирительных фраз и побрел назад в свой кабинет. С этого дня он стал чисто номинальным главой движения, таким его зид-председателем. Он продолжал время от времени появляться перед публикой в качестве отца-основателя, все же остальное время проводил в тиши роскошного небоскреба "Гульфик-тауэр". По какой-то злой иронии судьбы именно в этот самый день к движению присоединилась еще одна, совершенно жалкая, ничем не примечательная фигура, на которую Мибс, упиваясь своим триумфом, не обратил никакого внимания, посчитав ее недостойной даже своего презрения, как в свое время Троцкий отнесся с пренебрежением к Сталину.

ГЛАВА II ДОРСБЛАД

В тот день взбунтовались мужчинисты в одном из калифорнийских городов и взяли штурмом местную тюрьму. Вместе с карманниками всех мастей, взломщиками и за-

пойными пьяницами на свободе оказался и некий Генри Дорсблад, человек, который провел в секции, отведенной под содержание неисправимых алиментщиков целых восемнадцать лет. Более, чем кому-либо другому, именно Дорсбладу было суждено придать мужчине ярко выраженную политическую окраску и создать особый, характерный только для мужчине жаргон, изобиловавший необыкновенно яркими идиоматическими выражениями. Тот, кто когда-нибудь слышал этот жаргон, никогда не забудет его, как и могучий рев, исторгавшийся из тысяч мужских глоток, поющих популярную песнь:

*“Кто к нам с Запада идет
С гульфиком в помаде?
Всякий сразу узнает
Хэнчика Дорсблада!”*

“Адскопламенный Генри”, “Ханк-Танк”, “Ну-ка, выкуси — у Хэнка!”, “Мужик из мужиков — Дорсблад!” — вот тот культурный герой, который завладел воображением американцев в еще большей мере, чем когда-то Билли де Кид, он же “Малыш Билли”, прославившийся в семидесятые годы девятнадцатого столетия как минимум двадцатью убийствами за неполные двадцать два года жизни и увековеченный в доброй полусотне голливудских фильмов. И подобно Билли де Киду, Генри Дорсблад внешне был самым настоящим замухрышкой.

Необычайно низкорослый, рано облысевший, с безвольно отвисшей нижней челюстью и более чем солидным брюшком, юный Дорсблад не представлял ни малейшего интереса для подавляющего большинства женщин даже как жертва, с которой можно делать все, что вздумается. Тем не менее, хозяйка дома, в котором он снимал комнату, женщина более чем средних лет, заставила его вступить в брак с нею, когда ему было всего двадцать два года, после чего сразу же накупила в рассрочку на двенадцать тысяч долларов самой различной бытовой техники. Естественно, она рассчитывала провести остаток жизни в комфорте и довольстве. Дорсблад вполне оправдывал ее ожидания в течение нескольких лет, вкалывая, как проклятый, на двух работах в полные две смены и еще прихва-

тывая по уик-эндам. Он был квалифицированным программистом компьютеров, начислявших зарплату. В те времена один такой работник вполне мог заменить две бухгалтерии, укомплектованные опытными бухгалтерами, и с лихвой отработывал свой довольно высокий заработок. Кроме того, таких программистов было не так уж много, и на рынке труда на них всегда существовал высокий спрос, что позволяло Дорсбладу не очень-то заботиться о завтрашнем дне. Однако изобретение самопрограммирующихся компьютеров положило конец этой безмятежной идиллии. В возрасте двадцати пяти лет Генри Дорсблад обнаружил, что стал жертвой технологического прогресса, пополнив многочисленную армию безработных полуголодных программистов, бродивших по улицам финансовых центров крупных городов Америки в поисках хотя бы поденной работы в какой-нибудь замшелой фирме, никак не решавшейся заменить допотопное, но до сих пор верой и правдой служившее оборудование. Он также отчаянно пытался стать специалистом по обслуживанию аппаратной части новейших самопрограммирующихся компьютеров. Однако двадцать пять лет оказались не совсем оптимальным возрастом для освоения новейшей техники. На таких, как он, работники отделов кадров процветающих фирм смотрели как на граждан, получивших лишь начальное образование и не имеющих должной подготовки для учебы в старших классах средней школы. В течение какого-то времени он еще кое-как перебивался в качестве уборщика помещений, в которых эксплуатировались компьютеры, подметая полы, обильно засыпаемые в течение рабочего дня крохотными круглыми или прямоугольными конфетти, образующимися при работе перфораторов, готовящих программы на перфокартах или перфолентах для компьютеров. Но даже здесь наука и промышленность продвигались вперед семимильными шагами, габариты запоминающих устройств уменьшились настолько, что отпала необходимость в предварительной записи программ на особых носителях, а Генри Дорсблад снова оказался на улице без средств к существованию. Видя, как прямо на глазах тает ее банковский счет, миссис Дорсблад обратилась с жалобой в суд на то, что ее муж не в состоянии содержать семью. Генри Дорсбладу пришлось отправиться за решетку, а миссис Дорсблад уда-

лось получить развод да еще и отсудить алименты — суд считал ее запросы весьма скромными и вполне благоразумными — в размере всего лишь каких-то трех четвертей от наибольшего заработка, который он когда-либо получал ранее. Будучи не в состоянии выплачивать даже чисто символические алименты, в качестве демонстрации честности своих намерений, Генри Дорсблад так и остался в тюрьме как несостоятельный алиментщик. Раз в год на выездной сессии суда, в состав которого входили только женщины, ему задавали один и тот же вопрос: какие усилия он прилагает к тому, чтобы погасить задолженность и тем самым реабилитировать себя в глазах общества. Когда Дорсблад на одной из таких сессий в лукавой попытке уклониться от прямого ответа разразился целой речью, в которой пожаловался на то, что не так-то просто подыскать какую-либо работу, находясь безвылазно за решеткой, то получил серьезнейший разнос да еще склопотал перевод в камеру особо строгого режима содержания. После этого он совсем замкнулся и озлобился, превратившись в типичного закоренелого неплательщика алиментов. Прошло восемнадцать лет. Его бывшая жена еще трижды вышла замуж, двух мужей похоронила, а третьего тоже упекла за решетку за отказ от уплаты алиментов. Поскольку злостное уклонение от выполнения супружеских обязанностей со стороны его преемников никоим образом не освобождало его самого от ответственности за собственную финансовую несостоятельность, Генри Дорсблад давно уже потерял всякую надежду выйти на свободу. Он научился гнать брагу в бидоне у себя под койкой и, что более существенно, с наслаждением ее глушить. Научился сворачивать сигареты из туалетной бумаги и табака, извлеченного из окурков, притаптываемых охранниками. И еще он научился думать. Он провел восемнадцать лет в размышлениях о том зле, воображаемом и настоящем, которое было ему причинено, восемнадцать лет изучал социальные причины подобного зла, восемнадцать лет читал только таких признанных классиков в области углубленного изучения взаимоотношений между полами, как Ницше, маркиз Де Сад, Мухаммед, Гитлер, Тарбер. Именно к этому периоду его жизни, заполненному глубокими раздумьями и напряженными нравственными поисками, следует присмотреться особенно

пристально, если задаться вопросом, почему такое робкое и бессловесное ничтожество превратилось в самого горластого краснобая-агитатора, самого коварного политического лидера своей эпохи. Совершенно иной, новый Генри Дорсблад был выпущен на свободу толпой разъяренных мужичнистов. Он сразу же возглавил шествие как упившихся освободителей, так и опьяненных свободой бывших заключенных, своевременно выведя их из-под готового вот-вот рухнуть, объятых пламенем пожара, здания тюрьмы, и отбивая такт ударами столовой ложки по каске, сорванной с головы одного из охранников, начал разучивать вместе с ними сочиненную прямо на ходу песню, в которой толпа подстрекалась к еще более крупномасштабному бунту.

Тогдашние сильные мира сего довольно быстро научились с ним считаться. Вновь арестованный в одном из штатов и приговоренный к выдворению в Калифорнию, Дорсблад не соблаговолит дать интервью губернатору этого штата только на том основании, что это была женщина. Свободнорожденный гражданин мужского пола, упрямо твердил он, никогда не сможет смириться с политическим или судебным верховенством любой из женщин. Губернатор только улыбалась, глядя на то, как пузач-недомерок, закрыв глаза, прыгал козлом по камере и выкрикивал нараспев: "Кухни и юбки! Вуаль и чадра! Гаремы и бардаки!" Однако через неделю она уже не улыбалась, когда его последователи разгромили ее тюрьму и вынесли Генри на своих плечах, а тем более через год, когда не была избрана на повторный срок — и то, и другое несчастье ей пришлось пережить под аккомпанемент все тех же памятных выкриков. Да и самому Шепарду Л. Мибсу стало не до улыбок после того, как Генри Дорсблад впервые появился на телеэкране в качестве гостя программы "Между нами, мужиками, говоря...". Поскольку сразу же всем стало ясно, что это самый настоящий политический динамит, что ни один штат и ни один губернатор не посмеют предпринять против него какие-либо меры, то кому, как не ему, самим Богом велено участвовать в программе мужичнистов? И почти каждый телезритель на территории Соединенных Штатов и Канады понял, что Шепард Л. Мибс, ведущий программы и общенародный лидер мужичнизма, оказался оттесненным на второй план — его полностью за-

тмил "Адскопламенный Генри". Практически по всей стране мужчины изо дня в день повторяли вынесенный Генри Дорсбладом обвинительный вердикт современному обществу: "Женщины нуждались в особой законодательной защите, когда сам закон предусматривал их более низкий по сравнению с мужчинами статус. Теперь у них есть и равенство, и особая защита. Нельзя иметь и то, и другое одновременно!" Единодушное одобрение встретили и предложенные им на суд слушателей био-психологические законы: "Мужчина, который ощущает собственное бессилие в течение всего дня, ничем особым не способен проявить себя ночью. Мужчина-импотент в политике — такой же импотент и в постели. Если женщины котят настоящей любви со стороны мужчин, они прежде всего должны смотреть на них, как на героических предводителей. По сути Дорсблад всего лишь перефразировал отдельные места из передовиц Мибса, которые он многократно перечитывал еще в тюремной камере. Но он произносил их с убежденностью Савонаролы, с блеском в глазах и жаром на лице истинного пророка. И это было замечено с самого начала — на женщин он оказывал почти такое же воздействие, как и на мужчин. Женщины толпами собирались послушать его речи и как зачарованные, внимали его нареканиям по адресу собственного их пола. Они падали в обморок, когда он высмеивал их недостатки они рыдали, когда он проклинал их за наглость и бесстыдство, они дружно кричали "Да!", когда он требовал, чтобы они отказались от всех своих прав и вернулись к своему единственно справедливому положению в обществе в качестве не "венца Творения", а только супруги его. Женщины собирались толпами, мужчины сплывали ряды. Яркая индивидуальность Дорсблада утроила число приверженцев Движения. Его слово, его прихоти становились законом. Он тоже не оставил без внимания наряд настоящего мужичниста, добавив длинное завитое орлиное перо к полю котелка. Весь мир теперь только и делал, что охотился на орлов и общипывал их догола, дабы удовлетворить ненасытный американский рынок. К двум принципам, провозглашенным Мибсом и Поллиглоу, Дорсблад добавил третий, наиболее агрессивный: "Никаких обязанностей без соответствующего расширения законных прав". Мужчины отказывались становить-

ся кормильцами семьи или солдатами до тех пор, пока не будут признаны абсолютными монархами у себя дома. Судебные органы все больше и больше захлебывались в потоках жалоб на избиение жен и исковых заявлений о принудительном признании отцовства по мере того, как Общество мужичиштов со все более нараставшей напористостью всей своей мощью поддерживало любого мужчину, решившего принять участие в величайшей битве за право, впоследствии получившее название "привилегии пениса". Дорсблад одерживал победы одну за другой на всех без исключения фронтах. Когда он самочинно присвоил себе титул вождя мужичиштва — стоящего выше всяких там основателей или президентов, то Мибс поначалу противился этому, как мог, однако в конце концов был вынужден уступить. Когда он разработал совершенно особый гульфик только для себя одного — Гульфик в горошек Первого мужчины — Мибс сердито нахмурился, но затем, поразмыслив немного, только криво ухмыльнулся. Как только он протянул лапы к главной цели Мужичиштва — отмене Девятнадцатой поправки — Мибс немедленно настроил передовицу, в которой разнес в пух и прах этот безответственный законодательный акт и потребовал возврата к выборам, проводящимся в салунах, и решениям, принимаемым в прокуренных холостяцких каморках.

На Первом общенациональном съезде мужичиштов в Мэдисоне, штат Висконсин, "Старина Шеп" затерялся в смиренной безвестности вместе со "Стариной Пэлом" в самом дальнем углу возвышения, на котором располагался президиум съезда. Вместе со всеми Мибс яростно вопил и громко топал ногами, когда Ханк-Танк громыхал: "Наша цивилизация — это цивилизация мужчин. Мужчины создали ее и — если не добьются возвращения своих законных прав — мужчины же сумеют и уничтожить ее!". Он хохотал вместе с остальными делегатами съезда, когда Дорсблад метал в зал такие затасканные тирады, как: "Не для того я растил своего мальчика, чтобы он был домохозяйкой!" или "Назовите мне имя хоть одной женщины, всего лишь одной-единственной женщины, которая когда-либо..." Он был в первых рядах толпы, которая под предводительством Адскопламенного Генри трижды обошла здание, в котором проводился съезд, дружно скандируя:

**“ПРАВО ГОЛОСА — ТОЛЬКО МУЖЧИНАМ”
“ЖЕНЩИНЫ — ПРОЧЬ
ОТ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ УРН”**

Зрелище было, надо полагать, в самом деле волнующее: две тысячи делегатов, представлявших каждый штат, — с ритмично подпрыгивающими котелками на головах, едва различимых в густых клубах темно-сизого сигарного дыма, с орлиными перьями, колышущимися самым величественным образом в такт с бряцанием шпаг и раскачиванием гульфиков — в едином порыве несколько раз вскакивали со своих мест, чтобы провозгласить приход подлинно мужского тысячелетия. Бородатые, усатые мужчины подбадривали друг друга охрипшими от выкриков голосами и обменивались дружескими рукопожатиями и хлопками по плечам и спине. Они с таким энтузиазмом топали ногами по полу, что когда началось голосование, вдруг обнаружилось: делегация из штата Айова проломила перекрытие и в полном составе провалилась в расположенный под залом подвал.

Но ничто не могло испортить хорошего настроения собравшейся в зале толпы. Наиболее сильно пострадавших развезли по больницам, тех же, у кого были лишь сломаны ноги или ключицы, под оглушительный хохот и довольно сальные шутки выволокли назад, в зал заседаний, для участия в голосовании. Каждую предлагаемую на суд делегатов резолюцию зал встречал единодушным, дружным ревом.

ПОСТАНОВИЛИ: считать девятнадцатую поправку к Конституции Соединенных Штатов, предоставляющую женщинам всеобщее избирательное право, противоречащей их биологической природе, нравственным нормам и политическим основам нашего общества, и вследствие этого — главной причиной того кризиса, который переживает страна...

ПОСТАНОВИЛИ: предпринять надлежащие меры для оказания такого давления на законодателей по всей стране как избранных в соответствующие органы, так и добивающихся избрания, чтобы...

ПОСТАНОВИЛИ: рассматривать требования, высказанные делегатами съезда, официальным мнением, которое...

ПОСТАНОВИЛИ: исходя из вышеизложенного..."

★ ★ ★

В тот год должны были состояться промежуточные выборы в конгресс.

В связи с этим была разработана тактика борьбы мужичнистов за голоса избирателей для каждого отдельного штата, сформированы координационные комитеты по обработке молодежи, расовых меньшинств и различных религиозных групп. Каждому члену движения был поручен определенный участок работы: добровольцы с Мэдисон-Авеню все свои вечера посвятили составлению пропагандистских брошюр и буклетов, шахтеры Пенсильвании и хлеборобы Небраски выкроили субботы для агитации среди обитателей приютов для престарелых. Генри Дорсблад безжалостно понукал своих приверженцев, требуя от каждого еще больших усилий, заставляя вступать в предвыборные блоки как с республиканцами, так и с демократами, налаживать контакты с другими радикально настроенными политическими группами и партийными боссами крупных городов, развернуть широкомасштабную агиткампанию в организациях ветеранов и пацифистских группах. — Надо добиться успеха с первой же попытки! — увещевал он своих последователей. — Пока не проснулась оппозиция! Такая агрессивная тактика мужичнистов вызвала немалый переполох в стане политиканов всех мастей, однако большинство их предпочитало сохранять нейтралитет, избегая пока что занимать четко определенную позицию на той или иной стороне. Как всегда, женщины составляли большинство среди граждан, зарегистрировавшихся для участия в голосовании. Поэтому многие трезво мыслящие политики пришли к однозначному выводу: если выборы не будут фальсифицированы, то верх одержат женщины. Давление,

1 Проспект в Нью-Йорке, центр американской рекламной индустрии. — Примечание переводчика.

оказываемое на избирателей мужичниками, по мнению таких политиков, было весьма опутным, однако оно вряд ли станет решающим фактором, определяющим исход выборов. И вот тогда-то вся страна и услышала голос Ханка-Танка, обратившегося к женщинам с просьбой — во имя собственного счастья — самим позаботиться о том, чтобы наконец-то закончилась и без того сверх всякой меры затянувшаяся студеная зима феминизма. Многие женщины, пришедшие его послушать, падали в обморок, до глубины души потрясенные одним уж тем, что самому Генри Дорсбладу собственной персоной приходится упрашивать их оказать ему любезность. Этот маневр дал возможность создать женские группы поддержки в качестве вспомогательных отрядов мужичнического движения — группы “подруг гольфика”. Количество их с каждым днем становилось все больше и больше. Женщины — кандидаты в конгресс — подвергались столь яростным нападкам со стороны своих же сестер по полу, что вынуждены были требовать особой защиты полиции, когда намеревались выступить на многочисленных уличных митингах. “Лучше бы тщательнее выглаживали рубашки своих мужей!” — кричали им женщины-мужичники. — “Поторопитесь домой — подгорают ваши ужины!”

За неделю до выборов Дорсблад бросил в бой бригады прямого действия. Группы мужчин, в котелках, с обязательным гольфиком спереди, спускались с крыш общественных зданий по всей стране и приковывали себя к расположенным снаружи фонарным столбам. Пока стражи порядка освобождали их от оков, которыми они сами себя связали, с помощью слесарных ножовок или газовых горелок, мужичники громкими голосами произносили нараспев новое воззвание: “Женщины! Отдайте нам свои голоса — и мы вернем вам ваших мужей! Нам для победы крайне необходимы ваши голоса — вам же нужно, чтобы мы победили! Женщины! Отдайте за нас свои голоса в день выборов!” “А где же, — язвительно спрашивали у них оппоненты, — ваша хваленая гордыня и чванливое высокомерие мужичничества? Неужто в самом деле венцы Творения выпрашивают милостыню у слабого пола? О, какой позор!” Но приверженцы Дорсблада не обращали внимания на эти насмешки. Женщины обязаны сами вернуть право голоса, которое заполучили всякими правдами и не-

правдами. Только тогда станут счастливы они, станут счастливы их мужчины, а в мире восстановится порядок. Если же они не сделают этого по доброй воле, — что ж, как-никак, но более сильным полом всегда были мужчины. Им выбирать, как поступить в таком случае... Вот как раз на такой зловещей ноте начались выборы.

Добрая четверть новых членов конгресса была избрана на платформу мужественности. Другая, еще более многочисленная группа новоиспеченных конгрессменов, состояла из попутчиков и сочувствующих, которые все еще никак не могли определить, куда же все-таки дует ветер.

Однако мужественникам удалось составить большинство в трех четвертях законодательных органов отдельных штатов и таким образом они располагали полномочиями ратифицировать конституционную поправку, которая лишила бы американских женщин избирательного права — как только законопроект об отмене поправки пройдет конгресс и будет предложен для ратификации в штатах. Взоры всей страны теперь были обращены к Капитолию. Каждый из лидеров, имеющих хоть сколько-нибудь существенное влияние в движении, поспешил в Вашингтон, чтобы своим присутствием усилить мужественническое лобби. Туда же прибыло и неисчислимое множество их противников, вооруженных пишущими машинками и портативными ксероксами, чтобы помешать тому рагнареку, который грозит гинекократии. Довольно пеструю мешанину представляли из себя анти-мужественники и антимужественники — вторых было, естественно, гораздо меньше.

Были здесь и представительницы различных ассоциаций выпускниц колледжей, уже много лет безуспешно доказывавших друг другу свой приоритет в возрождении несколько подгасшего в середине двадцатого века феминистского движения, и редакторы либеральных еженедельников, с пренебрежением относившиеся к консервативно настроенным активисткам профсоюзного движения, которые,

1 Рагнарек — "Гибель Богов", название светопредставления в древнегерманской мифологии, во время которого вместе со всем миром погибнет и первое поколение богов, после чего произойдет возрождение и обновление мира. Гинекократия — такое государственное устройство, где вся полнота власти принадлежит женщинам. — Прим. переводчика.

в свою очередь, не упускали случая, чтобы не высказаться весьма неодобрительно по адресу аскетичной внешности молодых мужчин со стоячими воротничками священников, и коренастые дамы с гневно сверкающими глазами, авторы столь любимых женщинами мелодрам, исходившие желчью и слюной при виде стройных и модно разодетых миллионеров, поспешивших вернуться из Европы домой для предотвращения кризиса. Респектабельные матроны из Ричмонда, штат Виргиния, шумно выражали свое недовольство по поводу заумных и зачастую весьма фривольных шуток, отпускавшихся специалистами по контролю за деторождаемостью из Сан-Франциско. Все они горячо спорили друг с другом, предлагали совершенно разные планы совместных действий, и единственным, что хоть как-то их объединяло было тайное восхищение своими бородатыми противниками с сигарами в зубах, в игриво заломленных котелках и с обязательными гульфиками впереди. Однако их многочисленность и разномастность заставила призадуматься многих законодателей: они производили впечатление подлинного среза населения Соединенных Штатов. Законопроект о передаче отмены девятнадцатой поправки на усмотрение законодательных органов отдельных штатов, как водится, сначала изрядно помуржили в лабиринте многочисленных комиссий и подкомиссий, в состав которых конгрессмены всегда любили сплавлять особо рьяных буквеедов и любителей поковыряться в запястьях — и все это время перед Капитолием без устали маршировали участники демонстраций, как в пользу принятия рассматриваемого законопроекта, так и против него. От демонстрантов не отставали газеты, в конце концов занявшие ту или иную позицию — в зависимости, в первую очередь, от того, кому они принадлежали, хотя нашлось и несколько таких динозавров, которые почему-то продолжали ориентироваться на читательский корпус. Пожалуй, на всю страну одна только «Нью-Йорк Таймс» сохранила спокойную, беспристрастную тональность публикуемых в ней материалов, справедливо замечая, что конгрессу предстоит решить крайне трудный вопрос, и просила конгрессменов только о том, чтобы решение — каким бы оно в конечном счете ни было — оказалось бы правильным, несмотря на чье-либо давление.

В сенате законопроект был принят совсем незначительным большинством голосов, после чего спущен в палату представителей. В день голосования по нему в нижней палате и мужичины, и их идейные противники с одинаковым пылом вымаливали пропуска на галерку, вырывали их у администрации зубами и ногтями. Адскопламенного Генри и его приспешников пропустили только после того, как они сдали в камеру хранения шпаги. А вот у их оппонентов пришлось отнимать силой контрабандным образом протасанный на галерку огромный четырехсекционный плакат с надписью: "Конгрессмен! Твоя бабушка была суфражисткой!"¹ Несмотря на протесты многих законодателей, пытавшихся скрыть свое истинное отношение к решаемому вопросу с помощью тайного голосования, было принято решение о поименном голосовании. Процедура изрядно затянулась. Каждый ответ встречался таким хором громких стонов и одобрительных выкриков с галерки, что спикер, призывая зрителей к порядку, в конце концов сломал свой молоток и вынужден был отшвырнуть его в сторону. Соперничающие стороны шли буквально голова в голову, хотя мужичины все время чуть-чуть опережали своих оппонентов. В конце концов болельщики на галерке, лихо радочно прикинув соотношение сил, пришли к выводу, что не избежать тупика. Законопроекту не хватало одного голоса для необходимого большинства в две трети голосов. И вот тут-то и поднялся некий Элвис П. Борекс, новоиспеченный конгрессмен от штата Флорида, первоначально заявивший о том, что воздерживается от голосования, и провозгласил во всеуслышание, что он все-таки надумал, кому отдать предпочтение.

Атмосфера в зале накалилась до предела — все ждали, как именно распорядится своим голосом конгрессмен Борекс. Женщины прижали к губам носовые платочки, самые стойкие мужчины тихо постанывали. Даже охранники, побросав свои посты, пожирали глазами человека, который решал судьбу всей страны.

На галерке поднялись на ноги трое: Адскопламенный Генри, Старина Шеп и седовласый Старина Пэп. Стоя

¹ Суфражизм — движение за предоставление женщинам одинаковых с мужчинами избирательных прав. — Прим. переводчика.

локтем к локтю, они злобеще подняли правые руки и обхватили пальцами эфесы невидимых шпаг. Юный конгрессмен с побелевшим от страха лицом вглядывался в их застывшие в немом ожидании фигуры.

— Я говорю — нет, — едва слышно вымолвил он в конце концов. — Я голосую против законопроекта. — Поднялся невообразимый гвалт. Отовсюду раздавались свист, одобрительные аплодисменты, недовольные вопли. Охране палаты представителей, даже несмотря на ощутимую поддержку своевременно подоспевших охранников сената, пришлось изрядно потрудиться, очищая галерку от зрителей, заработав при этом от них немало тумачков. Но и зрителям крепко досталось: с десятков болельщиков оказались затоптаны насмерть, среди них и старик-вождь индейского племени чиппевеев, приехавший в Вашингтон, чтобы уладить кое-какие разногласия с правительством и забравшийся на галерку только для того, чтобы спрятаться от дождя. Конгрессмен Борэкс описал свои ощущения в телевизионном интервью.

— У меня было такое чувство, будто я гляжу в неожиданно разверзшуюся передо мной могилу. Я, правда, не мог проголосовать иначе. Уж очень просила меня об этом матушка.

— И вы не испугались? — спросил интервьюер.

— Еще как испугался, — признался Борэкс. — Но у меня хватило смелости.

Точно рассчитанный политический риск окупился сторицей. С этого дня именно Борэкс возглавил контрреволюцию.

ГЛАВА III КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

Антимужчинистские силы наконец обрели как боевой лозунг, так и главнокомандующего. Когда движение мужчинистов приобрело такой размах, что тридцать семь штатов значительно смягчили в пользу мужей законы о разводе, десятки отчаявшихся было оппозиционных групп встали под знамя, которое поднял новоиспеченный конг-

рессмен от штата Флорида. Только здесь можно было не обращать внимания на упреки в "ползучем феминизме". Только здесь можно было выслушивать без страха такие прозвища, как "юбкострадатель", или такую совсем уже обидную колкость, как "маменькин сыночек". Двумя годами позже эта группа стала настолько сильной, что ей удалось добиться выдвижения своего кандидата в президенты от одной из главных политических партий. Впервые за несколько десятилетий на пост первого лица государства от антимужичнистов баллотировался мужчина — Элвис П. Борэкс.

Ознакомившись с результатами опросов общественного мнения и посоветовавшись с ведущими стратегами партии, а также опираясь на собственное чутье и наклонности, он решил идти на выборы под знаменем чистого и святого образа Матери. Он не женился до сих пор, так он объяснял, потому что нужен был своей матери. Ей восемьдесят три года, она вдова. Что для него может быть более важным, чем ее счастье? Пусть вся страна в целом живет, руководствуясь принципом столь же непогрешимым, как библейские заповеди: "Мать разбирается во всем лучше всех".

Испещренные звездами фотографии хрупкой престарелой дамы появились по всей территории Соединенных Штатов. Когда Дорсблад презрительно фыркнул, отзываясь о ней, Борэкс ответил песней собственного сочинения, которая сразу же воспарила к высотам лидеров хит-парадов. Запись этой песни стала замечательным политическим документом, свидетельством необычайной живучести наших самых славных традиций. Слабенький, но искренний тенорок Борэкса поведал всему миру о тех глубоких чувствах, что владели его душой:

*"Не стеснясь, скажу всем вам прямо:
Душу отдал навеки я маме!
Никакому пороку на свете
Не улечь меня в гнусные сети!"*

И была еще цитата из знаменитого опуса "Крест из мечей", которую Борэкс без устали повторял снова и снова на самых захудалых полустанках, на благотворительных

ужинах, деревенских ярмарках, на митингах в столицах отдельных штатов: "Не увлечь вам человечество этим вашим безвольно болтающимся ниже пояса гульфиком! — увлеченно громыхал он. — Как и не распять всех женщин на этом вашем кресте из мечей!" "А вы знаете, почему все ваши попытки будут тщетными? — спрашивал он, размахивал рукой над головой, как будто бил в какой-то невидимый бубен. Аудитория замирала, разинув рты, и напряженно внимала. — **ВЫ ЗНАЕТЕ ПОЧЕМУ?**" — "Потому что, — отвечал он вкрадчивым, неторопливым шепотом, наклонясь к микрофону переносного громкоговорителя, — потому что это сделает МАТЬ несчастной". Президентская кампания велась в самом деле с необыкновенным ожесточением — борьба шла не на жизнь, а на смерть. Приверженцы Дорсблада настаивали на том, чтобы раз и навсегда закрепить верховенство мужчин в обществе — Борэкс требовал восстановления правопорядка, заклеивив мужичнизм как преступный заговор. Домашний яблочный пирожок материнской выпечки смело противостоял напору шпаги, гульфика и сигары. Конкурирующая партия, предводительствуемая мужичниками, выдвинула идеального во всех отношениях кандидата. Бывшего заместителя министра обороны, нынешнего главу делегации на продолжавшейся всего-то тринадцать лет в Париже всемирной конференции по разоружению и укреплению мира, незабываемую миссис Странт.

При каждом появлении Клариссимы Странт на публике ее сопровождали трое здоровяков-сыновей с бейсбольными битами через плечо. Был у нее также и таинственный муж, занимавшийся, как она всегда подчеркивала, "тем, что и положено делать мужчине". На фотографиях, которыми она от случая к случаю подкармливала прессу, это был высокий мужчина, застывший с охотничьим ружьем в руках, дожидаясь отменной гончей, тащившей из кустов только что застреленную им дичь. Черты лица его на всех этих снимках были едва различимы, однако в том, как он держал голову, явно просматривалось, что он не потерпит никаких сумасбродных выходов с чьей-либо стороны — особенно, со стороны женщин. Адскопламенный Генри и "кухнелюбивая" Клариссима отлично сработались. Как

только Дорсблад переставал гарцевать по помосту, угрожающе размахивая гульфиком, выкрикивая предвыборные лозунги своей партии и обрушивая поток проклятий на головы соперников, на авансцену выходила Клариссима Странт. Отвечая на его галантные поклоны низкими реверансами, она всякий раз не забывала разгладить руками на животе клетчатый красно-белый передник, который всегда и везде был на ней, и ненавязчиво убеждала слушателей, в том, какое это ни с чем не сравнимое удовольствие — быть женщиной в окружении настоящих мужчин. Когда она клала материнскую ладонь на пуговичку бейсбольного кепи младшего из сыновей и с любовью шептала: “О, нет, я не выращу своего мальчика неженкой!”, когда она отбрасывала назад голову и с гордостью заявляла: “За тот день, когда я перестираю одежду своих мужчин и приберу дом, я получаю удовольствия больше, чем за десять лет работы в законодательных или политических организациях!”, когда она протягивала округлые руки к слушателям и умоляла: “Пожалуйста, отдайте за меня свой голос! Мне так хочется быть последним президентом-женщиной!”, — какое сердце избирателя могло устоять перед такими призывами? С каждым днем все больше мужичиштских гульфиков можно было насчитать на тротуарах и подземных уличных переходах и — что не менее примечательно — пышных турнюров и клетчатых передников, ставших обязательными аксессуарами одежды вспомогательного женского корпуса движения.

Несмотря на самые мрачные предчувствия, интеллектуальные лидеры США ухватились за звездно-мачкино знамя Борэкса как единственную альтернативу тому, что они считали сексуальным фашизмом. В народе их называли “суфражистскими яйцеглавами”. К этому времени они с прискорбием начали замечать, что именно эти выборы могут стать воплощением извечной американской мечты — мечты, которая казалась всегда только мифом, но теперь этот миф впервые мог материализоваться в повседневной жизни. Ибо Борэкс добивался поста президента в образе “послушного сына” и размахивая фотографией своей матери по всем городам и весям Соединенных Штатов. А Клариссима

Странт была самым "воплощением материнства" — и как раз-то она и уговаривала избирателей поступиться им ради мужчинизма.

* * *

Какого рода президентом станет миссис Странт? Каким образом эта энергичная женщина, не привыкшая однако повышать голос, справится с Дорсбладом, когда они оба окажутся у кормила правления? Немало было таких, которые высказывали предположение, что она просто пронизательный политик, поставивший на верную лошадь. Но были и такие, которые высказывали подозрения на предмет некоего далеко не платонического союза между клетчатым передником и гольффиком в крапинку, основываясь на бесспорном внешнем сходстве миссис Странт с печально известной Нетти-Энн Дорсблад. Сегодня ясно, что это не более, чем праздные мудрствования. Все, что теперь доподлинно об этом известно, сводится к тому, что во всех букмекерских конторах мужчинисты считались фаворитами при соотношении ставок три против двух в их пользу. Что все ведущие иллюстрированные еженедельники помещали на обложке огромный гольфик с надписью "Мужчина года". Что к Генри Дорсбладу уже начали неофициально подкатываться функционеры из ООН и главы дипломатических представительств. Что продажа сигар, котелков и шпак переживала самый настоящий бум, а П. Эдуард Поллиглоу умудрился даже прикупить небольшую европейскую страну, которую после выдворения всех ее жителей превратил в трассу для гольфа с восемнадцатью лунками. Конгрессмен Борэкс, предчувствуя неизбежность своего поражения, становился с каждым днем все более истеричным. Куда девалась лучезарная улыбка, куда исчез румянец с холеного, всегда идеально выбритого лица. Он начал выступать с различными беспочвенными обвинениями. Ему теперь повсюду мерещились коррупция, злоупотребления служебным положением, государственная измена, умышленные убийства при отягчающих обстоятельствах, вымогательство, разбой, практика продажи и покупки высших церковных должностей всех конфессий, подделка денег и документов, похищение детей и взрослых, взя-

точничество, случаи группового изнасилования, “промывка мозгов”, массовый эксгибиционизм¹, подстрекательства к лжесвидетельствам. И в один прекрасный вечер, во время теледебатов, он зашел слишком уж далеко.

* * *

Шепард Леонидас Мибс крайне тяжело переживал смещение с неофициального поста лидера движения, но для человека с таким как у него необузданным темпераментом проявил весьма недюжинную выдержку. Однако всему когда-то приходит конец. Ему надоело болтаться где-то на задворках избирательной кампании мужичнистов, надоело видеть свои фотографии в самом низу первых полос газет, надоело быть всего лишь подголоском при Адскопламенном Генри. Он так и пылал возмущением.

Мибс предпринял попытку создать совершенно обособленную от остального движения группу так называемых “анонимных мужичнистов”. Члены этой группы должны были принять строжайший обет безбрачия и поклясться не иметь ничего общего с женщинами за одним-единственным исключением: — им разрешалось не отказываться, если того потребует общественность, от роли доноров для проведения искусственного осеменения, однако при условии полнейшей анонимности. Беспрекословно подчиняясь Мибсу как своего рода гроссмейстеру ордена, они должны были сосредоточить свои усилия на срыве проведения Дня материнства в масштабах всей страны, закладывать бомбы с часовыми механизмами в бюро регистрации брачных лицензий, совершать внезапные ночные налеты на такие организации, как Ассоциация преподавателей и родителей, категорически возражавшие против раздельного обучения детей и юношества противоположного пола в школах и других учебных заведениях. Воплощение в жизнь подобной мечты могло самым радикальным образом изменить будущее мужичнизма. К несчастью, один из приспешников Мибса, пользовавшийся полным его доверием, выдал замы-

¹ Вызывающее обнажение половых органов в общественных местах, сопровождаемое зачастую непристойными жестами. — Прим. переводчика.

сел патрона Дорсбладу в обмен на предоставление монопольного права продажи сигар на всех общенациональных съездах. Из кабинета Ханка-Танка Мибс вышел с мертвенно бледным лицом после состоявшейся там весьма неличеприятной разборки. По инстанции было спущено соответствующее распоряжение, и “анонимный мужичинизм” так и остался мертворожденным ребенком.

Но сам Мибс, затаившись, продолжал ворчать. И во время телевизионной дискуссии, когда Борэкс даже вскочил с места в отчаянной попытке что-либо противопоставить убедительным доводам Клариссимы Странт, — Шепард Мибс в конце концов вновь появился на переднем рубеже.

Видеозапись этой исторической дискуссии оказалась уничтоженной во время беспорядков, вспыхнувших в день президентских выборов, которые состоялись двумя неделями позже. Этот день, как известно, вошел в нашу историю под полученным тогда же названием “безумный”. Поэтому сейчас, по прошествии стольких лет, практически невозможно в точности воссоздать истинный ответ Борэкса на обвинение миссис Странт в том, что он “всего лишь орудие окопавшихся на Уолл-стрит женщин и феминистов — заведущих многочисленных гостиных на Парк-авеню”.

Все источники сходятся на том, что начал он с возгласа:

— А ваших друзей, Клариссима Странт, ваших друзей — ведут за собой... Но что он сказал дальше?

Сказал ли он, как утверждает Мибс, “...экс-банкрот, экс-заключенный и экс-гетеросексуал”?¹ Или он сказал, как сам Борэкс всем доказывал чуть ли не до самой своей кончины: “...экс-банкрот, экс-заключенный и экс-гомо бестиал”?² Но каким бы ни был истинный смысл выска-

1 Термин “гетеросексуал” достаточно двусмыслен сам по себе, так как, с одной стороны, относится к лицам, сексуально ориентированным на представителей противоположного пола, но, с другой стороны, — в основном, когда речь идет о животных — обозначает появление признаков, присущих другому полу. — Прим. переводчика.

2 Перефразировка латинского видового обозначения человека “Гомо Сапиенс” — “Человек разумный”, — допускающая двойное толкование, так как все выражение в целом может означать просто “человек дикий или несдержанный”, а может принимать и гораздо более оскорбительный оттенок — “человек скотский” или “скотоложец”.

звания Борэкса, первое определение, бесспорно, относилось к П. Эдуарду Поллиглоу, а второе — к Генри Дорсбладу. Что фактически не оставляло никаких сомнений в том, что третье обвинение было брошено в адрес Шепарда Л. Мибса.

* * *

Первые полосы всех — от одного океана до другого — американских газет тут же украсил один и тот же заголовок:

**МИБС СМЕРТЕЛЬНО ОСКОРБЛЕН
И ВЫЗЫВАЕТ БОРЭКСА НА ДУЭЛЬ.**

После чего Америка настолько была ошеломлена дерзостью Мибса, что на три-четыре дня примолкла и затаила дыхание. Затем появились новые сенсационные сообщения:

**ДОРСБЛАД НЕДОВОЛЕН И УГОВАРИВАЕТ
МИБСА ВЗЯТЬ НАЗАД ВЫЗОВ**

И тут же:

**СТАРИНА ПЭП УМОЛЯЕТ СТАРИНУ ШЕПА:
“НЕ МАРАЙ ОБ НЕГО РУКИ”.**

Далее следовало:

**МИБС НЕУМОЛИМ И ЖАЖДЕТ СМЕРТИ
ОБИДЧИКА.**

А также:

**КЛАРИССИМА СТРАНТ ГОВОРИТ:
“ЭТО СУГУБО МУЖСКОЕ ДЕЛО”.**

Тем временем другая сторона все не решалась высказаться достаточно определенно по сути конфликта и предприняла попытку повернуть дело следующим образом:

**БОРЭКС ИСКЛЮЧАЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ ДУЭЛИ —
ВОТ ЧТО ОН ПООБЕЩАЛ МАТЕРИ.**

Это выставило его не в самом лучшем свете в глазах общественности, для которой дуэли уже успели стать одним из неотъемлемых элементов нового жизненного уклада. Пришлось несколько видоизменить подход:

**ЗАКОННИКИ ВОПЯТ В ОДИН ГОЛОС:
“КАНДИДАТ В ПРЕЗИДЕНТЫ НЕ ИМЕЕТ ПРАВА
НАРУШАТЬ ЗАКОН”**

Поскольку и это никоим образом не повлияло на ситуацию, Борэксу пришлось предпринять следующий шаг:

**КОНГРЕССМЕН СОГЛАСЕН ИЗВИНИТЬСЯ:
“ХОТЬ Я И НИЧЕГО ОСОБЕННОГО
НЕ СКАЗАЛ, БЕРУ СВОИ СЛОВА НАЗАД”.**

Но его оппонент был неумолим:

**ШЕП КРИЧИТ: “СТЫД И СРАМ!
БОРЭКС ДОЛЖЕН СРАЗИТЬСЯ СО МНОЙ —
ИЛИ НОСИТЬ НА СЕБЕ КЛЕЙМО ТРУСА”**

Кандидат в президенты и его советники, осознав всю безвыходность положения, наконец сдались:

**ДУЭЛЬ МИБС — БОРЭКС СОСТОИТСЯ
В ПОНЕДЕЛЬНИК.
АРБИТР — ЧЕМПИОН В ТЯЖЕЛОМ ВЕСЕ.**

“Молитесь за меня, — упрашивает Борэкс мать, — за своего дорогого мальчика, живого или мертвого”.

Лауреат Нобелевской премии изъясляет согласие присутствовать на месте проведения дуэли в качестве дежурного хирурга.

Борэкс и дюжина его советников, не выпуская из зубов сигар, заперлись в одном из гостиничных номеров, чтобы обсудить создавшееся положение со всевозможных точек зрения. К этому времени его команда курила сигары только в обстановке строжайшей секретности. На людях они сосали мятные леденцы.

Им была предоставлена возможность самим выбрать род оружия, но каким же тяжелым оказался этот выбор! От дуэли по-чикагски отказались сразу же как от чего-то совсем уж недостойного и способного лишь запятнать президентский имидж. Помощник руководителя административной группы по обеспечению предвыборной кампании Борэкса — хитроумнейший чернокожий еврей, — выходец из испаноговорящего района Лос-Анджелеса предложил такую форму поединка, которая давала возможность испол-

зовать немалый спортивный опыт кандидата в президенты, в свое время слившего очень неплохим атакующим защитником футбольной команды колледжа. Он предложил выкопать два окопа на расстоянии в двадцать пять метров друг от друга и свести поединок к перепасовке его участниками ручных грават до тех пор, пока ущерб, причиненный взрывами их одному из противников, не удовлетворит в достаточной мере другого. Однако каждый из находившихся в этом гостиничном номере прекрасно понимал, что уже включены на полную мощность юпитеры Истории, высвечивающие любое решение, а История капризная особа, и по вкусу ей только два альтернативных блюда: шпаги или пистолеты. А трагедия ситуации заключалась в том, что Борэкс ничего не смыслил в искусстве владения любым из этих двух видов оружия, в то время как его противник не раз выигрывал турниры и по фехтованию, и по стрельбе. В конце концов были выбраны пистолеты — решающим фактором, определившим выбор в их пользу, оказалась гораздо меньшая вероятность фатального исхода поединка из-за немалого расстояния между противниками и влияния погодных условий на меткость стрельбы. Итак, пистолеты. Только по одному выстрелу все с той же целью понижения вероятности фатального исхода. Но вот где провести дуэль? Мибс настаивал на Плато Уихокэн в Нью-Джерси в связи с историческими ассоциациями, которые вызывала эта местность. Как он подчеркивал, вдоль вошедших в историю частоколов не трудно возвести трибуны, за места на которых можно заломить достаточно высокую цену. Полученные от продажи входных билетов средства, за вычетом расходов на рекламу и организационных расходов, могут быть использованы обеими соперничающими партиями для покрытия издержек, связанных с проведением избирательной кампании. Подобные соображения вызвали немалый интерес у советников Борэкса. Однако отрицательные эмоции, вызванные теми самыми историческими ассоциациями, значительно перевешивали чисто меркантильные соображения. Ведь именно в Уихокэне так неожиданно оборвалась карьера подававшего огромные надежды Александра Гамильтона. Советников кан-

1 Имеется в виду, естественно, американский футбол.

дидата в президенты куда более устроило бы какое-нибудь уединенное место, освященное победой еще необстрелянной и наспех собранной армии Джорджа Вашингтона — исторические ассоциации, связанные с подобным местом, служили бы добрым предзнаменованием удачного для них исхода поединка. Решить данную проблему окончательно было поручено казначею партии, в частной жизни занимавшемуся продажей недвижимости в Новой Англии. Теперь оставалось только выработать стратегию.

Всю ночь напролет они проспорили, обсудив великое множество всяких тактических уловок, начиная с взятки или шантажа официальных распорядителей дуэли и кончая предложением Борэксу выстрелить первому за мгновение до того, как будет подан соответствующий сигнал — этическая сторона этого поступка, не преминули подчеркнуть советники, останется практически без внимания, захлестнутая последующим потоком обвинений и контробвинений в прессе. Разошлись, ни в чем не придя к согласию, кроме того, что Борэксу следует усиленно попрактиковаться в стрельбе под руководством чемпиона Соединенных Штатов в оставшиеся до дуэли два дня и приложить максимум усилий, чтобы добиться хоть какого-нибудь приемлемого уровня меткости. К утру дуэли молодой претендент на пост президента совсем пал духом. В тире для стрельбы из пистолета он провел почти непрерывно сорок восемь часов, жаловался на острую боль в ушах и с горечью объявил, что для того, чтобы заметить насколько повысилась меткость его стрельбы, требуется достаточно мощный микроскоп. Время, понадобившееся на дорогу к месту дуэли, пока его выраженные в соответствии с этикетом секунданты все еще ожесточенно спорили, обсуждая те или иные уловки, он провел, понутив голову, ни разу не открыв рта.

Он был в состоянии самой настоящей паники. Только этим мы теперь можем объяснить его решение совершить такой стратегический ход, который сначала встретил решительный отпор у всего состава его окружения — явление совершенно беспрецедентное, не вписывавшееся в стандартную политическую практику.

Борэкс не был ученым-историком, но историю своей страны знал довольно неплохо. В свое время он даже написал ряд статей для одной из флоридских газет под об-

щим заглавием "Когда Орел кричал", разбирая такие судьбоносные мгновенья американской истории как отказ Роберта Э. Ли возглавить федеральные вооруженные силы или отмену свободного хождения серебряных денег и либерализацию цен при президенте Уильяме Мак-Кинли. Пока черный лимузин мчался на полной скорости к слишком уж отдаленному полю брани, он еще раз быстро перелистал в уме краткий справочник политической мудрости и патриотической деятельности в поисках ответа на возникшую перед ним проблему. И в конце концов нашел его в биографии Эндрю Джексона.

* * *

За много лет до того, как седьмой президент Соединенных Штатов заступил на высший государственный пост, ему довелось побывать в ситуации, аналогичной той, в которой оказался сейчас Элвис П. Борэкс. Поставленный в результате интриг своих недругов перед необходимостью драться на дуэли точно с таким же противником, с каким предстояло сразиться Борэксу, и понимая крайне возбужденное состояние, в котором тот находится, Джексон решил предоставить противнику возможность выстрелить первым. Когда ко всеобщему удивлению тот промахнулся и настала очередь стрелять Джексону, будущий президент США всласть распорядился тем неограниченным временем, которым теперь располагал, он спокойно навел свой пистолет на побледневшего и взмокшего от страха соперника и целился с особой тщательностью добрых секунд двадцать-тридцать. Затем выстрелил и убил противника. Вот он, выигрышный лотерейный билет, решил Борэкс. Как и Джексон, он позволит Мибсу выстрелить первым. А затем, подобно Джексону, неторопливо и безжалостно... К несчастью как для истории, так и для Борэкса, первый выстрел оказался единственным, произведенным на этой дуэли. Мибс не промахнулся, хотя и жаловался впоследствии — со свойственной ему взыскательностью даже по отношению к самому себе, — что несовершенство системы прицеливания допотопного дуэльного пистолета как раз-то и стало той причиной, почему посланная из него пуля отклонилась вниз от точки прицеливания на добрых пять дюймов. Пуля

прошла правую щеку конгрессмена, который, оказавшись не в силах смотреть смерти прямо в глаза, непроизвольно повернул голову в сторону, и вышла через левую. А затем вонзилась в ствол клена в пяти метрах за спиной у Борэкса, откуда впоследствии была извлечена и выставлена на всеобщее обозрение в Смитсоновском институте. Дерево, вошедшее в историю под названием "дуэльного клена", еще в течение многих лет было главной достопримечательностью края, который стал излюбленным местом проведения пикников и покрылся густой сетью мотелей. Однако уже в первом десятилетии следующего века этот клен был с корнем извлечен из земли при прокладке скоростной автотрассы, соединявшей Скенектади, штат Нью-Йорк, с новым международным аэропортом в Бангоре, штат Вермонт. Пересаженное с грандиозной помпой в землю Вашингтона, федеральный округ Колумбия, оно всего лишь через несколько пролетевших как один миг месяцев приказало долго жить, не выдержав субтропического зноя столицы. Раненого Борэкса тут же отнесли в полевой армейский госпиталь, развернутый поблизости на случай именно такой необходимости. Пока над ним хлопотали врачи, главный распорядитель его предвыборной кампании, политический деятель, широко прославившийся своей невозмутимостью и проницательностью в самых стрессовых ситуациях, вышел из палатки и приказал выставить вооруженных часовых перед входом в нее. Поскольку бюллетени о состоянии Борэкса, публиковавшиеся в течение нескольких следующих дней, заверяли, что нет особых оснований для беспокойства за жизнь и здоровье Борэкса, но страдали обилием туманных фраз и недомолвок, народ не знал, что и думать. Было ясно только одно — жить Борэкс будет.

Циркулировало великое множество самых различных слухов, тут же подвергавшихся тщательному анализу виднейшими обозревателями Вашингтона, Голливуда и Бродвея. В самом ли деле Мибс применил пулю "дум-дум"? Был ли кончик ее отравлен очень редким южноамериканским ядом? На самом деле мать кандидата в президенты совершила такое далекое путешествие из своего уютного домика в Окербочер Свэмпе, штат Флорида, аж до самого Нью-Йорка и с поистине тигриной яростью набросилась на

Старину Шепу в редакции "Волосатой груди", исцарапав ему лицо ногтями и едва не выколол глаза, а потом еще, искусав и искромсав щеки и шею металлическими вставными челюстями? Действительно ли имела место тайная церемония, на которой десять региональных лидеров мужичинизма обступили со всех сторон Шепарда Л. Мибса и стали свидетелями того, как Генри Дорсблад сломал шпагу и сигару Мибса о свое колено, резким ударом ладони сплюснул в лепешку котелок Мибса и торжественно оторвал гульфик от его брюк? Всем было хорошо известно, что тело молодого конгрессмена было столь тщательно измерено и сфотографировано перед дуэлью, что изготовление протезов вместо выбитых пульей трех или четырех коренных зубов было, в общем-то, плевым делом. Но возможно ли протезирование языка? И вообще, удастся ли с помощью пластической операции восстановить такие пухлые юношеские щеки и такую лучезарную улыбку?

По давно уже установившейся традиции последняя теледискуссия должна была состояться вечером перед днем выборов. Миссис Странт, как истинная леди, предложила отменить ее. Штаб-квартира Борэкса отвергла ее предложение: традицию нельзя нарушать ни в коем случае. Матч состоится при любой погоде.

В этот вечер светились экраны абсолютно всех телевизоров на территории Соединенных Штатов, включая даже ставшие музейной редкостью черно-белые. С кроватей поднимали детей, медперсонал больниц освободили от ежевечерних обходов, даже поснимали часовых с отдаленных постов, где не было телевизоров.

Первой выступила Клариссима Странт. Она коротко изложила свои предвыборные тезисы в дружественной манере, то и дело обворожительно улыбаясь, и представила на суд зрителей идеалы мужичинизма в простой, но изготовленной с особой любовью упаковке, словно рождественский подарок для членов своей семьи.

Затем камера развернулась к конгрессмену Борэксу. он не произнес ни слова и только, с грустью взирая на телезрителей выразительными, подернутыми влагой глазами,

показал на круглую рану диаметром в полдюйма на правой щеке. Затем медленно повернулся к объективу телекамеры другой щекой. На ней тоже была рана. Сокрушенно покачав головой, он поднял со стола большую фотографию своей матери в искусно отделанной серебряной рамке. Из глаза его при этом выкатилась чудовищных размеров слеза и расплескалась по фотографии.

Этого оказалось вполне достаточно. Не нужно было быть профессиональным политиком или специалистом по изучению общественного мнения, чтобы предсказать исход выборов. Миссис Странт еще задолго до вечера поздравила в день выборов своего соперника с заслуженной победой. В каждом штате мужичинизм и его последователи были буквально сметены взрывом всенародного волеизъявления. На улицах повсюду валялись груды выброшенных на свалку мужских котелков и женских турипоров. Закурить где-нибудь сигару было равносильно самоубийству. Подобно Аарону Барру, Шепард Л. Мибс сбежал в Англию, где опубликовал мемуары, женился на дочери одного из графов и прижил с нею пятерых детей. Старший из его сыновей, биолог, стал даже довольно известен как изобретатель лекарства, предотвращающего судороги икроножной мышцы спортсменов — того самого заболевания, что некогда угрожало гибелью французской промышленности, поставлявшей гурманам всего земного шара мороженые лягушачьи лапки. Подлиглоу тщательно избегал любых контактов с общественностью до самой своей смерти. Он был похоронен, в соответствии с завещанием, в огромном гульфике. Похороны его послужили поводом для появления во многих газетах пространных и богато иллюстрированных статей о возникновении, расцвете и падении движения, которое он основал. А Генри Дорсблад исчез еще до того, как сметающая все на своем пути лавина разъяренных женщин учинила погром штаб-квартиры мужичинистского движения. Его тело не было найдено среди обломков мебели, что дало пищу для возникновения множества легенд. Кое-кто утверждал, что он был заколот остриями бесчисленного количества зонтиков, к которым прибегли в качестве орудия своего гнева взбешенные американские поборницы святости брака и материнства. Другие говорили, что он спасся бегством, переодевшись уборщи-

цей, и когда-нибудь еще вернется, чтобы вновь повести за собой толпы воспрявших духом почитателей котелка и сигары. Элвис П. Борэкс, как известно любому школьнику, отсидел в Белом Доме два срока и был самым молчаливым президентом после Келвина Кулиджа. По окончании исполнения обязанностей президента он бросил политику и занялся оптовой продажей цветов в Майами.

Вот так оно и получилось, что мужчи́нства как будто вовсе никогда и не существовало. Если сбросить со счета компании подвыпивших мужчин, которые к концу пирушек с ностальгической грустью запевают порой старинные песни и обмениваются друг с другом лозунгами в духе бывших героических времен, то можно сказать, что в настоящее время осталось ничтожно мало следов той потрясающей воображение судороги, которая когда-то свела общественный организм. Одним из таких следов является гульфик.

Гульфик, несмотря ни на что, все-таки выжил как часть современного мужского наряда. При движении он ритмически раскачивается, напоминая многим женщинам строгий указующий перст, предупреждающий о том, до какой последней черты можно отталкивать от себя мужчин — и ни на йоту дальше! А для мужчин гульфик и сейчас все еще остается знаменем, правда, знаменем, скорее всего, перемирия, но тем не менее развевающимся в той войне, которая продолжается и сейчас и будет продолжаться во веки веков.

ЛЮДИ В СТЕНАХ

THE MEN IN THE WALLS

Ballantine Books

New York

1965

ГЛАВА I

Человечество состояло из ста двадцати восьми человек.

Такая огромная толпа народа давным-давно заполнила более дюжины убежищ. Отряды Общества Мужчин занимали четыре самых внешних из взаимосвязанных коридоров и патрулировали их всеми своими силами — двадцать три молодых взрослых мужчины в расцвете мужества и боевой готовности. Они размещались здесь, готовые встретить лицом к лицу любую опасность, угрожающую Человечеству, и принять на себя первый удар, они, капитаны их отрядов и недавно принятые в общество юноши, которые им служили. Эрик Единственный был одним из вновь принятых в эти могучие ряды. Сегодня он еще был учеником воинов, слугой у испытанных, проверенных в бою мужчин. Но завтра, завтра... Завтра — день его рождения. Завтра его пошлют красть для Человечества. Когда он вернется — а не вернуться он не боялся: Эрик был быстрым, Эрик был умным, он вернется, — прочь полетит свободная набедренная повязка, которую носили мальчишки. Ее заменят тесно прилегающие набедренные ремни гордого воина, члена Общества Мужчин. Он сможет свободно повыпать голос и высказывать свое мнение в Советах Человечества. Он сможет смотреть на женщин, когда и сколько ему захочется, даже приближаться к ним... Он обнаружил, что бредет к концу убежища своего отряда, все еще сжимая в руках копье, которое затачивал для своего дяди. Там, где

начиналось убежище Общества женщин, готовили еду, украденную из кладовых Чудовищ в тот день. Каждое заклинание необходимо было произнести должным образом, каждое слово должно быть выговорено абсолютно правильно, иначе пища может оказаться несъедобной, и даже опасной. Как все-таки везет Человечеству: у него есть много легко доступной еды и женщины, хорошо знающие таинство приготовления ее для человеческого потребления.

Женщины — это такие замечательные существа!

Сара Целительница Людей, например, всегда умеющая каким-то невероятным образом определить, какая еда годится, а какая нет; ее единственная одежда — облако волос, которое то открывает, то закрывает ее бедра и груди, самые крупные во всем Человечестве. Вот женщина для тебя! Более пяти пометов, два из них самые большие...

Эрик наблюдал, как она водит по кругу желтым куском съестного под слабым светом свисающей с потолка лампы в поисках чего-то известного только ей одной и узнавая это что-то, обнаружив его только ей одной известным образом. Имея такую подругу, мужчина мог ходить задрав нос.

Но она была женой вождя отряда и совсем не для него. Хотя ее дочери, Сельме Мягкокожей, вероятно, польстило бы его внимание. Она все еще носила волосы, забранные в тяжелый пучок, пройдет еще по крайней мере год, прежде чем Общество Женщин станет считать ее посвященной и позволит ей прикрыть волосами свою наготу. Нет, она слишком молода и незначительна для мужчины, стоящего на пороге принятия в ряды воинов. Еще одна девушка привлекла его внимание. Она наблюдала за ним на протяжении некоторого времени, пряча улыбку под ресницами и в уголках рта. Гарриэт Рассказчица Истории, старшая дочь Риты Хранительницы Записей, когда-нибудь сменит свою мать. Она была милой стройной девушкой с полностью распущенными волосами — знаком признания ее женской зрелости и профессионального статуса. Эрик и раньше любил ее едва заметные, брошенные украдкой в его сторону взгляды, особенно в последние несколько недель, по мере приближения времени его кражи. Он знал, что если ему повезет, — а ему должно повезти — не смеет думать ни о чем, кроме успеха! — она с благосклонностью будет ожидать от него заигрываний. Правда, Гарриэт была ры-

жей, и следовательно, согласно поверью Человечества, невезучей. Вероятно, ей было нелегко найти себе пару. Но его собственная мать тоже была рыжей.

Да, мать Эрика действительно была ужасно невезучей.

Даже отец заразился ее кошмарным невезением. И все же, Гарриэт Рассказчица Истории была для своего возраста важным лицом в племени. К тому же хорошенькая. И, главное, она не отворачивалась от него. Она улыбалась ему, теперь уже открыто. Он улыбался ей в ответ.

— Посмотрите на Эрика, — услышал он чей-то голос за спиной. — Он уже ищет себе подругу. Эй, Эрик, ты еще не надел ремни. Сначала надо украсть. А пароваться потом. — Эрик резко повернулся, остатки мечтаний все еще дрожали на его губах.

Группа молодых людей стояла возле стены его убежища. Смех перекачивался от одного к другому. Они все были взрослыми, все уже совершили свои кражи. Социально они превосходили его. Его единственным выходом было хладнокровное достоинство.

— Я знаю это, — начал он. — Не может быть и речи о паровании до...

— ...До никогда, для некоторых, — перебил его один из молодых людей. Он небрежно и гордо бряцнул копьем, которое сжимал в руке. — После того как ты совершишь кражу, ты должен будешь еще убедить женщину в том, что ты мужчина. И некоторым мужчинам приходится убеждать очень долго. Ужасно долго, Эрик Ноль.

Варыв смеха еще более сильный, чем раньше, долетел до него. Эрик Единственный почувствовал, что краснеет. Как смеют они напоминать ему о его рождении? В этот самый великий из всех дней? Он здесь, чтобы приготовить к Краже для Человечества...

Эрик бросил точильный камень в сумку и провел рукой по дядиному копыю.

— По крайней мере, — выговорил он медленно и четко, моя женщина будет пребывать в уверенности, Рой Бегун. Она не будет вечно открыта для предложений всех остальных мужчин племени.

— Ах ты, паршивый одиночка! — завопил Рой Бегун и, выпрыгнув из толпы, сгруппировался, сжал копьё в руке. — Ты хочешь получить дыру в животе. Моя женщина

имела от меня два помета, два больших помета. А что был дал ей ты, грязный одиночка?

— У нее было два помета, но не от тебя, — бросил Эрик Единственный, выставив копье перед собой. — Если отец — ты, то в таком случае, светлые волосы вождя разные, как свинка.

Рой взревел и нанес удар копьем. Эрик парировал его и ударил в свою очередь. Его копье не попало в цель, так как противник успел отскочить в сторону. Они ходили кругами друг вокруг друга, извергая проклятия и оскорбления, не сводя глаз с наконечников копий. Остальные молодые люди отошли в глубь убежища, чтобы освободить им место. Властная рука неожиданно схватила Эрика сзади за талию и подняла в воздух. Затем последовал сильный удар ногой, такой сильный, что он сделал, спотыкаясь, полдюжины шагов и упал. В следующее мгновение вскочив на ноги, все еще сжимая копье, он резко повернулся, готовый к схватке с новым противником. Он настолько обезумел в тот момент, что мог сразиться со всем Человечеством...

...Но не с Томасом Уничтожителем Ловушек. Нет, он обезумел не настолько.

Вся его агрессивность исчезла, когда он узнал капитана своего отряда. Он не мог драться с Томасом, своим дядей, Величайшим из всех людей. Он виновато направился к нише в Стене, где хранилось оружие отряда, и поставил копье своего дяди на положенное ему место.

— Что, черт побери, на тебя нашло, Рой? — послышался голос Томаса за его спиной, — дерешься на дуэли с новопосвящаемым? Где твой отрядный дух? Только этого сейчас не хватает, чтобы вместо шести полноценных воинов у нас осталось пять. Прибереги свое копье для Чужаков или, если ты настолько смел, — для Чудовищ.

— Я не дрался на дуэли, — пробормотал Рой, убирая свое копье. — Этот ребенок слишком много себе позволил. Я наказывал его.

— Так ты наказываешь ударами копья? Между прочим, это мой отряд, и здесь наказываю я. А теперь выходите отсюда, все. Готовьтесь к совету. Я сам займусь этим мальчишкой.

Они послушно вышли, не оглядываясь. Отряд Уничтожителя Ловушек славился своей дисциплиной по всему Че-

ловечеству. Какая честь быть его членом! Но когда тебя называют мальчишкой перед членами отряда... Мальчишка — когда он уже совсем взрослый и готов отправиться красть!

Хотя, если хорошенько подумать, лучше пусть тебя называют мальчишкой, чем одиночкой. Мальчик со временем становится мужчиной, а одиночка остается одиночкой навсегда. Может, дядя разрешит эту проблему.

— Разве не может быть, я имею в виду, возможно ли, что у моего отца были дети от другой женщины? Ты говорил мне, что он был одним из лучших воров, которые у нас когда-либо были.

Капитан отряда повернулся и внимательно посмотрел на племянника. Руки его были сложены на груди и раздувшиеся бицепсы производили впечатление величия и силы. Они блестели при свете крошечного фонарика, привязанного ко лбу, фонарика, который могли носить только полноценные воины. Через некоторое время старший мужчина покачал головой и очень мягко сказал:

— Эрик, Эрик, забудь об этом, мальчик. Он был всем тем, что о нем говорят и даже больше. Твой отец был знаменит. Мы его звали Эрик Опустошитель Кладовых. Эрик Смеющийся над замками, Эрик Неукротимый Вор. Он научил меня всему, что я знаю. Но он был женат всего лишь раз, и если какая-нибудь другая женщина когда-нибудь и заигрывала с ним, то она была очень осторожной, и никто об этом не знал. А теперь зачехли эти копыя. Они все покрылись влагой. Древки вместе, вот так, остриями вверх, и подровняй.

Эрик расставил кучу оружия как полагалось. Это было его обязанностью. Он снова повернулся к дяде, осматривавшему мешки и флаги, которые они возьмут с собой в экспедицию.

— Предположим, что существовала другая женщина. Мой отец мог иметь два, три, даже четыре помета от разных женщин. К тому же супербольшие пометы. Если бы мы смогли доказать это, меня больше не называли бы одиночкой. Я не был бы Эриком Единственным.

Уничтожитель ловушек вздохнул и на некоторое время задумался. Затем он вытащил из петли за спиной копьё и взял Эрика за руку. Дядя вел юношу вдоль убежища, пока они не очутились в самом его центре. Он внимательно по-

смотрел на видневшиеся в обоих концах входы, желая убедиться, что они совершенно одни, прежде чем произнес необычно тихим приглушенным голосом.

— Мы никогда не сможем доказать ничего подобного. Если ты не хочешь быть Эриком Единственным, если ты хочешь стать Эриком каким-то еще, тогда все зависит от тебя. Ты должен совершить хорошую кражу. Именно об этом ты и должен теперь все время думать — о своей краже. Эрик, какую категорию ты собираешься объявить?

Юноша не особенно над этим задумывался.

— Думаю, как обычно. Ту, которая выбирается для большинства посвящаемых. Первую.

Старший недовольно сжал губы.

— Первая категория. Еда. Ну что же...

Эрик сообразил:

— Ты хочешь сказать, что такой как я, единственный, которому действительно приходится создавать себе имя, должен поступить как настоящий воин? Мне следует сказать, что я совершу кражу второй категории — предметы, полезные для Человечества? Мой отец поступил бы таким образом?

— Знаешь, что сделал бы твой отец?

— Нет. Что?

— Он выбрал бы третью категорию. Именно это объявлял бы сейчас и я, если бы проходил церемонию посвящения, и я хочу, чтобы именно это объявил ты.

— Третью категорию? Сувениры Чудовищ? Но никто не выбирал третью категорию, не знаю, с каких пор. Почему это должен сделать я?

— Потому что это нечто большее, чем просто церемония посвящения. Это могло бы стать началом новой жизни для всех нас.

Эрик нахмурился. Что может быть больше, чем церемония посвящения и признание его полноправным мужчиной?

— Сейчас в Человечестве кое-что происходит, — продолжал Томас Уничтожитель Ловушек странным напряженным голосом. — Большие дела. И ты станешь их участником. Эта твоя кража, если ты совершишь ее как положено, если ты сделаешь то, что я тебе сказал, наверняка сорвет покрывало с замыслов вождя.

— Вождя? — Эрик почувствовал замешательство, словно шел по незнакомому убежищу без фонарика. — Что общего между вождем и моей кражей?

Его дядя снова осмотрел оба выхода из коридора.

— Эрик, что является самым важным из того, что можем мы, ты или кто-нибудь еще сделать? Для чего мы живем? Для чего мы здесь?

— Ну это легко, — хмыкнул Эрик. — Это самый легкий из существующих вопросов. Любой ребенок может на него ответить: “Наноси ответные удары Чудовищам, — процитировал он. — Прогони их с планеты, если можешь. Отвоюй Землю для Человечества, если можешь. Но главное: наноси ответные удары Чудовищам. Заставь их страдать так, как они заставили страдать нас. Заставь их помнить, что мы все еще здесь, что мы все еще боремся. Наноси ответные удары Чудовищам”.

— Наноси ответные удары Чудовищам. Правильно. Ну и как мы это сделаем?

Эрик Единственный удивленно посмотрел на дядю. Этого вопроса не было в наставлениях. Должно быть, он что-то не так услышал. Его дядя не мог ошибиться в таком ритуале.

— Мы сделаем это, — продолжал он, давая второй ответ, голос его зазвучал нараспев, как во время уроков в детские годы, — сохранив науку и технологию наших праотцов. Когда-то Человек был властелином всего мира; его наука и технология давали ему превосходство. Наука и технология — вот то, что нам необходимо, чтобы наносить ответные удары Чудовищам.

— Ну а теперь, Эрик, — мягко спросил дядя, — пожалуйста, скажи мне, что, черт возьми, такое — технология?

Это было уже совсем далеко. Они отклонились от нормального порядка наставлений на целый коридор.

— Технология — это... технология — это... — он споткнулся о незнакомую словесную преграду. — Ну, это то, что знали наши предки. Технология — это то, что необходимо, чтобы делать водородные бомбы или вести экономическую войну или изготавливать управляемые ракеты — в общем, для того, чтобы получить то мощное оружие, которым обладали наши предки.

— Принесло ли это оружие им какую-нибудь пользу? Я имею в виду, в борьбе с Чудовищами. Они остановили Чудовищ?

Мгновение у Эрика был совершенно ошарашенный вид, затем он повеселел. О! Теперь он знал дорогу. Он знал, как вернуться назад к наставлениям:

— Внезапность атаки...

— Прекрати это! — приказал ему дядя. — Не рассказывай мне эту чепуху! Внезапность атаки, вероломство Чудовищ — как ты думаешь, это похоже на объяснение? Только честно? Если твои предки действительно были властелинами мира и имели такое мощное оружие, могли бы Чудовища победить их? Я водил свой отряд в десятки походов, и я знаю цену неожиданной атаки, но поверь мне, она хороша только для быстрого удара и поспешного отступления, если ты сталкиваешься с превосходящими тебя силами. Ты можешь сбить кого-то с ног, если он этого не ожидает. Но если он действительно сильнее, чем ты, ты не одержишь верх. Так ведь?

— Я... Я не знаю. Откуда мне знать.

— А я знаю. Я знаю по опыту многочисленных схваток. Нужно запомнить следующее: когда наших предков обили с ног, они так и не поднялись. Это значит, что их наука и технология имели не такое уж первостепенное значение. А это значит... — при этих словах он повернул голову и посмотрел прямо в глаза Эрику, — это значит, что наука и технология наших предков гроша ломаного не стоили против Чудовищ, и ничего не будут стоить впредь!

Эрик Единственный побледнел. Он понимал, что такое ересь.

Дядя похлопал его по плечу и глубоко вздохнул, словно наконец выплюнул что-то чрезвычайно неприятное. Он придвинулся ближе, глаза его заблестели под светом маленького фонарика, голос упал до резкого шепота. — Эрик, когда я спросил тебя, как мы наносим ответный удар Чудовищам, ты ответил мне, что мы должны делать. Однако мы ничегошеньки не делали, чтобы побеспокоить их. Мы не знаем, как восстановить науку наших предков, у нас нет ни инструментов, ни оружия, ни технологии — чем бы она ни была — но все это не принесло бы нам ни капельки пользы, даже если бы оно у нас было. Потому

что однажды все это уже потерпело поражение. Все это потерпело полное поражение в пору своего расцвета. Сейчас просто нет смысла пытаться создавать это заново.

И Эрик понял. Он понял, почему его дядя перешел на шепот, почему в его словах было столько напряжения. Здесь дело было связано с кровопролитием, с кровопролитием и смертью.

— Дядя Томас, — прошептал он прерывающимся голосом, хотя прилагал все усилия, чтобы говорить ровно и твердо, — давно ли ты стал человеком чужой науки? Когда ты оставил науку предков?

Томас Уничтожитель Ловушек погладил копье, прежде чем ответить. Он прикоснулся к нему нежно, почти бессознательно, но они оба мысленно отметили тот факт, что оно готово к удару. Огромное тело капитана, на котором были лишь опоясывающие бедра ремни и легкая петля для копья, висящая на спине, казалось, тоже было готово броситься мгновенно в любом направлении. Он снова перевел взгляд от одного конца убежища к другому, луч фонарика, прикрепленного к его лбу, пронизал ступившуюся у входов темноту. Эрик тоже осмотрелся. Никто не слушал их прижавшись к стене и затаив дыхание.

— С каких пор? С тех пор, как узнал твоего отца. Он был в другом отряде. Естественно, мы нечасто встречались до того, как он женился на моей сестре. Хотя я слышал о нем: все в Обществе Мужчин слышали о нем: он был великим вором. Но когда он стал моим зятем, я от него многое узнал. Я узнал о замках, о самых последних ловушках — и еще я узнал о чужой науке. Он к тому времени уже многие годы был человеком чужой науки. Он обратил твою мать, и он обратил меня.

Эрик Единственный попятился.

— Нет! — закричал он. — Только не мой отец и мать! Они были порядочными людьми — когда их убили, в их память была проведена служба. Они жили для блага науки наших предков...

Дядя прижал к его губам мощную ладонь.

— Заткнись, ты, чертов дурак, или угробишь нас обоих! Конечно, твои родители были порядочными людьми. Как ты думаешь, их убили? Твоя мать оказалась вместе с отцом на территории Чудовищ. Ты когда-нибудь слышал,

чтобы женщина ходила со своим мужем на кражу? И брала с собой маленького ребенка? Ты думаешь, это была обычная кража у Чудовищ? Они были людьми чужой науки, и служили ей верой и правдой.

Эрик посмотрел в глаза дяде поверх руки, зажимавшей его рот. Люди чужой науки... служили верой и правдой... Ты думаешь, это была обычная кража... Он никогда не задумывался над тем, странным фактом, что его родители отправились на территорию Чудовищ вместе, мужчина взял свою жену, а женщина — своего маленького ребенка! Когда он расслабился, дядя убрал руку.

— Что это была за кража, во время которой погибли мои родители?

— На такую же отправишься ты, — ответил Томас. — Если ты сын своего отца. Если ты настоящий мужчина и можешь продолжить дело, которое начал он. Это так?

Эрик хотел было кивнуть, но почувствовал, что только вздрогнул, и просто опустил голову. Он не знал, что сказать. Его дядя — да, его дядя всегда был образцом для него, его вождем, сильным, мудрым и опытным. Его отец... Естественно, он хотел бы следовать примеру своего отца и продолжать начатое им дело, каким бы оно ни было. В конце концов, это церемония его посвящения, и для того, чтобы доказать свое право называться мужчиной, надо будет подвергнуться достаточной опасности. Но выбрать для церемонии посвящения задание, которое привело к смерти его отца, величайшего вора племени, к тому же еретическое, богохульственное задание...

— Я попробую. Не знаю, смогу ли я...

— Ты сможешь, — с жаром уверил его дядя. — Все уже подготовлено для тебя. Все будет так, словно ты идешь по прорытому убежищу, Эрик. Тебе придется только пройти через совет. Ты должен быть непреклонным, что бы ни случилось. Ты скажешь вождю, что выбираешь третью категорию.

— Но почему третью? — спросил Эрик. — Почему это должны быть сувениры Чудовищ?

— Потому что это то, что нам необходимо. И ты держись своего, как бы они на тебя не нажимали. Помни: посвящаемый имеет право сам решать, что он будет красть. Первая кража мужчины — его личное дело.

— Но послушай, дядя...

В конце убежища раздался свист. Томас Уничтожитель Ловушек кивнул в сторону сигнала.

— Мальчик мой, совет начинается. О походе мы поговорим позже. А сейчас запомни следующее: кража третьей категории — твоя собственная идея, исключительно твоя собственная. Забудь обо всем, о чем мы с тобой говорили. Если у тебя возникнут проблемы с вождем, не смущайся, я буду там. В конце концов, я твой крестный отец. — Он обнял своего обитого с толку племянника и пошел в конец коридора, где его ждали другие члены отряда.

ГЛАВА II

Племя собралось в центральном, самом просторном убежище под большими висячими лампами накаливания, которые использовались только в этом месте. За исключением нескольких часовых во внешних коридорах, все Человечество собралось здесь. Это было захватывающее дух зрелище.

На небольшом бугорке, называемом Королевский Холм, восседал Франклин Отец Многих Воров, вождь всего Человечества. Он единственный демонстрировал тяжесть живота и вялость рук — ибо он один имел привилегию вести малоподвижный образ жизни. Рядом с крепкими мускулистыми капитанами отрядов, его непосредственным окружением, он выглядел почти женственно, и одним из его многочисленных титулов был просто Человек. Да, несомненно, Человеком Человечества был Франклин Отец Многих Воров. Об этом можно было судить по притихшим, уважительно замершим воинам, стоявшим на некотором расстоянии от холма. Об этом можно было судить по взволнованному интересу женщин, стоявших в другом конце огромного убежища, согласно обычаю Общества Женщин. Об этом можно было судить по нервозности и неприязни, с какой на других женщин смотрела главная среди них — Оттили, Первая Жена Вождя. И наконец, об этом можно было судить по лицам детей, стоявших вдалеке неорганизованной толпой. Лица большинства из них имели

неоспоримое сходство с лицом Франклина. Франклин хлопнул в ладоши — раздалось три тяжелых с равными промежутками удара.

— Во имя наших предков, — начал он, — и науки, при помощи которой они правили Землей, я объявляю Совет открытым. Пусть он станет еще одним шагом в овладении их наукой. Кто просит слова?

— Я, — Томас Уничтожитель Ловушек вышел из своего отряда и встал перед вождем.

Франклин кивнул и продолжал вести собрание, задав следующий формально полагающийся вопрос.

— По какой причине?

— В качестве капитана отряда я обращаю ваше внимание на кандидата в мужчины. Члена моего отряда, копьеносца в течение положенного времени, принятого учеником в Общество Мужчин. Моего племянника Эрика Единственного.

Когда его имя было произнесено, Эрик вздрогнул. Отчасти по собственному побуждению, отчасти повинуясь толчкам, полученным от других воинов, он, спотыкаясь, подошел к своему дяде и встал лицом к вождю. Этот самый важный момент в его жизни оказался очень трудным для него. Так много людей в одном месте, испытанных и знаменитых воинов, привлекательных и обладающих знаниями женщин, сам вождь, — и все это после шокирующих откровений его дяди... Он чувствовал, что вряд ли в состоянии мыслить ясно. А ему было жизненно необходимо мыслить ясно. Его ответы на следующие несколько вопросов должны быть точными и правильными.

Вождь задал первый из них:

— Эрик Единственный, ты обращаешься с просьбой считать тебя полноправным мужчиной?

Эрик сделал глубокий вдох и кивнул.

— Да.

— В качестве полноправного мужчины какая от тебя будет польза Человечеству?

— Я буду красть для Человечества все, что ему понадобится. Я буду защищать Человечество от всех Чужаков. Я буду увеличивать имущество и знания Общества Женщин для того, чтобы оно могло увеличивать силу и благосостояние Человечества.

— И ты клянешься все это делать?

— И все это я клянусь делать.

Вождь повернулся к дяде Эрика.

— Как его крестный отец ты поддерживаешь его клятву и клянешься, что ему можно доверять?

Томас Уничтожитель Ловушек ответил с едва уловимым намеком на сарказм:

— Да, я поддерживаю его клятву и клянусь, что ему можно доверять.

На какое-то мгновение взгляд вождя скрестился с взглядом капитана отряда. Несмотря на всю неразбериху, что творилась в голове у Эрика, он заметил это. Затем вождь отвел глаза в сторону и показал на женщину в другом конце убежища.

— Он принят в качестве кандидата мужчинами. Теперь женщины должны просить доказательств, ибо только женское испытание дарует звание полноправного мужчины.

Первая часть была закончена. И она прошла не так уж плохо. Эрик повернулся к приближавшимся главам Общества Женщин с Оттили Первой Женой Вождя в центре. Теперь настала очередь той части собрания, которая особенно пугала его. Женской части. Как обычно в такой момент, когда женщины приблизились к ним, дядя оставил его. Томас Уничтожитель Ловушек повел свой отряд к воинам, стоявшим у Тронного Холма. Там они, как и все остальные, скрестили руки на груди и стали наблюдать. Мужчина может дать доказательство своей зрелости, только когда он один, друзья не могут поддержать его, когда приближаются женщины. Эрик понимал, что это будет нелегко. Он надеялся, что по крайней мере одна из жен его дяди будет среди трех экзаменаторов: все они были добрыми, любили его и много говорили с ним о тайнах женской работы. Но он увидел трио суровых женщин, которые явно намеревались безжалостно провести его через весь ритуал, прежде чем отпустить. Сара Целительница Болезней начала церемонию. Она ходила вокруг него с воинственным видом, положив руки на бедра. Ее огромные груди раскачивались из стороны в сторону, словно пара раздувшихся маятников, глаза презрительно блестели.

— Эрик Единственный, — произнесла она нараспев, затем замолчала и усмехнулась, словно в это имя было не-

возможно поверить, — Эрик одиночка, Эрик первый и единственный сын и своей матери и своего отца. Между твоими родителями было слишком мало, и получились одинокий ребенок. Достаточно ли в тебе, чтобы стать мужчиной?

Со стороны детей послышалось понимающее хихиканье, затем покатились раскатистый смех из окрестностей трона. Эрик почувствовал, что его лицо и шея покраснели. За подобные оскорбления он бился бы насмерть с любым мужчиной. Абсолютно с любым. Но кто мог поднять руку на женщину и остаться живым? Кроме того, одной из основных целей этого представления было проверить силу его самообладания.

— Я думаю, что да... — смог он произнести после долгой паузы. — И я желаю доказать это.

— Тогда докажи это! — зарычала женщина.

Ее правая рука, сжимавшая длинную остроконечную булавку, метнулась к его груди, словно брошенное копьё. Эрик напряг мышцы и попытался отправить свой мозг куда-то далеко-далеко. Именно это, как говорили ему другие мужчины, и надо сделать в такой момент: они причиняют боль не тебе, вовсе не тебе. Ты, твой мозг, твоё ощущение собственного "я" находятся в другой части убежища и наблюдают, как все эти мучительные вещи проделывают с кем-то другим. Булавка погрузилась в его грудь на некоторую глубину, остановилась, вышла наружу. Она попробовала тут, попробовала там, наконец отыскала нерв в плече. Там, направляемая знанием Целительницы Болезней, она вгрызалась в чувствительное место до тех пор, пока Эрик не почувствовал, что скоро сотрет зубы в порошок, сдерживая крик. Его побелевшие от напряжения кулаки дергались, словно в пароксизме протеста, но ему удавалось удерживать тело. Он не кричал, не отходил в сторону, не поднимал руки, чтобы защититься.

Сара Целительница Болезней отступила назад и оценивающе посмотрела на него.

— Здесь еще нет мужчины, — произнесла она ворчливо. — Но, возможно, здесь есть начало такового.

Теперь он мог расслабиться. Физическое испытание было закончено. Потом, значительно позже, будет еще одно, после того, как он успешно завершит свою кражу, но его будут проводить как часть торжественной церемонии по-

священия исключительно мужчины. При таких обстоятельствах, Эрик это знал, он сможет пройти его почти с радостью. Ну а пока он прошел физическое испытание. В данный момент это было важно. Согласно естественной реакции, его тело покрылось ручьями пота, который стекал по окровавленным трещинкам в коже, обжигая ее. Эрик почувствовал, как ему на спину плеснули воды, и заставил себя не потерять сознание, вернуть мозгу ясность и живость.

— Было больно? — спрашивала его Рита — старая сморщенная Хранительница Записей. На ее сорокалетнем лице появилась заботливая улыбка, но он знал, что она лжива. Такая старая женщина больше не могла чувствовать сострадания к кому бы то ни было. Она испытала слишком много страданий, боли и несправедливости, чтобы переживать из-за чужих бед.

— Немного, — сказал он. — Не особенно.

— Чудовища причинят тебе гораздо большую боль, если поймают тебя в момент кражи, ты знаешь это? Они причинят тебе гораздо большую боль, чем мы когда-либо были бы способны.

— Я знаю. Но кража важнее, чем риск, на который я иду. Воровство — самое важное из того, что может сделать человек.

Рита Хранительница Записей кивнула.

— Потому что ты крадешь вещи, необходимые Человечеству для жизни. Ты крадешь вещи, которые Общество Женщин может превратить в еду, одежду и оружие для Человечества, с тем, чтобы Человечество могло жить и процветать.

Он понимал, к чему она ведет, чего от него ждут.

— Нет, — возразил он. — Мы крадем не поэтому. Мы живем тем, что крадем, но мы крадем не просто для того, чтобы продолжать жить.

— А для чего? — спросила она мягко, словно не знала ответ лучше, чем все остальные члены племени. — Для чего мы крадем? Что важнее выживания?

Ну наконец-то. Наставления.

— Чтобы наносить ответные удары Чудовищам, — начал он. — Чтобы прогнать их с планеты, если мы сможем. Чтобы отвоевать Землю для Человечества. Но прежде всего — чтобы наносить ответные удары Чудовищам...

Он осилил весь длинный словесный ритуал, делая паузу в конце каждой части, чтобы Хранительница Записей могла задать очередной вопрос и вызвать продолжение. Она попыталась было подстроить ему ловушку. Она поменяла местами пятый и шестой вопросы. Вместо "Что мы будем делать с Чудовищами, когда отвоюем у них Землю?" она спросила "Почему мы не можем использовать чужую науку самих Чудовищ чтобы сражаться с Чудовищами?"

Эрик уже произнес добрую часть параграфа, начинающегося словами "Мы будем держать их, как наши предки держали всех незнакомых животных, в месте, называемом зоопарком, или мы отведем их в наши убежища и заставим жить так, как жили мы", — прежде чем понял подвох и остановился в замешательстве. Затем он взял себя в руки, спокойно, как учили его дядины жены, поискал в памяти правильный ответ, и начал снова.

— Существует три причины, по которым мы не можем использовать чужую науку, — декламировал он, подняв руку с согнутыми большим пальцем и мизинцем. — Чужая наука — не человеческая наука, чужая наука антигуманна. Первое: чужая наука не человеческая. — Он согнул указательный палец, — мы не можем использовать ее потому, что никогда не сможем понять ее. Второе: она негуманна, поэтому мы никогда не захотели бы использовать ее, даже если бы могли понять ее. И третье: она антигуманна, и может быть использована только для того, чтобы причинить Человечеству вред, поэтому мы не смогли бы использовать ее, пока мы сами остаемся людьми. Чужая наука является полной противоположностью науке предков, она уродлива, а не прекрасна, вредна, а не полезна. Когда мы умрем, чужая наука приведет нас не в мир наших предков, а в другой мир, полный Чудовищ.

В целом все прошло неплохо, несмотря на ловушку, в которую он чуть не попал. Но он не мог забыть разговор с дядей. В то время, как его губы произносили знакомые слова, его мозг продолжал биться над неразрешимой загадкой. Его дядя был приверженцем чужой науки, и, согласно его утверждениям, родители Эрика тоже. Делало ли это их нечеловечными, антигуманными?

И что теперь делать ему? Он хорошо знал свой религиозный долг: в этот момент он должен рассказывать всему

Человечеству об ужасном секрете дяди. Все это было слишком сложно для человека с таким ограниченным опытом, как у него. Когда он закончил длинный перечень наставлений, Рита Хранительница Записей сказала:

— Это то, что ты говоришь о науке наших предков. Теперь мы выясним, что наука наших предков говорит о тебе. Не поворачивая головы, она подала знак через плечо, и две молодчье девушки — ученицы женщин — выдвинули большую машину, которая являлась центром религиозной жизни племени. Они отступили назад, улыбаясь одновременно застенчиво и подбадривающе Эрику Единственному.

Он знал, что их улыбки значат ненамного больше, чем просто добрые пожелания учениц одного пола ученику другого, но даже это послужило ему поддержкой в такой момент. Это значило, что он гораздо ближе к обретению полного статуса, чем они. Это значило, что, по мнению непредубежденных, незаинтересованных наблюдателей, испытание проходило нормально. “Одиночка, — зло подумал он, — я покажу им, на что способен одиночка!” Рита Хранительница Записей повернула ручку на верху массивной машины и та загудела. Рита вскинула руки вверх, дрожа, развела их в стороны, и все воины, женщины, дети, ученики, даже сам вождь, — все преклонили головы.

— Внимайте словам наших предков, — пропела она. — Смотрите внимательно на демонстрацию их великих достижений. Когда их конец приближался, и они знали, что только мы, их потомки, сможем отвоевать потерянную Землю, они сделали для будущих поколений Человечества эту машину, чтобы она служила проводником к науке, которая существовала раньше и которая должна возродиться.

Женщина опустила руки. Одновременно все в убежище подняли головы и устремили взгляды на стену напротив машины, ожидая магического послания.

— Эрик Единственный, — крикнула Рита, поворачивая какую-то деталь в левой части машины одной рукой и постукивая по ней указательным пальцем другой. — вот запись достижений науки наших предков, которая предназначена только для тебя. Это предсказание, согласно которому ты будешь жить и умирать.

Он впился глазами в стену, глубоко дыша. Теперь он узнает, какой должна быть его жизнь — теперь. Много лет

назад, в предсказании, адресованном его дяде в подобный момент, прозвучало прозвище, которое он потом получил: Уничтожитель Ловушек. А на предыдущей церемонии посвящения один юноша вызвал ряд сцен, в которых сталкивались два огромных воздушных транспортных средства. Друзья пытались подбодрить мальчика, но он знал, что от судьбы не уйдешь. И конечно же, во время своей первой иражи он был схвачен Чудовищем и разбит ударом об стену.

Но даже тогда Эрик подумал, что лучше получить такое предсказание, чем пустое. Если машина включалась и показывала только ослепительно белый прямоугольник, все племя знало, что испытываемый юноша вовсе лишен возможности стать зрелым мужчиной. А машина никогда не ошибалась! Мальчик, получавший пустое предсказание, по мере взросления неизбежно становился все более и более женоподобным и изнеженным, он так никогда и не выходил на кражу. Он избегал компании воинов и выпрашивал у женщин небольшие поручения. Машина предков смотрела на мальчика и в точности говорила, что он из себя представляет и что из него получится. Наука, которая произвела такую машину, была великой, это несомненно. В машине находился источник энергии, которая не иссякала, и которая, как верили, была энергией, дававшей жизнь всем вещам. Она будет работать вечно, если только машину никто не испортит, а кому придет в голову испортить машину? В ней были заключены предсказания не только для каждого отдельного человека, но и великие тайны, которые должно разгадать Человечество, прежде чем оно сможет разработать путь спасения, благодаря ритуалам и мощи науки предков.

Сейчас же, однако, только одна очень маленькая часть Человечества интересовала Эрика. Он сам. Его будущее. Он ждал, напрягаясь все больше и больше по мере того, как гудение машины становилось громче. И вдруг все находящиеся в убежище издали полный благоговейного страха крик. На стене появилось изображение.

Он получил не пустое предсказание! Это было самое важное. Ему досталось предвидение предков, которое предстояло расшифровать. "МОТ приглашает всех! — прокричал голос, а кадр на стене показал людей, одетых в странные облачения предков. Они валили толпами — мужчины,

женщины, дети — со всех сторон к какому-то странному строению в центре и исчезали, вливаясь в него. Все больше и больше людей проникало внутрь, но все больше и больше снова появлялось по краям блестящего экрана и шагало к центру. "МОТ приглашает всех! — вопило предсказание. Дешевая распродажа! Только сегодня на трех этажах МОТа! Бинокли, магнитофоны, кинокамеры, все с огромной скидкой, намного ниже их стоимости! Спешите, спешите, спешите!" Теперь показывались разные предметы. Станные, удивительные предметы, которыми пользовались предки. И как только предмет появлялся, голос сопровождал это появление песнопением. Могушественная и древняя магия, забытые знания науки предков!

..."Экспонометры Крафта Ярманна, лучшие из существующих. Вы слышали о них раньше, а теперь вы можете их купить; экспозиметр, открывающий глаза, цена, доступная любому карману, восемь долларов и девяносто пять центов, сегодня в МОТе, только он один обрадует покупателя"...

..."Восьмимиллиметровые автоматические видеокамеры киото с электронным глазом, который выполняет за вас наведение фокуса и каждый раз устанавливает необходимую выдержку. Всего три доллара в неделю. Поставки ограничены, поэтому спешите, спешите, спешите!"...

Эрик смотрел, как кадры следуют один за другим. Его кулаки были крепко сжаты, глаза расширились от благоговения и напряжения. Это был ключ к его жизни, к тому, чем он может стать. Это были сцены, которые показывающая машина предков преподнесла как предсказание его будущего.

Все знания находились в этой машине, и вероятности ошибки не было. Но Эрик начинал волноваться. Предсказание было таким странным! Иногда предвидения бывали такими, что приводили в замешательство даже самых мудрых женщин. А это значило, что юноша, которому такое предвидение досталось, навсегда оставался загадкой для самого себя и для всего Человечества.

Нет, только не это! О, предки, о, наука, о, показывающая машина, пусть с ним такое не случится! Пусть его предсказание будет ясным и определенным, чтобы его личность могла быть ясной и определенной на протяжении оставшейся жизни! "...Бинокли, с сильным увеличением, — заревел голос, когда на стене появился мужчина и поднес

к своим глазам один из странных предметов. — Имя производителя известно на мировом рынке! Семь на пятьдесят. Всего четырнадцать долларов и девяносто пять центов с футляром. Десять на пятьдесят — всего пятнадцать долларов и девяносто пять центов с футляром. Вы видите дальше, вы видите яснее, вы платите меньше. Вы всегда платите меньше в МОТе! Самые низкие цены, самое высокое качество! Сегодня, сегодня, сегодня на ежегодной пасхальной распродаже в МОТе!” В машине что-то щелкнуло, и картинка на стене убежища сменилась белым прямоугольником. Эрик понял: это все, что является ключом к его последующей жизни. Что же это значило? Можно ли растолковать это странное предсказание? Взволнованный, он повернулся к Оттили Первой Жене Вождя. К ней повернулись сейчас головы всех присутствующих. Сара Целительница Болезней и Рита Хранительница Записей смотрели на нее тоже. Только Оттили могла прочитать предсказание, только низкорослая, коренастая, высокомерная Оттили. Первая жена Вождя — было ее почетным именем, но задолго до того, как она его получила, даже еще до того, как она возглавила Общество Женщин, ее звали Оттили Прорицательница, Оттили Предсказательница Судьбы. Оттили умела мысленно пройти от родного убежища к темным запутанным лабиринтам будущего, умела толковать предсказания, произносить предостережения. Именно Оттили Прорицательница могла выбрать из трех родившихся в одном помете детей одного, которого необходимо было уничтожить, потому что так или иначе он однажды навлек бы смерть на свой род. Еще будучи Оттили Прорицательницей, она после смерти старого вождя выбрала его преемником Франклина Отца Многих Воров, потому что он получил наиболее благоприятные предсказания. Она во всем была права. И сейчас снова Оттили Прорицательница выбросила руки над головой и извивалась, и раскачивалась, и стонала, отыскивая глубоко внутри себя значение предсказания Эрика. Перед ними сейчас была Оттили Прорицательница, а не Оттили Первая Жена Вождя, ибо ею она стала только после того, как Франклин взошел на Тронный Холм. Царапины и дыры, которые проковыряла в его теле Сара Целительница Болезней горели огнем, но Эрик почти не замечал боли. Можно ли

как-то объяснить его предсказание? И как оно будет расшифровано? Что бы ни увидела в нем Оттили, оно теперь останется с ним до конца его жизни, пристанет к нему гораздо сильнее, чем засохшая кровь на руках, ногах и груди. Какое имя можно извлечь из такого предсказания? Эрик Ценность? Это было немного лучше, но ужасно неопределенно, почти также плохо, как пустое предсказание.

Он посмотрел мимо корчащейся фигуры Оттили туда, где, окруженный своим отрядом, стоял его дядя, чуть слева от Тронного Холма. Томас Уничтожитель Ловушек смотрел на Оттили и улыбался во весь рот. "Что его так рассмешило? — подумал Эрик с отчаянием. — Неужели для него не существует ничего святого? Разве он не понимает, насколько важно для будущего Эрика, чтобы его предсказание можно было прочесть, чтобы он получил имя, которым можно было бы гордиться? Что смешного в судорогах Оттили, если она пытается родить будущее Эрика? Он вдруг осознал, что Оттили начала произносить членораздельные звуки. Юноша напряг слух и вслушался. Вот наконец-то. Вот кто он на самом деле. Кем он будет всю свою оставшуюся жизнь.

— Трижды, — пробормотала Оттили. Ее голос постепенно становился все более чистым и громким, — трижды наши предки называли Эрику его имя. Три раза повторили они его. Тремя разными способами призвали они его стать тем, что необходимо от него их науке. И вы все слышали это, и я слышала это, и Эрик тоже слышал это.

"Которое же, — задумался Эрик, — в котором из многих странных магических утверждений содержалось его имя и дело его жизни?" Он ждал, пока Прорицательница произнесет его. Он почти перестал дышать. Тело Оттили расслабилось, руки повисли вдоль туловища, и она заговорила резким властным голосом, уставившись в стену убежища, где было показано предсказание.

— Экспозиметр, который открывает глаза, — сказала наука предков, — напредила она всем. — И электронный глаз, который производит настройку фокуса. И "Вы будете видеть дальше, видеть четче и заплатите меньше" сказала нам показывающая машина об Эрике. Нельзя ошибиться в том, чего хотят от Эрика наши предки, чем он должен стать, если мы будем наносить ответный удар Чудовищам

и отвоевывать Землю, которая по праву принадлежит нам. Спасибо показывающей машине, спасибо каждому из предков в отдельности и всем вместе! По крайней мере, предсказание оказалось однозначным. Но каким именно?

Теперь Оттили Прорицательница, Оттили Предсказательница Судьбы повернулась к нему, к тому месту, где он стоял один, отдельно от всего остального, застывшего в ожидании Человечества. Он выпрямился и напряженно замер, ожидая приговора.

— Эрик, — сказала она. — Эрик Единственный, Эрик Одиночка, теперь ты отправишься на свою кражу. — Если ты добьешься успеха и вернешься живым, ты станешь мужчиной. А став мужчиной, ты больше не будешь называться Эриком Единственным, тебя будут звать Эриком Глазом, Эриком Разведчиком, Эриком, который отыскивает путь для Человечества своим открытым глазом, своим дальше видящим, четче видящим, глазом. Ибо таково слово предков, и вы все слышали его.

Наконец, Эрик мог глубоко вдохнуть, что он и сделал вместе со всем Человечеством, которое, как и он, не дыша внимало словам Оттили. Эрик Глаз — вот чем он должен стать! Если он добьется успеха... и если он останется в живых. Эрик Глаз. Эрик Разведчик. Теперь он знал все о себе. Полученное имя неизменно на все времена. Это хорошее имя и хорошее дело. Ему очень повезло. Рита Хранительница Записей и ее дочь Гарриэт Рассказчица Истории откатали показывающую машину назад, на ее привычное священное место в нишу за Тронным Холмом. Несмотря на религиозный характер действия, в котором она принимала участие, молодая женщина не могла отвести от Эрика глаз. Он теперь влиятельное лицо, по крайней мере, будет им, когда вернется. Другие молодые и достигшие брачного возраста женщины, он это заметил, смотрели на него так же. Эрик принялся ходить по кругу перед Человечеством, его походка становилась все более и более уверенной. Он ждал появления Оттили, теперь уже не в роли Прорицательницы, а снова в роли Первой Жены Вождя, которая займет свое законное место во главе Общества Женщин, ждал, чтобы начать песню.

Юноша откинул голову, развел руки и, с гордым видом, притопывая, начал танцевать перед Человечеством.

Он вертелся, описывая большие круги, высоко подпрыгивал, энергично двигая руками и ногами. И танцуя, он запел свою песню. Это была песня гордости, распиравшей его грудь, песня величия будущего воина, песня человека, уверенного в себе. Он пел обещание своим товарищам:

Я — Эрик Глаз,
Эрик Открытый Глаз,
Эрик Видящий Дальше, Видящий Четче.
Эрик Разведчик,
Эрик, который находит и показывает путь.
Вы заблудились в незнакомом месте?
Я покажу вам дорогу к вашему дому.
Убежище разветвляется
на слишком много коридоров?
Я выберу лучший, и Человечество
пойдет по нему к безопасности.
Поблизости враги, скрытые ловушки,
немыслимые опасности?
Я увижу их и предупрежу о них вовремя.
Я буду идти впереди отряда воинов
и все разведывать для них.
И они будут уверены в победе, и они победят.
Потому что у них есть Эрик Разведчик,
Который ведет их за собой
и показывает верный путь!

Так он пел, танцуя перед Человечеством под огромными лампами в огромном центральном убежище. Он пел о своей миссии, как совсем недавно во время своего посвящения Рой Бегун пел о легкости и скорости, которыми он овладеет; как задолго до этого пел его дядя Томас о зарождавшейся в нем способности обнаруживать и обезвреживать ловушки; как когда-то его отец пел о кражах, которые он совершит, о кладовых, которые он опустошит ради блага Человечества. Он пел, прыгал и кружился, и все Человечество наблюдало за ним, отбивая ритм ногами и руками, и служило хором, сопровождавшим его триумф. Затем Франклин Отец Многих Воров издал звук, похожий на громкое хрюканье. Шум прекратился. Эрик остановился дрожа, все его тело было абсолютно мокрым, ноги и руки подергивались.

— Это то, что случится, — проговорил Франклин, — когда кража будет совершена. Но сначала — сначала кража. Всегда зрелости предшествует кража. Теперь давай поговорим о твоей краже.

— Я пойду в самое логово Чудовищ, — гордо объявил Эрик, глядя на вождя с высоко поднятой головой. — Я отправлюсь в их логово один, помощником мне будет только мое оружие, как и полагается воину. Я украду у них, как бы опасно это ни было, что бы мне ни угрожало. И то, что я украду, я принесу для пользы и наслаждения Человечества.

Франклин кивнул и ответил согласно ритуалу.

— Это хорошо, это сказано, как сказал бы настоящий воин. Что ты обещаешь украсть у Чудовищ? Для своей первой кражи ты должен дать обещание заранее и выполнить, выполнить его в точности.

Вот они и подошли к главному. Эрик взглянул на своего дядю, словно ожидая поддержки. Томас Уничтожитель Ловушек смотрел в другую сторону. Эрик облизал губы. Ладно, может, все еще обойдется. В конце концов, юноша, отправляющийся на свою первую кражу, имеет полную свободу выбора.

— Я обещаю совершить кражу третьей категории, — заявил он слегка дрожащим голосом.

Реакция была гораздо более сильной, чем он предполагал. Франклин Отец Многих Воров дико завопил, спрыгнул с Тронного Холма и некоторое время стоял, глядя на Эрика, с открытым ртом. Его огромный живот и жирные руки тряслись от изумления.

— Ты сказал “Третья категория”? Третья?

Эрик, теперь действительно испугавшись, кивнул.

Франклин повернулся к Оттили Первой Жене Вождя. Они оба стали всматриваться в ряды воинов, туда, где, окруженный своим отрядом, стоял Томас Уничтожитель Ловушек, по виду явно безразличный к только что прозвучавшей сенсации.

— Как это понять, Томас? — требовательно спросил Франклин, забыв о ритуале и формальных вопросах. — Что ты хочешь вытянуть? Что это за штукавина третьей категории, которую ты задумал заполучить?

Томас Уничтожитель Ловушек посмотрел на него ласковым взглядом.

— Что я задумал? Я ничего не задумал. Мальчик сам имеет право выбрать категорию. Если он хочет совершить кражу третьей категории, ну что ж, это его дело. Причем здесь я?

Вождь смотрел на него еще несколько мгновений. Затем резко повернулся назад к Эрику и бросил коротко:

— Хорошо. Ты сделал выбор. Пусть будет третья категория. Теперь давайте переходить к празднеству.

Каким-то непонятным образом все для Эрика было испорчено. Праздничный пир, предшествующий первой краже, — как он его ждал! Но он оказался втянутым во что-то непонятное, тайно происходящее в Человечестве, что-то опасное и дурное. Вождь, очевидно, считал его виновником создавшейся ситуации. Обычно посвящаемый, которому предстояло вот-вот отправиться на свою первую кражу, был в фокусе всех разговоров, в то время как Человечество вкушало пищу в центральном убежище, женщины теснились с одной стороны, мужчины с другой, дети по обоим концам, где поменьше света. Но на протяжении этой трапезы вождь обратился к Эрику только с самыми необходимыми ритуальными замечаниями. Его глаза не переставали бегать от Эрика к Томасу Уничтожителю Ловушек.

Время от времени взгляд Франклина встречался со взглядом Оттили, его первой и любимой жены. Казалось, он ей что-то говорит, хотя ни один из них не шевельнул губами. Время от времени они кивали друг другу и снова устремляли взгляды на дядю посвящаемого юноши.

Остальное Человечество почувствовало натянутость атмосферы: почти не слышалось смеха и веселых возгласов, обычных для праздника посвящения. Отряд Уничтожителя Ловушек окружил своего командира тесным кольцом, большинство воинов даже не прикасались к пище, они сидели, внимательно и настороженно глядя по сторонам. Другие капитаны отрядов — мужчины типа Стефана Сильной Руки и Гарольда Метателя имели озабоченный вид, словно решали какие-то очень сложные задачи. Даже дети вели себя очень спокойно. Они поднесли еду, над которой женщины произнесли заклинания, затем вернулись на свои места и ели молча, глядя широко открытыми глазами на старших. Эрик испытал явное облегчение, когда Франклин Отец Многих Воров громко отрыгнул, потянулся

и лег на пол убежища. Через несколько минут он спал, оглушая остальных мощным храпом. Ночь официально началась.

ГЛАВА III

Как только закончился период сна, и вождь проснулся и зевнул, провозгласив таким образом начало нового дня, отряд Томаса Уничтожителя Ловушек отправился в поход. Эрик, все еще официально именуемый Единственным, нес бесценные набедренные ремни — одежду зрелого мужчины — в мешке с провизией, которой снабдили их женщины из расчета, что путешествие продлится несколько дней. Они намеревались вернуться до начала следующего периода сна, но когда отправляешься в поход на территорию Чудовищ, может случиться все что угодно. Они вышли наружу боевым строем, длинной растянутой цепью, каждый следующий воин едва видел идущего впереди него. Впервые за время своей военной карьеры Эрик нес только один комплект пик, — свои собственные. Запасное оружие отряда, как и дополнительные продукты, нес на своей спине новый ученик-подросток, шагавший за Эриком и смотревший на него с тем же испугом и возбуждением, с каким когда-то сам Эрик воспринимал взрослых воинов. Перед Эриком, то и дело исчезая из поля зрения, когда мрачный коридор поворачивал или разветвлялся, двигался Рой Бегун, его длинные подвижные в суставах ноги уверенно вели его по лабиринту. Но на протяжении всего пути, Эрик знал это, во главе колонны шел его дядя. Томас Уничтожитель Ловушек двигался осторожно, и в то же время не теряя напрасно ни секунды. Большая лампа, прикрепленная к его лбу, постоянно поворачивалась от одной стены нежилого убежища к другой и прямо вперед, тяжелые копы, которые он сжимал обеими темными руками, готовы были нанести мгновенный удар, рот открыт, чтобы прокричать предупреждение, если вдруг возникнет опасность. Быть мужчиной — так вот что это такое! Ходить в походы, подобные этому, до конца своей жизни; славные, полные приключений походы, чтобы Человечество могло есть

вдоволь, иметь оружие и жить, как подобает Человечеству. И когда ты возвратишься с триумфом, с победой, женщины будут танцевать, приветствуя тебя, проходя между рядами усталых мужчин, поднося им еду и питье и забирая трофеи, которые только они в состоянии превратить в полезные вещи. Затем, после того как ты поел, попил и отдохнул, наступает время твоего собственного танца, танца мужчин, в котором ты воспоешь и изобразишь для всего племени события этого конкретного похода, опасности, которые ты преодолел, удивительное мужество, которое ты продемонстрировал, странные и таинственные картины, которые ты видел.

Картины, которые ты видел! Поскольку он будет Эриком Глазом, ему, вероятно, будет даровано право совершать сольный танец каждый раз, когда его отряд столкнется с чем-то особенно загадочным. О, как высоко будет прыгать Эрик Глаз, как громко, как гордо, как мелодично он будет петь о чудесах, с которыми они встретились в походе! "Эрик Глаз, — будут бормотать женщины. — Какой замечательный мужчина! Какая пара для какой-то счастливой женщины!" Гарриэт Рассказчица Истории, например. Этим утром, прежде чем они выступили в поход, она наполнила его флягу свежей водой, словно он был уже полноценным мужчиной, а не посвящаемым, отправляющимся на свое последнее испытание. Она наполнила ее на глазах у всего Человечества и поднесла ему. Ее глаза были опущены, а на розовой коже лица и тела выступили неяркие пурпурные пятна. Она обращалась с ним, как жена обращается с мужем, и многие воины — Эрик подумал об этом с ликованием — многие настоящие воины, уже давно совершившие свои кражи, заметили, что Эрик, вероятно, присоединится к рядам Общества Мужчин и женатых людей почти одновременно. Конечно, рыжеволосая, и, следовательно, невезучая Гарриэт со своей шумной властной матерью была не самой завидной невестой Человечества. И все же, существовало много настоящих воинов, которые еще так и не смогли уговорить женщину стать своей подругой, которые смотрели на Франклина и трех его жен с нескрываемой завистью и жадностью. Теперь они будут завидовать Эрику, самому последнему из всех посвященных, когда он найдет себе пару в ту самую ночь, когда вернется

со своей первой кражи! Только назовите его Эриком Единственным тогда! Только назовите его Одиночкой! У них с Гарриэт помет будет следовать за пометом. Большие, богатые пометы, четыре, пять и даже шесть детей сразу. Люди забудут, что он сам был результатом единичного рождения. Другие женщины, подруги других воинов станут из кожи вон лезть, чтобы привлечь его внимание, как теперь они лезут вон из кожи, чтобы привлечь внимание Франклина Отца Многих Воров. Он сделает так, что пометы, отцом которых был Франклин, будут казаться ничтожными, он докажет, что главная надежда на увеличение Человечества находится в нем, только в нем. И когда придет время выбирать нового вождя...

— Эй, ты, чертов мечтатель-одиночка! — раздался где-то впереди голос Роя Бегуна, — стряхни с себя туман и обрати внимание на сигналы. Это поход на территорию Чудовищ, а не прогулка по убежищу, где живут женщины. Будь начеку, слышишь? Капитан отряда передал, что он тебя ждет.

Сопровождаемый смешками — черт возьми, даже новый ученик смеялся! — Эрик крепче зажал в руке свой фонарик и бросился к началу колонны. Каждый воин, когда он проходил мимо, интересовался именем девушки, о которой он думал, и выпрашивал интересные подробности. Так как Эрик не открыл рта, некоторые из воинов высказывали свои предположения вслух, и они были чудовищно близки к истине!.. Его дядя обошелся с ним не лучше.

— Эрик, Закрытый Глаз! — заревел Уничтожитель Ловушек. — Эрик Слепой, вот как тебя будут называть, если ты не проснешься. А теперь иди рядом со мной и постарайся действовать как Эрик Глаз. Эти убежища опасны, а мое зрение не такое острое, как твое. Кроме того, я должен натаскать тебя относительно некоторых вещей.

Он повернулся.

— Растянитесь! Между вами должен быть интервал в бросок копья. Я хочу видеть настоящую растянувшуюся колонну с достаточным расстоянием между воинами.

Когда маневр был завершен, он прошептал Эрику:

— Хорошо. Это дает нам шанс поговорить наедине, так, чтобы нас никто из отряда не услышал. Моим ребятам можно доверять, но все же, зачем испытывать судьбу?

Эрик кивнул, не имея ни малейшего представления, о чем идет речь. В последнее время дядя стал немного странным. Ну да ладно, все равно он был лучшим командиром отряда во всем Человечестве. Они шли рядом, свет, льющийся от странного светящегося вещества в фонариках Эрика и его дяди, освещал дорогу футов на сто вперед. С обеих сторон, сверху, снизу их окружали неровные стены убежища. Из центра коридора, по которому они шагали, стены казались мягкими, словно покрытыми губкой, но Эрик знал, какие невероятные усилия требуются для того, чтобы пробить в них нишу или углубление. Несколько сильных мужчин по крайней мере в течение двух периодов сна должны были работать в поте лица, чтобы выдолбить нишу, в которую поместилась бы горсть запасов Человечества. Как появились убежища? Некоторые говорят, что их прорыли предки, когда впервые начали наносить удары по Чудовищам. Другие утверждают, что убежища существовали всегда и ждали, пока Человечество их найдет и удобно в них расположится. Убежища тянулись во всех направлениях. Они вели вперед и вперед, время от времени изгибаясь, разветвляясь, темные и тихие до тех пор, пока человек не ступал в них, освещая слабым светом ламп и фонариков. Коридоры — Эрик это знал — вели к территории Чудовищ. Он шагал по ним много раз, когда отряд дяди отправлялся в поход, чтобы добыть необходимые для жизни Человечества вещи. Другие коридоры вели в более экзотические и более опасные места. Интересно, есть ли где-нибудь такое место, где нет убежищ?

Что за мысль! Даже Чудовища жили в убежищах, хотя, по рассказам, они были огромных размеров. Но существует легенда, согласно которой Человечество некогда жило снаружи убежищ с их ветвящимися коридорами. Тогда в чем же жили люди? Сама попытка найти ответ на этот вопрос приводила к головокружению.

Они подошли к месту, где убежище раздваивалось — два новых коридора уходили в противоположных направлениях.

— Который? — спросил дядя.

Не колеблясь, Эрик показал на правый.

Томас Уничтожитель Ловушек одобрительно кивнул.

— У тебя хорошая память, — отметил он и двинулся в направлении, указанном Эриком. — Это уже отчасти де-

ляет тебя Глазом. Другую часть составляет чувство, интуиция относительно того, какой путь правильный. Интуиция у тебя тоже есть. Я замечал это во всех походах, в которых ты принимал участие. Именно это я и сказал нашим женщинам, Рите и Оттили, я предупредил их, каким должно быть твое имя. Эрик Глаз, — сказал я им. Найдите предсказание, которое ему соответствует.

Эрик был так потрясен, что почти остановился.

— Ты выбрал мне имя? — Ты сказал им, какое предсказание... Это... Это... Я никогда ни о чем подобном не слышал!

Его дядя засмеялся.

— Это ничем не хуже сделки, которую Франклин заключил с Оттили Предсказательницей Судьбы о том, что она покажет сцену, говорящую о нем как о новом вожде. Так он стал вождем, а она — Первой Женой Вождя и автоматически прибрала к рукам Общество Женщин. Религия и политика сегодня неразделимы. Мы больше не живем так, как в старые времена, когда наука предков была реальной и священной, когда она работала.

— Но она все-таки еще работает, наука предков, не так ли? — спросил юноша умоляющим голосом. — И будет работать какое-то время?

— Все работает какое-то время. Только наука предков работает все время. Она работает на Чужаков, на Чудовищ. А должна начать работать на нас. Вот этим ты и займешься.

Он должен помнить, что его дядя опытный капитан, заслуженный воин, уговаривал себя Эрик. Именно помощь Томаса Уничтожителя Ловушек, его советы привели его, презираемого одиночку, осиротевшего ребенка родителей, о которых никто даже не желал вспоминать, к нынешнему положению, к его первой краже. Ему очень повезло, что ни одна из дядиных жен еще не родила сына, который дожил бы до возраста посвящения. Он может многому научиться у этого человека.

— Сейчас, — сказал Томас Уничтожитель Ловушек, не сводя глаз с слабо освещенных коридоров, — когда мы доберемся до убежищ Чудовищ, ты пойдешь вперед. Пойдешь один, разумеется.

Естественно один, подумал Эрик. Как же иначе можно совершить свою кражу? Первый раз, когда совершаешь

кражу для Человечества, ты идешь на дело совершенно один, чтобы доказать свою зрелость, свою смелость, а также личное везение. Первая кража не похожа на обычный поход отряда или организованную кражу большого количества вещей, которая длится много периодов сна. Во время обычной отрядной кражи, когда отряды отправлялись в поход по очереди, воин должен быть уверен в удаче и умении тех, кто рядом с ним. Он должен знать, что каждый из них уже совершил раньше свою кражу и доказал, на что способен, будучи в полном одиночестве. Красть у Чудовищ было довольно опасно даже при самых благоприятных обстоятельствах. Каждый хотел, чтобы рядом с ним были только самые умные, самые храбрые, самые везучие воины.

— Когда окажешься внутри, держись поближе к стене. Не смотри сразу вверх, не то замерзнешь, не сходя с места. Неводи глаз со стены и двигайся вдоль нее. Двигайся быстро. Ничего нового. Каждый посвящаемый снова и снова повторял, прежде чем отправиться на свою первую кражу, что очень опасно смотреть вверх, когда впервые вступаешь на территорию Чудовищ. Нужно смотреть на стену и двигаться под ее прикрытием. Стена должна касаться твоего плеча, когда ты побежишь вдоль нее. Эрик не имел ни малейшего представления, почему все должно быть именно так, но что все должно быть именно так, он вызубрил давным-давно.

— Итак, — продолжал Томас Уничтожитель Ловушек. — Когда войдешь, повернешь направо. Направо, слышишь меня, Эрик? Ты повернешь направо, не глядя вверх, и побежишь вдоль стены так, чтобы через каждую пару шагов царапаться о нее плечом. Ты пробежишь сорок-пятьдесят шагов и окажешься перед огромной штуковиной, строением, которое почти касается потолка. Ты повернешь налево и пойдешь вдоль него, отходя от стены, но по-прежнему не поднимая глаз наверх, до тех пор, пока не пройдешь мимо входа в это строение. В этот первый вход, Эрик, ты не зайдешь, ты его пропустишь. Еще двадцать-двадцать пять шагов — и покажется второй вход, побольше. Ты войдешь в него...

— ...Я войду в него... — повторил Эрик, — впитывая каждое слово дяди.

Он получал указания, касающиеся его первой кражи, самого важного события в жизни! Все наставления дяди необходимо слушать внимательно, чтобы ни в коем случае не забыть.

— Ты окажешься в чем-то похожем на убежище, но сначала там будет темнее. Стены будут впитывать свет, идущий от твоего фонарика. Через некоторое время убежище перейдет в огромное открытое пространство, действительно огромное и действительно темное. Ты пойдешь вперед по прямой линии, глядя через плечо на свет от выхода и следя за тем, чтобы он был все время прямо за тобой. Ты дойдешь до другого убежища, на этот раз низкого. Как только ты войдешь в него, на первой же развилке поверни направо — и ты окажешься у цели.

— Где? Где я окажусь? Что случится потом? — нетерпеливо спросил Эрик. — Как я совершу свою первую кражу? Где я должен найти третью категорию?

Казалось, Томас Уничтожитель Ловушек волнуется. Невероятно, но он действительно нервничал.

— Там ты увидишь Чужака, ты скажешь ему, кто ты, назовешь свое имя. Он сделает остальное.

На этот раз Эрик остановился как вкопанный.

— Чужака? — переспросил он в полном изумлении. — Кого-то не принадлежащего к Человечеству?

Дядя взял его за руку и потянул вперед.

— Ну ты же видел Чужаков раньше, — сказал он, слабо усмехнувшись. Ты знаешь, что, кроме Человечества, в убежищах есть и другие. Ты знаешь это, не так ли, мальчик?

Конечно, Эрик знал.

С раннего возраста он сопровождал своего дядю и его отряд в военных и торговых походах в чужие убежища. Он знал, что люди, живущие в тех убежищах, смотрели на его людей свысока, что они были многочисленнее, чем его люди и что их жизнь была богаче и безопаснее, и все равно он не мог не испытывать по отношению к ним жалость. В конце концов, они были всего лишь Чужаки. Он же был членом Человечества. Дело было не только в том, что Человечество жило в передних убежищах, которые находились ближе всего к кладовым Чудовищ. Это огромное удобство в какой-то мере нивелировалось — Эрик готов был это признать — соответствующими опасностями, хотя

постоянное наличие опасностей и вероятность смерти усиливали величие Человечества. Да, оно было великим, несмотря на свою более отсталую технологию. Что с того, что они главным образом служили источником сырья для более населенных и безопасных убежищ? Как долго смогут оружейники, гончары и жестянщики этих убежищ продолжать заниматься своей шумной грохочущей промышленностью, если Человечество перестанет приносить им основное: пищу, ткань, металл, все, что оно так бесстрашно крадет на полной ужасов территории Чудовищ? Нет, народ Человечества — самый храбрый, самый великий, самый важный народ во всех убежищах. Но главное заключалось не в этом.

Главное заключалось в том, что не стоило иметь никаких дел с чужаками, кроме абсолютно необходимых. Они все-таки Чужаки! И если ты принадлежал Человечеству, ты во все времена гордо держался от них подальше. Торговать с ними? Да, ты торговал с ними. Человечество нужно было в наконечниках для пик и крепких древках, флягах и набедренных ремнях, мешках и посуде для приготовления пищи. Эти предметы были необходимы, и их получали в обмен на тяжелые мешки, наполненные бесформенным необработанным материалом, только что украденным у Чудовищ. Искать среди чужаков подругу? Да, конечно, мужчины иногда искали себе женщин, которые могли бы увеличить знания и технические возможности Человечества. Но эти женщины хорошо приспособлялись и быстро становились частью Человечества после того как их крали. Так же, как женщины Человечества оказывались абсолютно чужими в тот момент, когда их уводил с собой отряд Чужаков. А сражения с ними были самыми сладкими, самыми волнующими моментами существования воина, после краж у Чудовищ. Ты торговал с Чужаками, каждый раз холодно рассчитывая, как бы получше проверить сделку; ты крал у Чужаков женщин, когда тебе это удавалось, с радостью, с гордостью, потому что это ослабляло их и увеличивало ряды и благосостояние Человечества. И ты сражался с их мужчинами, если таким образом можно было добиться большего, чем торговлей, а случалось, что и они нападали на тебя, когда ты ни о чем не подозревая лежал в своем убежище, и тогда ты защищал себя и свое племя. Но по иным поводам с Чужаками не общались.

На связь с ними было наложено табу, как и на контакты с Чудовищами, жившими с другой стороны убежищ, занимаемых Человечеством. Каждый раз, когда ты встречал одиноко бродившего Чужака, ты убивал его быстро и не задумываясь. Эрик все еще размышлял о беспрецедентном характере дядиных инструкций, когда они подошли к цели своего путешествия — большому темному убежищу. В его стене виднелась глубокая борозда, начинавшаяся у пола, поднимавшаяся почти до уровня головы и затем снова спускавшаяся вниз.

Вход на территорию Чудовищ.

Томас Уничтожитель Ловушек подождал мгновение, прислушиваясь. Его опытный слух не уловил никакого постороннего шума поблизости, никакого намека на опасность, притаившуюся по ту сторону, и тогда он приложил руки ко рту, повернулся лицом в ту сторону, откуда пришел, и издал тихий улюлюкающий звук — сигнал своему отряду. Четыре воина и ученик быстро подошли и окружили его, а затем по сигналу командира расположились возле входа. Сперва они поели, быстро и молча, доставая из своих мешков горсти пищи, приготовленной женщинами, и набивая полные рты. Лучи света от лампочек, закрепленных у них на лбах, постоянно метались по сводчатому пустому коридору. Это было крайне опасное место. Это было место, где могло произойти все что угодно.

Эрик ел меньше всех, как и было положено посвящаемому, который вот-вот отправится на свою первую кражу. Он знал, что ему необходимо сохранить упругость тела и ясность ума. Он увидел, как дядя одобрительно кивнул, когда он отправил основную часть своей пищи обратно в мешок.

Пол под ногами слегка вибрировал, раздавалось ритмичное бульканье. Эрик знал, что они находятся прямо над водопроводной системой Чудовищ. Когда он вернется, Томас Уничтожитель Ловушек сделает в водопроводе отверстие, и, прежде чем отряд отправится назад, они наполнят свои опустевшие фляги. Здесь, ближе всего к территории Чудовищ, вода была самой сладкой, самой вкусной. Командир поднялся на ноги и подозвал к себе Роя Бегуна. Они подошли к изгибающейся линии и приложили к стене уши. Остальные молча наблюдали за ними. Наконец, удовлетворенные, они просунули наконечники пик по бокам двери и осторожно сдвинули на себя тяжелый камень.

Стараясь не шуметь, они положили его на пол коридора. В том месте, где находилась дверь, появилось дрожащее пятно чисто белого цвета. Территория Чудовищ. Станный непривычный свет. Эрик много раз видел, как воины исчезают в нем, отправляясь на задание. Теперь наступила его очередь. Держа тяжелое копье наготове, дядя Эрика наклонился в сторону белого пятна. Изогнувшись, он огляделся: вверх, вниз, по сторонам; отошел назад в убежище.

— Никаких новых ловушек, — сообщил он тихо. — Последняя, которую я обезвредил в прошлом походе, до сих пор там, на стене. Ее так и не починили. Пора, Эрик. Иди, мальчик.

Эрик встал и пошел с ним к дверному проему, помня о том, что нельзя отрывать глаз от пола. Нельзя смотреть вверх, повторяли ему снова и снова, когда попадаешь на территорию Чудовищ. Если ты это сделаешь, ты замерзнешь, потеряешься, с тобой будет покончено навсегда.

Дядя внимательно и заботливо проверил, все ли у племянника в порядке. Убедился, что новые набедренные ремни плотно облегают бедра, что мешок и петля для копья на своем месте, за спиной. Он взял тяжелое копье из руки Эрика и заменил его легким.

— Если тебя заметит Чудовище, — прошептал он, — тяжелое копье тебе не поможет. Ты должен спрятаться как можно скорее и метнуть легкое копье как можно дальше. Чудовище не может отличить тебя от копья. Оно последует за копьем.

Эрик автоматически кивнул: это говорили ему много раз, это тоже было уроком, который он знал наизусть. У него во рту совсем пересохло. Жаль, что просить воды в такой момент как-то не по-мужски. Томас Уничтожитель Ловушек взял у него фонарик, и надел ему на лоб обруч с лампочкой. Затем подтолкнул его к проходу.

— Иди и соверши свою кражу, Эрик, — прошептал он. — Возвращайся мужчиной.

ГЛАВА IV

Он находился по ту сторону. Он находился на территории Чудовищ. Он был окружен странным светом Чудовищ, невероятным миром Чудовищ. Убежища, Человечест-

во, все, что было ему знакомо, осталось позади. Паника, как тошнота, стала подниматься у него от желудка к горлу. Не смотри вверх. Опусть глаза вниз, опусти глаза или ты замерзнешь не сходя с того места, где стоишь. Держись поближе к стене, смотри на стену и двигайся вдоль нее. Поверни направо и двигайся вдоль стены. Двигайся быстро. Эрик повернулся. Он почувствовал, как стена царапнула его правое плечо, и побежал, не поднимая глаз, через равные промежутки времени касаясь стены плечом. Он бежал так быстро, как только мог, до предела напрягая мышцы. Он бежал и считал про себя шаги. Двадцать шагов. Откуда идет свет? Он шел отовсюду, он сиял, он был белым-белым. Двадцать пять шагов. Прикоснись к стене правым плечом. Ни в коем случае — это самое главное — ни в коем случае не уйди в сторону от стены. Тридцать шагов. При таком свете не было необходимости в лампочке. Он был даже слишком ярким, чтобы можно было что-либо различить. Тридцать пять шагов. Пол был совсем не такой, как в убежище. Он был плоским и очень твердым. Стена была тоже плоской, твердой и прямой. Сорок шагов. Беги и не смей поднимать глаз. Беги. Прикасайся время от времени к стене плечом. Двигайся быстро. Но не поднимай глаз. Сорок пять шагов. Он почти врезался в строение, о котором ему говорил дядя, но рефлекс и полученные предупреждения помогли ему резко повернуть налево как раз вовремя. Он заметил, что строение было не такого цвета, как стена, и из другого материала. Не поднимай глаз. Не смотри наверх. Он дошел до входа, похожего на начало небольшого убежища. Не входи в этот первый вход, Эрик. Пройди мимо. Он снова принялся считать шаги. Еще двадцать три шага, и он добрался до другого входа, гораздо более высокого и широкого. Он бросился внутрь. Сначала будет темнее. Стены будут впитывать свет от твоей лампы.

Эрик остановился, тяжело дыша. Он был благодарен этой поглощающей свет темноте. После этого ужасного чужого белого света мрак был другой, он напоминал о привычных убежищах, которые сейчас остались так далеко. Он знал, что в этой точке своего похода он может позволить себе перевести дух. Первая, наиболее опасная часть пути была позади. Он уже не находился на открытом ме-

сте. Он вступил на территорию Чудовищ. Он бежал быстро, следуя инструкциям, до тех пор, пока снова не оказался в безопасности под прикрытием строения. Он все еще был жив. Самое худшее позади. Ничто не может быть таким ужасным, как то, через что он прошел. Территория Чудовищ. Она лежала за его спиной, купаясь в собственном особенном свете. Сейчас. Почему бы нет? Сейчас, когда он находится в относительно безопасном месте, он мог рискнуть. Он хотел рискнуть. Он повернулся осторожно, боязливо. Поднял глаза. Посмотрел.

Крик, сорвавшийся с его губ, был произвольным и испугал его почти так же сильно, как то, что он увидел. Он закрыл глаза и бросился вниз и в сторону. Он лежал там, где упал, довольно долго, почти парализованный. Этого не могло быть! Нет, он этого не видел. Ничто не могло возноситься так высоко, ничто не могло уходить вдаль на такие невероятные расстояния. Спустя некоторое время он снова открыл глаза, тщательно сфокусировав взгляд на темноте впереди. Мрак этого крытого места немного рассеялся, по мере того как глаза привыкали к нему. Теперь желтоватый свет его лампочки освещал путь: он мог различить стены, находившиеся друг от друга примерно на таком же расстоянии, как и стены убежищ, но в отличие от последних необычно ровные и стоявшие под прямым углом к полу и потолку. Далеко впереди виднелось огромное темное пятно. Убежище перейдет в действительно большое место, действительно большое и действительно темное. "Интересно, что это за место? — подумал он. Чем оно являлось для Чудовищ?" Ему необходимо было бросить еще один взгляд назад, на открытое пространство. Один быстрый взгляд. Ведь он будет Эриком Глазом. Глаз должен быть в состоянии смотреть на что угодно. Он должен посмотреть еще раз. Но осторожно, осторожно.

Эрик снова повернулся, медленно понемногу приоткрывая глаза. Он крепко сжал зубы, чтобы не закричать на этот раз. И все же едва сдержался. Он быстро закрыл глаза, подождал немного, затем снова открыл. Постепенно, попытка за попыткой, он обнаружил, что может смотреть на необозримую открытую белизну и не терять над собой контроль. Зрелище было поразительным, оно подавляло,

сводило с ума, но если не смотреть слишком долго, его можно было вынести. Расстояние. Огромное, неизмеримое, невероятное расстояние.

Пространство за пространством, и за ним — снова пространство, и белый свет, омывающий все это. Пространство далеко впереди, пространство со всех сторон, пространство, уходящее вперед и вперед так далеко, что, казалось, ему вовсе нет конца. Но все-таки, где-то далеко-далеко был конец. Там возвышалась стена, стена, созданная гигантами, которая ограничивала это колоссальное пространство. Громадная, она поднималась с плоского бескрайнего пола и исчезала где-то далеко над головой. А когда его глаза немного привыкли, он увидел, что на невообразимом пространстве между ним и гигантской стеной находились какие-то предметы. Исполинские, ужасно чужие предметы, которые казались крошечными только по сравнению с необозримостью окружавшего их пространства. Предметы, не похожие ни на что ранее виденное, ни на что вообразимое.

Нет, это было не совсем так. Вон та вещь, например. Эрик узнал ее. Большущая приземистая штукавина, похожая на заполненный мешок без лямок. С самого раннего детства он много раз слышал, как ее описывали воины, возвратившиеся из похода на территорию Чудовищ. В этом мешке и в других ему подобных находилась еда. В каждом мешке было достаточно еды, чтобы прокормить все Человечество на протяжении несконченного числа лет. В каждом мешке была другая еда. Ни один наконечник копья, имеющийся у Человечества, не мог пробить ткань того мешка внизу, где она была наиболее толстой. Эрик знал, что воинам приходилось взбираться вверх по нему, чтобы найти достаточно тонкое место, в котором можно было прорыть себе вход. Затем куски пищи передавались от человека к человеку к самому низу мешка. Когда куча на полу становилась достаточно большой, все спускались вниз и заполняли свои специальные большие походные мешки. И сразу — назад, в убежища, к женщинам, которые одни обладали даром определять, годится ли пища для потребления, и готовить ее, если годилась. Вот где он должен был бы находиться в данный момент: на этом мешке, пробивать в нем дыру — если бы он выбрал первую категорию, как большинство юношей. Он пробил бы дыру, вытащил

из мешка горсть чего-нибудь съестного — любое количество, каким бы незначительным оно ни было, годилось для посвящаемого, для первой кражи мужчины — и готовился бы к возвращению домой, навстречу рукоплесканиям женщин и принятию в ряды мужчин. Он был бы занят нормальным, социально-полезным делом. А вместо этого...

Он обнаружил, что может смотреть на комнату Чудовищ из своего прикрытия, испытывая лишь слабое головокружение. Что ж, это уже само по себе достижение. Прошло совсем немного времени, а он стоит вот так, свободно глядя вокруг, оценивая природу вещей Чудовищ, как самые опытные воины. Он еще не мог смотреть слишком высоко, но кто из воинов мог это делать? Очень хорошо, но этого ему недостаточно. Ему предстояла необычная кража. Он объявил третью категорию: сувениры Чудовищ. Эрик отвернулся и снова оказался лицом к темноте. Он пошел быстро вперед по убежищу с прямыми стенами, лампочка на лбу прокладывала перед ним желтую тропинку. По мере приближения огромное черное пространство становилось все больше и больше. Все связанное с его кражей, с его посвящением в мужчины, было необычным. Томас Уничтожитель Ловушек рассказал женщинам о его особых талантах, так что ему подобрали соответствовавшие предсказание и имя. Предполагалось, что предсказания исходят от предков, что они делаются благодаря науке предков и показывающей машине. Предполагалось, что никто заранее не имеет ни малейшего представления о том, каким будет предсказание. Это было исключительно делом предков и их тайнственных планов относительно своих потомков.

Возможно ли, вероятно ли, что все предсказания и имена были заранее подготовлены, что показывающая машина специально настраивалась для каждого посвящаемого? Если все было именно так, то как можно продолжать верить в логику, в причину и следствие? И чтобы кто-то — Чужак при этом — помог тебе совершить твою кражу! Кражу, которая считалась проверкой твоего мужского потенциала, и которая, согласно определению, именно то, что ты должен делать абсолютно один. Но если можно поверить в то, что предсказания заранее подгоняются под человека, то почему бы не принять тот факт, что и кражи — тоже всего лишь обман?

Эрик покачал головой. В своих размышлениях он зашел в слишком темные коридоры: весь его мир превращался в сплошной хаос. Но одно он знал наверняка. Договариваться с Чужаком, как сделал его дядя, было определено против всех законов и правил Человечества. И неуверенность, с которой Томас об этом рассказывал, подтверждала это. Это было... ну, в общем, это было неправильно.

И все равно, его дядя был величайшим мужчиной во всем Человечестве! Томас Уничтожитель Ловушек не мог поступить неправильно. Но Томас Уничтожитель Ловушек явно склонялся к чужой науке. Чересчур много. Чересчур много надо переварить. Существовало слишком много того, что он не знал. Волосы встали дыбом у него на голове, когда он вступил в необъятное темное пространство и почувствовал над собой головокружительную черную высоту. Он быстро двинулся вперед, время от времени проверяя, не сошел ли он с прямой линии, обозначенной идущим от входа светом. Здесь лампочка, прикрепленная ко лбу, была почти бесполезна. Ему не нравилось это место. Он чувствовал себя здесь совершенно беспомощным.

“Чем, — снова лихорадочно подумал он, — является это строение в мире Чудовищ? Какую функцию оно выполняет?” Впрочем, он не был уверен, что хочет знать ответ на этот вопрос. К тому времени, когда Эрик добрался до конца открытого пространства, он уже бежал. Он врезался в стену с такой силой, что его отбросило назад. На какое-то мгновение он ужасно испугался, но вскоре понял, что произошло. Он перестал контролировать правильность маршрута. И, должно быть, немного отклонился в сторону. Ощупывая стену вытянутыми вперед руками, он наконец нашел вход в следующее убежище. Вход был очень низким. Ему пришлось согнуть колени и наклонить голову, чтобы войти. Он оказался в неприятно узком маленьком коридоре, но вскоре справа увидел проем, вот и развилка, о которой говорил его дядя, — и с облегчением шагнул в него.

Он пришел.

Там горели лампы. И там были Чужаки, несколько Чужаков. Трое, нет, четверо, нет пятеро! Они сидели на корточках в углу этого большого квадратного убежища, трое что-то горячо обсуждали. Двое других делали что-то непо-

нятное с материалами, которые в большинстве были Эрику незнакомы.

Когда он вошел, все резко вскочили на ноги и мгновенно образовали широкий полукруг, повернувшись к нему лицом. Эрик с отчаянием подумал о том, что хорошо было бы сейчас держать в каждой руке по тяжелому копыю вместо того легкого, которое он все еще крепко сжимал. Имея два тяжелых копья, ты имел одновременно и щит, и грозное оружие для нападения. Легкое копьё хорошо только для одного броска, и больше ни для чего. Тем не менее он поднял свое оружие над плечом, готовясь метнуть его, и принял агрессивный вид, как и подобает воину Человечества. Он решил, что если ему все-таки придется метнуть копьё, то сам он мгновенно отскочит в сторону и попытается выдернуть из петли за спиной два тяжелых на человека, голова которого полна планов.

Чужак по-дружески взял Эрика за руку и повел его к тому месту, где работали остальные. Это помещение вряд ли служило убежищем какого-нибудь племени, оно скорее было похоже на полевой штаб, а Артур Организатор был, безусловно, главнокомандующим.

— Я встречался с твоим дядей, — сказал он Эрику, — когда тот приходил к нам торговать, я имею в виду в наши убежища. Твой дядя очень хороший человек, очень прогрессивный. Он регулярно посещал наши тайные собрания, ему будет отведено очень важное место в больших убежищах, которые мы выроем, в новом мире, который мы создаем. Он мне очень напоминает твоего отца. Да и ты тоже, ты тоже, мой мальчик.

— Вы знали моего отца?

Артур Организатор улыбнулся и кивнул.

— Очень хорошо. Он мог бы стать великим человеком. Он отдал свою жизнь во имя дела. Кто из нас сможет забыть Эрика... Эрика Кладовщика, так, кажется?

— Опустошителя Кладовых. Его звали Эрик Опустошитель Кладовых.

— Да, конечно. Эрик Опустошитель Кладовых. Незабываемое имя и незабываемый человек. Но это другая история; мы поговорим об этом как-нибудь в другой раз. Очень скоро тебе придется возвращаться назад к своему дяде.

Он взял в руки плоскую доску, покрытую странными знаками, и стал изучать ее под светом своей лампы.

— Как тебе это понравится? — пробормотал один из работавших с незнакомыми материалами мужчин, обращаясь к своему соседу. — Его спросили, кто его народ, и он ответил: "Человечество". Человечество!

Второй мужчина хмыкнул.

— Племя из передних убежищ. Чего, черт возьми, ты от них ожидаешь? Научных познаний? Каждое племя из живущих в передних убежищах называет себя Человечеством. Для этих примитивных людей человеческий род заканчивается в их крайнем убежище. Твое племя, мое племя. Знаешь, как они называют нас? Чужаками. На их взгляд, между нами и Чудовищами нет особой разницы.

— Именно это я и имею в виду. Они не видят в нас товарищей. Это ограниченные дикари. Кому они нужны?

Артур Организатор взглянул на Эрика, и резко повернулся к мужчине, который произнес последние слова.

— Я скажу вам, кому они нужны, Вальтер, — сказал он. — Они необходимы Делу. Если племена передних убежищ с нами, это значит, что наши основные линии снабжения, связанные с территорией Чудовищ, открыты. Нам нужен любой боец, каким бы примитивным он ни был. Каждое отдельное племя должно быть с нами, если мы хотим, чтобы чужая наука стала доминирующей религией убежищ, если мы хотим избежать поражения во время нашего восстания. Нам нужны люди передних убежищ с их талантами охотников и грабителей, нам нужны люди задних убежищ с их знаниями. В этом деле нам нужны все, особенно сейчас.

Человек по имени Вальтер отложил свою работу и с сомнением покосился на Эрика. Казалось, Артур его совершенно не убедил. Эти высокомерные обитатели задних убежищ с их разрисованными ремнями и невоенными манерами! Люди из разных племен сидят и мирно беседуют, тогда как — если бы у них есть хоть капля собственного достоинства — они должны были бы убивать друг друга! Неожиданно пол под ним задрожал. Эрик едва удержался на ногах. Он раскачивался, пытаясь схватиться за копыта в петле за спиной. Наконец ему это удалось, и он с трудом

смог удержать равновесие. Копье, которое он сжимал, вибрировало в его руке.

Издали донеслось несколько разрывающих уши ударов, пол качался ритмично.

— Что это? — закричал Эрик, поворачиваясь к Артуру. — Что происходит?

— Ты никогда не слышал раньше, как шагает Чудовище? — спросил Организатор изумленно. — Ах, да, это же твоя первая кража, твой первый выход за пределы убежищ. Это Чудовище, мальчик. Чудовище ходит по кладовой. Делает то, что делают Чудовища. Они имеют на это право, знаешь ли, — добавил он с улыбкой. — Это их кладовая. Мы здесь всего лишь гости.

Юноша заметил, что остальные не обратили на происходящее никакого внимания. Он сделал глубокий вдох и снова повесил копье за спину. Как раскачивались пол и стены! Какое это, должно быть, громадное фантастическое существо! Будучи учеником воинов, он часто стоял с часами у входа на территорию Чудовищ, когда отряд отправлялся совершать кражу для Человечества. Несколько раз до него доносились тяжелые глухие удары, и стены убежища слегка дрожали. Но не так, как сейчас. Ни разу еще его не охватывал подобный ужас.

Он поднял глаза к прямому ровному потолку. Вспомнил темное пространство, оставшееся позади и простиравшееся бесконечно вверх.

— А это, — произнес он громко, — это строение, в котором мы находимся. Чем оно является для них?

Артур Организатор передернул плечами.

— Один из предметов мебели Чудовищ. Мы находимся на одном из открытых пространств, которые они всегда оставляют у основания своей мебели. Это делает мебель более легкой для передвижения, как мне кажется.

Он мгновение прислушивался. Удары стали удаляться и постепенно затихли.

— Давай перейдем к делу, Эрик. Это Вальтер Искатель Оружия. Вальтер Искатель Оружия из людей Максимилиана. Вальтер, что у тебя есть для племени Эрика, для... э... для Человечества?

— Терпеть не могу отдавать что-то даже не очень хорошее людям из передних убежищ, — пробормотал сидев-

ший на корточках человек. Сколько бы ты им ни объяснял, они все равно используют любые изделия неправильно, каждый раз только все портят. Ну, посмотрим, это должно быть довольно просто. — Он порылся в куче странных вещей и достал из нее маленький красный желеподобный шарик.

— Все, что от тебя требуется, это отщипнуть от него кусочек пальцами. Только кусочек, не больше. Затем плюнь на него и брось его. После того, как ты на него плюнул, избавься от него, как можно скорее. Бросай как можно быстрее и как можно дальше. Как ты думаешь, ты запомнил то, что я сказал?

— Да, — Эрик взял у него красный шарик и озадаченно посмотрел на него. От шарика исходил странный раздражающий запах, от которого слегка зудело в носу. — Но, что при этом произойдет? Что он делает?..

— Это не твоя забота, мальчик, — прервал его Артур Организатор. Твой дядя знает, как и когда его использовать. Ты совершишь свою кражу третьей категории — сувенир Чудовищ, который никто в твоём племени никогда раньше не видел. И скажи своему дяде, чтобы он привел свой отряд к моему убежищу через три дня — три периода сна. Это будет наша последняя встреча перед восстанием. Скажи ему, чтобы воины были вооружены, чтобы они взяли все копы, которые только смогут унести. — Эрик слабо кивнул. Как много странных и непонятных вещей происходило в убежищах и за их пределами! Мир был гораздо больше и удивительнее, чем он когда-либо мог себе представить.

Он увидел, что Артур Организатор добавил какой-то значок на Плоскую доску, на которой уже было нанесено множество символов. “Вот еще одно проявление слабости Чужаков, — подумал он, — на этот раз слабости их памяти, намного уступающей памяти Человечества”.

Искатель Оружия вскочил на ноги с схватил Эрика за руку, когда тот собрался было положить красный шарик в мешок.

— Там у тебя ничего влажного нет? — спросил он, открыл сумку и порылся в вещах Эрика. — Воды нет? Запомни, намочишь эту штуку — и тебе конец.

— Человечество держит воду во флягах, — раздраженно объяснил ему Эрик. — Вот здесь. — Он показал на

болтающийся на бедре мешочек, — а не наливает ее вместе с едой.

Он забросил полный мешок за спину и с гордым видом отошел.

Артур Организатор проводил его до конца убежища.

— Не обращай внимания на Вальтера, — прошептал он. — Он вечно боится, что никто, кроме него самого, не сможет использовать оружие Чудовищ, которое он отыскивает. Он со всеми так разговаривает. А теперь давай я освежу твою память, относительно обратного пути. Мы не хотим, чтобы та заблудился.

— Я не заблужусь, — холодно возразил Эрик. — У меня хорошая память и я знаю достаточно, чтобы просто переставить в обратном порядке этапы моего пути сюда. Кроме того, я ведь Эрик Разведчик, Эрик Глаз Человечества. Я не заблужусь.

Очень гордый собой, он пошел прочь, не поворачивая головы. Пусть Чужаки знают, что он о них думает. Высокомерные самодовольные негодяи. Но все равно, он чувствовал, что его как-то обидели, унизили, как в тот раз, когда Рой Бегун назвал его Одиночкой перед всем отрядом. И последнее замечание, которое он услышал за своей спиной — “Эти примитивные люди так чертовски ранимы” — не улучшило его настроение.

Все еще предаваясь грустным размышлениям, он пересек открытое темное пространство, не сводя глаз с полосы белого света впереди. Мозг его был занят совершенно непривычным для него занятием: переоценкой ценностей. Свободная простота Человечества против сложности и непонятности Чужаков. Знания Человечества, касающиеся жизненно важных вопросов каждодневного существования против знаний о таком большом количестве разных вещей и технологий, о которых он никогда и не слышал. Действительно ли Человечество идет по предпочтительному, более правильному пути? И почему его дядя оказался замешанным в политику Чужаков? Обо всем этом думал Эрик, выходя из строения. Он повернул налево и, пройдя мимо маленького входа, который пропустил и прежде, поспешил к стене, которая отделяла его от убежищ. И почему все эти Чужаки, явно принадлежащие к разным племенам, так сошлись в презрении, с которым они относятся к Че-

ловечеству? Он не успел еще повернуть направо и направиться вдоль стены по последнему отрезку пути к двери, когда пол снова задрожал, выведя его из раздумий. Он подскочил, затем кинулся наземь, замерев от страха. Он находился на открытом месте в то время, как Чудовище снова вошло в кладовую.

ГЛАВА V

Далеко-далеко в слепящей белизне он увидел невероятных размеров серое тело, о котором слышал с детства, — выше, чем сотня людей, ставших друг другу на плечи, толстая серая нога шире, чем два мощных стоящих рядом человека. Он бросил на это существо всего один быстрый взгляд, после чего им овладела настоящая паника.

Его спасло только одно: он не бросился куда глаза глядят и не отпрянул от стены. Наверно, он все-таки безотчетно осознавал, что это значило бы направиться прямо к Чудовищу. На какое-то мгновение совсем обезумев, он подумал о том, что нужно попытаться прогрызть дыру в стене, к которой были прижаты его плечи.

Затем он вспомнил про дверь. Он должен находиться в тридцати-тридцати пяти шагах от нее. А за нею — безопасность: его дядя, отряд, Человечество и убежища — благословенные, закрытые, узкие убежища! Эрик помчался вдоль стены к двери. Он бежал так, как никогда раньше в жизни не бегал, даже представить себе не мог, что можно так бегать. Но даже во время этого бега, когда он летел как сумасшедший, взмокший от затрачиваемых усилий, несколько здравых мыслей — результат длительных утомительных зубрежек — выстроились в его стенающем мозгу в логическую цепочку. Он находился ближе к строению, в котором прятались Чужаки, строению, которое, как объяснил Артур, было частью мебели Чудовищ. Ему следовало бы бежать в ту сторону, к строению. Там — конечно, если Чудовище его не заметило, войдя в кладовую, — он мог оставаться в безопасности, пока не представилась бы возможность убежать.

Однако теперь он был уже слишком далеко, чтобы поворачивать назад. "Только беги тихо, — напомнил он себе, — беги быстро, но бесшумно, совсем бесшумно". В соответствии с усвоенными им уроками, на этом расстоянии слуха Чудовища следовало бояться больше, чем его зрения. Надо бежать тихо. Ради своей жизни.

Наконец он достиг дверного проема. Дверь стояла на прежнем месте!

Охваченный ужасом, не веря своим глазам, он уставился на кривые очертания дверного проема. Но этого никогда раньше не делали! О таком он даже не слышал! Эрик отчаянно колотил кулаками по стене. Смогут ли звуки его ударов пробиться через тяжелый камень? Или они только привлекут внимание Чудовища? Он быстро повернул голову — один взгляд, сознательно потерянное мгновение, чтобы оценить близость опасности. Ноги Чудовища двигались так медленно: его скорость казалась бы просто смешной, если бы не размер этих ног, которые с каждым шагом переносили его на невероятное расстояние. Ничего смешного не было и в этой длинной шее, почти такой же длинной, как и вся остальная часть тела, и в отвратительной сравнительно небольшой голове, маячившей вверху на конце шеи. И эти ужасные розовые штуки вокруг шеи!..

Исполинское существо было уже значительно ближе, чем всего несколько секунд назад, но Эрик не имел ни малейшего представления о том, заметило ли оно его и двигалось ли оно именно к нему? Стучать в дверь наконецником копья? Это должно привлечь внимание, этот стук его современники должны услышать.

Но, очевидно, и Чудовище тоже!

Оставалось только одно. Он отбежал от стены на несколько шагов, а затем бросился вперед, врезавшись плечом в дверь. Он почувствовал, что дверь немного поддалась. Еще одна попытка. Сотрясающие пол шаги Чудовища были теперь так близко, что их звук почти оглушал. В любой момент огромная серая нога могла опуститься и стереть его жизнь в порошок. Эрик снова отступил от стены, заставляя себя не смотреть вверх. Еще один бросок, еще одно столкновение с дверью. Она явно сдвинулась, вдавилась. Неужели Чудовище на него наступит, раздавит его?

Эрик уперся руками в дверь. Толкнул ее. Медленно, неохотно она поддалась. Где Чудовище? Насколько близко? Насколько близко?

Неожиданно дверь повалилась в убежище. Больно ударившись, Эрик, шлепнулся прямо на нее. Он с трудом поднялся на ноги и пошел по коридору. У него не было сил даже для того, чтобы испытывать облегчение. Его мозг повторял свои уроки, напоминая ему, что он должен делать в такой ситуации. Пробеги немного внутрь убежища. Затем остановись и жди, готовый броситься вперед. Набери в легкие как можно больше воздуха — он может тебе понадобиться. Если услышишь шипящий и свистящий звук, перестань дышать и беги. Сдерживай дыхание, сколько сможешь, сколько будет сил, затем снова быстро наполни грудь воздухом и снова беги. Делай так, пока не окажешься далеко от двери. Далеко-далеко. Эрик подождал, приготовившись бежать, стоя спиной к двери.

Не оглядываясь, смотри только в том направлении, в котором собираешься бежать. Ты должен беспокоиться только об одном, только один звук ты должен ловить. Свистящий и шипящий звук, — когда ты услышишь его, удержи дыхание и беги.

Он ждал, его мышцы напряглись, приготовившись к мгновенному действию.

Время шло. Он не забыл считать. Если ты медленно досчитывал до пятисот, и ничего не происходило, то, похоже, с тобой все будет в порядке. Значит, Чудовище тебя не заметило. Так говорили опытные воины, которые через это прошли.

Пятисот. Он досчитал до пятисот, и затем для верности сосчитал еще столько же, дойдя до крайнего числа, известного человеку, — до тысячи. Ни свистящего, ни шипящего звука. Никакого намека на опасность.

Он расслабился, и его мышцы, неожиданно избавились от напряжения, не выдержали. Он упал на пол убежища, едва не заплакав от облегчения. Все кончилось. Его кража совершена. Он — мужчина.

Он побывал рядом с Чудовищем и остался жив. Он встретился с Чужаками и имел с ними дело как представитель Человечества. Ему есть что рассказать своему дяде! Его дядя. Где его дядя? Где отряд?

Неожиданно осознав, что все совсем не так как надо, Эрик с трудом поднялся на ноги и осторожно вернулся к открытой двери. Убежище было пусто. Никто не ждал его. Но это было невероятно! Отряд никогда не считал посвящаемого заблудившимся или потерянным по крайней мере до истечения двух дней. В отсутствие вождя, конечно, этот срок измерялся периодами сна капитана отряда. Любой отряд ждал бы не меньше двух дней, прежде, чем вернуться домой. А его дядя — Эрик не сомневался в этом — подождал бы его даже немного дольше. Он же отсутствовал в течение такого короткого промежутка времени! Что здесь произошло? Он подполз к двери и выглянул. На этот раз он не почувствовал головокружения. Глаза быстро привыкли к другому масштабу. Чудовище было чем-то занято в другом конце кладовой. Оно всего-навсего пересекало комнату, а не преследовало его и не нападало на него. Очевидно, оно вовсе его не заметило.

Фантастика! И это учитывая весь тот шум, который он поднял! Всю эту беготню и стук в дверь! Чудовище резко повернулось, сделало несколько гигантских шагов и бросилось на строение, в котором Эрик встречался с Чужаками. Стены, пол, и все остальное задрожало в ответ на движение огромного тела, когда то немного поворочалось и затихло. Эрик был потрясен, но вскоре понял, что существо всего лишь легло. Это загадочное строение, в конце концов, действительно было частью мебели. Интересно, что в это время почувствовали Артур Организатор, Вальтер Искатель Оружия и все остальные, спрятавшиеся там? Эрик усмехнулся. В это мгновение Чужаки, должно быть, утратили часть своего высокомерия и спеси. Однако, ему надо было еще многое сделать, многое выяснить.

Он просунул пальцы под дверь и попытался поднять ее. Она была ужасно тяжелой! Он толкал ее медленно, с большим трудом, сначала одну сторону, потом другую, двигая ее назад к дыре в стене. Последний толчок — и она встала на свое место. Только тонкая изогнутая борозда выдавала ее существование.

Теперь он мог осмотреться.

Здесь произошла схватка, это абсолютно точно. Короткая, но жестокая схватка. Тщательно осмотрев место, Эрик обнаружил явные признаки боя. Отломанный нако-

нечник копья. Немного крови на стене. Кусок порванного мешка. Конечно, тел не было, маловероятно обнаружить тела после битвы. Представитель любого племени из обитающих в убежищах знал, что одним из неизбежных следствий победы была необходимость вытащить тела из проходов и избавиться от них. Никто никогда не оставил бы трупы врагов разлагаться в коридоре.

Итак, здесь произошло сражение. Он был прав — дядя Томас и его отряд не ушли и не оставили его. Должно быть, на них напали превосходящие по силе враги. Отряд некоторое время удерживал свои позиции, потом понес потери и был вынужден отступить. Но кое-что было непонятно. Во-первых, военные группы Чужаков никогда обычно не подходили так близко к территории Чудовищ. Убежища, в которых жили люди Человечества, — естественная цель военного отряда, располагались гораздо глубже. В этой точке можно было обнаружить разве что небольшую группу, отправившуюся за продовольствием. А в крайнем случае воины его дяди, полностью вооруженные, находящиеся в боевой готовности, могли легко справиться с одиночным отрядом ткачей, оружейников и торговцев из упаднических задних убежищ. Они бы отбросили их назад, взяли бы нескольких из них в плен и продолжали бы ждать его.

Оставалось только две вероятности: атака большого отряда из трех или четырех групп, что еще менее вероятно, отряд других воинственных людей, живущих в передних убежищах. Но на них это не похоже. Если бы они собирались отправиться на территорию Чудовищ, они скорее пробили бы свою собственную дверь в стене. Зачем им нарываться на неприятности у двери, принадлежащей другим? Они бы также направились в населенные убежища, если бы преследовали какую-то иную цель, кроме самой важной — кражи у Чудовищ для нужд своего племени.

И еще. Если только отряд его дяди не был уничтожен до последнего человека, — мысль, которую Эрик отбрасывал как крайне невероятную — оставшиеся в живых, согласно данной человечеству клятве, сделав все, что от них требовала военная ситуация, преследование или отступление, вернулись бы как можно скорее к месту, куда должен был возвратиться посвящаемый, совершив свою кражу. Ни

один воин не осмелился бы взглянуть в лицо женщине, если бы он не сделал этого. Возможно, нападение произошло совсем недавно. Возможно, люди из отряда его дяди были недалеко, и все еще пробивали себе путь от одного конца убежища к другому; избавившись от врагов, они поспешат назад, к нему. Нет, в этом случае он слышал бы шум сражения. А в убежищах стояла пугающая тишина. Эрик задрожал. Воину не полагается находиться вне пределов своих убежищ одному. Он слышал о непринадлежащих ни к какому племени Чужаках; однажды, еще ребенком, он наслаждался сложной казнью человека, которого изгнали из его племени за какое-то серьезное преступление и который забрел в окрестности Человечества — но этих людей едва ли можно было считать людьми: человеческих существ должны окружать племена, отряды, общества. Быть одному — ужасно. Просто немисливо.

И не вспомнив о еде, хотя после своей кражи он страшно проголодался, Эрик быстро направился вперед по коридору. Через некоторое время он перешел на бег. Он хотел попасть домой как можно скорее — снова оказаться среди своих. Он протянул руку к петле за спиной и достал оттуда два копья.

Неприятное это занятие — идти по коридорам в полном одиночестве. Они были такими пустыми и такими тихими! Они не казались такими тихими, когда он ходил в походы с отрядом. И такими пугающе мрачными. Эрик никогда раньше не задумывался над тем, какая огромная разница между освещением, которое получаешь от одного прикрепленного ко лбу фонарика и от обычного отрядного комплекта в полдюжины. Он обнаружил, что все более и более настороженно всматривается в неожиданные тени, появляющиеся там, где стена резко поворачивала: он резко набирал скорость, когда пробегал мимо черных проемов ответвлявшихся убежищ. В любом из этих мест его мог ждать враг, услышавший звук его приближавшихся шагов. Например, враг, который напал на отряд его дяди, — горстка жестоких убийц-Чужаков, или целая их банда, а то, может быть, и что-нибудь похуже. Он вдруг вспомнил легенды о неупоминаемых вслух существах, которые прятались в пустых убежищах, существах, которые убегали при

приближении отряда воинов, но которые бесшумно подкрадывались к одинокому человеку. Огромные существа, которые заглатывали человека, крошечные существа, сотнями набрасывавшиеся на него и разгрызавшие свою жертву на кусочки... Эрик не переставая крутил головой, осматриваясь по сторонам: по крайней мере, он должен был позаботиться о том, чтобы его не застали врасплох. Как ужасно быть одному!

И все же, сквозь одолевавший его страх мыслями он снова и снова возвращался к проблеме исчезновения его дяди. Эрик не мог поверить в то, что с ним могло случиться что-то серьезное. Томас Уничтожитель Ловушек был ветераном слишком многих кровавых приключений, слишком многих неравных битв. Куда же он делся? Куда увел свой отряд? И почему нигде не слышно ни звука, почему нет никаких признаков присутствия отряда в этой бесконечности мрачных, полных ужасов коридоров? К счастью, он был Эриком Глазом. Он знал дорогу назад и в отчаянии спешил домой, не чувствуя ни малейших сомнений в выборе пути. Показывающая машина была права: он никогда не заблудится. Дайте ему только благополучно добраться до Человечества, и он будет Эриком Глазом.

Ну вот снова: кто был прав, показывающая машина или его дядя? Предсказание, давшее ему имя, исходило от машины, но его дядя утверждал, что это все обман. Предсказание было выбрано, и его имя предложено женщинам задолго до церемонии. И — главное — его дядя был приверженцем чужой науки, был связан с Чужаками, которые тоже служили чужой науке!.. Эрик чувствовал, что за последние два дня слишком многое свалилось на его голову. Такая значительная часть его мира изменилась. Слово стены убежищ сдвинулись вверх и в сторону, и теперь убежища напоминали больше территорию Чудовищ, чем человеческое жилье.

Он приближался к своим. Коридоры теперь выглядели дружелюбнее, казались более знакомыми. Он заставил себя бежать быстрее, хотя был на грани истощения. Он хотел оказаться дома, стать Эриком Глазом, сообщить Человечеству о том, что произошло, чтобы поисковая и спасательная группа отправилась за его дядей.

Дверь на территорию Чудовищ... Кто поставил ее на место? Если действительно произошло сражение, и отряд его дяди отступил с боем, неужели нападавшие остановились бы для того, чтобы аккуратно поставить дверь назад? Может, это объясняется неожиданным нападением и полным уничтожением отряда? В таком случае, прежде чем оттащить тела, враг имел возможность закрыть проход, чтобы обезопасить себя от Чудовищ. Но кто, кто был способен на такое неожиданное нападение, кто мог полностью уничтожить лучший отряд во всем Человечестве? Ему придется узнать ответ у одного из других капитанов, а может быть, у мудрой старухи из Общества женщин. Вступив на территорию Человечества, Эрик заставил себя перейти на шаг. В любой момент он мог наткнуться на часовых, а у него не было ни малейшего желания погибнуть от брошенного копья. Часовые будут реагировать мгновенно, увидев бегущего в темноте человека.

— Эрик Единственный, — кричал он через шаг, называя себя. — Это Эрик Единственный.

Затем он вспомнил кражу и с гордостью изменил свое имя.

— Эрик Глаз. Это Эрик Глаз, Разведчик, дальше видящий, четче видящий. Эрик Глаз возвращается к Человечеству! — Странно, но не слышалось ответных криков, подтверждавших, что его узнали. Эрик ничего не понимал. Неужели напали на все Человечество и прогнали его из убежищ? Часовой должен отвечать на знакомое имя. Что-то было не так, совсем-совсем не так. На последнем повороте он увидел часового в противоположном конце коридора. Вернее, он увидел людей, которых принял поначалу за трех часовых. Они изумленно смотрели на него, и он узнал их. Стефан Сильная Рука и два человека из его отряда. Очевидно, он прибыл как раз в тот момент, когда происходила смена часовых. Это объясняло присутствие Стефана и второго воина. Но почему они не ответили на его крик? Они стояли молча и пока он приближался, все еще держали копья наготове, а не опустив их в знак приветствия.

— Эрик Глаз, — повторил он, озадаченный. — Я совершил свою кражу, но что-то случилось с остальными...

Его голос затих, когда Стефан подошел к нему. Лицо капитана было мрачным, мышцы напряжены до предела. Острые копыта коснулось груди Эрика.

— Не двигаться, — предупредил Стефан. — Барни, Джон, свяжите его. Мы поймали эту маленькую крысу!

ГЛАВА VI

Эрику связали руки за спиной ремнями от его собственного мешка, отобрали у него копыта и повели, подталкивая и пиная, в большое центральное убежище Человечества.

Место почти нельзя было узнать.

Под руководством Оттили Первой Жены Вождя толпа женщин — на первый взгляд казалось, что там собрались все женщины Человечества — устанавливала напротив Королевского Холма платформу. Учитывая то, что Человечество страдало от катастрофической нехватки строительных материалов, сооружение такого рода было чем-то из ряда вон выходящим. Вся эта суета пробудила в памяти Эрика какие-то смутные воспоминания. Но его перетаскивали с места на место слишком быстро, и вокруг происходило слишком много других невиданных ранее вещей, чтобы он мог сосредоточиться и вспомнить подробнее. Он заметил, что две женщины не работали под руководством Оттили. Они лежали связанные по рукам и ногам у дальней стены убежища. Они обе были покрыты кровью и по всем признакам прошли через длительные и жестокие пытки. Он понял, что они уже стоят на пороге смерти. Когда его проводили мимо, он узнал их. Это были жены Томаса Уничтожителя Ловушек. “Только подождите, когда дядя вернется назад! Кто-то заплатит за это” — подумал он со скорее неестественно спокойным изумлением, чем с ужасом. Он чувствовал, что всеми силами должен сопротивляться ужасу. Только подпусти его поближе, и он просочится через твои мысли прямо в память и вызовет воспоминания, которых Эрик пытался избежать.

Вокруг было полно вооруженных людей, которые бегали туда-сюда: от своих капитанов к неизвестным целям в примыкавших коридорах. Между взрослыми суетились де-

ти, поднося материалы работавшим женщинам. В воздухе постоянно раздавались команды: "Иди туда-то"... "Принеси еще"... "Поторопись"... В воздухе стоял стойкий запах большого количества людей, поры которых активно выделяют пот. Но пахло не только потом. Эрик понял это, когда его притащили к основанию Королевского Холма. Пахло гневом. Гневом и страхом всего Человечества.

Франклин Отец Многих Воров стоял на Королевском Холме, неуклюже держа в толстых руках копьа, и быстро говорил что-то группе воинов, капитанов и — да, действительно! — Чужаков. Даже сейчас Эрик обнаружил, что его все еще изумляют эти фантастические события.

Чужаки в самом центре Человечества! Свободно ходят повсюду и носят с собой оружие! Когда вождь заметил Эрика, его лицо расплылось в широкой улыбке. Он подтолкнул локтем стоявшего рядом с ним Чужака и показал на пленника.

— Это он, — сказал Франклин. — Это племянник. Тот, который попросил третью категорию. Теперь мы поймали всех.

Чужак не улыбнулся. Он бросил быстрый взгляд на Эрика и отвернулся.

— Напрасно ты так думаешь. На наш взгляд, вы просто поймали еще одного.

Улыбка Отца Многих Воров сменилась неуверенной ухмылкой.

— Ну, ты знаешь, что я имею в виду. Этот чертов дурак сам сюда вернулся. Это избавило нас от хлопот, я это хотел сказать, не так ли? — Не получив ответа, он пожал плечами и сделал повелительный жест в сторону охранявших Эрика воинов. — Вы знаете, куда его поместить. Мы очень скоро будем готовы.

Острие копьа снова вонзилось в спину Эрика, и его повели вперед, ко входу в маленькое убежище. Но прежде чем они успели дойти до него, он услышал, как Франклин Отец Многих Воров прокричал Человечеству:

— Вот идет Эрик, люди мои. Эрик Единственный. Теперь мы поймали всех из этой вонючей банды!

На мгновение все остановились и устремили на него свои взоры. Эрик задрожал, услышав, как со всех сторон полетели приглушенные выкрики, полные ненависти и

злости. Кто-то подбежал к нему. Гарриэт Рассказчица Истории. Лицо ее исказила отвратительная гримаса. Она сунула руку в волосы и вытащила из них длинную булавку. Ее рыжие волосы плясали вокруг лица и шеи, подобно языкам пламени.

— Ты прислужник чужой науки! — завопила она, нацелившись булавкой прямо в глаз Эрику. — Ты грязный, вонючий прислужник чужой науки!

Эрик отвернулся, но она все же бросилась на него. Стражники кинулись к девушке и схватили ее, но она успела махнуть булавкой; один резкий взмах, который распорол всю его правую щеку.

— Оставь немного и остальным, — урезонивал ее один из стражников, возвращаясь к Эрику. — В конце концов он принадлежит всему Человечеству.

— Нет! — завопила она. — Он прежде всего принадлежит мне. Я собиралась стать его подругой, после того как он вернется со своей кражи! Правда, мама?

— Официально об этом не заявлялось, — услышал Эрик слова Риты Хранительницы Записей; он пытался остановить кровь, подняв плечо и прижав его к ране. — Ничего официального и не могло быть до тех пор, пока он не достигнет зрелости. Так что, Гарриэт, дорогая, тебе просто придется подождать своей очереди. Тебе придется подождать, пока старшие закончат разбираться с ним. Но тебе еще много останется.

— Нет, не останется, — надулась девушка. — Я знаю, какие вы. Что после вас может остаться?

Эрика снова потащили ко входу в маленькое убежище. В тот момент, когда он оказался внутри, один из стражников ударил его по спине так, что у Эрика перехватилась дыхание. От толчка он полетел вперед, отчаянно пытаясь сохранить равновесие, и врезался в противоположную стену; он тяжело упал на пол, так как не смог выставить руки, чтобы смягчить удар. Позади, в главном убежище раздался взрыв смеха. С трудом он перевернулся на бок. Кровь снова хлынула из раны на щеке. Совсем не таким представлял он свое возвращение домой после кражи — совсем не таким! Что происходит? Он знал, где находится. Крошечное тупиковое убежище рядом с местом встречи всего Человечества, нечто вроде маленькой пещеры, кото-

рую использовали главным образом для хранения запасов. Лишние пища и предметы, украденные у Чудовищ, хранились здесь, пока их не набиралось достаточно для торгового похода в задние убежища. Иногда также здесь держали Чужаков-мужчин, взятых в плен во время битвы, пока Человечество выясняло, ценит ли его племя настолько, чтобы заплатить за него что-то существенное в качестве выкупа...

А если нет...

Эрик вспомнил необычное сооружение, которое женщины создавали возле Королевского Холма, и содрогнулся. Воспоминания, которые он до сих пор подавлял, ожили. И они соответствовали тому, как вела себя Гарриэт, и тому, что сказала ее мать Рита Хранительница Записей.

Нет! Они не могли планировать такое для него! Он был членом Человечества, почти воином. Они не делали такое даже с Чужаками, захваченными в плен. Война всегда уважали как воина. В худшем случае он заслуживал приличной, спокойно приводимой в исполнение казни. Кроме... кроме...

— Нет! — застонал он. — Нет!

Единственный стражник, который остался охранять его у входа в убежище, повернулся и насмешливо посмотрел на него.

— Да! — сказал он. — Еще как да! Мы собираемся хорошо повеселиться с вами двумя, как только женщины скажут, что все готово.

Он кивнул, зловеще улыбаясь, и снова отвернулся от Эрика, устремив свой взгляд в центр главного убежища и стараясь не пропустить ничего из того, что там происходит. С вами двумя? Впервые Эрик осмотрел маленькое хранилище. Там почти не было никаких продуктов, но с одной стороны в свете своего фонарика, все еще прикрепленного к его лбу (как он гордился, когда дядя прикрепил ему его у двери, ведущей на территорию Чудовищ!) он увидел мужчину, лежащего связанным возле стены. Своего дядю!

Эрик подтянул колени и быстро пополз к нему. Ему было больно: ведь живот и бока не такие мозолистые и не так привыкли к грубому полу убежища, как ноги. Но какое значение теперь имели несколько лишних царапин? Уничтожитель Ловушек был почти без сознания. С ним

обошлись жестоко, и он выглядел почти так же ужасно, как его жены. Волосы на голове покрывала толстая корка засохшей крови. Эрик понял, что ему пробили голову древком копья. И в нескольких местах на его теле: на правом плече, сразу же над левым бедром, глубоко в ноге — зияли отверстия серьезных ран, кровоточащих и неперевазанных.

— Дядя Томас, — позвал Эрик. — Что случилось? Кто это с тобой сделал? — Раненный открыл глаза и вздрогнул. Он ошарашенно посмотрел по сторонам, словно подумал, что это стены разговаривают с ним. Его мощные руки зашевелились под крепко стянувшими их веревками. Когда он наконец обнаружил Эрика, то улыбнулся. Этого не стоило делать. Ему выбили большую часть передних зубов.

— Привет, Эрик, — пробормотал он. — Как закончилась битва? Как остальная часть отряда? Кто-нибудь ушел?

— Я не знаю. Именно об этом я и хотел спросить тебя! Я вернулся со своей кражи, вас не было, отряда не было. — Я пришел сюда, но все сошли с ума! Здесь Чужаки, ходят по нашим убежищам с оружием. Кто они такие?

Глаза Томаса Уничтожителя Ловушек медленно потемнели. Теперь их взгляд сфокусировался, и в нем проскальзывали искры понимания.

— Чужаки? — переспросил он тихо. — Да, в отряде Стефана Сильной Руки были Чужаки. Они сражались против нас. Этот наш вождь, — Франклин, — он связался с Чужаками после того, как мы вышли в поход. Должно быть, они давно работали вместе, поддерживали связь друг с другом. Человечество, чужаки, какая разница, если речь идет об угрозе их вшивой науке предков? Мне следовало это знать заранее.

— Что? — взмолился Эрик. — Что тебе следовало знать?

— Именно так они подавили чужую науку в другом восстании давным-давно. Вождь есть вождь. У него больше общего с другим вождем, чем со своим собственным народом. Если ты нападаешь на науку предков, ты создаешь угрозу их власти. В таком случае они действуют сообща. Они будут давать друг другу людей, оружие, информацию. Они сделают все что смогут против общего врага. Против тех людей, которые действительно хотят нанести ответный

удар по Чудовишам. Мне следовало знать это! Черт возьми, — застонал Уничтожитель Ловушек, — я видел, что вождь и Оттили что-то подозревают. Я должен был понимать, как они собираются поступить. Они собирались позвать Чужаков, обменяться информацией и объединиться против нас! Эрик ошеломленно смотрел на своего дядю, начиная понимать, о чем тот говорит. Точно так же, как существовала тайная организация сторонников чужой науки, которая не знала границ племен, существовал и тайный союз вождей, основанный на религии науки предков, которая служила основой их власти. А власть руководительниц Общества Женщин, только подумать об этом! Всеми своими привилегиями они были обязаны знанию науки предков. Отними ее у них, и они станут обычными женщинами, все их магические способности будут необходимы только для того, чтобы отличить съедобную пищу от яда Чудовищ.

Хрипя от боли, извиваясь в стягивавших его веревках, Томас Уничтожитель принял сидячее положение у стены. Он качал головой, словно пытался вытрясти из нее воспоминания.

— Они подошли к нам, — сказал он с трудом, — Стефан Сильная Рука и его отряд подошли к нам, как только ты отправился на территорию Чудовищ. Отряд Человечества с посланием от вождя, кто мог что-либо заподозрить? Они могли прийти с сообщением, что на наши убежища напали Чужаки! — Раздался лающий кашель, и из его рта хлынула кровь. — С ними были Чужаки, которые попрятались на протяжении всего пути в коридорах. Толпы и толпы Чужаков.

Эрик попытался представить себе, что произошло.

— Потом, смешавшись с нами, когда большинство из нас убрали копыта в петли, они напали на нас. Эрик, это был действительно хороший удар. Они застали нас врасплох настолько, что им даже не понадобилась посторонняя помощь. Не думаю, что кто-то из нас еще остался в живых к тому времени, когда подбежали Чужаки. Я лежал на полу, сражаясь голыми руками. Не знаю, что произошло с остальными. Чужаки повалили толпами. Больше я ничего не видел. Кто-то нанес мне чертовски сильный удар, странно, что я очнулся после него, — его голос стал еще более хриплым и тихим. — Жаль, что мне не повезло...

Грудь Уничтожителя Ловушек вздымалась: из нее доносился странный скрежещущий звук.

— ...Они притащили меня сюда. Мои жены! Они были заняты моими женами. Эти суки из Общества Женщин — Оттили, Рита, — это их дело — они приволокли моих жен и стали обрабатывать их на моих глазах. Я отключался и снова приходил в себя, отключался и снова приходил в себя. Я был в сознании, в то время как они...

Его речь снова сменилась нечленораздельным бормотанием, голова упала на грудь. На мгновение голос стал четким, но Томас потерял нить разговора.

— Они были хорошими женщинами, — промычал он. — Обе. Хорошие, хорошие девочки. И они любили меня. Они могли бы занять более важное положение. Франклин, должно быть, десятки раз предлагал им обрюхатить их, но они каждый раз отклоняли его предложение. Они по-настоящему любили меня.

Эрик едва не заплакал. Он мало общался с ними, достигнув возраста посвящения, но в детстве они дали ему всю ту любовь, которую, как помнил Эрик, могла дать только мать. Они наказывали его и ласкали, вытирали ему нос. Они рассказывали ему истории и учили его наставлениям науки предков. Ни у одной не было сына, который выжил бы в разнообразных бедствиях и катастрофах, которые Чудовища время от времени обрушивали на Человечество. Ему повезло. Ему достались та забота и любовь, которые получили бы их собственные сыновья.

А их верность Томасу Уничтожителю Ловушек была постоянным источником изумления в Человечестве. Она стоила им большего, чем просто большие здоровые пометы, к которым вождь имел давно доказанную способность: такое необычное, почти не женское поведение лишило их высокого положения в Обществе Женщин, которое они занимали бы в противном случае. А теперь они были мертвы или умирали, а их оставшиеся в живых детишки будут отданы другим женщинам, значительность которых таким образом существенно усилится.

— Скажи мне, — попросил он своего дядю, — почему Общество Женщин убило их? Что такого ужасного они сделали?

Он увидел, что Томас снова поднял голову и смотрит на него. С жалостью. Он почувствовал, как его собствен-

ное тело сковало холодом, еще до того, как Уничтожитель Ловушек заговорил.

— Ты все еще не позволяешь себе думать об этом? Я не виню тебя, Эрик. Но оно там. Его готовят для нас.

— Что? — спросил Эрик, хотя где-то глубоко внутри него уже родился ужасный ответ, и он его знал.

— Нас объявили вне закона. Они говорят, что мы виновны в самом тяжелом преступлении. Мы больше не принадлежим к Человечеству, ты, я, моя семья, мой отряд. Мы вне Человечества, вне закона, вне религии. А ты знаешь, что делают с объявленными вне закона, Эрик, не так ли? Все что угодно. Все.

Эрик помнил, что с самого детства всегда ждал церемоний такого рода. Один из отрядов воинов захватывал Чужака, определяли, что он был изгоем. Обычно это легко было определить. Например, никто, кроме объявленного вне закона, не стал бы бродить по убежищам в одиночестве, без отряда или, по крайней мере, без товарища, который прикрывал бы его спину. А в случае, если имелось хоть малейшее сомнение, ответ на требование выкупа, переданное его племени, прояснял положение пленника. Нередко ответом был рассказ о каком-то непростительном святотатстве, каком-то абсолютно чудовищном преступлении, которое можно наказать только самым страшным проклятием, полной анафемой и лишением всех привилегий человеческого существа. Делайте с ним, что хотите. Он больше не является одним из людей, он все равно что Чудовище.

Затем объявлялось что-то вроде праздника. Из кусочков дерева, украденных на территории Чудовищ и припрятанных женщинами специально для этой цели, члены Общества Женщин воздвигали сооружение, особенности которого передавались от матери к дочери в течение многих поколений еще со времен предков, построивших показывающую машину. Оно называлось сценой или театром, Эрик также слышал, иногда его называли плахой. В любом случае, каким бы ни было его истинное имя, большинство касающихся его подробностей являлись частью тайных знаний Общества Женщин и мало заботили мужчин. Однако было нечто, что знали все. На нем развернется живая религиозная драма: окончательный триумф Человечества над

греховностью Чудовищ. Для этого центральное действующее лицо должно отвечать двум требованиям. Это должно быть разумное существо, как и Чудовища, чтобы его можно было заставить страдать так, как в один прекрасный день Человечество заставит страдать Чудовищ; и это должен быть не человек, как и Чудовища, чтобы каждая капля негодования и ненависти была пролита на его плоть без малейшего намека на сожаление или сострадание. Для этой цели объявленные вне закона подходили идеально, так как все были согласны с тем, что такие отвратительные существа перестали быть членами человеческой расы.

Когда в плен попадал объявленный вне закона, работа в убежищах останавливалась, и военные отряды Человечества отзывались домой. Это было великое время, веселое время, время праздника. Даже дети делали все что могли для того, чтобы подготовить это славное событие: выполняли поручения работавших женщин, подносили питье и еду доблестным стражникам, — даже дети хвастались друг другу, как они выразят свою ненависть к пойманному представителю нелюдей, этому связанному и вопящему существу.

Каждый получал такую возможность. Все, начиная с вождя и кончая самым маленьким ребенком, способным процитировать наставления, все по очереди взбирались на сцену, или театр, или плаху, которую воздвигали женщины. Всех сжигало желание излить часть ненависти Человечества на существо, объявленное изгоем, как пролог того, что однажды они все вместе сделают с Чудовищами, укравшими их мир. Сара Целительница Болезней была одной из первых в этом ритуале, после чего она стояла на сооружении и внимательно следила за церемонией. В ее обязанность входило следить, чтобы никто не зашел слишком далеко, чтобы каждый честно и справедливо принял участие в происходящем и даже чтобы в самом конце строение сжигалось до тла — вместе с окровавленной жертвой — как символ того, что Чудовища должны быть превращены в пепел и развеяны по ветру. И Человечество вернется в свой дом, — распевала она в то время как обгорелые останки презрительно вышвыривали из убежища. — И с Чудовищами будет покончено. С ними будет покончено навсегда и на всей широкой Земле не будет ничего, кроме Человечества.

После этого начинались празднества, танцы, песни. Мужчины и женщины удалялись в более темные коридоры, дети скакали и носились по центральному убежищу, старики засыпали с широкими довольными улыбками. Все радовались тому, что нанесли хотя бы символический удар Чудовищам. Все чувствовали себя властелинами Творения, какими были их предки. Эрик вспомнил то, что он сам делал, и то, что делали другие в таких случаях. Его тело содрогнулось от ужаса. Ему пришлось подтянуть плечи к шее и сторбиться, напрячь мышцы рук и ног. Наконец нервная дрожь прекратилась. Он снова мог думать. Только он не хотел думать.

Те, другие, те изгой на предыдущих церемониях такого рода давным-давно, неужели они тоже испытывали такой отчаянный страх, ожидая, пока будет закончено сооружение плахи? Неужели они дрожали вот так же, чувствовали, как их спины становятся мокрыми, как внутри все сжимается, как содрогается их уязвимая плоть?

Эта мысль никогда раньше не приходила ему в голову. Он смотрел на обреченных как на существа, совершенно не имевшие ничего общего с человеком, как на символ всего того, что было чуждо. Об их чувствах думали не больше, чем о чувствах тараканов, снующих в кладовых. Их давили медленно или быстро, как кому нравилось. Какая разница? Тараканов было не жалко. Человек не отождествлял себя с ними. Но сейчас, когда его самого вот-вот должны были раздавить, он понял, что разница существовала. Он был человеком. Неважно, чем его объявило Человечество и его вожди — он был человеком. Он испытывал человеческий страх, он испытывал отчаянное человеческое желание жить.

Значит, и те, другие, чувствовали то же. Изгой, которых он помогал разрывать на кусочки. Они были человеческими существами. Совершенно человеческими. Они сидели здесь, так же, как сидит сейчас он, и ждали начала своих мучений... На его памяти только дважды члены Человечества объявлялись вне закона. Оба случая произошли давным-давно, еще до того как он стал учеником воинов. Эрик попытался вспомнить былые жертвы. Он хотел дотянуться до них и почувствовать их сострадание, что-то вроде сострадания, пускай даже мертвых. Лучше быть мерт-

вым, чем таким, как этот избитый окровавленный человек рядом с ним, опустивший пробитую голову на израненную грудь и бормочущий что-то полубезумное. Какими же они были? В первом случае в памяти всплывало только стонущее кровавое месиво перед тем, как разжигаемым костром. Никаких воспоминаний о человеке. А во втором случае... Эрик резко сел, веревки врезались ему в тело. Второй человек, которого должны были объявить вне закона, убежал! Эрик так никогда и не узнал, как он это сделал: он помнил только, что стражника жестоко наказали и что отряды воинов еще долгое время после этого охотились за ним в дальних коридорах.

Убежать! — Вот, что надо сделать. Он должен убежать. Раз уж его объявили вне закона, у него нет надежды на прощение, на смягчение приговора. Религиозные тона готовящейся церемонии были слишком сильны, чтобы ее могло остановить что-либо, кроме исчезновения главного действующего лица.

Да, убежать. Но как? Даже если бы ему удалось освободиться от пут, которые крепко связывали его руки, у него не было оружия. Стражник мгновенно проткнет его копьем. А если ему это не удастся, снаружи полно других воинов, почти вся военная сила Человечества.

Как? Как? Он заставил себя спокойно проанализировать все возможные варианты. Он знал, что у него мало времени. Совсем скоро строительство будет закончено, и руководительницы Общества Женщин придут за ним. Эрик принялся за узлы на веревках. Особой надежды на успех, конечно, не было. Если ему удастся освободить руки, возможно, он сможет осторожно подползти к выходу, неожиданно выпрыгнуть и броситься бежать. Даже если они метнут ему в спину копье, что из этого? Разве это не лучше и не быстрее, чем то, другое?

Но они этого не сделают. Он понимал это. Разве что ему очень повезет, и какой-то воин сделает это машинально. В подобных случаях, когда надо задержать, а не убить, целятся в ноги. В Человечестве было по крайней мере с десяток воинов, которые были настолько опытными, что могли сбить его даже с расстояния в двадцать-двадцать пять шагов. И еще десяток таких, кто сможет его догнать. В конце концов, он ведь не Рой Бегун. Рой! Сейчас он

мертв и его тело уничтожили. Эрик пожалел о том, что поссорился с Роем. Мимо входа в убежище прошел Чужак, бросив почти безразличный взгляд внутрь. Через мгновение за ним последовали еще два Чужака. Эрик догадался, что они уходят до начала церемонии. Возможно, они хотят присутствовать только на своих собственных церемониях — со своими людьми.

Вальтер Искатель Оружия, Артур Организатор — сидят ли они сейчас в таких же кладовках в ожидании такой же медленной смерти? Эрик сомневался в этом. Он как-то не мог представить, чтобы этих людей поймали так же легко, как его дядю и его самого. Он был уверен, что Артур слишком умен, а Вальтер, Вальтер достал бы какое-то фантастическое оружие, о котором никто никогда не слышал и которого никто никогда не видел... Как то, которое сейчас находилось у него в мешке — тот красный шарик, который дал ему Искатель Оружия! Был ли он оружием? Он не знал. Но даже если и не был, у него создалось впечатление что этот шарик может вызвать какое-то смещение среди людей.

“Он должен ошеломить их и привлечь их внимание”, сказал ему Вальтер на территории Чудовищ. Любое общее замешательство могло бы помочь ему и его дяде убежать. Но в том-то и была главная проблема — дядя. Его руки были крепко связаны, в этом он уже убедился, и ему нужна была помощь дяди, чтобы хоть что-нибудь сделать. А Уничтожитель Ловушек был слишком плох, чтобы хоть чем-то оказаться полезным. Он разговаривал сам с собой, ровным монотонным шепотом, что-то доказывая себе. Верхняя часть его туловища все ниже и ниже склонялась к ногам. Время от времени бормотанье прерывалось резким стоном. Это раны давали о себе знать с новой силой.

Эрик знал, что большинство людей в таком состоянии уже давно бы умерли. Только такое мощное тело, как у Уничтожителя Ловушек, смогло продержаться так долго. И кто знает, если им удастся убежать, возможно, раны его дяди при должном уходе и покое заживут.

Если только они смогут убежать!

— Дядя Томас, — позвал он, — наклонившись к нему и настойчиво привлекая внимание воина. — Думаю, я знаю выход. Думаю, я нашел способ убежать.

Никакого ответа. Окровавленная голова продолжала бубнить тихим монотонным голосом. Бормотанье. Бормотанье. Бормотанье. Стоп. Бормотанье. Бормотанье.

— Твои жены, — в отчаянии произнес Эрик. — Разве ты не хочешь отомстить за своих жен?

Это, кажется, привлекло внимание.

— Мои жены, — проговорил хриплый голос. — Они были хорошими женщинами. Действительно, хорошими женщинами. Они никогда не подпускали к себе Франклина. Они, действительно, были хорошими женщинами.

Но тут проблеск в сознании снова сменился бессвязным бормотанием.

— Убедать! — шептал Эрик. — Разве ты не хочешь убедать?

Из медленно раскрывшегося рта дяди вытекла тонкая струйка густой крови. Другого ответа не было. Эрик посмотрел на вход в убежище. Стоящий там стражник больше не поворачивался, чтобы время от времени взглянуть на пленников. Строем в центральном убежище, очевидно, было почти готово, и интерес к окончательным приготовлениям заставил воина отойти на пару шагов от входа. Он смотрел в центр главного убежища, абсолютно зачарованный. Ну, это уже кое-что. Это давало им шанс. С другой стороны, это также означало, что им осталось жить считанные минуты. Не сводя глаз со стражника Эрик прислонился к стене и принялся тереть связывающие его руки веревки мешка о самые острые выступы, которые смог найти. Но он понял, что это будет недостаточно быстро. Если бы только в этом месте был наконечник копья, что-то острое. Он лихорадочно осмотрелся по сторонам. Нет, ничего. Несколько полных мешков с едой, по которым бегали тараканы. Ничего, что могло бы ему помочь освободиться.

Его дядя был единственной надеждой. Он должен как-то вывести его из этого состояния. Эрик подполз ближе к Томасу и приложил губы к разбитому уху Уничтожителя Ловушек.

— Это Эрик, Эрик Единственный. Ты помнишь меня, дядя? Я отправился на кражу, я отправился на кражу вместе с тобой. Третья категория. Помнишь, я заявил о третьей категории, как ты и говорил мне? Я совершил свою кражу, она прошла успешно. Я сделал все то, что ты

мне велел сделать. Теперь я — Эрик Глаз, так ведь? Скажи мне, я — Эрик Глаз?

Бормотанье и стоны. Казалось, этот человек утратил разум.

— А как же Франклин? Он ведь не может сделать это с нами, или может, дядя Томас? Разве ты не хочешь убежать? Разве ты не хочешь отомстить Франклину, Оттилли за то, что они сделали с твоими женами? Разве не хочешь? Не хочешь? — Он должен пробиться к разуму своего дяди сквозь сгушавшийся туман беспамятства. В полном отчаянии он опустил голову и вонзился зубами в его раненое плечо. Ничего. Только непрекращающийся поток убеждающей в чем-то тарабарщины. И тонкая струйка крови, вытекающая изо рта.

— Я видел Артура Организатора. Он сказал, что знает тебя уже давно. Когда ты с ним встретился, дядя Томас? Когда ты впервые встретился с Артуром Организатором?

Голова Уничтожителя Ловушек упала еще ниже, плечи опустились.

— Расскажи мне о чужой науке. Что такое чужая наука? — Эрик сам теперь говорил почти нечленораздельно, отчаянно пытаюсь найти ключ, который отворил бы мозг дяди. — Артур Организатор и Вальтер Искатель Оружия важные люди среди сторонников чужой науки? Они вожди? Как называется строение, в котором они прятались? Чем оно служит Чудовищам? Они говорили о других племенах, о племенах, о которых я никогда раньше не слышал. Сколько других племен существует? Эти другие племена... — Наконец-то. Он нашел ключ. Он пробился.

Голова Томаса, качаясь, приподнялась, в глазах все еще стоял туман.

— Другие племена. Смешно, что ты спросил о других племенах, что ты спросил...

— Почему? Что в них такого особенного? — Эрик попытался удержать ключ на месте, продолжая поворачивать его. — Почему бы мне не спросить о них?

— Твоя бабушка была из другого племени, совсем чужого племени, живущего в далеких убежищах. Я помню, что услышал о нем, когда был маленьким мальчиком, — кивнул себе самому Томас. — Отряд твоего отца отправился в далекий поход, в самый далекий из тех, какие они

когда-либо предпринимали. Они захватили твою бабушку и привели ее к нам.

— Мою бабушку? — На мгновение Эрик забыл о том, что для него готовится в главном убежище. Он знал, что с его бабушкой связана какая-то особая тайна. О ней редко упоминали в Человечестве. До сих пор он считал, что это из-за того, что ее сын был ужасно невезучим. Помет, в котором был только один ребенок, и смерть вместе с женой на территории Чудовищ. Самое ужасное невезение, которое может выпасть на долю человека.

— Моя бабушка была из другого племени? — Не из Человечества?

Он, конечно, знал, что нескольких женщин захватили у других племен в соседних убежищах и что сейчас они могут считаться полноправными членами Человечества. Иногда женщина из их собственного племени пропадала, когда забредала слишком далеко в боковое убежище и наткнулась на отряд Чужаков. В конце концов, если ты крадешь женщину у чужого племени, ты крадешь существенную часть их знаний. Но он никогда не предполагал...

— Дора Поющая о Снах, — голова Томаса болталась из стороны в сторону, полуразборчивые слова смешивались с кровавой слюной. — Ты знаешь, почему твою бабушку называли Поющей о Снах, Эрик? Женщины любили повторять, что то, о чем она говорила, происходит только во сне, и что она не может говорить просто, как другие люди, — она может только петь о своих снах. Но она многому научила твоего отца, и он был похож на нее. Женщины побаивались быть его подругами. Моя сестра была первой, отважившейся на это, и все говорили, что она заслужила то, что получила.

Вдруг Эрик осознал, что звуки доносящиеся из главного убежища, стали другими, более тихими. Неужели они уже идут за ним?

— Дядя Томас, послушай! У меня есть идея. Эти Чужаки — Вальтер, Артур Организатор — они дали мне сувенир Чудовищ. Я не знаю, что он делает, я не могу добраться до него. Я повернусь. Попытайся залезть ко мне в мешок кончиками пальцев и...

Уничтожитель Ловушек не обратил на его слова никакого внимания.

— Она была сторонницей чужой науки, — бубнил он сам себе. — Твоя бабушка была первой сторонницей чужой науки, которая появилась в Человечестве. Я думаю, в ее племени все были приверженцами чужой науки. Представь только, все племя состоит из сторонников чужой науки!

Эрик застонал. Этот полусумасшедший человек был его единственной надеждой на побег. Эта окровавленная развалина, которая когда-то была самым гордым, самым опытным капитаном отряда! Он снова взглянул на стражника. Тот по-прежнему смотрел в сторону Центрального убежища. Теперь не было слышно вовсе никакого шума, стояла леденящая душу тишина, вероятно, десятки глаз светились в предвкушении... И шаги — или это были не шаги? Он должен найти способ заставить своего дядю помочь ему!

— Томас Уничтожитель Ловушек, — сказал он резко, едва удерживаясь от крика. — Послушай меня. Это приказ. В моем мешке есть одна штука, шарик из какого-то липкого материала. Мы повернемся друг к другу спиной и ты постарайся пальцами вытащить его оттуда. Ты слышишь меня? Это приказ, военный приказ!

Его дядя кивнул совершенно покорно.

— Я был воином с давних времен, — пробормотал он, поворачиваясь. Третью часть всего этого времени — капитаном отряда. Я отдавал приказы и выполнял их, отдавал и выполнял. Я всегда подчинялся приказам. Я всегда говорил: как ты собираешься отдавать приказы, если ты не...

— Сейчас, — сказал ему Эрик, прислоняясь к нему спиной и наклоняясь так, чтобы мешок оказался как раз под связанными руками дяди. — Протяни пальцы. Вытащи шарик из липкого вещества. Он прямо на самом верху. И поспеши!

Да! Это был звук шагов. Несколько человек. Руководительницы Общества Женщин, вождь, сопровождающие воины. И стражник, наблюдавший за этой процессией, мог вспомнить о своих обязанностях и повернуться к пленникам.

— Поспеши! — потребовал Эрик. — Быстрее, черт возьми! Это тоже приказ. Доставай быстрее! Быстрее!

Все это время ищущие пальцы Томаса шарили по мешку, а Эрик прислушивался с ужасом и нетерпением к ша-

гам приближавшихся палачей, и все это время где-то в глубине своей души не переставал удивляться тому, что смог отдавать приказы опытному капитану отряда с невероятной властью в голосе.

— Теперь ты бродишь там, где находится убежище племени твоей бабушки — неожиданно начал Томас, возвращаясь к прежней теме, словно они проводили время в приятной беседе после хорошей обильной еды.

— Забудь об этом! Выбрось из головы эту ерунду. Доставай шарик!

— Его трудно описать, — не умолкал голос Томаса. — Очень далеко от нас их убежище, очень далеко. Ты знаешь, Чужаки называют нас людьми передних убежищ. Ты знаешь это, не так ли? Чужаки — люди задних убежищ. Ну, а народ твоей бабушки — люди самых нижних убежищ.

Эрик почувствовал, как пальцы дяди сжали что-то в мешке.

Три женщины, руководившие Обществом Женщин, вошли в кладовую: Оттили Предсказательница Судьбы, Сара Целительница Болезней и Рита Хранительница Записей. С ними были вождь и два капитана, полностью вооруженные.

ГЛАВА VII

Оттили Первая Жена Вождя шла во главе. Она остановилась у входа в убежище, остальные столпились вокруг нее.

— Посмотрите на них, — насмешливо произнесла она. — Они пытаются освободить друг друга! Интересно, что они собираются делать, если развяжут веревки!

Франклин вышел вперед и серьезно посмотрел на двух мужчин, сидящих на корточках спина к спине.

— Они попытаются убежать, — произнес он, продолжая шутку своей жены. — Они думают, что освободят руки, и конечно же, Томас Уничтожитель Ловушек и его племянник даже с голыми руками смогут справиться с лучшими воинами Человечества!

И тут Эрик почувствовал, как ищущие руки покинули мешок, к которому были привязаны его собственные. Что-то упало на пол. Звук был странным, что-то среднее между всплеском и шлепком. Эрик мгновенно повернулся на звук, поджав под себя ноги и открыв рот.

— Ты никогда не видел ничего похожего на убежища народа твоей бабушки, — продолжал бубнить его дядя, словно то, что сделали его руки, никак не касалось его. — И я тоже, хотя я слышал разные истории.

— Он долго не протянет, — сказала Сара Целительница Болезней. — Нам придется поразвлечься за счет мальчика.

“Единственное, что тебе надо сделать, это отщипнуть кусочек пальцами, — так сказал Вальтер Искатель Оружия. — Потом плюнь на него и бросай. Бросай как можно быстрее и как можно дальше”. Он не мог воспользоваться своими пальцами, поэтому наклонился к красному шарiku и откусил кусочек. Затем прикоснулся языком к странному мягкому веществу, смачивая его слюной. И одновременно, оттолкнувшись от пола согнутыми пальцами, рывком поднял тело. Не в состоянии использовать руки для того, чтобы сохранить равновесие, он, шатаясь, с трудом выпрямился и повернулся лицом к руководительницам Общества Женщин и Франклину. “После того, как ты на него плюнешь, быстро бросай его. Так быстро и так далеко, как только сможешь”...

— Не знаю, что он делает, — произнес кто-то, — но мне это не нравится. Пропустите меня.

Стефан Сильная Рука вышел вперед, сжимая копьё и приготовившись нанести удар. Эрик закрыл глаза, откинул голову как можно дальше назад и сделал глубокий-глубокий вдох. Затем дернул головой вперед, сильно ударив языком по предмету, находящемуся у него во рту. Он выдохнул с такой силой, что выдох превратился в резкий лающий кашель.

Липкая масса вылетела изо рта, и он открыл глаза, чтобы проследить за траекторией ее полета. Какое-то мгновение он не мог ее нигде найти; затем обнаружил, благодаря странному выражению на лице Стефана Сильной Руки, его страшно закатившимся глазам. На лбу капитана появилось маленькое красное пятно.

“Что должно произойти?” — думал Эрик. Он выполнил указания так точно, как только было возможно в данных

условиях, но не имел ни малейшего представления о том, что должно сделать красное вещество, смоченное его слюной. Он наблюдал за ним с надеждой и ожиданием.

Стефан медленно поднял свободную руку, чтобы вытереть лоб. Эрик перестал надеяться. Ничего не произойдет. "Чужаки, — подумал он с отчаяньем, — вот что получается, когда доверяешь Чужакам..."

Звук взрыва был таким оглушительным, что на мгновение Эрик решил, что рухнул потолок убежища. Его отбросило к стене, и он упал, словно его ударили древком копья. Он вспомнил кашель, с которым выплюнул маленький шарик изо рта. Может, это эхо его кашля, чудовищное, оглушительное эхо?

Когда стены маленького убежища перестали вибрировать и грохот прекратился, он наконец поднял голову. Кто-то визжал. Это была Сара. Она смотрела на Стефана Сильную Руку. Она стояла сразу позади него. Вытаращив глаза, она смотрела на него и визжала резко и пронзительно. Ее рот был открыт так широко, что, казалось, она разорвет его. И каждый раз, когда она переводила дыхание, ее рука поднималась и показывала на Стефана. Она все время поднимала руку и показывала в одну точку, словно хотела, чтобы все присутствовавшие поняли, почему она так визжит.

У Стефана Сильной Руки не было головы! Его тело кончалось шеей, и лохмотья кожи падали ему на грудь беспорядочными волнами. На месте головы бил фонтан крови. Его туловище все еще стояло прямо, ноги были широко расставлены, как обычно принято у хорошего воина, одна рука держала копье, а другая застыла в движении вверх. Тело стояло, невероятно прямое, высокое и живое. И вдруг оно словно развалилось на части.

Сначала из правой руки медленно выпало копье и грохнулось на пол. Затем руки повисли вдоль подогнувшихся коленей, и все большое мускулистое тело обмякло, словно кости покинули его. Оно шлепнулось на пол, одна рука отлетела в сторону, нога перекрутившись, отскочила в другую сторону, словно причудливой формы кожаный мешок швырнули на пол. Несколько мгновений тело дергалось, булькающий фонтан крови превратился в лениво текущую реку. Наконец оно затихло, неподвижная куча

из конечностей и торса. Следов исчезнувшей головы нигде не было видно. Сара Целительница Болезней перестала визжать и, шатаясь, повернулась к своим спутникам. Их испуганные глаза оторвались наконец от тела на полу. Затем все отреагировали одновременно.

Они издали безумный, дикий, полный ужаса вопль, словно Сара была дирижером, а они хором. Все еще вопя, они бросились к узкому выходу из пещеры. Они проталкивались через него, пинаясь и лягаясь, напоминая какое-то фантастическое чудовище с десятком рук, ног и раскачивающихся обнаженных грудей. Они утащили за собой стражника и выплеснули в главное убежище свою панику, оповещая о ней своими воплями всех находившихся там. Некоторое время Эрик слышал, как топот ног затихает в дальних коридорах. Вскоре наступила полная тишина. Было абсолютно тихо, только Томас Уничтожитель Ловушек все продолжал что-то бубнить. Эрик снова заставил себя подняться. Он не мог представить, что же случилось. Этот красный шарик — Вальтер сказал, что это оружие, но оно действовало не так, как все то оружие, о котором он когда-либо слышал. Разве что когда-то во времена предков: считалось, что у предков были такие штуки, которые разрывали вещь на части, не оставляя никаких следов. Но это был совершенно чужой предмет, принадлежавший Чудовищам, который Вальтер отыскал и украл. Что это такое? Как он оторвал голову Стефану Сильной Руке?

Но об этом можно подумать в другой раз. А пока у него появился шанс. Вероятно, ненадолго, он не имел понятия, когда паника уляжется и отряд воинов отправится сюда, чтобы расследовать происшедшее. Он аккуратно переступил через красный ручей, вытекавший из шеи лежавшего. Присев над оброненным копьём, он смог ухватить его связанными руками и встал, неуклюже держа его за спиной. Нет времени перерезать пути. Не здесь.

— Дядя Томас, — позвал он. Мы можем убежать. У нас есть шанс. Пошли, вставай. — Раненый капитан отряда смотрел на него без малейшего понимания...

— Коридоры. Такие, каких ты никогда не видел, какие ты и представить себе не можешь, — продолжал он все тем же тихим монотонным голосом, — лампы, которые носят не на лбу. Коридоры, полные ламп. Коридоры, коридоры,

доры, коридоры... — На мгновение Эрик задумался. Этот человек будет тяжелой обузой в путешествии. Но он не мог бросить его. Это был его последний оставшийся в живых родственник, единственный человек, который не считал его изгоем и нелюдем. И каким бы изуродованным он ни был, он все равно оставался его капитаном.

— Встать! — приказал он. — Томас Уничтожитель Ловушек, вставай! Это приказ, военный приказ! Вставай! — Как он и надеялся, его дядя отреагировал на старую команду. Ему удалось подтянуть ноги под туловище и напрячь их, но это было бесполезно. У него не было сил встать. Бросая через плечо опасливые взгляды на вход в убежище, Эрик подбежал к мучившемуся у стены человеку. Ему удалось подставить один конец копы под локоть дяди. Затем, используя свое бедро в качестве опоры, он с силой нажал на другой конец. Было больно и скользко, он не видел, что делает. Между усилиями он выдыхал команды: "Вставай, вставай, вставай, черт тебя возьми!" Наконец, копы опустилось. Его дядя стоял на ногах. Качаясь, но все-таки стоял. Неуклюже таща за собой копы, Эрик подталкивал капитана к выходу из кладовой. В большом центральном убежище никого не было. Оружие, горшки и разнообразные вещи лежали там, где их бросили. Законченное сооружение стояло пустым напротив Королевского Холма. Тела жен его дяди, очевидно, убрали раньше.

Вождь и те, кто его сопровождал вырвавшись из убежища, бросились налево. Они пробежали мимо плахи и увлекли остальных за собой. Эрик повернул направо. Томас Уничтожитель Ловушек постоянно останавливался. Снова и снова он начинал рассказ о своем давнем путешествии в далекие задние убежища, где живут чужие племена. Эрику приходилось толкать его в спину, чтобы заставить двигаться вперед.

Когда они выбрались в боковые коридоры, он почувствовал облегчение. Но только после того, как они неоднократно повернули, прошли десятки развилок и оказались в совершенно необитаемых убежищах, он понял, что может остановиться и освободиться от пут при помощи наконечника копы. После этого он освободил дядю. Затем, перебросив левую руку Уничтожителя Ловушек через свои плечи и крепко обняв его за талию, снова пустился в путь.

Они двигались медленно: его дядя был тяжелым. Но чем большее расстояние будет отделять их от Человечества, тем лучше.

Что, однако, за этим расстоянием? Куда им вообще следует идти? Он раздумывал над этой проблемой по мере того, как они брели вглубь тихих запутанных коридоров. Их нигде не ждут. Просто надо идти вперед. Должно быть, он размышлял вслух. К его удивлению, Томас Уничтожитель Ловушек неожиданно заговорил совершенно разборчивым, хотя и слабым голосом:

— Дверь на территорию Чудовищ, Эрик. Пробирайся к двери на территорию Чудовищ, куда ты ходил совершать свою Кражу.

— Зачем? — спросил Эрик. — Что нам там делать?

Ответа не последовало. Голова дяди упала на грудь. Очевидно он снова возвращался в свое прежнее состояние. И все же, пока обнимавшая рука Эрика тянула его тело вперед, ноги Томаса продолжали передвигаться. В нем еще оставались какие-то жизненные силы и мужество воина.

Территория Чудовищ! Неужели там они будут в большей безопасности, чем среди человеческих существ? Ну что же... Дверь на территорию Чудовищ. Им придется сделать большой круг, пройдя по многим коридорам, но Эрик знал дорогу. В конце концов, он был Эриком Глазом, сказал он себе: кому как не ему положено знать дорогу. Но так ли это? Он не испытал радость официального посвящения в мужчины, которое было обычным следствием успешной кражи. Без этого, наверное, он все еще оставался Эриком Единственным, все еще мальчиком, все еще непосвященным. Нет, он знал, кем стал теперь. Он был Эриком и больше ничего.

Он изгнанник, без дома, без народа. И за исключением умирающего человека, которого он тащил за собой, с этого момента все остальные были против него.

ГЛАВА VIII

Томас Уничтожитель Ловушек был тяжело ранен во время неожиданного нападения. Если бы все было как обычно, то его раны были бы тщательно обработаны и за-

бинтованы. Сара Целительница Болезней использовала бы все свои знания, весь свой накопленный за долгие годы опыт, чтобы спасти его. Однако, в данном случае Сара сделала как раз противоположное. Сейчас напряжение побега и вынужденный безостановочный бросок, последовавший за ним, отняли у него последние силы. Его глаза остекленели, сильные плечи безвольно поникли. Это была сомнамбула, которая, покачиваясь, брела навстречу своей смерти. Когда они остановились, чтобы отдохнуть, Эрик, — предварительно внимательно прислушавшись, нет ли шума возможной погони — тщательно промыл дядины раны водой из фляг, перевязал самые ужасные из них ремнями. Это все, что он умел делать: первая помощь, которую должен оказывать воин раненому товарищу. Только глубокие целительные знания женщин могли привести к полному выздоровлению. Но в данном случае это не имело большого значения. Дела Томаса Уничтожителя Ловушек были слишком плохи. Эрик чувствовал, как при мысли о том, что он навсегда останется в одиночестве в темных нежилых коридорах, им овладевает отчаянье. Он попытался протолкнуть в рот дяди кусочки пищи и влить хоть немного воды. Голова Томаса откинулась назад, из уголков рта потекли тонкие струйки. Он дышал поверхностно и очень часто. К тому времени, когда они остановились, его тело совсем отяжелело. Сам Эрик поел с жадностью: это была его первая еда с тех пор, как он отправился на территорию Чудовищ. Он не отрываясь смотрел на своего прислонившегося к стене дядю и пытался разработать план действий, который принес бы хоть какую-нибудь пользу. В конце концов он не придумал ничего лучшего, чем снова перекинуть руку воина через свое плечо и продолжить путь к территории Чудовищ. Когда Томас Уничтожитель Ловушек оказался в вертикальном положении, его ноги снова зашагали, но на этот раз они все чаще подгибались и спотыкались. Спустя некоторое время, Эрик остановился: у него возникло чувство, что он тащит мертвое тело. Когда он попытался опустить своего дядю на пол убежища, то обнаружил, что тело почти совершенно обмякло. Томас лежал на спине. Его глаза безразлично уставились на неровный потолок, на котором лампочка, прикрепленная к его лбу, высветила яркий желтый круг.

Сердце его билось совсем слабо.

— Эрик, — произнес он едва слышно.

Юноша оторвал голову от груди воина и посмотрел на мучительно открывающийся рот.

— Да, дядя?

— Прости меня... за то, что я втянул тебя в это. Я... я не имел права. Твоя жизнь... в конце концов... это твоя жизнь. Ты... мои жены... мой отряд... и привел... смерть... все. Прости.

Эрик отчаянно пытался сдержать слезы.

— Это было ради дела, — сказал он. — У нас была цель. Но наше дело потерпело неудачу.

Из губ распростертого на полу человека вырвался ужасный хрип. На мгновение Эрику показалось, что это голос самой смерти. Но потом он понял, что это смех, смех, подобного которому он никогда раньше не слышал.

— Дело? — выдохнул Уничтожитель Ловушек. — Дело? Ты знаешь... ты знаешь... какое это было дело? Я хотел... я хотел стать вождем. Вождем. Единственный способ, которым я мог... сделать это... чужая наука... чужаки... дело. Все... убийства... я хотел... стать вождем. Вождем!

Томас прохрипел последнее слово, и все тело его напряглось, затем медленно, словно плоть превращалась в жидкость, расслабилось.

Он был мертв.

Эрик долгое время смотрел на тело. Он обнаружил, что ему уже все безразлично. Мозг его остался заторможенным. В его центре находился большой парализованный участок, неспособный ни чувствовать, ни мыслить. Наконец, он стряхнул с себя оцепенение, наклонился и взял тело дяди за плечи. Пятясь, он потащил его в сторону территории Чудовищ. Он кое-что еще должен был сделать. Выполнить долг, который выполнял каждый живущий в убежищах, когда поблизости кто-то умирал. Сейчас это занятие помогло ему хотя на время отвлечься от мучительных размышлений. Ему потребовались все его силы. Дядя был человеком с мощным телом. Эрик обнаружил, что ему необходимо останавливаться практически на каждом повороте, чтобы перевести дыхание. Наконец он добрался до двери, благодаря судьбу за то, что дядя умер относительно близко от нее. Он понял, почему это место было предло-

жено в качестве цели их путешествия. Томас Уничтожитель Ловушек знал, что ему осталось недолго мучиться. Его племяннику придется избавляться от тела. Он попытался облегчить Эрику эту задачу, пройдя большую часть пути на собственных ногах.

В стене возле двери на территорию Чудовищ проходила труба с пресной водой. А там, где есть такая труба, Чудовища обычно прокладывают и канализацию. Должно быть, именно в нее и спустили воинов, погибших во время боя с отрядом Стефана Сильной Руки. И Томас знал, что именно в эту трубу будут отправлены и его останки, — самое ближайшее место, где его племянник мог избавиться от него относительно безопасно. По крайней мере, это он сделал ради Эрика. Эрик обнаружил трубу довольно легко. Под ногами раздавалось постоянное бульканье и журчанье, а в том месте, где звук был самый четкий, он нашел вырезанную усилиями какого-то ушедшего поколения Человечества плиту. Возле первой трубы, подняв плиту, он увидел другую, гораздо более толстую, в которой могли поместиться два лежащих рядом человека. Твердое вещество, из которого была сделана стена, было тщательно счищено с трубы, так что хорошо виднелось место соединения.

Но надо было еще приоткрыть трубу на стыке. Эрик много раз видел, как это делали старшие, но для него это была первая попытка. Не так-то просто было сдвинуть прикрывающую отверстие пластину сначала вправо, потом влево, подсунуть пальцы под край и потянуть как раз в нужный момент.

Наконец появилось отверстие, из него ударил отвратительный запах канализации Чудовищ. Для Эрика смерть всегда ассоциировалась с этим зловонием, так как труба уносила не только отходы Чудовищ, но и отходы Человечества, собранные за неделю в убежищах старыми женщинами, которые негодились из-за своей слабости ни для какой другой работы. Все неживое и ненужное относилось к ближайшей канализационной трубе Чудовищ, все, что могло разложиться и сгнить. В том числе, конечно, и тела мертвых. Эрик снял с тела дядя все полезные вещи, как это обычно делали женщины. Затем подтащил его к дыре в трубе и какое-то мгновение держал за одну руку, пока течение не подхватило его. Он повторил все то, что запом-

нил во время подобных церемоний, завершив словами: "И поэтому, о предки, я умоляю вас принять тело этого члена Человечества, Томаса Уничтожителя Ловушек, первоклассного воина, прославленного отрядного капитана и отца девяти детей". За этим всегда следовало еще несколько строк: "Возьмите его к себе и держите у себя до тех пор, пока Чудовища не будут полностью уничтожены и Земля снова не станет нашей. Тогда вы и он, все когда-либо жившие люди поднимутся из сточных труб и радостно зашагают по поверхности нашей планеты".

Но Эрик не стал произносить их. В конце концов, это было положение науки предков, а его дядя умер, борясь с ней. Интересно, что говорилось в таких случаях в чужой науке? Является ли она более могущественной, менее лживой? Он отпустил окоченевшую руку. Тело понеслось вниз по трубе. Томаса Уничтожителя Ловушек не стало, он ушел навсегда, теперь Эрик знал это. Он был мертв, спущен в сточную трубу, вот и все. Эрик закрыл отверстие, подтянул плиту назад и поставил ее на место.

Он был совершенно один. Изгой, которому нечего ждать от других человеческих существ, кроме смерти в результате медленных пыток. У него не было спутников, не было дома, не было веры. Последние слова его дяди все еще лежали на дне его мозга, уродливые и жестокие: "Я хотел стать вождем!"

Было отвратительно осознавать, что религия, на которой он вырос, была всего-навсего подпоркой власти, что таинственное Общество Женщин было совершенно неспособно видеть будущее человека. Но и борьба его дяди со всей этой чепухой была основана всего лишь на личной выгоде, которая заставила его пожертвовать всеми, кто ему доверял. Во что можно было после этого верить, на чем основывать свою жизнь? Неужели его родители были так же доверчивы, как самый наивный ребенок в убежищах? Они жертвовали собой — ради чего? Ради одного суеверия вместо другого, ради тайных политических маневров одного человека, а не другого. Нет, это не для него. Он будет свободным. Он засмеялся, горько и самоуверенно. Он должен быть свободным. Ничего другого ему не остается. Выбора не было: он был изгоем. Эрик сделал несколько шагов и положил руки на дверь, ведущую на тер-

риторию Чудовищ. Одному человеку было трудно вытащить ее из отверстия. Но он напрягся и потянул. Наконец ему это удалось. Дверь сдвинулась, и он осторожно положил ее на пол убежища. Некоторое время он смотрел на нее, пытаясь придумать способ поставить ее на место после того, как он пройдет через дверной проем. Нет, один человек не мог сделать это с той, другой стороны. Ему придется оставить дверь открытой, — невероятное социальное преступление.

Ну что же, он ведь больше не мог совершить никакого преступления. Все правила, придуманные человеческими сообществами, его больше не касались. Впереди был сияющий белый свет, которого так боялись он и его народ. В него он и пойдет. Здесь, где не было никаких иллюзий, где нельзя было рассчитывать ни на какую помощь, здесь он создаст свой одинокий дом, Дом изгнанника. За его спиной лежали темные, запутанные, безопасные убежища. Эрик знал, что они были туннелями в стенах, которые окружали территорию Чудовищ. В этих стенах жили люди, в страхе и невежестве. Он больше не мог так жить; он должен был встретиться с Чудовищами. Он хотел встретиться с ними и уничтожить их.

Это было похоже на то, как если бы один из тараканов, живущих в кладовой, объявил войну Человечеству, которое хранило в кладовой свои припасы. Любой человек зашелся бы от смеха при такой мысли. Кто знает, что происходит в мозгу таракана, и кого это волнует? И все же одинокий таракан имел бы два особых преимущества. Первое: он раз и навсегда перестал бы беспорядочно и жадно рыскать вместе со своим племенем; и второе: враг, которого он выбрал, смотрел бы на него с равнодушным презрением. Если бы он смог найти какое-то мощное оружие и какую-то жизненно важную для Чудовищ область, где можно было бы то оружие применить... Он мрачно взвесил в уме эти два преимущества. Затем Эрик Единственный, Эрик Изгой, Эрик Осознающий Себя Отдельным Человеком, ступил через дверь на территорию Чудовищ.

ВЕНЕРА-ПЛАНЕТА

МУЖЧИН

VENUS IS A MEN PLANET

Ballantine Books

New York

1969

О том, что мне предстоит лететь вместе с Сис на Венеру, я узнал от нее за день до отлета. Спорить было бессмысленно. Таков уж характер моей старшей сестры, что любые возражения только укрепляют ее в мысли о собственной правоте.

Прошло всего два часа после старта в Сахаре, как я, изнывая от духоты бортового скафандра и невообразимой скуки, бродил по коридорам мирно ревущего корабля. Наш космический лайнер совершал рейс с особо ценным грузом — тремя сотнями особей женского пола, направлявшихся на Венеру с целью отыскать себе мужей, чтобы продлить существование рода людского, так сильно захиревшего после всех этих больших войн.

Остановившись возле каюты Сис, я тихо открыл дверь и заглянул внутрь. Сис, совершенно голая, лежала на кушетке и внимательно читала книгу "Воспитание мужчин в семье". Ее подруга, имя которой я так и не запомнил за два года знакомства, в таком же виде, усиленно растирала ей спину какой-то вонючей оранжевой мазью. Оторвавшись от книги, Сис посмотрела на меня. То, что я прочел в ее глазах не предвещало ничего хорошего.

Я снова оказался в коридоре. Куда он вел, оставалось для меня загадкой, и я решил разгадать ее самым простым способом — пройти по коридору до самого конца. Ничего примечательного в пути я не встретил. Вдоль коридора с одной стороны шли одинаковые двери кают, освещенные мертвенно фиолетовыми светильниками. Там, за дверьми отдыхали путешественницы на Венеру, готовясь к встрече со своими сужеными. Судя по всему, на ногах был лишь экипаж корабля, состоявший, по традиции, из одних муж-

чин. Прошло более десяти минут с начала моего похода, однако конца коридора не было видно.

Я уже решил было вернуться, но тут заметил табличку указателя. Мне стало ясно, что я оказался на палубе номер один. Слева я увидел переход на палубу номер три, за ней располагалась палуба номер четыре. Вспомнив конструкцию корабля, я понял, что, пройдя через третью и четвертую палубы, можно попасть в отделение главных реакторов, а миновав их, — в отсек, где находился только недавно освоенный механизм, создававший внутреннее гравитационное поле корабля. Готовя себя всю жизнь к карьере астронавигатора, я конечно же не мог упустить возможности своими глазами взглянуть на это чудо. Свернув налево, я оказался в узком длинном проходе, отличавшемся от пройденного мною ранее коридора разве что своей узостью и наличием иллюминаторов по правому борту.

Я вновь подумал о Сис. То, что она для полета на Венеру выбрала именно пассажирский корабль класса "люкс", мне было совсем не по душе. Намного лучше я чувствовал бы себя на грузовом звездолете, с его винтовыми лестницами, крутыми трапами, карабкаясь по которым, без особых затрат времени можно было бы перебраться с одной палубы на другую. По крайней мере, все было бы точь-в-точь, как в моем доме на дне Мексиканского залива. Однако Сис всегда сама принимает решения. Нам, мужчинам, ничего не остается, как напустив на себя важный вид, согласиться даже с самым сумасбродным решением женщины.

Палуба номер три окончилась резким поворотом налево, и я оказался на палубе номер четыре, которая, как мне было известно, представляла из себя эвакуационное помещение с выходами на спасательные боты. Вдоль всего зала, под стеклянными колпаками стояли ничем не отличавшиеся друг от друга скафандры. Подойдя вплотную к одному из них, я прочитал выгравированную на стекле надпись:

"При несчастном случае, приводящем к снижению концентрации кислорода в атмосфере корабля, разбить стекло, извлечь скафандр и надеть его на себя согласно следующей инструкции."

Далее шла нудная инструкция, излагавшая последовательность надевания отдельных частей скафандра.

Пройдя через весь зал, я вышел к очередному проходу. Однако стоило мне приблизиться к нему, как сверху загорелись красные буквы: "Господа пассажиры! Извините, но дальше проход запрещен". Мысль о том, что я так и не достиг своей цели, показалась мне нестерпимой. Внимательно оглядев пройденный зал и заглянув в проход, я отметил, что, судя по всему, кроме меня здесь никого нет. Я сделал шаг вперед, табло загорелось еще ярче. "Ну, допустим, — рассуждал я, — что как пассажиру мне проход сюда запрещен, но пассажир ли я?"

На курсах Гражданского Образования, мне, как и другим моим сверстникам, основательно разъяснили, что быть гражданами Мира в наше время имеют право лишь женщины. Законодательно это было закреплено принятием в двадцатом году Исторического Акта Справедливости, лишившего мужчин права голоса.

Перед отлетом Сис подробно и терпеливо разъяснила мне мой статус на этом лайнере.

— Понимаешь ли, Фреди, — неторопливо вещала она, глядя по привычке в то место, где у меня могла бы быть шляпа, — с юридической точки зрения из нас двоих пассажиром являюсь только я. Будучи несовершеннолетней особой мужского пола, ты не в состоянии получить Земной паспорт и тем более Межпланетный. И все же ты летишь согласно этому документу.

Сис вынула из стола сложенный вдвое лист бумаги и протянула мне. Развернув его, я прочел буквально следующее:

"Багажная квитанция Мадемуазель Эвелин Спарлинг.

Шесть мест багажа неподвижных. Одно самопередвигающееся."

— "Самопередвигающееся" это... — я осекся.

— ...Это ты, мой мальчик, — ласково, насколько это было в ее силах, произнесла Сис.

Только теперь, вспомнив этот неприятный разговор, я по достоинству оценил все преимущества своего положения. Поскольку я не являюсь пассажиром, то и ограничения, наложенные на них, на меня не распространяются. Следовательно, я смело могу продолжить свой путь, и да-

же Сис, с ее железным, истинно женским логическим умом, не в состоянии будет убедить меня в том, что я не имею права этого делать.

Войдя в проход, я обнаружил в одной из стен, закрытый легкими шторами, иллюминатор. Раздвинув шторы, я опешил от открывшейся передо мной картины. За стеклом сияла черная бездна, густо усеянная яркими разноцветными звездами. Слева нависал огромный, раз в пять больший, чем он кажется с земли, диск Луны. Мне никогда еще не приходилось видеть ее так близко. Оттененная чернотой пространства Луна сияла ослепительным шаром, покрытая оспинами кратеров и гладью своих морей. От яркого света у меня начали болеть глаза, я задвинул штору и отошел от иллюминатора.

И все-таки самое интересное я увидел в конце прохода. За стеклянной полупрозрачной стеной ясно угадывались контуры ядерного реактора. Мне непременно надо было туда попасть. Внимательно осмотрев коридор, я увидел на одной из стен тонкую линию окружности, которая, в соответствии с моими представлениями об устройстве космических кораблей, могла обозначать только контуры двери. К моей глубокой досаде, я не обнаружил никаких кнопок, ручек и прочих устройств для ее открывания.

Судя по всему дверь была закрыта на применявшийся только в космосе акустический замок, реагирующий на определенное словосочетание. Испробовав практически все известные мне фразы, почерпнутые из космических боевиков, я уже было совсем впал в отчаяние, однако неожиданно в голову мне пришли слова, услышанные в новейшем телесериале "Капитан Али-Баба и сорок астропиратов":

"Двадцать три, двадцать три — Сезам отвори!"

Судя по реакции двери, ее создатели также не отрывались от видеосистем во время показа этого боевика. Прошло несколько секунд, прежде чем я осмелился осторожно заглянуть в образовавшуюся в стене черную дыру. То, что произошло дальше, длилось одно мгновение. Вынырнувшая из дыры волосатая рука, широкая, как мои плечи, сжала мое горло и затащила меня внутрь с такой легкостью и быстротой, как будто мой вес не превышал нескольких граммов. Еще через мгновение рука разжалась и я, услы-

шав стук захлопнувшейся двери, покотился по твердому полу. Вспыхнул свет. Первое, что я увидел, был ствол лучевого пистолета, направленный мне в лоб. Его хозяин сидел в метре от меня на стуле. Несмотря на всю необычность ситуации, самым необычным в ней был именно сидевший передо мной человек — мужчина огромного роста. На его покрытом темно-коричневым загаром лице резко выделялись ледяные голубые глаза. Его светлые, почти желтые волосы, перетянутые на лбу веревкой, спадали на плечи. Именно волосы особенно привлекли мое внимание. Такую прическу на Земле можно было увидеть разве что на картинках в книгах по истории. Согласно законам нашего времени, мужчинам разрешалось носить волосы не длиннее трех сантиметров. В исключительных случаях, по согласованию с Советом мудрейших женщин, эта длина могла быть увеличена до пяти сантиметров. Нарушение предписания каралось бритьем головы с последующей обработкой ее химическим составом, препятствовавшим дальнейшему росту волос. Мое мнение о том, что передо мной не землянин, укрепилось, когда я обратил внимание на его одежду — балахон, скроенный из куска темно-зеленой чешуйчатой материи с капюшоном. Выглядевшие из-под одежды волосатые ноги были обуты в туфли из этого же материала.

Постепенно меня начал охватывать ужас. Ствол лучевого пистолета в сочетании с ледяным взглядом незнакомца и его волосами, свидетельствовавшими о наплевательском отношении к самым святым Законам, не предвещали ничего хорошего. Всем своим видом он напомнил мне крокодила, готовящегося сомкнуть челюсти на теле жертвы.

— Мелкий, бесхвостый головастик, — услышал я его глухой голос, — всего лишь головастик.

Я с облегчением увидел, как лучевой пистолет скрылся в кобуре, висевшей на поясе незнакомца. Спрятав его, он скрестил руки на груди и начал изучать меня своими спокойными голубыми глазами, которые, как мне показалось, уже потеплели.

Я встал и, как учила меня Сис, протянул руку.

— Позвольте представиться, месье, мое имя Фердинанд Жан-Клод Спарлинг. Счастлив познакомиться... Мистер?... Мистер?..

— Конечно же, бесхвостый головастик, оказавшийся среди двуногих жаб, стремящихся получить самца для спаривания.

Несмотря на мой дружелюбный вид, руки его так и остались скрещенными на груди, зато в глазах читалось такое презрение, которое я видел разве что у Сис, когда она разговаривала с мужчинами.

— Я и моя сестра Сис... — начал было я.

— Так ты брат одной из этих самок, пытающихся свить себе гнездо по обычаю плоского человека?

— “Плоскими людьми” на Венере называют ее аборигенов, — неожиданная догадка осенила меня, — так вы житель Венеры? Интересно, какой ее части?

Незнакомец резко встал.

— Ты задаешь слишком много вопросов, сухоногий, — тихим голосом сказал он, и в его глазах вновь появился ледяной блеск.

— Я не сухоногий, — с достоинством произнес я, — и вообще мы из Форт-де-Мера.

— Я сказал — сухоногий, а не сухоногий. — Лед опять исчез из его взгляда, — а что это такое Форт-де-Мер?

— Форт-де-Мер — это самый прекрасный город на Земле, и сухоногими мы называем прибывших туда иностранцев. Я думаю, что у себя на Венере вы их называете сухоногими?

Он неопределенно кивнул, и я, воодушевленный его вниманием к моим словам, начал рассказывать ему то, что знал с раннего детства. Я повествовал о том, как исчерпались минеральные ресурсы на поверхности Земли, как остро встала перед человечеством проблема освоения запасов океана и как инженерный гений создал в его глубине на дне Мексиканского залива великий город Форт-де-Мер.

Он слушал меня не прерывая, хотя по выражению его лица, я понимал, что многое из того, о чем я рассказываю, ему уже известно.

Он несколько оживился, когда я сообщил ему, что мои родители были первой супружеской парой, обрученной в Форт-де-Мере. Я рассказал ему о том, что мы с Сис родились под стеклянным колпаком Супергорода, и наше детство прошло под шум насосов, нагнетавших воздух под этот колпак. Заметный интерес моего нового знакомого вы-

звало то место рассказа, где я упомянул о том, что наша мать — активная участница Революции Матерей, прошедшей после Третьей атомной войны — состоит в Совете мудрейших женщин и что именно она стала одним из инициаторов Акта справедливости, лишившего мужчин права голоса. А когда я наконец дошел до обстоятельств таинственного исчезновения моих родителей и их яхты в океане, он подошел ко мне, положил свою огромную руку мне на плечо и резко сжал его.

— После официальных похорон, — продолжал я, — Сис решила, что мы не можем долго оставаться на Земле. Да и какие у нее могли быть перспективы? Понимаете ли, принцип “одна из четырех” не оставлял ей практически никаких шансов.

— Что это за принцип — “одна из четырех”? — в его голосе зазвучало искреннее удивление.

— Принцип “одна из четырех” гласит: на Земле только одна девушка из четырех может найти себе мужа. Недостаток мужчин, способных воспроизводить потомство, возник в начале этого века. Атомные войны, радиация, понимаете ли... Многие разбежались по другим планетам, а те, что остались, в большинстве своем женщинами не интересуются. Да что говорить, в наше время иметь персонального мужа, способного выполнять супружеские обязанности, большая удача для любой землянки, даже если она является членом Совета Мудрейших женщин.

Я замолчал. Незнакомец неторопливо расхаживал по комнате, которая, как я уже выяснил, являлась спасательным ботом, и удрученно покачивал головой.

— Я никогда не думал, что земляне могут пасть так низко, и даже попав туда к вам, так до конца и не поверил в то, что увидел собственными глазами.

Произнеся эту фразу, он снова уселся на стул, и я услышал историю приключений жителя Венеры на Земле.

— Дело в том, головастик, — начал он свой рассказ, — что на Венере практически все население — мужчины. И мы, мужчины Венеры, сталкиваемся у себя с теми же проблемами, что и женщины на Земле. Только в отличие от Ваших самок, потерявших последние остатки гордости, мы никогда бы не пошли на такие специальные рейсы. Каждый из нас в одиночку пытается проникнуть на Землю,

подобрать там себе жену и без особого шума умыкнуть ее на Венеру. Моя беда, наверное, состоит в том, что я нигде не учился — времени не было, и, попав на Землю, даже не подозревал, что она является “сферой интересов женщин”.

Из его рассказа я понял, что неприятности у него начались сразу же после прибытия на Землю. Узнав о том, что как особь мужского пола он имеет право проживания только в специальном отеле, управляемом Правительством, и только после прохождения специальной процедуры, предполагавшей снятие отпечатков пальцев, сдачу на анализ крови и спермы, а также беседы с агентами Национальной безопасности, он попытался силой занять номер. Однако после короткой, но яростной схватки с персоналом отеля был вышвырнут со своим бараклом на улицу. Попытка подкрепиться в ближайшей закусочной также вызвала очередной инцидент. Официант, сказавший что-то неодобрительное по поводу длины его волос и выброшенный из окна за неуважительное отношение к посетителям, привел целую свору легавых.

Согласно традициям Венеры, истинные джентльмены, а именно к этой категории, несмотря на свое нулевое образование, относил себя мой новый знакомый, не должны сдаться полиции без, хотя бы формального, сопротивления. После короткой потасовки, в которой путешественник доказал славную приверженность к обычаям своей далекой родины, трое полицейских были отправлены в больницу, а сам он оказался за решеткой. На следующий день, представ перед Женским трибуналом, он с возмущением узнал, что имеет право разговаривать с ними только через адвоката-женщину, и список его преступлений пополнился еще одним — оскорблением суда. Все это дало возможность этим “стервам”, по его выражению, накрутить чудовищный штраф, который он все равно не смог бы выплатить, даже если бы у него были с собой деньги. Последней каплей в чаше его терпения стало то место приговора, где его обязали в принудительном порядке пройти курс Гражданского Образования.

— Вот тут-то, головастик, я понял, что задерживаться у вас мне уже нет смысла. Избавиться от трех соглядатаев, приставленных ко мне, было также несложно, как выло-

мать дверь камеры, в которой я содержался. По дороге я "одолежал" у легавых вот эту штуку, — он похлопал рукой по кобуре, — и теперь лечу домой в твердой уверенности, что никогда в жизни не рискну больше приближаться к Земле.

Его рассказ окончательно убедил меня в том, что передо мной сидит человек, злобно нарушивший наши законы и продолжавший их нарушать самим фактом своего пребывания на корабле.

Видимо, по выражению моего лица незнакомец понял мое состояние, что вызвало у него громкий добродушный смех. Должен признаться, что я никогда не сталкивался с преступниками, и страх перед ними я испытывал скорее теоретически, нежели практически.

Все-таки было в нем что-то такое, что мне очень импонировало. По сути дела, я впервые столкнулся с Мужчиной. Ведь, если быть искренним до конца, именно таким, как он, я представлял себя в будущем. Пока я размышлял над этим, незнакомец принялся чистить свой лучевой пистолет. В тот же миг я позабыл все свои сомнения и, как зачарованный, уставился на этот блестящий смертоносный предмет. Сис, как всегда, была права, когда утверждала, что такая мерзость, как оружие, оказывает на мужчин прямо-таки гипнотическое действие. Заметив мой интерес, мужчина прекратил чистку.

— Нравится? — спросил он, взвешивая пистолет на ладони.

— Ага, — будучи не в состоянии соврать, ответил я.

— Похоже, головастик, у тебя еще не все потеряно. А раз так, старина Батт поможет тебе избежать страшной участи — превратиться в тряпичную куклу этих двуногих похотливых жаб. Тебя-то как зовут?

— Фреди, — снова представился я, на этот раз уже не так официально.

— Тыфу! Такие имена мы даем венерианским котам. Я буду звать тебя Форд — и красиво, и на ту же букву.

— А Батт — твоя фамилия? — окончательно осмелев, спросил я.

— Не-е, Батт это имя. Вообще-то я Альбина Ли Браун. Дурацкое имя, но что поделаешь. Мой милый папа, наплодив девять мальчишек, твердо был уверен, что десятой

будет девка, и заранее придумал ей имя. Родился я. А папа, как и все в нашем роду, никогда не отступался от своих намерений.

— Так у тебя было много братьев? — одна эта мысль показалась мне фантастической.

— Да, целый выводок, однако почти все они погибли во время восстания Голубых в Нью-Чикаго от рук парней Мак-Грегора. Все, кроме меня, Саскачевани и нашего старшего брата Лабрадора. Но все-таки мы отомстили. Эта была великая охота. Всю жизнь буду помнить тот счастливый день, когда мы — я, Сас и Лаб испепелили Джона Мак-Грегора тремя лучевыми пистолетами.

Говоря это, Батт для наглядности поднял свое оружие и прицелился в дальний угол, явно собираясь продемонстрировать, как он убивал мерзавца Джона.

— Ты, вероятно, убил много людей?

Мой вопрос, очевидно, вернул Батта к действительности. Нахмурившись, он спрятал пистолет в кобуру.

— Знаешь, Форд, не все так просто, — он тяжело вздохнул, — я ведь простой мирный огородник. Конечно, иногда приходилось и убивать. Но не более дюжины, а пятерых плоскостопых членов правительства можно не считать. Уничтожать такую мразь — это почетная обязанность истинного джентльмена. Вот мой брат Сас...

Он едва успел начать рассказывать забавную, с его точки зрения, историю, случившуюся с его братом, как раздался звук сирены, приглашавшей на обед. Видя мое твердое намерение ценой отказа от еды не расставаться с ним, Батт все-таки счел необходимым напомнить мне, что молодой и растущий организм требует массу питательных веществ, да и сам он ничего не имеет против, если я принесу ему что-нибудь более приятное на вкус, нежели запасы спасательного бота, состоявшие из одних рыбных консервов. Чтобы быть более конкретным, Батт достал карандаш и через несколько минут вручил мне обширный список тех продуктов, которые он хотел бы сегодня вечером отведать. Насколько я успел заметить, Батт питал особое расположение к овощам. Почетное место в списке занимали морская капуста и кресс-салат, здесь также были произрастающие на Венере бурые водоросли и болотный виноград, а также много такого, о чем я в жизни не слышал.

Не буду описывать, каких трудов стоила мне доставка перечисленных продуктов, однако, когда к вечеру, нагруженный салатами, я возвратился к Батту, он щедро вознаграждал меня потрясающими рассказами о быте венерианских фермеров.

Прошло какое-то время, и мы с Баттом стали настоящими друзьями. Практически все свое время я проводил в его убежище, с восторгом слушая нескончаемые повествования о мужественных плоских людях, населяющих суровые просторы Венеры. Благодаря ему я выучил три воинственные песни жителей Равнин, узнал, что должен любить и ненавидеть истинный венерианский джентльмен. Он научил меня выявлять в толпе служащих сыскной полиции штата Нью-Каламазоо и отличать их от сыщиков штата Нью-Онтарио. После моих многократных просьб Батт объяснил мне принцип действия лучевого пистолета и так подробно растолковал его устройство, что я стал в совершенстве разбираться в назначении каждой детали — от крошечных круглых электродов до скрюченных витков трансформатора. Однако, несмотря на все это, мой новый друг категорически отказывался давать мне оружие в руки.

— Извини меня, Форд, — монотонно отвечал он на мою очередную просьбу, — принцип есть принцип: отдав свое оружие, ты становишься подобным гиганту, сердце которого заключено в яйцо, находящемся в руках врага. Когда ты станешь старше, и твой отец решит, что ты достиг возраста мужчины, он должен будет вручить тебе пистолет как знак твоего возмужания. А пока, увы, ты слишком мал для этого.

— Но у меня нет отца, — вспыхнул я, — у меня нет даже старшего брата, выполняющего роль главы семьи, как твой брат Лабрадор. У меня нет никого, кроме Сис. А после этого путешествия она прихватит себе на Венере какое-нибудь ничтожество, привезет его на Землю и станет главой семьи. Представить себе, что Сис когда-нибудь даст мне оружие, я просто не могу.

— Кстати, Форд, — сказал вдруг Батт, поднимаясь с кресла и потягиваясь так, что чешуя балахона вздулась и затрещала на мощных бицепсах, твоя Сис... как бы это сказать... ну, в общем она...когда-нибудь с кем-нибудь? Ты понимаешь, о чем я говорю?

Честно говоря, этот вопрос вверг меня в смятение. То, что Батт заинтересовался Сис, меня не удивило, слишком часто я упоминал ее в разговоре с ним. Однако прямо ответить на поставленный вопрос я был просто не в состоянии. Конечно, я многое знал о ней. Как и любая девушка, она хорошо разобралась в тонкостях водолазного дела, занималась политикой и была весьма известна в определенных кругах своей твердостью и четкостью мысли. Но то, о чем спрашивал Батт, было покрыто для меня тайной. Больше мы в этот вечер к этой теме не возвращались, а на следующий день произошло очень неприятное для меня событие, которое поставило под угрозу мои добрые отношения с Баттом.

Дело в том, что каждое утро в кают-компании лайнера какой-то ученый хорек читал лекции по географии Венеры. Основная масса путешественников их благополучно избегала, однако Сис считала своей обязанностью посещать все эти лекции, и, что у меня совсем не укладывалось в голове, вела конспект. Зная характер Сис, не стоит удивляться, что она настаивала и на моем присутствии на всех этих занятиях. До поры до времени под разными предложениями мне удавалось увиливать от этого пустого, с моей точки зрения времяпрепровождения, однако в этот роковой день даже самая изощренная ложь не помогла мне избежать посещения лекции.

Насколько я понял, она была посвящена наименее изученной части Венеры — Большому Материку.

— Известно, — расхаживая вдоль стены с картой Венеры, — вещал лектор, — что на территории Большого Материка не возделываются никакие сельскохозяйственные культуры, там растет в естественных условиях известный вам хуано — сильнодействующий наркотик, контрабандно доставляемый на Землю местными криминальными элементами.

— Извините, профессор, — все повернулись в мою сторону, — но вы ошиблись. Мне доподлинно известно, что хуано, или как его называют плоские люди, хэнго, произрастает на острове Лайф Эриксон и впервые был завезен на Землю именно оттуда экспедицией Ванга Ли.

Лектор с изумлением уставился на меня. Я же, гордый своими познаниями, победно оглядел аудиторию и

медленно, с чувством собственного достоинства сел в свое кресло.

— Да, конечно, — профессор был явно смущен, — хуано произрастает на острове Лайф Эриксон, однако есть все основания считать, что он растет также и на Большом Материке.

Через несколько минут, когда уже казалось, что все позабыли о происшедшем, я услышал у себя над ухом шепот Сис:

— Фреди, я должна поговорить с тобой после лекции.

Я оглянулся. Сис сидела с закрытым конспектом и внимательно смотрела на меня. Я понял, что совершил крупную ошибку, но было уже поздно. Разговор, а точнее допрос был теперь неизбежен.

Когда мы с Сис вошли в ее каюту, она захлопнула дверь и стала медленно рассказывать по комнате. Упреждая ее вопрос, я сообщил, что высказанные мною сведения я почерпнул в судовой библиотеке, где провожу практически все свое свободное время.

— Это похоже на правду, — признала Сис сухим голосом, медленно поправляя свои черные как ночь волосы, — и это могло быть правдой, если бы в библиотеке корабля нашлись книги, посвященные Венере. Но их нет и быть не может. Перед рейсом агент Правительства изъяла все книги, способные вскружить голову легковверным особам мужского пола, вроде тебя.

— Очевидно, эта плоскостная все-таки прошлепала одну, — сказал я и тут же осекся.

Сис села в кресло напротив меня.

— Как ты сказал?!

Я замялся.

— Можешь не повторять, я ясно слышала, ты произнес термин, употребляемый уголовниками Венеры.

— Но на Венере их нет! — закусив удила, я ринулся в бой.

— Кого это нет?

— Уголовников. Венера — планета честных и трудолюбивых людей.

Несмотря на то, что я уже понял всю пагубность своей болтовни, остановиться я уже не мог.

— Да, там живут настоящие, истинные герои, — продолжал я. — Ведь только герои могли обжить горящий ад

Венеры и создать цивилизацию, где ее, по вашим представлениям, не могло быть.

Я замолчал, чтобы перевести дыхание.

— Продолжай, это очень интересно.

Выражение глаз Сис напоминало взгляд изголодавшегося посетителя ресторана, которому наконец принесли бифштекс.

— Сис, — мой голос начал срываться, — я рассказал тебе все. И еще, прошу тебя, не называй меня больше этим дурацким именем Фреди.

Сис изумленно воззрилась на меня.

— А как же тебя называть?

— Форд, — выдав еще и это, я понял, что теперь мне уж точно не отвертеться.

— Форд? Форд?! Это еще что за собачья кличка? Сейчас ты мне все расскажешь!

Не стоит меня осуждать за то, что я все выложил. Так уж получилось, что по-настоящему обманывать Сис я не мог, да и потом, когда врешь человеку, который видит тебя насквозь, долго все равно не продержишься.

Немного легче я почувствовал себя, когда Сис пообещала мне никому не говорить о Батте, если я ее с ним познакомлю.

Дверь аварийного бота как всегда открылась на пароль "Сезам". Когда Батт увидел, что я не один, он рванул было пистолет, но узнав Сис по тем фотографиям, которые я ему показывал, успокоился и сунул оружие обратно в кобуру.

— Если не ошибаюсь, мисс Спарлинг? — заговорил вдруг Батт совершенно неестественным для него медовым голосом. — Польщен, не ожидал, милости прошу.

Мы вошли. Батт с неожиданной легкостью подскочил к двери и закрыл ее. Капюшон его балахона откинулся, и теперь Сис с изумлением взирала на его густые и лохматые волосы, ранее так удивившие меня. Закрыв дверь, Батт сделал два огромных шага и оказался рядом с ней. К ее чести должен сказать, что она даже не вздрогнула, когда громадная туша Батта (а Сис едва доходила ему до груди) оказалась прямо у нее перед глазами.

— Прежде всего, мистер Браун, — проговорила она с видом школьной учительницы, наставляющей нерадивого

ученика, — знаете ли вы, что, находясь без разрешения на борту этого корабля, не заплатив за перелет и потребляя продукты, предназначенные для пассажиров, вы совершаете преступление?

По выражению лица Батта я понял, что он не ожидал такого поворота событий.

— Я вижу, вам нечего сказать в свое оправдание, — в голосе Сис появились язвительные интонации.

Наконец Батт пришел в себя и заговорил, тщательно взвешивая каждое слово.

— Несчастной станет наша планета, когда сотни таких, как вы, достигнув ее, начнут наводить свои порядки.

— Не так уж плохи эти порядки по сравнению с теми, которые прежде устанавливали на Земле вы, мужчины, — Сис явно села на своего любимого конька, однако, почувствовав, что Батт уклоняется от ответа на ее вопрос, спохватилась. — Так все-таки, мистер Браун, как вы объясните свое безбилетное путешествие и кражу продуктов на борту корабля?

— Послушайте, — сказал Батт после недолгого молчания, — так уж случилось, что у меня нет с собой денег для того, чтобы заплатить за проезд и получить обратную визу. Кроме того, не буду скрывать, на Земле меня и так ждет тюрьма. Поэтому тот способ путешествия, который я избрал, представляется мне единственно возможным. Что касается моего питания, то вы не хуже моего знаете, что спасательные боты загружают пищевыми запасами (если это можно назвать пищей) в значительно большем количестве, чем это необходимо.

— А то, что вы вовлекли ребенка, — Сис ткнула пальцем в мою сторону, — во все это, заставляете его воровать и, что еще страшнее, покрывать вас! Это что, не преступление?!

— Сис, — я вмешался в разговор, — но он здесь ни причем. Все, что я приносил ему...

— Смотрите! — голос ее дрожал, — из-за вас он врет мне, своей старшей сестре! Вы преступник, мистер Браун, и должны быть немедленно арестованы!

— Мисс Спарлинг, я, конечно же, могу признать себя преступником, но что это меняет? — голос Батта вновь приобрел медовый оттенок, — давайте подойдем к этой

проблеме с другой стороны. Я летал на Землю в поисках жены, вы летите на Венеру в поисках мужа... Что касается меня, то я согласен на наш брак.

Казалось, что рядом разорвалась бомба.

— То есть?.. Как это понимать?.. Вы хотите, чтобы я?!

Сис задыхнулась от возмущения.

— Разве я непонятно объяснил? — Батт, судя по всему, был искренне изумлен. — Я считаю, что мы должны пожениться. Поверьте, я давно уже все обдумал. Насколько я понимаю, Форд сообщил вам о моем интересе к вашей персоне. Вы сильная, прекрасно сложенная девушка, у вас хорошие генетические данные. Вы неплохо разбираетесь в технике, умеете плавать под водой. А что касается характера, то не думаю, что он намного хуже, чем у остальных самок на борту вашего корабля.

— Сис, скажи ему “да”, — как бы сквозь сон услышал я собственный голос.

Но Сис уже пришла в себя.

— Интересно, откуда у вас такая уверенность, что вы подходите мне как муж? — в ее голосе чувствовалось явное презрение.

Батт, казалось, этого не замечал. Дружеским жестом он обнял ее за плечи.

— Я думаю, что если бы ты искала себе в качестве мужа комнатную собачку, то могла бы найти ее и на Земле. Таких там хватает. Но раз ты летишь на Венеру, значит тебе нужен настоящий мужчина. Считаю, что ты не ошиблась в своем выборе. Я владею тремя островами на архипелаге Гаперте, а мои плантации клюквы самые прибыльные на всей Венере. Я силен, не имею вредных привычек. К тому же подумай, какую сенсацию ты произведешь на этом корабле, объявив, что уже нашла мужа!

Последовала довольно долгая пауза. Сис отступила на несколько шагов и медленно измерила Брауна взглядом. Батт терпеливо ждал, когда ее взгляд с его сапог доберется до шевелюры на голове.

Если бы кто-нибудь знал, что в этот момент испытывал я! Мои мечты уже простирались на плантации архипелага Гаперте, и мысль о том, что Батт может стать моим братом, казалась мне пределом мечтаний.

Увы! Увлекаться не стоило. Уж слишком хорошо я знал Сис. По крайней мере, когда она снова заговорила, ее голос звучал все так же раздраженно.

— Вы отдаете себе отчет, мистер Браун, что основные достоинства мужчины заключаются не только в его умении выращивать клюкву, как и достоинства женщины не определяются умением плавать под водой?

— Еще бы! — Батт приблизился к Сис. — И я считаю, что на этот счет у каждого из нас должно сложиться определенное мнение о партнере.

Прежде чем Сис поняла, о чем он говорит, Батт ловко прижал ее к себе, накрыв своими огромными ручищами ее стройную прямую спину.

Я был поражен тем, что моя строгая и сильная сестра даже не попыталась освободиться от его объятий. Когда же его руки опустились, Сис отступила на шаг и молча облизнула губы. Пауза затягивалась.

Браун заговорил первым.

— Что касается меня, то ты мне подходишь.

Сис молча сделала еще один шаг назад, потом повернулась и вышла, резко захлопнув дверь.

— Батт, — я решил прервать молчание, — по-моему Сис — это не то, что тебе нужно. Не забывай, что хоть она и кажется слабой и беспомощной, все-таки у нее есть привычка разговаривать с мужчинами свысока.

Батт медленно опустился на кушетку.

— Знаешь, Форд, меня это нисколько не смущает, — на его лице появилась философская улыбка. — Со мной многие пытались разговаривать свысока... Нет. — Он улегся на спину и уставился в потолок, — я думаю, мы смогли бы договориться. Кроме того...

Батт не успел договорить, как мы услышали в коридоре топот множества ног. Дверь открылась, и на пороге показался капитан корабля, из-за спины которого выглядывали озабоченные мужские лица, очевидно, принадлежавшие членам экипажа. То, что произошло дальше, длилось считанные секунды. Я бросился к двери и врезался в капитана, оказавшись вместе с ним на полу. На мгновение обернувшись, я увидел, что Батт держит дверь под прицелом своего лучевого пистолета. Потом дверь закрылась. Я оказался в толпе, состоявшей из команды и пассажиров. Туч-

ный низкорослый капитан, увешанный нашивками, свидетельствовавшими о миллионах миль, пройденных им в космосе, пыхтя и мерзко ругаясь, поднимался с пола. За ним, наблюдая эту сцену, стояли Сис, комиссар рейса и второй пилот. К моему изумлению, никто не обращал на меня никакого внимания.

— Ленивые, паршивые трусы! Я требую, чтобы вы арестовали этого негодяя, — услышал я пронзительный крик своей сестры.

— Понимаете ли, мисс, — низкий раскатистый голос капитана не соответствовал его добродушной внешности, — я и господин комиссар не видим необходимости в немедленном задержании этого субъекта. Полагаю, в данный момент мы могли бы ограничиться фиксацией в судовом журнале этого происшествия, а впоследствии, после прибытия на Венеру, безбилетник будет задержан местной полицией.

— Он совершенно прав, мисс Спарлинг, — включился в разговор комиссар. — Не забывайте, что мистер Браун, или как там его, вооружен, а на нашем корабле оружия нет.

Реакция Сис на эти слова вполне соответствовала ее характеру. Удар ее тонкого каблукчика пришелся прямо в колено бедного комиссара. Он взвизгнул и отскочил к противоположной стене.

— Капитан! — голос Сис зазвучал твердо и сурово, — или вы арестовываете этого мерзавца, или это ваш последний рейс.

Капитан тяжело вздохнул, снял фуражку, обтер рукой запотевшую лысину и медленно подошел к двери, за которой скрылся Батт.

— Мистер Браун, я очень прошу вас выслушать меня, — голос его задрожал. — При мне нет оружия, единственное, что я хочу, — это поговорить с вами.

— Если вам необходимо оружие, вы можете попробовать его взять у меня, — раздался из-за двери могучий голос Батта, — однако, я не советовал бы вам этого делать.

— Вы зря так подумали, мистер Браун, мы не собираемся нападать на вас. Что же касается меня, то я прекрасно понимаю, что значит иметь дело с человеком из рода Браунов из Нью-Каламазоо.

— Раз так, то можете заходить. Но только один! — В голосе Батта явно звучала угроза.

Капитан назвал пароль, и через несколько секунд дверь, пропустив его, закрылась за его спиной. В коридоре воцарилась тишина. Все напряженно ждали, чем закончатся переговоры.

— О чем они говорят? — наконец прервала молчание Сис.

— Очевидно, мистер Ли Браун заказывает капитану яичницу с жареной картошкой, — съязвил второй пилот.

Он повернулся и сказал комиссару, все еще державшемуся за свое колено:

— Вы помните, господин комиссар историю диспута семьи Браунов с полковником Леклерком в Ваг-де-Шалер?

— Одиннадцать трупов, шестьдесят четыре раненых, — машинально выдал тот, — и почти полная капитуляция войск полковника.

Прошло не менее получаса с того момента, как капитан начал переговоры с Баттом. Наконец дверь отворилась, и мы услышали его торжествующий голос.

— Мистер Браун! В силу своего положения и в соответствии с законом я арестовываю вас за нарушение статей шестнадцать-двадцать Кодекса о космических перевозках, а также за нарушение приложения к Закону о поведении особей мужского пола. Я отдаю распоряжение о взятии вас под стражу вместе со всем вашим имуществом, как предусмотрено разделами сорок один и сорок пять...

— Сорок три и сорок пять, — громко поправила Сис капитана.

Затаив дыхание, все ждали ответа Батта. Прошло некоторое время, однако хлопков, характерных для стреляющего лучевого пистолета не было слышно. Неожиданно на пороге появился Батт. Медленно обведя глазами присутствующих, он прошел мимо нас по коридору. За ним торжественным шагом двигался капитан. Проходя мимо, Батт неожиданно, с видом заговорщика, подмигнул мне. Реакция пассажиров на появление Батта резко контрастировала с поведением Сис. Расталкивая членов экипажа, они ринулись к нему, как акулы к раненому киту.

— Неужели на Венере все мужчины такие?! Теперь мы знаем, какого мужчину мы хотим!!!

Команда, заняв круговую оборону, с трудом проталкивала Батта сквозь толпу возбужденных пассажиров. В это время кто-то взял меня за руку. Я поднял глаза и увидел Сис. На ее лице застыла гримаса отчаянной злобы.

— Уйдем отсюда, Фреди, мне противно смотреть на этих шлюх!

С этими словами она потащила меня по коридору и в конце концов затолкнула в свою каюту. Только теперь, когда мы остались одни, меня наконец-то прорвало.

— Как ты могла, Сис! — закричал я. — Ты же дала мне слово! Из-за тебя я оказался предателем!

Первый раз в жизни у меня появилось желание ударить ее.

Пока я тренировал свои голосовые связки, Сис совершала хождение по кругу в таком быстром темпе, как-будто хотела достичь Венеры пешком.

— Да, я помню, что обещала, но этот подлец вынудил меня к этому, Фреди!

— Не называй меня, Фреди, теперь я Форд!

— Тебя зовут Фреди, и ты должен унять свою злость, которая тебе не к лицу!

Сис резко остановилась и вдруг неожиданно положила руки мне на плечи.

— Ничего страшного не произошло, — голос ее был мягким и, как мне показалось, в нем зазвучали несвойственные моей сестре нотки смущения. — Пройдет несколько дней, и мы позабудем об этой истории. Поверь мне, Фреди, действительно, после того как ты представил мне мистера Брауна как человека глубоко порядочного, по недоразумению попавшего в беду, я, несмотря на его варварские воззрения на отношения полов, готова была сдержать слово. Мало того, я была уверена, что мне удастся убедить его в ошибочности его взглядов и заставить согласиться с теорией превосходства женщин над мужскими особями. А вместо этого я услышала дерзкий вызов в виде предложения выйти за него замуж. Я даже стерпела этот поцелуй...

Я вдруг почувствовал, что руки Сис, лежавшие у меня на плечах, слегка задрожали.

— ... А это был настоящий поцелуй, — она глубоко вздохнула, — это было... омерзительно! Но я готова была простить ему и это. В конце концов, мужчины давно до-

казали, что они способны на любые глупости. Но когда он заявил, что он ... меня выбрал...

Сис не успела договорить, как в дверь постучали. Не дождавшись приглашения, в каюту вошел капитан и тут же направил на меня знакомый до боли лучевой пистолет.

— Фердинанд Спарлинг! — торжественно начал он, — настоящим сообщаю, что властью, предоставленной мне законом, с этой минуты я лишаю вас свободы до прибытия на Землю. Согласно разделу сорок первому и сорок пятому!

— Сорок третьему и сорок пятому, — машинально поправила его Сис. — Но капитан! Вы же дали мне слово не выдвигать обвинений против моего брата!

— Сорок первому и сорок пятому, — повторил капитан, не отрывая взгляда от меня, — Кодекса Аниты Мэсон, я сверил, мисс, за укрытие беглого преступника и оказание помощи безбилетному пассажиру, как требует того Межпланетная инструкция в случаях, не терпящих отлагательств. Официальный арест состоится по прибытию в космопорт Венеры, Нью-Каламазоо, где Браун будет задержан как гражданин Венеры, а вы с вашим братом будете отправлены на Землю для выяснения всех обстоятельств дела и для предания суду.

— Но это же подлю, — Сис готова была заплакать, — я вложила все свои сбережения в этот полет. Вы не имеете права не выпустить меня на Венеру!

— Еще как имею. Как человек, занимающий столь ответственный пост, — вы же это прекрасно знаете, мисс Спарлинг!

Сис с убитым видом села на кушетку. Капитан, немного постояв, сел рядом.

— Честно говоря, мне очень обидно, что так случилось, мисс Спарлинг. Зная вас как порядочного человека, я искренне хотел бы помочь вам, но боюсь, что выход, который я могу вам предложить, будет для вас неприемлем.

— А что, возможен какой-нибудь выход из всей этой истории? — встрепелась Сис.

— Возможно два выхода. Первый: мы возвращаемся на Землю, Фреди идет под суд, однако, учитывая, что он находится здесь на положении багажа, вся ответственность ложится на вас... Ради бога, мисс Спарлинг! — капитан

подхватил под руку готовившуюся уже упасть Сис, — есть еще второй выход!

— Какой?... — казалось, что моя сестра медленно прощается с жизнью.

— Как бы это вам сказать? Вы выходите здесь, на корабле, замуж.

Сис восторженно и удивленно уставилась на капитана.

— Да, мисс. Вы выходите замуж за мистера Брауна. Он автоматически получает паспорт как член семьи землянки, а по прибытии в космопорт вы оплачиваете его проезд. Штрафы, к которым он был приговорен на Земле, я думаю, мистер Браун сможет оплатить сам. Не такой уж он нищий, каким пытается выглядеть.

— Да вы в своем уме, капитан? — возмущенно вскричала Сис, хотя ее возмущение показалось мне несколько наигранным. — Выйти замуж за этого длинноволосого дегенерата?!

Капитан пожал плечами.

— Видите ли, мисс Спарлинг, в этом деле имеется еще одна деталь. Ни я, ни члены моей команды не хотели бы портить отношения с семьей Браунов. Их влияние на Венере настолько велико, что, боюсь, после этого случая мне с моим экипажем придется менять место работы. А впрочем, мне надоело вас уговаривать. Я жду вашего решения, мисс Спарлинг, или тюрьма или ...

— Вы сказали, что мистер Браун — крупная фигура на Венере? — Сис, кажется, задумалась.

— И очень состоятельный человек. Он относится к той группе молодых людей, которые управляют Новым Обществом планеты Венера. И то, что мистер Браун — наиболее желанная добыча для любой женщины, это факт. Достаточно посмотреть, как женщины на этом корабле осаждают каюту, где он находится.

Сис молчала, глубоко задумавшись.

— Думайте, думайте, мисс Спарлинг, — в голосе капитана ясно чувствовалось нетерпение. — Лайнеры "Мария Кюри", "Королева Виктория", набитые до отказа пассажирами, стремящимися найти себе мужей, за три часа до нас достигнут Венеры. Дефицит невест на этой планете надолго будет ликвидирован...

— Капитан! Я могу с ним поговорить?

По тону Сис я понял, что она уже приняла решение.

— Конечно же, мисс! Сто семьдесят восьмая каюта. Охрана предупреждена, что вы имеете право освободить его.

Сис поднялась и медленно скрылась за дверью.

— Слава богу, сынок.

Я посмотрел на капитана и увидел, что он улыбался.

— Да сядь же ты наконец!

— Благодарю вас, сэр. Но сначала отведите от меня пистолет.

— Сказать по правде, мистер Браун не объяснил мне, как им пользоваться.

Выяснилось, что капитан впервые держал в руках оружие. Воспользовавшись этим, я смог показать свою эрудицию и объяснил ему принцип действия лучевого пистолета. Я даже продемонстрировал его свойства, и только благодаря совершенной системе пожаротушения мы не сожгли каюту.

Дверь открылась без стука, и вошел сияющий от счастья Батт.

— Все в порядке, капитан! Мисс Спарлинг дала согласие стать миссис Браун. Правда, мне пришлось пообещать ей место шерифа архипелага де-Галерте. Так что, головастик, — сказал он, уже обращаясь ко мне, — готовься к венерианской свадьбе. Клянусь, что ничего более красивого ты еще в своей жизни не видел!

— Батт! — я знал, что моя реакция покажется ему странной, но ничего не смог с собой поделать. — Зачем ты это сделал? Вокруг много женщин с характером, намного лучше, чем у Сис. Нет женщины упрямее, чем она.

— То же самое мне говорил и капитан. Но что делать, я тоже упрям. И раз я решил, что женюсь именно на ней, то не отступлюсь от задуманного!

— Но зачем обещать ей место шерифа? Получив эту должность, Сис, в соответствии со своими убеждениями, может натворить такого...

Батт продемонстрировал свою обаятельную улыбку.

— Она будет шерифом! Шерифом самой кровожадной банды... из двух человек — тебя и меня.

Рейс приближался к концу. Мы с капитаном стояли у иллюминатора и смотрели на огромный шар Венеры, которого нам предстояло коснуться через несколько часов. Справа от нас появились навигационные огни корабля, тоже приближавшегося к Венере. Огни нарастали, и скоро перед нами предстало великолепное зрелище огромного космолайнера, зависшего над ярко-серебряными облаками планеты.

— Смотри, — неожиданно произнес капитан, — это самый современный и самый скоростной корабль нашего времени. Совсем недавно он принадлежал мистеру Брауну и назывался "Юнион Джек", но в честь тех, — лицо его стало задумчивым, — благодаря кому он мне достался, я назову его "ФренСис".

**ЧИСТО ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ
ТОЧКА ЗРЕНИЯ**

THE HUMAN ANGLE

Ballantine Books

New York

1956

— Ну что за дорога! Что за подлый, отвратительный, слепящий дождь! И что за нелепое, невероятное поручение! — Так яростно ругался Джон Челленджер, обращаясь, по-видимому, к запотевшему ветровому стеклу, с которого “дворник” монотонно стирал капли дождя. Он пристально вглядывался в мутный треугольник стекла, пытаясь разобрать, где кончается разбитая деревенская дорога и начинается перезрелая осенняя растительность. Медленно продвигающиеся по обочинам люди были настроены явно враждебно, но мысль о том, что предстоит свернуть на проселочную дорогу и ехать по совершенно забытым богом и людьми местам, была невыносима. В глубине души он надеялся, что до этого не дойдет.

Что за поручение!

— Взгляните с чисто человеческой точки зрения на эту охоту на вампира, — напутствовал его Рэнделл. — Все остальные агентства будут подавать материал, опираясь на деревенский быт, разглагольствуя о средневековых суевериях в нашем атомном мире. Что за тупицы! Старайтесь избежать этого. Найдите какой-нибудь оригинальный жалостливый подход, выплачьте тысячи три слов. Да, денег расходуйте поменьше — этой хитрой деревенщине непременно захочется обжулить городского простачка! И вот, оседлав свой конвертибль, он едет туда, где жили его бабушки и дедушки и где никто не разговаривает с незнакомцами, “особливо сичас”, когда вампир “уже порешил троих”. И никто не назовет даже имен этих троих, а Рэнделл забросает его телеграммами, требуя прислать хоть какую-нибудь информацию.

Ему до сих пор не удалось найти ни одной болтливой деревенской дурочки, но он с удивлением обнаружил пол-

ное отсутствие мужчин во всей округе. Это могло означать только невероятный разгул охотничьих страстей, охвативших весь район. Было невероятно трудно ехать даже на второй скорости, на любой другой ужасная дорога вообще бы не позволила двинуться с места. Ухабы всерьез грозили поломкой рессор. Челленджер вытер влагу со стекла носовым платком и пожалел, что у него всего одна пара фар — видимость была почти нулевая.

Вот, например, какое-то темное пятно впереди. Возможно, это один из охотников на вампира. Или какой-нибудь зверь, которого выгнали из зарослей.

О, боже!

Он нажал на тормоза. Это была девочка. Маленькая темноволосая девочка в синих джинсах. Он опустил боковое стекло, и высунул голову под дождь.

— Эй, малышка! Подвезти?

Ее взгляд скользнул по машине и остановился на водителе. Она задумалась. Хромированная машина послевоенного производства была ей, видимо, в диковинку. Будет о чем вздох рассказывать подружкам. К тому же ехать в машине гораздо приятнее, чем брести по колено в грязи под дождем. Она кивнула и, осторожно обойдя машину спереди, забралась на правое сиденье.

— Спасибо, сэр.

Должно быть, ей было ужасно холодно в обтрепанной мокрой одежде, но она старалась не показывать этого со стоицизмом, характерным для сельских жителей. Но в глазах ее стоял страх. Сгорбившись, упираясь руками в колени, она забилась в дальний угол сиденья у самой двери. Что могло так напугать эту крошку? Конечно же, вампир.

— Ты далеко собралась? — спросил он ласково.

— Да, около полутора миль. Вон по той дороге.

Она показала через плечо пухлым пальчиком. "Довольно полненькая, — подумалось ему. — Намного полнее толстых детишек поденщиков. И гораздо красивее их. Но, конечно же, лет в шестнадцать она выйдет замуж за какого-нибудь неграмотного увальня и будет тяжело трудиться в убогом хозяйстве. И станет такой же, как все здешние изможденные женщины..." Он развернул машину и двинулся назад. Нельзя же бросить на дороге ребенка! Сначала нужно отвезти ее домой. Кроме того, он не очень-то

рассчитывал взять интервью у кого-либо из этих неподвижных фермеров с заостренными кольями и серебряными пулями в дробовиках.

— А что выращивают твои родители — хлопок или табак?

— Они еще ничего не посадили. Мы недавно сюда приехали.

— Да? — сказал он.

Все было верно. Говорила она без характерного для этих мест акцента. Да и вид имела более пристойный, чем большинство детей, с которыми ему пришлось здесь встретиться.

— Но не слишком ли позднее время ты выбрала для прогулки, малышка? Твои родители не боятся выпускать тебя так поздно, когда где-то здесь бродит вампир? — Девочка вздрогнула.

— Я... я осторожно, — ответила она наконец.

Вот тебе и на! Чисто человеческая точка зрения, о которой говорил Рэнделл. Напуганный ребенок, у которого достаточно любопытства, чтобы проглотить комок страха и выйти погулять именно в такой вечер. Он еще не знал, как расставить все это по своим местам, но безошибочное чутье журналиста подсказывало, что на заднем сиденьи машины сторбился в страхе источник необходимой информации.

— А ты знаешь, что такое вампир?

Она озадаченно посмотрела на него, потупила глаза и долго рассматривала свои руки, подбирая слова.

— Это... это что-то вроде кого-то, кому нужны в пищу люди... — Робкая пауза. — Не так ли, сэр? — Ответ был хорош. Войди в доверие к ребенку — и вот тебе свежая точка зрения, не испорченная расхожими суевериями. Как это она сказала: "Кому нужны люди в пищу".

— Считают, — продолжил Челленджер, — что вампир бессмертен, то есть не совсем бессмертен, а не умирает, если получает кровь и живительные соки из людей. Единственный способ убить такое чудовище...

— Поверните, пожалуйста, налево, сэр, — перебила она.

Он свернул на узенькое ответвление проселочной дороги. Потревоженные мокрые ветви стучали в ветровое стекло, листья с неприятным звуком скользили по матерча-

тому верху машины. Журналист прижался лицом к ветровому стеклу, пытаясь разглядеть в слабом свете фар теряющуюся среди кустов двухколейку.

— Да уж, твои родители в прямом смысле этого слова начинают на голом месте... Так вот, единственный способ убить вампира — это застрелить его серебряной пулей. Или вогнать в его сердце кол и похоронить в полночь у разветвления дорог. Это и собираются сделать сегодня местные мужчины, если поймают его.

Сзади раздались приглушенные всхлипывания. Он повернул голову.

— В чем дело?

— Мне кажется, что это просто ужасно!

— Почему же? Или ты думаешь, что было бы правильным оставить его в живых?

Она задумалась, затем улыбнулась и кивнула.

— Да. Живи сам и дай жить другим. Ведь... ведь некоторые люди просто ничего не могут с собою поделать. Я хотела сказать, — голос девочки звучал уверенно, — что если человек — вампир, то это не его вина.

— Это ты здорово рассудила, малышка. — Он вновь приподнялся, чтобы возобновить изучение того, что считалось здесь дорогой. — Только тут есть одно затруднение: если веришь во всякое, вроде вампиров, то очень трудно представить себе, что с ними может быть связано хоть что-нибудь хорошее. Они представляются чем-то очень мерзким. Тем более, этот вампир убил троих детей. Местные жители ненавидят его и хотят уничтожить. Если только есть на свете такие существа, как вампиры, я повторяю: если только есть на свете вампиры, и те ужасные вещи, что им приписывают, в самом деле произведены их руками или зубами, то я согласен с тем, что хорош любой способ, которым можно с ними покончить. Понимаешь?

— Нет! Нельзя протыкать людей колыями!

Челленджер рассмеялся.

— А я разве говорю, что можно? Лично я никогда не смог бы такое совершить. Однако, если бы это коснулось меня лично, то, думаю, я смог бы подавить в себе брезгливость на время, пока часы бьют двенадцать.

Он замолчал и отметил про себя, что этот ребенок, пожалуй, весьма развит для того окружения, в котором рос.

Похоже, она не подвержена суевериям, а вот он разглагольствует о черной магии. Это было ошибкой, которую необходимо исправить.

— Хуже всего то, что большое количество взрослых людей, которые верят в существование вампира, разбреюсь по округе, считая, что именно сегодня вампир вышел на охоту. А кончится это тем, что они спугнут какого-нибудь бродягу и прикончат его самым отвратительным способом по той только причине, что он не сможет вразумительно объяснить, почему бродит по полям в этот вечер.

Девочка молчала, задумавшись. Челленджеру понравилась ее серьезность. Чувствовала она себя уже посвободнее и сидела уже не так далеко от него. Интересно, откуда у детей появляется уверенность в том, что ты не сможешь причинить им никакого вреда? Даже у деревенских, особенно у деревенских. Может быть, потому, что они ближе других живут к природе! Завоевав ее доверие, он поверил в себя. Неделя жизни среди этих молчаливых невежд, как две капли воды похожих друг на друга в откровенном проявлении своего высокомерия по отношению к нему, сделала его несколько нерешительным. Теперь же он почувствовал себя лучше. И наконец нашел то, что станет стержнем его репортажа. Единственное, что потребуется сделать, — это несколько “причесать” девочку, преобразить ее в заурядного деревенского ребенка, худого и неприступного, говорящего на местном диалекте. Задание Рэнделла выполнено!

Девочка придвинулась еще ближе, едва не касаясь его бока. Бедное дитя! Тепло его тела несколько смягчило холодную влажность ее джинсов. Челленджер пожалел, что в машине нет печки. Дорога полностью исчезла в переплетении кустарника и искореженных деревьев. Он остановился и включил задние габаритные огни.

— И ты здесь живешь? Похоже на то, что люди не забредали сюда годами! — Местность показалась ему мрачной, заброшенной.

— Да, я живу именно здесь, сэр, — прозвучал ему прямо в ухо тоненький голосок. — Вон в том домике.

— Где? — Он протер ветровое стекло и прищурился. — Я не вижу никакого домика.

— Там, — ее пухлая ручонка поднялась и указала куда-то в темноту. — Вон там.

— Ничего не вижу...

И вдруг уголком глаза он случайно заметил, что ладонь ее покрыта блестящими бурыми волосками. Очень странно...

Покрыта блестящими бурыми волосками!

Ее ладонь!

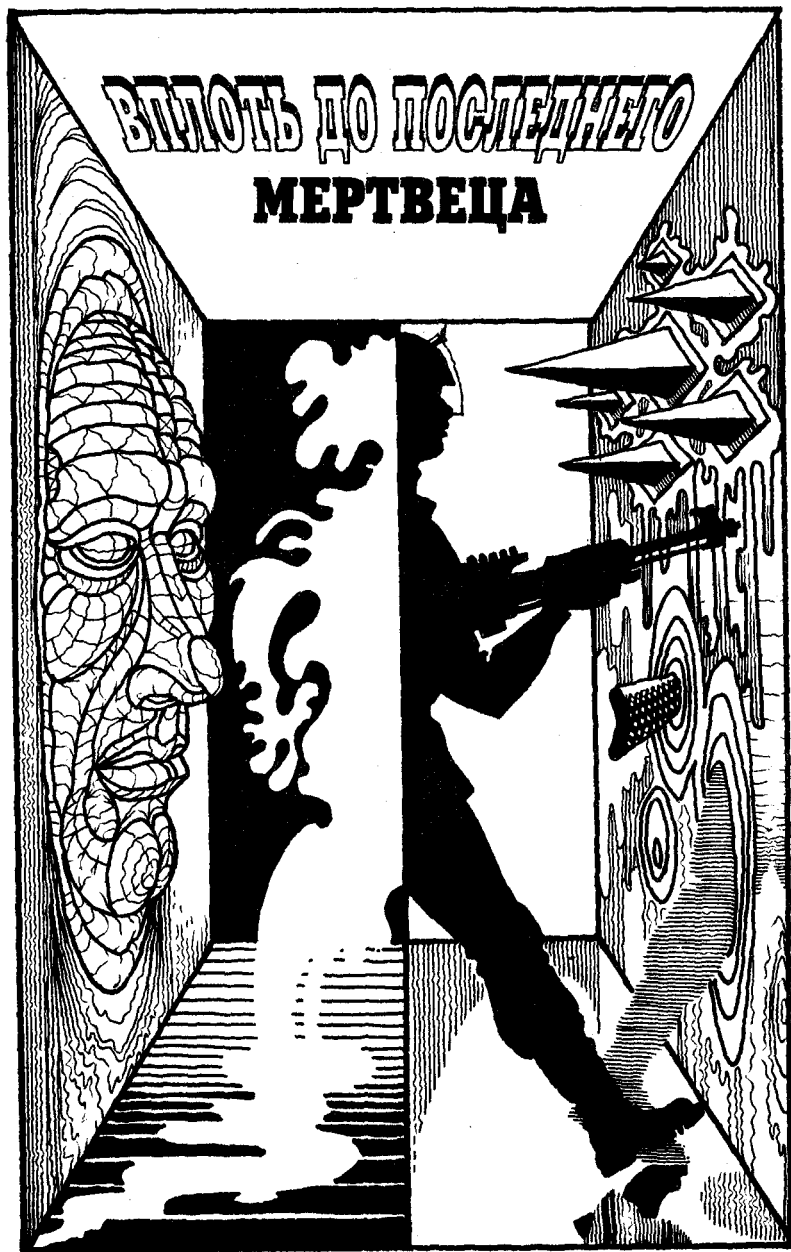
А что же бросилось в глаза в отношении формы ее зубов?

Он хотел было присмотреться...

Но не успел.

Потому что зубы впились уже в его горло...

**ВПЛОТЬ ДО ПОСЛЕДНЕГО
МЕРТВЕЦА**

DOWN AMONG THE DEAD MAN

Ballantine Books

New York

1955

Я стоял перед наружными воротами Утилизатора, чувствуя, как к горлу медленно подступает тошнота. Такое уже было, когда на моих глазах целая земная флотилия — около двадцати тысяч человек — была вдребезги разбита во время Второй Битвы у Сатурна более одиннадцати лет тому назад. Тогда на моем экране плыли в пустоте искореженные обломки кораблей, в ушах звучали воображаемые вопли тысяч людей. Как бы в оцепенении смотрел я на быстро растущее изображение угловатого эотийного звездолета, пробивавшегося сквозь скопления дрейфующих в космосе обломков. Струи ледяного пота, как змеи, обвивали мои лоб и затылок. Теперь же перед моими глазами было всего лишь большое прямоугольное здание, ничем не отличавшееся от сотен таких же заводских зданий в рабочих пригородах Чикаго. Обычное производственное сооружение, окруженное просторными испытательными полигонами и обнесенное высоким забором с закрытыми воротами. Вот и все, что представлял из себя Утилизатор внешне. И все же пот на теле и спазмы в желудке у меня были куда больше, чем во время любой из страшных битв, свидетелем которых мне довелось быть и которые стали главной причиной возникновения подобного заведения.

Я пытался убедить себя, что все вполне разумно, что мои ощущения — просто материализация страхов многих поколений предков, внутренне присущий каждому отказ принимать это. Но от таких мыслей легче не становилось, и я все не решался подойти к часовому у ворот.

Уже почти овладев собой, я заметил у забора огромный жестяной контейнер, из которого исходила едва уловимая вонь, а на крышке было написано яркими красками:

**“НЕ ВЫБРАСЫВАЙТЕ ОТХОДЫ.
ВСЕ ОТХОДЫ ПОМЕЩАЙТЕ СЮДА.**

ПОМНИТЕ:

**ВСЕ, ЧТО ИЗНОШЕНО, МОЖЕТ БЫТЬ ВОССТАНОВЛЕНО;
ВСЕ, ЧТО СЛОМАЛОСЬ, МОЖНО ПОЧИНИТЬ;
ВСЕ, ЧТО ИСПОЛЬЗОВАНО, МОЖНО ИСПОЛЬЗОВАТЬ ЕЩЕ РАЗ.**

ВСЕ ОТХОДЫ ПОМЕЩАЙТЕ СЮДА.

Служба сохранения”.

Я видел такие прямоугольные, разделенные на отсеки ящики и такие же надписи в каждом бараке, в каждом госпитале, в каждом реабилитационном центре между Землей и поясом астероидов. Мне представилось, что такие же, только покороче, надписи имеются и внутри здания. Типа: “Чтобы победить врага, необходима мобилизация всех ресурсов. Именно отходы являются нашим главным источником сырья”. Было бы очень оригинально именно это здание испещрить подобными плакатами. Все, что поломано, можно починить...

Я согнул правую руку. Она показалась мне неотъемлемой частью тела. А за пару-другую лет — при условии, что я проживу так долго — узкий белый шрам, окружающий локтевой сустав, станет совсем незаметным. Это уж точно. Все, что сломано, можно починить. Кроме одного.

Самого главного.

Я почувствовал себя паршиво, как никогда.

И увидел этого парня. С базы в Аризоне.

Он стоял прямо перед будкой часового, такой же парализованный, как и я. В центре передней части околыша его форменной фуражки сиял позолотой новенький знак “V” с точкой посередине — знак отличия командира десантной группы. За день до этого, на инструктаже, у него еще не было этого звания. Видимо, назначение состоялось только сегодня. Выглядел он очень молодо и был неподдельно испуган. Тогда, на инструктаже, он поднимал руку очень робко и, поднявшись, едва выдавил из себя: “Простите, сэр, но они точно... они точно не издают плохого запаха?” В ответ раздался дружный хохот, нервный отрывистый хохот мужчин, находящихся целый день на грани

истерики, и чертовски довольных, что кто-то, наконец, рассмешил их. Седой инструктор, которому было совсем не до смеха, подождал, пока все успокоится, и серьезно ответил: — Нет, они не издают плохого запаха. Если только, разумеется, моются. Все точь-в-точь как у вас, господа.

Это заткнуло всем рты. И только минут через двадцать, когда нас отпустили, я ощутил, как болят напряженные мускулы лица.

Точь-в-точь как и вы, господа...

Я встряхнулся и подошел к парню.

— Привет, капитан! Давно здесь?

На лице его появилось некое подобие улыбки.

— Больше часа, капитан. Я успел на рейс 8.15 из Аризоны. Остальные еще отсыпаются после прощального кутежа. Один я рано лег спать, чтобы получше отдохнуть и прочувствовать все это. Только, мне кажется, все напрасно.

— Понимаю. Есть вещи, к которым невозможно привыкнуть. А к иным даже и не положено привыкать.

Он бросил взгляд на мою грудь.

— Судя по всему, это не первая ваша спецгруппа?

— Не первая? Скорее двадцать первая, сынок! Все говорят, что я выгляжу слишком молодым для своих наград. — Да, не первая. Но у меня никогда еще не было команды из нулей. Послушайте, капитан, мне тоже не по себе. Что если мы вместе пройдем через эти ворота? Тогда самое худшее останется позади.

Парень оживленно кивнул. Мы взялись за руки и промаршировали к часовому. Проверив наши документы, он приоткрыл ворота и сказал:

— Прямо вперед! Любой лифт с левой стороны до пятнадцатого этажа.

Мы вошли через главный вход, поднялись по длинной лестнице и очутились перед вывеской:

**“ЦЕНТР ВОССТАНОВЛЕНИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРОТОПЛАЗМЫ.
ГЛАВНАЯ ФАБРИКА ТРЕТЬЕГО ОКРУГА”.**

По вестибюлю прохаживались с виду пожилые, но очень подтянутые мужчины и множество очень хороших

ких девушек в военной форме. Я с удовлетворением отметил, что большинство девушек беременны. Это было первым приятным зрелищем почти за целую неделю. Мы вошли в лифт и сказали девушке:

— Пятнадцатый.

Она нажала кнопку и стала ждать, пока кабина заполнится пассажирами. У нее отсутствовали признаки беременности, я невольно задумался, в чем причина этого. Потом обратил внимание на нашивки на погонах присутствующих. И внезапно разозлился. У всех был красный круг с черными буквами "ЗВС", наложенными на белые "Г-4". ЗВС означало, разумеется, Земные Вооруженные Силы. Основной знак отличия всех тыловых учреждений, но не Г-1, что значит "личный состав", а Г-4 — "снабжение". Именно это слово и вызвало во мне взрыв негодования. Разумеется, можно всегда полагаться на ЗВС. Тысячи знаков человеческой души всех званий вкладывают силы в поднятие морального состояния тех, кто сражается на передовом периметре. Но всякий раз, когда нужно сперва хорошо почесать затылок, прежде чем придумать какое-нибудь благозвучное название, старые добрые ЗВС выбирают самое непотребное. С другой стороны, нельзя вести тотальную войну до полного уничтожения в течение двадцати пяти лет, и остаться щепетильными в выборе слов. Но "снабжение"! Увольте, господа, только не здесь, в Утилизаторе. Нужно же соблюдать хоть какие-то приличия! Лифт начал подъем, девушка объявляла этажи, давая мне немало материала для размышлений.

— Третий этаж — прием и сортировка трупов, — нараспев произносила она. — Пятый этаж — предварительное изготовление органов. Седьмой — переналадка мозга и регулировка нервной системы. Девятый — косметика, элементарные рефлексy и мышечный контроль...

Здесь я заставил себя отвлечься от этого перечисления. Представил себе, что нахожусь на тяжелом крейсере, в машинном отделении, в тот самый момент, когда он получает прямое попадание ракеты, запущенной эотийским истребителем. Побывав пару раз в такой ситуации, поневоле научишься затыкать уши и включать самовнушение: "Скоро все здесь снова будет хорошо и спокойно". Действительно, через пару минут наступает именно такое состояние. Толь-

ко к этому времени становишься в большинстве случаев неодушевленным предметом, который швыряет от стенки к стенке. Приблизительно в таком состоянии я и находился до места прибытия.

— Пятнадцатый этаж — последний инструктаж и отправка.

У моего спутника подгибались колени и сутулились плечи, будто он втащил рояль на этот проклятый пятнадцатый этаж. Я испытал чувство благодарности к нему — нет ничего лучше, когда в такой ситуации рядом есть кто-то, кого необходимо опекать.

— Смелее, капитан, — шепнул я, — не падайте духом. Для таких, как мы, это, по существу — воссоединение с семьей!

Я, по-видимому, неудачно выразился, он посмотрел на меня так, будто я ударил его по лицу.

— Ваше напоминание не стоит благодарности, мистер, — процедил он.

Мне следовало прикусить язык, но я поспешил исправить положение:

— Простите меня. И не обижайтесь. Мне самому не раз приходилось выслушивать нечто подобное.

— Ладно. Не стану обижаться. Жестокая война...

Я улыбнулся.

— Жестокая? Если не будешь себя беречь, предупреждали меня, то можешь и погибнуть.

В приемной сидела хрупкая блондинка с двумя обручальными кольцами на пальцах одной руки и одним кольцом — на пальце другой. Из того, что мне было известно о земных обычаях, я понял, что она уже дважды вдова. Приняв наши документы, девушка бойко застрекотала в микрофон на столе:

— Конечная готовность, внимание! Конечная готовность, внимание! Подъем по тревоге следующих серийных номеров: 70623152, 70623109, 70623166, 70623123. А также: 70538906, 70538923, 70538980 и 70538937. Пожалуйста, проверьте все данные в соответствии с формой 362 инструкции 7896 от 15 июня 2145 года и препроводите для последнего инструктажа. Я почувствовал себя на складе запчастей, куда приходил для замены кормовых выхлопных труб. Наконец она подняла глаза и одарила нас прелестной улыбкой.

— Ваши команды будут сию минуту готовы, господа. Не угодно ли пока присесть?

Господам было угодно.

Девушка встала, чтобы достать что-то из стенного шкафа. Я заметил, что она беременна, где-то на третьем-четвертом месяце, и, естественно, слегка кивнул в знак одобрения. Мой спутник сделал то же самое. Перетянувшись, мы рассмеялись.

— Расскажите мне, откуда вы родом? — спросил я. — Ваш акцент ясно показывает, что не из третьего округа.

— Да, это так. Я родился в Скандинавии — в одиннадцатом военном округе. Гетеборг, Швеция. Но после того, как я получил свое... повышение, не мог, естественно, встречаться с родными. Поэтому и попросил о переводе. Здесь я провожу отпуска, прохожу курс лечения...

Я знал, что многие молодые десантники в таком случае ведут себя точно так же. Лично у меня не было возможности определить, какие чувства испытываю я в отношении своих стариков — их давно не было на свете. Отец погиб во время самоубийственной попытки отвоевать Нептун много лет назад, а мать была секретаршей адмирала Ракоци и находилась на флагманском корабле "Фермопила", когда он получил прямое попадание во время знаменитой обороны Ганимеда двумя годами позже. Было это, разумеется, еще до введения программы Воспроизводства, когда женщины еще занимали административные должности на передовой. С другой стороны, насколько я понимал, по крайней мере двое из моих братьев, возможно, еще живы. Но, получив свое "V" с точкой, я не делал попыток связаться с ними. Поэтому, видимо, у меня все же были такие же чувства, как и у этого парня. Ничего удивительного.

— Так вы из Швеции? — спросила блондиночка. — Мой второй муж оттуда родом. Может, вы его знали? Свен Носсен, у него еще куча родственников в Осло.

Парень закатил глаза, делая вид, будто пытается вспомнить, и покачал головой.

— Нет. Пожалуй, не знаю. Но до призыва в армию я редко выезжал из Гетеборга.

Она добродушно рассмеялась, оценив его провинциальность. Блондинка с детским личиком из классических анекдотов. Глупышка из глупышек. Но, тем не менее, у

нее уже третий законный муж, в то время как множество умных, шикарных красоток на внутренних планетах в наши дни были бы рады малейшему знаку внимания со стороны самого отъявленного негодяя или сертификату из ближайшего спермоприемника.

“Может быть, — подумал я, — если бы мне понадобилось подыскать себе жену, это было бы как раз то, что надо, чтобы забыть о смертоносном излучении эотийских истребителей и выматывающем душу, саднящем реве перегруженных двигателей. Наверное, приятно было бы возвращаться к какой-нибудь симпатичной простой женщине после вылазок в секторе, занятом эотийцами, когда все сознательные помыслы направлены только на то, чтобы предугадать, что именно изобретут на этот раз мерзкие насекомые. Может быть, решив жениться, я предпочел бы вот такую хорошенькую глупышку...” Но, стоп! Хватит! Хотя, может быть, эта проблема представляет интерес с чисто психологической точки зрения.

Тут я заметил, что девушка что-то говорит мне:

— ...раньше никогда не было такой команды, капитан?

— Вы имеете в виду зомби? Нет, еще не было. Счастлив признаться в этом.

Она неодобрительно скривила ротик, который не стал от этого менее прелестным.

— Фу, нам не нравится это слово. Ну, тогда, если угодно, нулей.

— Нам не нравится, когда их называют ну... этим словом тоже. Вы ведь говорите о таких же человеческих существах, как и вы сами. Абсолютно таких же, капитан.

Внезапно меня охватило негодование, точно такое же, какое испытывал парень в коридоре. Затем я понял, что она не вкладывает в эти слова никакого особого смысла. Откуда ей знать об этом? Ведь это, черт побери, не значится в наших документах. Вздохнув с облегчением, я спросил:

— А как же вы их называете, если не секрет?

— Мы относимся к ним, как к заменителям солдат, — уверенно начала блондинка. — Термин “зомби” применялся для описания устаревшей двадцать первой модели, которая снята с производства более пяти лет назад. В вашем распоряжении будут особи, в основе которых лежат модели

семьсот пять и семьсот шесть, фактически безупречные, в некоторых отношениях...

— С обычным, вместо синеватого, цветом кожи? С движениями, не такими замедленными, как у лунатиков?

Сверкнув глазами, она решительно тряхнула головой. Очевидно, была в курсе всего, что полагалось знать по должности. Не такая уж, в общем-то, глупышка. Пусть невеликого ума, но мужьям было о чем поговорить с ней между выполнением супружеских обязанностей.

— Синюшность была результатом плохого насыщения крови кислородом. Воссоздание крови было второй из наиболее трудно разрешимых проблем, связанных с восстановлением тканей. Самое же трудное — нервная система. Несмотря на то, что кровяные тельца находятся в наихудшем состоянии, когда к нам прибывают тела, мы все же научились налаживать вполне пригодную сердечно-сосудистую систему. А вот с головным и спинным мозгом приходится начинать практически с нуля даже в тех случаях, когда ранения совсем незначительны. А сколько всяких неприятностей возникает при их воссоздании! Моя кузина Лона работает в отделении Настройки Нервной Системы. Она говорит, что достаточно выполнить неверно хоть одно подсоединение... Вы ведь понимаете, капитан, что к концу рабочего дня глаза устают, и то и дело поглядываешь на часы... Так вот, всего одно неправильное подсоединение, и рефлексy вполне законченной особи оказываются настолько плохими, что приходится отсылать ее на третий этаж и начинать все сначала. Но вам не нужно об этом беспокоиться, поскольку, начиная с модели шестьсот шестьдесят три, мы ввели двукратную систему проверки двумя разными бригадами в отделении Настройки. А семисотые серии! О, они просто великолепны!

— Что ж, неплохо, пожалуй. Получше, наверное, чем старомодные маменькины сынки?

— Пожалуй, — ответила она не сразу. — Вы на самом деле будете поражены, капитан, когда ознакомитесь с протоколами испытаний. Разумеется, все еще остается один существенный недостаток... одна функция, с которой нам никак не удастся...

— Я никак не могу понять, — перебил ее парень, — почему используются именно трупы? Тело отжило свое,

отвоевало. Почему бы не оставить его в покое? Я понимаю, зотийцы могут запросто обойти нас по численности бойцов простым увеличением количества маток на своих флагманских кораблях. Понимаю, что воспроизводство пушечного мяса является важнейшей из всех задач, стоящих перед ЗВС, но ведь мы давно уже научились синтезировать протоплазму. Почему бы не использовать ее для изготовления всего тела, от пальцев ног до полушарий мозга, и не выпускать настоящих, верных, как собаки, андроидов, от которых не разило бы трупным запахом?

Глаза блондинки от возмущения едва не вылезли из орбит.

— Наша продукция не издает запаха! Отдел косметики гарантирует, что у новых моделей запах тела слабее, чем у вас, молодой человек! И я хочу, чтобы вы уяснили, что мы вовсе не реактивируем или оживляем трупы. Мы восстанавливаем человеческую протоплазму, повторно используем поврежденный или изношенный человеческий материал в сфере, где в настоящее время существует наибольшая нехватка его — в сфере подготовки воинского персонала. Уверяю вас, что вы бы даже и не заикались о трупах, если бы видели состояние некоторых прибывающих к нам тел. Так вот, иногда в целой отгрузочной партии — а отгрузочная партия содержит останки двадцати погибших, — мы не можем отыскать хотя бы одну целую, еще пригодную почку. В таком случае нам приходится брать немного клеток внутренностей тут, кусочек селезенки там, видоизменять их, осторожно соединять, активи...

— Именно это я имею в виду. Если приходится преодолевать столько трудностей, то почему бы с самого начала не применять хорошее сырье?

— Какое, например?

Парень взмахнул руками в черных перчатках.

— Ну, такие основные элементы, как углерод, водород, кислород и так далее. Весь процесс в этом случае был бы гораздо чище.

— Основные элементы должны откуда-то взяться, — осторожно вмешался я. — Водород и кислород можно добывать из воды и воздуха. А вот откуда брать углерод?

— Оттуда же, откуда его берут остальные синтетические производства — из угля, нефти, целлюлозы.

Девушка, расслабившись, откинулась на спинку стула.

— Все это — органические вещества, — напомнила она парню. — Если уж использовать сырье, которое раньше было живым, то почему бы не такое, которое по своим характеристикам как можно ближе к тому конечному продукту, который необходимо получить? Поверьте, капитан, это вопрос экономической целесообразности. Лучшим и самым дешевым сырьем для производства солдат-заменителей являются солдатские тела.

— Разумеется, — согласился парень. — В этом есть определенный смысл. Какая еще польза может быть от старых, искалеченных солдатских тел? Это много лучше, чем просто закапывать их в землю.

Девушка хотела было улыбнуться в знак согласия, но, бросив пристальный взгляд в его сторону, передумала. Всю ее решительность как рукой сняло. На столе раздался зуммер переговорного устройства, и она склонилась над ним. Я посмотрел на нее с одобрением. Она явно не была глупа. Просто женственна. Мне многое не по душе на гражданке, но к женщинам это не относится. Я все больше и больше убеждаюсь в том, что во многих случаях они проявляют себя, оказывается, с самой лучшей стороны.

— Капитан, — обратилась она к парню. — Пройдите, пожалуйста, в комнату 1591. Там сейчас соберется ваша команда. А вы, — повернулась девушка в мою сторону, — в комнату 1524.

Парень кивнул и, весь напрягшись, вышел. Я подождал, пока за ним закроется дверь, и склонился к секретарше.

— Мне бы очень хотелось, чтобы программу Воспроизводства отменили, — сказал я ей. — Вы бы стали прекрасным офицером-инструктором по подготовке новобранцев. От вас я узнал об Утилизаторе гораздо больше, чем после десятка инструктажей.

Она с тревогой посмотрела на меня.

— Надеюсь, вы говорите искренне, капитан. Понимаете, мы очень тесно связаны с этим проектом. И испытываем особую гордость за тот прогресс, которого достигло Головное Предприятие третьего округа. Мы только и говорим о наших последних достижениях, везде — даже в кафетерии. Мне просто слишком поздно пришлось в голову, что вы, господа, — лицо ее залилось густым румянцем,

так краснеть могут только блондинки, — можете многое из того, о чем я говорила, принять слишком близко к сердцу. Извините меня, если я...

— Вам не за что извиняться, — спокойно произнес я и ободряюще улыбнулся. — Ваш разговор с нами носил чисто профессиональный характер. Вроде того, что я слышал, находясь месяц назад в госпитале, когда два хирурга обсуждали, как лучше выправить локтевой сустав раненого, говоря об этом так, будто собираются прибить новый подлокотник к дорогому креслу. Это было очень интересно послушать, и я многому научился.

Когда я покидал приемную, у нее был благодарный вид. Так и только так нужно расставаться с женщинами. Путь мой лежал в комнату 1524.

До того, как сюда начали собирать остатки человеческих тел, это, очевидно, была обычная классная комната. Несколько парт, длинная доска, диаграммы и схемы на стенах. На одной из них были помещены основные сведения об эотийцах — скудная информация, которую мы сумели раздобыть за четверть века, что прошло с того дня, когда насекомые пересекли орбиту Плутона с целью покорения Солнечной системы. Всего лишь гипотезы, разумеется, но более тщательно продуманные, чем те, которыми меня пичкали в дни юности. Лучшие умы Земли пришли к заключению, согласно которому причиной неудач всех попыток установить с ними контакт было совсем не то, что им внутренне присущ дух бессмысленного завоевания, а то, что они страдают такой же чрезмерной ксенофобией, как и их меньшие братья — земные насекомые.

Вот муравей случайно забредает в чужой муравейник и, не делая никаких попыток контакта, хозяева тут же загрызают его прямо у входа. И муравьи-часовые реагируют еще быстрее, чем если это насекомое другого вида. Поэтому, несмотря на все достижения эотийской науки, которая во многих отношениях находится на более высоком уровне, чем земная, они психологически не способны к ментальному проецированию или эмпатии, говоря проще — не способны поставить себя на место другого существа, что совершенно необходимо для осознания факта, что внешне абсолютно не похожие на них существа могут иметь разум. Возможно, так оно и есть на самом деле.

Мы оказались вовлечены в убийственное равновесие никогда не затухающей битвы, передний край которой иногда отодвигался до орбиты Сатурна, иногда — к самому Юпитеру. Если отбросить мысль об изобретении оружия столь невообразимой мощи, которая позволила бы сокрушить их флот настолько, что они не успели бы воссоздать его в том же объеме, что до сих пор им удавалось делать, то единственной нашей надеждой было каким-то образом обнаружить звездную систему, откуда они явились, каким-то образом построить звездолеты, и не один-два, а целый флот, и каким-то образом нанести сокрушительный удар по их родине. Или же так их напугать, чтобы они отозвали экспедицию в свою звездную систему для обороны. Но сколько всяких неопределенностей было в этом плане!

Однако, чтобы поддержать наше нынешнее положение до реализации всех этих “каким-то образом”, наша рождаемость должна была с лихвой перекрывать потери. Последние десять лет нам не удавалось этого достичь, несмотря на все более жесткие программы воспроизводства народонаселения, превратившие в прах существовавшие когда-то моральные нормы и социальные достижения. Затем в один прекрасный день какой-то умник заметил, что в то время как половина наших боевых кораблей изготовлена из металлолома, оставшегося после предыдущих битв, личный состав этих боевых единиц... В результате этого и появились те, кого наша блондиночка и ее коллеги изволили назвать солдатами-заменителями. Я был вторым помощником, заведующим компьютерным обеспечением на старом “Чингисхане”, когда первая партия их появилась на борту в качестве боевого пополнения. Должен сказать, что тогда у нас были все основания называть их “зомби”. Большинство было такого же синего цвета, что и форма, в которую они были вставлены, а дыхание... в голову закрадывалась мысль, что у микрофона системы оповещения сидит астматик. В их глазах разума было не больше, чем в жестянке из-под керосина. А уж как они вышагивали!

Мой приятель Джонни Круро, погибший во время Великого Прорыва 2143 года, частенько говаривал, что походка у них такая, будто они спускаются по склону пологого холма, у подножья которого зияет огромная открытая братская могила. Туловище у них было прямым и напря-

женным, а руки и ноги двигались сначала медленно-медленно, а затем резко дергались. От одного их вида по коже ползали мурашки! "Зомби" годились только для выполнения тупой, изнурительной работы. Даже приказав им вычистить оружейную подвеску, нужно было не забыть через час их выключить, иначе они соскребали металл до самых осей подшипников. Разумеется, не все были так безнадежно плохи. Тот же Джонни говаривал, что ему попадались две-три особи, которые, когда чувствовали себя хорошо, могли еще сойти за обыкновенных слабоумных. Главное в боевых условиях они не ломались. Как раз наоборот. Старый корабль будет раскачиваться от частых, каждые несколько секунд, перемен курса; каждый лучемет Ирвингла, каждая картечница и гаубица вдоль огневого борта будут раскаляться до ярко-золотистого свечения; хриплые вопли из громкоговорителей по отсекам будут изрыгать приказы быстрее, чем могут на них отреагировать мышцы; бригады ремонтников с искаженными от спешки лицами едва будут успевать перебегать от одной аварийной ситуации к другой. И вдруг перед глазами возникнет "зомби", сжимающий в своих резиновых руках метлу, и как ни в чем ни бывало подметающий палубу со свойственными ему тупой аккуратностью и непреклонной целеустремленностью... Я помню, как весь оружейный расчет совершенно обезумел и начал лупить "зомби" длинными тяжелыми ломом. И помню другой случай, когда офицер, вбежавший в рубку управления, остановился, выхватил из кобуры лучемет и стал вколачивать снопы искр в синеекожего, который мирно вытирал тряпкой иллюминатор. И когда тот, ничего не понимая и ни на что не жалуясь, грузно осел на пол, молодой офицер склонился над ним и запричитал успокаивающе: "Тихо, тихо, мальчик, тихо ты, ну тихо!" Именно это, а вовсе не малая эффективность "зомби", побуждало снять их с кораблей — опасность возникновения психологических срывов у людей, вызванных присутствием этих существ, стала очень высокой. Может быть, если бы их не забрали, мы со временем привыкли бы — один бог знает, к чему только не привыкнешь во время сражения. Но "зомби", казалось, принадлежали к чему-то такому, что находится вне понятия "война". Самым ужасным, совершенно ужасным, было то, что их несколько не трогала

перспектива снова быть убитыми. Однако все говорят, что новые модели значительно усовершенствованы. Это было бы совсем неплохо. Диверсионный корабль, или, как его коротко называли, “рогатка”, не так уж сильно отличается от самоубийцы-патруля, но требует высочайших боевых качеств от каждого находящегося на борту, если он намерен завершить свою безумную миссию, не говоря уже о возвращении на базу. Причем корабль слишком мал, и людям нужно уметь ладить друг с другом в этом ограниченном пространстве. Мысли мои прервал шум шагов в коридоре. Я ждал внутри, — они — за дверью. Мне было немного не по себе. Они, видимо, тоже нервничали перед встречей со мной. Во всяком случае, не торопились заходить. Я подошел к окну и посмотрел вниз, на плац, где ветераны, чьи умы и тела настолько износились, что не подлежали ремонту, муштровали задыхающихся в новой форме “зомби”, учили их пользоваться недавно приобретенными рефлексами, чтобы выполнять быстро следующие одна за другой команды. Мне невольно вспомнились занятия по физкультуре в старших классах школы. Снизу долетали отрывистые команды: “Раз, два, три, четыре! Раз, два, три, четыре!”. Только вот вместо “раз” явно звучало какое-то новое слово, которого я так и не смог отчетливо расслышать. Затем я услышал, как сзади открылась дверь, затем закрылась и четыре пары ног шелкнули каблуками, становясь по стойке “смирно”. Я обернулся.

Они отдавали мне честь. Ну что ж, черт возьми, им и положено отдавать мне честь, ведь я их командир. Я тоже отдал честь, и четыре руки четким движением опустились.

— Вольно, — скомандовал я. Они слегка расставили ноги и заложили руки за спину. — Отдых! — Тела ослабились. — Садитесь, мужики. Давайте знакомиться.

Они уселись за парты, а я подошел к столу инструктора. Мы молча смотрели друг на друга. Лица их были внимательны, сосредоточены. Мне захотелось увидеть собственное лицо. Несмотря на все подготовительные инструктажи, лекции, должен признаться, что с первого раза они меня просто ошеломили. От них исходило ощущение здоровья, ясности ума, твердости в достижении целей, но не в этом заключалось главное.

Совсем не в этом.

Я был подготовлен к этому еще на краткосрочных курсах. Вернее, думал, что подготовлен. Но сейчас с трудом сдерживал себя, чтобы не выскочить за дверь. На меня смотрели четыре мертвеца. Четыре знаменитых покойника! Крупный мужчина, занимающий почти всю парту — Роджер Грэй. Он погиб в прошлом году, протаранив своим крошечным кораблем-разведчиком передние ракетные двигатели эотийского флагмана. От этого удара флагман раскололся точно на две половины. Этот человек был награжден всеми известными орденами и медалями и Солнечной Коронай. Грэй должен быть моим вторым пилотом.

Худой сосредоточенный мужчина с густой копной черных волос — Вонг Цзы. Он погиб, прикрывая отступление с астероидов после Великого Прорыва 2143 года. По фантастическим рассказам очевидцев, его корабль продолжал вести огонь после попадания в него трех прямых залпов картечью... Почти все мыслимые награды и Солнечная Корона. Вонг должен быть моим бортинженером.

Смуглый невысокий парнишка — Юсуф Лахмед. Он погиб во время мелкой стычки на Титане, уже увенчанный многими наградами. Две Солнечных Короны!

Лахмед будет моим стрелком.

Толстяк — Стэнли Уэйнстайн — единственный военнопленный, которому удалось бежать из эотийского плена. От него самого мало что осталось к моменту прибытия на Марс, но корабль, на котором он прилетел, был первым вражеским кораблем, попавшим в наши руки неповрежденным. В те времена еще не существовало ордена Солнечной Короны, которого он мог бы удостоиться, пусть даже посмертно, но имя его было присвоено нескольким военным академиям. Уэйнстайн будет моим астронавигатором.

Я встряхнулся, возвращаясь к реальности. Они не были героями, скорее всего, ни единого кровавого тельца Грэя или Цзы не было заложено в реконструированных телах. Это были просто отличные и очень хорошо выполненные копии знаменитых оригиналов, вплоть до мельчайших деталей, взятых из медицинских карточек, заполненных еще тогда, когда Вонг был ребенком, а Грэй — новобранцем. Я не преминул напомнить себе о том, что существует где-то от сотни до тысячи Лахмедов и Уэйнстайнов. Все они сошли с конвейера несколькими этажами ниже. "Только

смелые заслуживают будущего” — девиз Утилизатора. Таким оригинальным образом в настоящее время пытались вселить героизм в членов ЗВС, наглядно демонстрируя им, что особо отличившихся в будущем ожидает дублирование в любом доступном воображению количестве. Насколько мне было известно, есть несколько категорий людей, которых ожидают подобные почести, но главные причины того, почему герои служили моделями, не имеют ничего общего с соображениями морали. Прежде всего, это — небольшой трюк, целью которого является повышение эффективности работы промышленности. Если уж прибегать к методам, характерным для массового производства — а Утилизатор является именно таким предприятием — то просто бессмысленно выпускать множество различных моделей, а не несколько унифицированных. А уж если выпускать стандартные модели, то почему бы не использовать те из них, которые вызывают положительные и относительно приятные ассоциации, обусловленные пусть даже внешним их видом, вместо обезличенных персонажей с чертежных досок конструкторов? Вторая причина, видимо, является еще более важной, но ее гораздо труднее сформулировать. Согласно заявлению инструктора, которое он сделал вчера, существует определенное поверье, заключающееся в том, что если точно скопировать индивидуальные черты, мускулатуру, метаболизм героя и даже форму извилин его мозга, то, пожалуй, может получиться еще один герой. Разумеется, первоначальная личность появиться не может — для этого нужны долгие годы воспитания в специфическом окружении и учет десятков других, очень мало значимых внешних факторов. Но по мнению, вернее, предчувствию биотехнологов, есть немалая вероятность того, что частица разумной смелости имеется в самой молекулярной структуре тела... Что ж, по крайней мере, эти видом ничуть не напоминают “зомби”! Я вынул из кармана свернутые бумаги, содержащие маршрут нашего следования, и как бы непроизвольно выронил их из пальцев. Не успел еще развернутый лист, падая по спирали, коснуться пола, как Роджер Грэй, протянув руку, подхватил его и вернул мне. Я ощутил прилив положительных эмоций — мне понравилось, как он двигается. Именно такая реакция и необходима второму пилоту.

— Спасибо, — поблагодарил я.

Он сдержанно кивнул в ответ.

Следующим я подверг проверке Юсуфа Лахмеда. Он оказался не хуже. Имел все, что необходимо первоклассному стрелку. Описать это почти невозможно... Ну, скажем, заходишь в какой-нибудь бар в зоне отдыха на Эросе и из пяти человек, составляющих команду "рогатки", струдившихся вокруг стола, над которым создавалась уже атмосфера буйного хвастовства, сразу же распознаешь, кто именно стрелок. Его выдает какая-то будто закупоренная тщательно нервная собранность. Либо хладнокровие, сочетающееся с готовой вспыхнуть в любой момент взрывной энергией. Именно любое из этих качеств требуется от человека, сидящего у спусковых кнопок, пока ты выполняешь сложнейший маневр, состоящий из ухода в сторону, захода по кривой и поворота — атакующий бросок "рогатки" на цель. А едва войдя в зону досягаемости мишени, ты уже снова начинаешь уход в сторону, выход по кривой и поворот, но уже назад, в безопасную зону. Лахмед с избытком обладал необходимыми качествами, и я мог бы биться об заклад на любую сумму, что другого такого стрелка не найдется во всех ЗВС.

Астронавигаторы и бортинженеры — люди совсем другого склада. Прежде, чем оценивать их, надо понаблюдать за ними в боевой обстановке. Тем не менее, мне нравилось спокойствие и уверенность в себе, с которыми смотрели на меня Вонг Цзы и Уэйнстайн, не смущаясь моими придирчивыми взглядами. Да и сами они мне нравились.

Я чувствовал, что тяжелый груз свалился с моих плеч. И впервые за несколько дней позволил себе расслабиться. Команда мне определенно подходила.

— Мужики, — обратился я к ним. — Полагаю, мы сработаемся. Из нас получится дружная, надежная команда. В моем лице вы найдете... — Внезапно я замолчал. Они смотрели на меня спокойно и немного насмешливо. Только сейчас до меня дошло, что никто из них до сих пор не проронил ни слова. Их глаза следили за мной и особого тепла в них не ощущалось.

Пауза затянулась.

До сих пор меня интересовала только одна сторона проблемы и, вероятно, далеко не самая важная — как я отреагирую на новую команду. И меня совсем не интересовало, какие чувства она будет питать ко мне...

— В чем дело, мужики? — заговорил я снова.

Они продолжали молча смотреть на меня. Уэйнстайн поджал губы и принялся раскачиваться на стуле. Сиденье под ним поскрипывало.

— Грэй, — позвал я. — У вас такой вид, будто что-то не так. Вам ничего не хочется рассказать об этом?

— Нет, капитан, — вызывающе произнес он. — Мне ничего не хочется рассказывать вам об этом.

Я скривился.

— Если кому-то все же захочется рассказать мне что-нибудь, это останется строго между нами. И давайте пока что забудем о таких вещах, как воинские звания и уставы ЗВС. — Я подождал немного. — Вон? Лахмед? А вы, Уэйнстайн?

Реакции не последовало. Стул под Уэйнстайном продолжал скрипеть. Это загнало меня в тупик. Что они могут иметь против меня? Мы никогда раньше не встречались. Одно было ясно: я не стану держать на борту своего диверсионного корабля команду, которая питает ко мне скрытое и притом единодушное недоброжелательство. Уж лучше суну голову прямо под линзы Ирвингла и нажму кнопку.

— Послушайте, еще раз повторяю. Давайте забудем звания и уставы. Я должен знать, что происходит. Мы все будем жить в самых стесненных условиях, какие только в состоянии придумать человеческий разум. Будем управлять крохотным кораблем, единственная цель которого — уклоняясь на чудовищной скорости, преодолеть заградительный огонь и другие защитные средства гораздо более крупного вражеского корабля и нанести один-единственный сокрушительный удар единственным огромных размеров лазером Ирвингла. Поэтому необходимо ладить друг с другом. Если же на пути к взаимопониманию окажется любая невысказанная враждебность, корабль не сможет действовать с нужной эффективностью. И если это случится, всем нам конец задолго до того...

— Капитан, — неожиданно отозвался Уэйнстайн, с грохотом опустив передние ножки стула на пол. — Я бы хотел задать вам всего один вопрос.

— Пожалуйста, — с облегчением вздохнул я. — Спрашивайте о чем угодно.

— Когда вы думаете о нас или говорите, какое слово вы употребляете?

— Что?

— Как вы называете нас? Зомби? Нули? Вот что меня интересует, капитан.

Он говорил так вежливо и спокойно, что я не сразу понял смысл вопроса.

— Лично я, — вступил в разговор Роджер Грэй, но менее вежливо и менее спокойно, — отношу нашего капитана к людям того сорта, которые считают нас консервированным мясом. Верно, капитан?

Юсуф Лахмед скрестил на груди руки.

— Мне кажется, что ты прав, Роджер. Он именно такого склада ума. Определенно.

— Нет, — возразил Вонг Цзы. — Он не пользуется такой терминологией. Зомби — да. Консервы — нет. Это видно хотя бы по тому, что он не взбеленился, пока еще, и не велел нам убираться назад в консервные банки. И не думаю, чтобы он называл нас нулями. Наш капитан из того рода парней, кто, крутя пуговицу на мундире капитана другого корабля, говорит ему: "Дружище, мне досталась такая шикарная команда из зомби, какой ты еще не видел!" Вот как мне представляется.

Зомби! Они снова затихли и продолжали смотреть на меня. И в глазах их не было насмешливости — в них светилась ненависть. Я опустил на стул. В комнате стояла напряженная тишина. Со двора, пятнадцатью этажами ниже, доносились команды сержантов. Где это они подцепили всю эту галиматью? Зомби, нули, консервированное пушечное мясо... Каждому из них не более шести месяцев. Ни один не бывал еще за пределами охраняемой территории Утилизатора. Их подготовка должна была, по замыслам начальства, гарантировать абсолютно безопасный склад мышления, имея своей целью получение разумов работоспособных, в высшей степени искусных в самых различных специфических сферах, и в то же время подверженных любого рода нарушениям психологического равновесия в пределах возможностей современной науки...

И вдруг я услышал слово. Слово, которое употреблялось на плацу вместо "раз". То самое странное новое слово, которое мне не удалось разобрать сразу. Ноль! "Ноль, два, три, четыре! Ноль, два, три, четыре!"

В этом отношении ЗВС, по-видимому, ничуть не отличаются от любой армии в любую эпоху... Конечно же. Сначала затрачиваются огромные средства, чтобы произвести крайне необходимую продукцию, точно соответствующую выставленным требованиям. А затем, на самом первом уровне военного использования, делается нечто такое, что может все полностью свести на нет. Я был абсолютно уверен, что все высшие чины, отвечающие за отношение секретарши и другого персонала к этим несчастным, ничего не могут поделать с этими старыми, вышедшими на пенсию мастерами муштры, прогоняющими целые роты новобранцев сквозь эту шагистику вниз. И отчетливо представил себе, как эти низкие, подлые умы, столь ревностно гордящиеся как своими предрассудками, так и ограниченными, добытыми в мучениях воинскими познаниями, дают этим юнцам возможность вкусить прелести казармы, просвещаю в отношении того, что ждет их снаружи, за забором.

Глупо...

Но так ли глупо на самом деле? можно было и иначе взглянуть на это. Простой практицизм армейского мышления. Передовая — место, где царят ужас и мучения, а ничейная полоса — и того хуже. Пусть уж непригодность материалов для функционирования в столь опасной зоне проявится уже здесь, в глубоком тылу.

В этом был смысл. Вполне логично производить живых людей из плоти мертвецов и, выпустив их, подвергать воздействию самого сурового, уродливого окружения, которое неизбежно извратит столь тщательно воспитанную в них преданность, превращая ее в ненависть, а прекрасно сбалансированную психологическую приспособляемость — в неврастеническую чувствительность. Не знаю, рассматривалась ли эта проблема на уровне высшего армейского руководства. Все, что мне удалось уразуметь, — это наличие моей собственной проблемы, чудовищно важной проблемы. Я вспомнил свои мысли до встречи с этими людьми и почувствовал себя препаршиво. И все же одна мысль пришла мне на помощь.

— А скажите мне, — предложил я. — Как бы вы называли меня?

Они недоуменно переглянулись.

— Вам интересно, как я называю вас, — пояснил я. — Тогда скажите, как вы сами называете людей, рожденных

людьми? — Лахмед ухмыльнулся, сверкнув белоснежными зубами на фоне смуглой кожи лица.

— Реалами. Мы называем вас реалами.

В разговор вступили остальные. Прозвучало множество других названий. Они хотели, чтобы я прочувствовал их и, жадно всматриваясь мне в лицо, выплевывали слова, будто многозарядные ракеты. Некоторые из прозвищ оказались довольно забавными, некоторые — весьма гнусными. В особенности я был очарован “утробниками” и “чревачами”.

— Ладно, — прервал я их. — Теперь полегчало?

Дышали они тяжело, но чувствовали себя явно лучше. Я видел это, да и сами они прекрасно понимали, что атмосфера в комнате сильно разредилась.

— Прежде всего, — начал я, — хочу, чтобы до вас дошло, что вы уже большие, а поэтому должны сами уметь постоять за себя. С этого дня в барах или на базах для отдыха вы вольны давать отпор каждому равному вам по званию, если он заговорит о чем-то вроде “зомби”. Если же этот наглец будет примерно равен по званию мне, то эту почетную обязанность я возложу на себя. Я не потерплю, чтобы унижали моих ребят. И всякий раз, когда вам покажется, что я обращаюсь с вами не так, как со стопроцентными человеческими существами, полноценными гражданами Солнечной системы и все такое, то разрешаю сказать мне приблизительно так: “Послушай-ка, ты, мерзкий утробник, сэр...”

Все четверо заулыбались. Улыбки были теплыми, но очень скоро они сошли с их лиц, глаза снова заledenели. Я почувствовал, что остался чужаком, и выругался.

— Все не так просто, капитан, — произнес Вонг. — К сожалению. Вы, конечно, можете называть нас стопроцентными людьми, но мы таковыми не являемся. И всякий, кому придет в голову обозвать нас тушенкой, будет в определенной степени прав. Потому что не во всех отношениях мы столь же хороши, как вы — дети матерей. И это нам известно. И никогда нам не стать такими же, как вы. Никогда!

— Я ничего не знаю об этом, — вспыхнул я. — Ну, некоторые личные качества, что зафиксированы в протоколах...

— Протоколы, капитан, — перебил Вонг, — пока еще не в состоянии сделать нас стопроцентными людьми.

Уэйнстайн согласно кивнул и, подумав немного, добавил:

— Так же, как и группу людей — расой.

Теперь я понял, к чему они клонят. И мне захотелось опрометью выскочить вон из этой комнаты, из этого здания, прежде чем кто-либо скажет еще хоть одно слово. Желание было так велико, что я вскочил со стула, но, одумавшись, начал прохаживаться вдоль доски.

Вонг Цзы не унимался. Я должен был сразу понять, что на этом он не остановится.

— Заменители солдат, — произнес он, прищурившись, словно впервые всерьез задумался над глубинным значением этого словосочетания. — Не солдаты, а заменители солдат. Мы не солдаты, потому что солдаты — мужчины. А мы, капитан, не мужчины.

Некоторое время стояла тишина. Я все еще не понимал.

— Что же заставляет вас не считать себя мужчинами?

Вонг Цзы посмотрел на меня с удивлением, однако ответ его был вежливым и спокойным.

— Вы должны знать, почему. Вы ведь знакомились с нашими личными делами, капитан. Мы не являемся мужчинами, настоящими мужчинами. Потому, что лишены способности к самовоспроизведению.

Я заставил себя сесть, опустив на колени трясущиеся руки.

— Мы стерильны, — донесся до меня голос Лахмеда, — как кипяченая вода.

— Есть множество людей, — начал было я, — которые...

— Здесь дело не в каком-то определенном количестве, — вмешался Уэйнстайн. — Речь идет обо всех нас.

— Нодем ты произведен, — пробормотал Вонг Цзы, — нодем и окончишь свой путь. А ведь можно было предоставить возможность хоть кому-то из нас... Дети, может быть, оказались бы не так уж плохи.

Роджер Грэй хлопнул огромной ладонью по спинке соседнего стула.

— В этом-то все и дело, Вонг, — со злостью процедил он. — Дети могут оказаться хорошими. Даже слишком хорошими. Наши дети, может быть, оказались бы лучше, чем их — и что же тогда останется от этой гордой и над-

менной, обожающей раздавать прозвища, расы людей-реалов?

Я снова всмотрелся в их лица, но теперь передо мной появилась совершенно другая картина. Исчезли медленно ползущие ленты конвейеров с органами и тканями, над которыми с энтузиазмом трудились биотехники. Мысли мои не занимало более помещение, заполненное десятками взрослых мужских тел, помещенных в питательный раствор, каждое из которых было подключено к компьютеру, затапливающему в них информацию, необходимую для того, чтобы тело заняло место человека в самых кровопролитных боях космической войны.

Теперь я видел казармы, заполненные многократно продублированными героями. И у всех них — препаршивейшее настроение, в чем нет ничего удивительного, так как это характерно, во-первых, для любой казармы, и, во-вторых, оно вызвано глубочайшим унижением, какое вряд ли испытывал хоть один солдат из всех известных дотеле казарм. Унижением столь же первородным, как и сама структура человеческой личности.

— Значит, вы убеждены, — сказал я как можно спокойнее, хотя всего меня прошибало потом, — что способности к воспроизведению вы лишены умышленно? Уэйн-стайн свирепо посмотрел на меня.

— Капитан, пожалуйста! Не надо рассказывать нам детских сказочек.

— А не задумывались ли вы над тем, что самым большим затруднением, которое испытывает сейчас человечество, является как раз воспроизводство? Поверьте мне, мужики, там, за воротами, только и слышно, что разговоры об этом. Даже школьники начальных классов вдоль и поперек рассматривают эту проблему на своих олимпиадах. Ученые-ботаники и археологи выпускают каждый месяц объемистые монографии, рассматривая этот вопрос под углом своей специализации. Каждый знает, что эотийцы победят нас, не разреши мы проблему увеличения народонаселения! Неужели же вы всерьез полагаете, что в таких обстоятельствах хоть кому-нибудь может быть умышленно нанесен подобный ущерб?

— А много ли значат для вас те немногие мужчины-нули, которыми вы сейчас располагаете? — оскалился

Грэй. — Согласно последним бюллетеням, запасы спермы в спермохранилищах достигли наивысшего уровня за последние пять лет. Мы вам не требуемся!

— Капитан, — снова вмешался Вонг Цзы, выпятив треугольный подбородок, — позвольте мне, в свою очередь, задать вам пару вопросов. Неужели вы искренне ожидаете от нас, чтобы мы поверили, что современная наука, способная воссоздавать живое высокоэффективное человеческое тело со сложнейшими системами из мертвой полуразложившейся протоплазмы, не в состоянии восстановить зародышевую плазму хотя бы в одном-единственном случае?

— Вы обязаны верить, — ответил я, — ибо так оно и есть на самом деле.

Все четверо перестали глядеть в мою сторону.

— Разве вы не слышали, — умоляюще начал я, — что как установлено, зародышевая плазма гораздо более существенно неповторима для каждого организма, чем любая другая его часть? Некоторые эксцентричные ученые-биологи полагают, что наши человеческие тела вообще являются просто оболочками, посредством которых половые клетки осуществляют воспроизводство? Это самая сложная из стоящих перед нами задач биотехнологии. Поверьте мне, мужики, — с жаром закончил я, — уж если я говорю, что биология еще не разрешила проблему половых клеток, то говорю истинную правду. Уж это мне доподлинно известно. — Они слушали внимательно. Это придало мне уверенности.

— Послушайте, — заговорил я снова. — У нас есть одна общая черта с эотийцами, с которыми мы сражаемся. Насекомые и теплокровные неизмеримо отличаются друг от друга. Но и среди общественных насекомых, и среди членов человеческого сообщества имеются индивидуумы, которые, хотя и не принимают лично участия в цепи, составляющей процесс размножения, являются, тем не менее, важной неотъемлемой частью своей расы. Например, воспитательница детского сада сама может быть бесплодной, но играть очень важную роль в деле воспитания личных качеств и даже физических данных, находящихся на ее попечении детей.

— Четвертая вводная лекция для солдат-заменителей, — сухо заметил Уэйнстайн. — Шпарит, как по писанному.

— Я был ранен, — продолжал я. — Тяжело ранен пятнадцать раз.

Для наглядности мне пришлось закатать правый рукав. Он оказался мокрым от пота.

— Мы знаем, что вы были ранены, капитан, — попытался остановить меня Лахмед. — Это видно по вашим медалям. Не нужно...

— И всякий раз, когда я бывал ранен, меня заштопывали так, чтобы я был, как новенький, даже лучше. Взгляните-ка на эту руку. — Я согнул ее так, чтобы им было хорошо видно. — До того, как она была обожжена в мелкой стычке шесть лет назад, мне никак не удавалось накачать на ней большой бицепс. Но на оставшемся обручке мне нарастили новую руку, и, поверьте мне, ее рефлексы гораздо лучше, чем были у старой.

— Что вы хотите доказать, — перебил меня Вонг, — когда говорите о том, что было прежде...

— Пятнадцать раз я был ранен, — продолжал я, не обращая внимания на его слова. — И четырнадцать раз раны заживали. Но на пятнадцатый раз рана оказалась такой, какую лечить еще не умеют... И мне никто не мог помочь.

— Не понял, — недоуменно прошептал Грэй.

— К счастью, — перешел я на шепот, — это не такая рана, которая видна...

Уэйнстайн привстал, чтобы что-то спросить, но передумал и сел. Я сам рассказал о том, что он хотел узнать:

— Ядерная гаубица. Как выяснилось впоследствии, попался неисправный снаряд. Этого оказалось достаточно, чтобы погибла половина экипажа нашего крейсера второго класса. Я не был убит, но оказался в пределах вторичного облучения...

— Вторичное облучение... — Лахмед быстро провел в уме подсчет. — Вторичное облучение стерилизует каждого на расстоянии семидесяти метров. Если только на вас не было...

— На мне не было. — Я перестал потеть. Все! Моя маленькая драгоценная тайна перестала быть тайной. Я перевел дух. — Так что, как вы теперь понимаете, я точно знаю, что эта проблема до сих пор не разрешена.

Роджер Грэй встал и пожал мне руку. Обычная мужская рука. Может быть, чуть посильнее.

— Экипаж “рогатов” набирается из добровольцев. Кроме двух категорий: командиров и солдат-заменителей.

— По-видимому, — предположил Уэйнстайн, — для человечества они представляют наименьшую ценность.

— Верно, — кивнул я. — Именно из этих соображений.

— Черт бы меня побрал! — рассмеялся Юсуф Лахмед, поднимаясь и тоже пожимая мне руку. — Добро пожаловать в наш круг, капитан.

— Спасибо, сынок, — ответил я.

Казалось, их ошеломило это проявление чувств.

— Ваш покорный слуга, — пояснил я. — никогда не был женат и всегда был слишком занят, чтобы, напившись в увольнении, топтать в ближайший спермоприемник.

— Вот это да! — протянул Уэйнстайн.

— Да. Вы — единственная семья, которую я когда-либо буду иметь. А этого добра, — поклонялся я по своим медалям, — у меня предостаточно, чтобы не бояться, что меня заменят. Я совершенно уверен в этом.

— Но вы еще не знаете, — заметил Лахмед, — в каких размерах вам предстоит получать пополнение. Это зависит от того, насколько вы пополните коллекцию украшений на своей груди, прежде чем сами станете... осмелюсь сказать, сырьем!

— Еще бы! — воскликнул я.

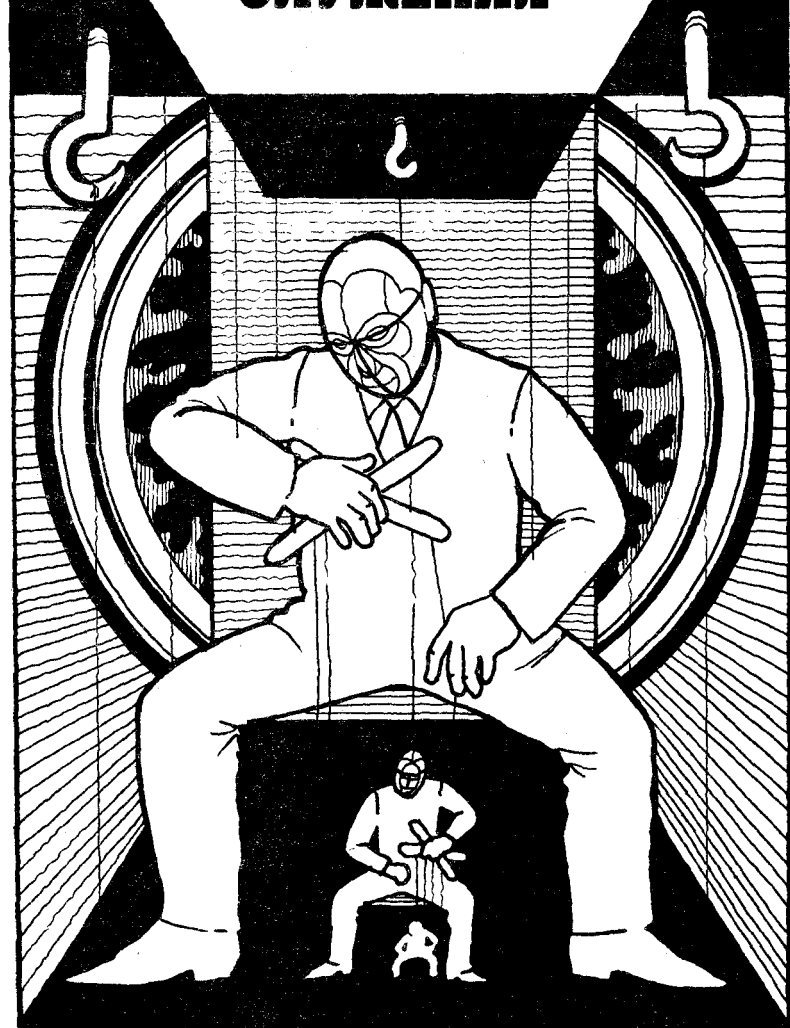
Мне стало невероятно легко. Я не ощущал себя больше бесполезным, зная, что мне предстоит воспитывать такое же чувство в своем экипаже.

— Знаете что, ребята, — произнес мой стрелок, — мне кажется, что командир у нас — отличный парень. О таком можно было только мечтать! За таким можно пойти куда угодно!

Они окружили меня. Уэйнстайн, Лахмед, Грэй, Вонг Цзы. Я чувствовал, что мы составим один из лучших экипажей “рогатов” во... Почему один из лучших? Самый лучший!

— О'кэй! — сказал Грэй. — Ведите нас куда-угодно... Папуля!

ПРОБЛЕМА СЛУЖЕНИЯ

THE SERVANT PROBLEM

Ballantine Books

New York

1956

Был день установления Полного Контроля...

Гаромма, Слуга для Всех, Чернорабочий Цивилизации, Прислуга за Все, осторожно приложил надушенные кончики пальцев к лицу, закрыл глаза и позволил себе окунуться в роскошное ощущение абсолютной власти, безграничной власти, власти такой, о которой до сих пор не мечтал ни один человек.

Полный Контроль! Полный...

За исключением одного человека. Одно-единственного отщепенца рода человеческого. Одного, правда, очень полезного, человека. Вопрос заключался только в том, задушить ли его сегодня, после обеда, прямо за письменным столом, или дать возможность пожить еще несколько дней или недель под бдительным наблюдением, дабы исчерпать до конца его полезность. Его измена, его интриги, несомненно, выдадут его с головой. Ну что ж, Гаромма примет решение несколько позже, на досуге. А пока что, во всех других отношениях, для абсолютно всех остальных — полный контроль. Не только над умами, но и над деятельностью желез. Всех людей, даже их детей. И, если верны оценки Моддо, то и их внуков.

— Вот так, — едва слышно прошептал Гаромма, неожиданно вспомнив отрывок из устно передававшегося текста книги, которому учил его отец-крестьянин много лет тому назад. — Вот так, вплоть до седьмого колена... — Из какой древней книги, сожженной на давнем-предавнем педагогическом костре, взята эта цитата? Гаромма задумался. У отца спросить невозможно, у его друзей и соседей — тоже. Все они были уничтожены во время подавления крестьянского бунта в шестом округе тридцать лет назад.

Тридцать лет назад...

После установления Полного Контроля такое восстание никогда уже не сможет вспыхнуть. Кто-то тихонько прикоснулся к его колену, и поток воспоминаний прервался. Моддо, Слуга Просвещения, сидящий в самом низу машины, сделал подобострастный жест в сторону прозрачного, ракетоподобного купола, который окружал до пояса тело его вождя.

— Наряд, — произнес он, по обыкновению запинаясь, — там. Сваружи. — Да. Люди лились сплошным потоком через ворота Лачуги Служения, заполняя тротуары. По обеим сторонам улицы, куда ни кинь взгляд, располагались пронзительные кричащие толпы, черные, плотные, бурливые, как муравьи. Гаромма, Слуга для Всех, не имел права так долго предаваться собственным мыслям. Нужно было, чтобы его могли лицезреть те, кому он столь преданно служил. Он скрестил руки на груди и начал раскланиваться внутри небольшого купола, возвышавшегося башенкой над приземистой черной платформой. Поклон направо, поклон налево, и обязательно смиренно, даже униженно, не забывая о том, что он — Слуга для Всех. Приветственный визг толпы усилился. Гаромма заметил краем глаза, как Моддо одобрительно кивнул. Добрый старина Моддо. Это, в какой-то мере, день и его триумфа. Установление полного контроля — личное достижение Слуги Просвещения. Однако он оставался в густой тени безызвестности за спиной Гароммы и вкушал свой триумф только сквозь призму ощущений вождя — так же, как и все предшествующие 25 лет.

К счастью, Моддо этих ощущений было достаточно для нервной системы. Но, к несчастью, существовали и другие, один — точно, кому нужно было больше. Гаромма кланялся, с любопытством рассматривая сквозь струящуюся паутину окружающих его полицейских-мотоциклистов жителей Столицы, свой народ, принадлежащий ему точно так же, как и все и вся по всей Земле. Яростно давясь на тротуарах, его люди вскидывали руки над головой, как только автомобиль Гароммы подъезжал к ним.

— Служи нам! — скандировали они. — Служи нам! Служи нам!

Он всматривался в искаженные лица, смотрел на пену, появляющуюся у многих в углах рта, на полужакрытые в экстазе глаза, на раскачивающихся мужчин, корчащихся женщин, на отдельных зрителей, которые от счастья падали в обморок. И продолжал кланяться со скрещенными на груди руками, покорно и униженно.

На прошлой неделе Моддо спросил у него мнения в отношении церемонии и внешнего оформления сегодняшнего праздничного шествия и невзначай упомянул о чрезвычайно высоком уровне массовой истерии, когда вождь показывался на людях. И тогда Гаромма выразил вслух то любопытство, которое он испытывал в течение длительного времени.

— Что происходит у них в мозгу, когда они видят меня? Я знаю, что они приходят в состояние счастливого экстаза и все такое. Но каким точным термином вы, ребята, называете это в своих лабораториях и таких местах, как Центр Управления? Моддо провел ладонью по лбу знакомым, привычным для Гароммы жестом.

— Они испытывают взрывное облегчение, — ответил он не торопясь, глядя через плечо вождя, будто читал ответ на расположенном на дальней стене телеэкране, воспроизводящем карту земного шара. — Вся напряженность, которая накапливается в них при будничной суете, сопряженной с самыми разными пустяковыми запретами, все разочарование, которое охватывает их при исполнении предписаний Службы Воспитания не делать то и не делать это, высвобождается как бы взрывом в то мгновение, когда они видят ваше изображение или слышат ваш голос.

— Взрывное облегчение? Я никогда не думал, что это происходит именно так.

— Ведь вы, — с энтузиазмом продолжал Моддо, — единственный человек, который всю свою жизнь без остатка, как они думают, растрчивает на самое жалкое повиновение, совершенно непостижимое для них. Человек, который держит все перепутанные нити координации в мировом масштабе в своих, не знающих усталости послушных пальцах. Человек, который является символом самого беззаветного и многотрудного служения. Человек, являющийся... как бы козлом отпущения народных масс!

Тогда Гаромма только улыбнулся ученому красноречивому Моддо. Теперь же, наблюдая из-под прищуренных век за беснующимися толпами, он окончательно понял, что Слуга Просвещения был совершенно прав. Разве не было надписи на Великой Печати Мирового Государства: "Все люди обязаны служить Кому-нибудь, но только Гаромма является Слугой для Всех"? Без него, они это знали и знали бесповоротно, океаны прорвались бы сквозь дамбы и затопили низменности, поселившаяся в человеческих телах зараза взорвалась бы эпидемиями, которые в десятки раз сократили бы население округов, вышли бы из строя системы жизнеобеспечения, власти на местах угнетали бы простой народ и затеяли бы кровавую междоусобицу... Без него, без Гароммы, который день и ночь в поте лица своего трудится, чтобы все шло спокойно и гладко, чтобы удерживать под контролем титанические силы природы и цивилизации. Они знали это твердо ибо что-либо такое происходило только в тех случаях, когда Гаромма "уставал от Служения". И что значили их ничтожные жизненные неприятности в сравнении с мрачной безысходностью всей его, так всем необходимой жизни? В этом хрупком человеке, униженно раскланивающемся направо и налево, была не только та божественная сила, которая позволяла человеку безбедно существовать на Земле, но также и то, что он всем своим естеством вселял во всех обездоленных осознание, что все могло бы быть гораздо хуже, что по сравнению с ним, несмотря на все свои страдания и лишения, они являются если не богами, то, по крайней мере, королями.

Поэтому-то и не было ничего удивительного в том, что они вскидывали руки навстречу ему, Слуге для Всех. Чернорабочему Цивилизации, Прислуге за Все и, торжествуя, выкрикивали в едином порыве свои исполненные страха мольбы:

— Служи нам, Гаромма, служи нам, служи нам!

А покорные овцы, которых он мальчишкой пас на северо-востоке шестого округа, разве они не считали его слугой, который перегоняет их на лучшие пастбища, к более прохладным родникам, защищает от врагов и убирает булыжники из-под копыт? А все для того, чтобы копченое мясо имело лучший вкус на столе отца...

И эти, намного более полезные, весьма умные овцы были столь же основательно приручены. Благодаря очень простому принципу, состоящему в том, что они рассматривают правительство в качестве слуги народа и что обладатель наивысшей власти в правительстве является наиболее униженным слугой.

Его овцы!

Он улыбнулся им отеческой, исполненной чувства собственности, улыбкой.

А полицейские на мотоциклах и постовые, сдерживающие толпы на всем протяжении пути, — его овчарки. Другая порода прирученных животных. Вот таким же был и сам он, когда тридцать три года назад высадился на этом острове свежее испеченным выпускником захолустного училища Службы Безопасности, чтобы получить первую государственную должность в качестве полицейского в Столице. Неуклюжая, восторженная овчарка. Одна из наименее важных овчарок предыдущего Слуги для Всех. Тремя годами позже ему предоставился шанс выслужиться во время крестьянского восстания в его родном округе. Хорошо зная специфику края и подлинных вождей бунта, он сумел сыграть немаловажную роль в его подавлении. А затем — новая и важная должность в Службе Безопасности. Она дала ему возможность познакомиться с многообещающими молодыми людьми из других служб. В частности, с Моддо — первым и наиболее полезным из лично им самим прирученных людей. Имея в распоряжении административный гений Моддо, он стал специалистом в утонченном искусстве устранения политических противников и, когда его начальник начал домогаться высочайшего поста, Гаромма оказался в наиболее благоприятном положении для того, чтобы предать его и самому стать Слугой Безопасности. Заняв этот пост и пользуясь услугами все того же Моддо, разработавшего мельчайшие детали стратегии, он всего лишь за несколько лет сумел отпраздновать успешное удовлетворение своих собственных домогательств на этот высший пост, разгромив в пух и прах прежнюю администрацию Лачуги Служения. Однако урок, преподанный им прежним владельцам взорванного и изрешеченного ракетными здания, заставил его задуматься. Ему не было известно, сколько Слуг Безопасности до него воспользовались таким

образом своей должностью, ибо все исторические книги, равно как и все другие, досконально переписывались заново в начале правления каждого нового режима, а устная традиция — обычно неплохой путеводитель в прошлое при надлежащем просеивании фактов, на сей счет хранила молчание. Было, однако, очевидно, что то, что совершил он, мог бы совершить и другой. С этим ничего нельзя было поделать. Оставалось только быть предельно внимательным. Он помнил, как отец отрывал его от детских игр и водил на пастбище, уча ухаживать за овцами. Как ненавидел маленький Гаромма эту унылую, утомительную работу! Отец это отлично понимал и однажды, чтобы облегчить страдания сына, попытался ему объяснить:

— Понимаешь, сынок, овцы — это животные, которых называют домашними. Так же, как и собак. Так вот, мы умеем приручать овец и собак, чтобы они охраняли этих овец. Но там, где нужно что-либо предпринять, если случится нечто неожиданное, необходим человек.

— Вот здорово, папа, — сказал тогда он, опираясь на огромный посох. — Тогда почему же вы не приручите человека?

Отец рассмеялся.

— Что ж, есть люди, которые пытаются это сделать, — сказал он, глядя вдаль, за холмы. Голос его стал жестким. — И это у них получается все лучше и лучше. Единственная трудность заключается в том, что, стоит только приручить человека, как он уже и в пастухи не годится. Прирученный человек становится глупым и ко всему безразличным. Не жди тогда уже от него пользы. Ему на все наплевать. Именно в этом, как понял потом Гаромма, и заключалась вся трудность задачи. Слуга Безопасности по самой природе своих обязанностей не может быть прирученным животным. Не раз и не два он пробовал поставить людей-овчарок во главе Службы Безопасности, но они не соответствовали должности и их приходилось заменять обычными людьми. Но через год, три года, пять лет эти люди неизбежно вступали в борьбу за верховную власть и их, к великому сожалению, приходилось уничтожать.

Так же, как придется уничтожить и нынешнего Слугу Безопасности. Единственное, что сейчас волновало Гаром-

му — дьявольская полезность этого человека. Приходилось так рассчитать время для подобной акции, чтобы как можно дольше продлить функционирование этой редкостно одаренной личности, которая в совершенстве выполняла свои обязанности и которую все-таки приходилось убирать в тот момент, когда опасность ее перевесила ценность. И поскольку при надлежащем человеке, занимающем эту должность, опасность существовала с самого начала, следить за весами нужно было очень внимательно и непрерывно... Гаромма тяжело вздохнул. Эта проблема фактически являлась единственной неприятностью в мире, который по сути своей был сконструирован им таким образом, чтобы доставлять ему радость. Она всегда неотлучно преследовала его, даже во сне. А прошлая ночь вообще была сплошным кошмаром.

Моддо снова прикоснулся к его колену. Гаромма встрепенулся и одарил его благодарной улыбкой. Забываться не следовало никогда. Толпы остались позади. Перед ним плавно распахнулись огромные металлические ворота Центра Воспитания, и машина с грохотом проехала внутрь. Как только моторизованная полиция с форсом отъехала в сторону, ее функции перешли к вооруженным охранникам Центра, одетым в хрустящие белые мундиры. Гаромма с помощью обеспокоенного Моддо выкарабкался из машины под оглушительные, волнующие звуки Гимна Человечества, исполняемого хором Центра в сопровождении оркестра Центра:

*Гаромма трудится ночью и днем,
Время планеты возлегает на нем.
Нет у Гароммы ни ночи, ни дня —
Ради тебя и ради меня!*

После пяти куплетов, обязательное исполнение которых было предусмотрено протоколом, оркестр грянул "Гимн Просвещения", и по ступенькам здания сошел Помощник Слуги Просвещения — статный молодой человек с безупречными манерами. Он простер руки и его "Служи нам, Гаромма!" было формальным, но безукоризненно выполненным. Он посторонился, пропуская вперед Гаромму и Моддо, а когда они стали подниматься по ступенькам,

повернулся и с гордо выпрямленной спиной последовал за ними. Дирижер хора держал певцов на высокой, исполненной полнейшего обожания, ноте.

Они прошли под огромной аркой, на которой был высечен лозунг "Все должны учиться у Слуги для Всех", и проследовали внутрь здания по широкому центральному коридору. Блеклые лохмотья на Гаромме и Моддо развевались за их спинами. Выстроившаяся вдоль стен мелкая служивая сошка нараспев скандировала: "Служи нам, Гаромма, служи нам, служи нам!" В этих криках уже не ощущалось той безумной страсти, которой были охвачены толпы на улице, отметил про себя Гаромма, но тем не менее, они были в должной мере пылкими. Он поклонился и украдкой взглянул на неотступно следовавшего за ним Моддо. И едва сдержал улыбку — таким неуверенным, взволнованным, совсем не похожим на себя выглядел Слуга Просвещения. Бедняга Моддо! Он был просто не предназначен для столь высокой должности. И совсем не был похож на наиболее важное лицо правящей элиты. Вот это и было одним из тех факторов, которые делали его незаменимым. Моддо был умен как раз настолько, чтобы понимать собственную неадекватность. Без Гароммы он до сих пор занимался бы проверкой статистических данных в поисках мелких расхождений в каком-нибудь из вспомогательных отделов Службы Воспитания. Он понимал, что недостаточно силен для того, чтобы стоять на ногах самостоятельно. И не был в должной мере изворотлив, чтобы обзавестись полезными сообщниками. И поэтому ему, единственному из всех Слуг Кабинета, можно было доверять полностью.

В ответ на робкое прикосновение Моддо к плечу Гаромма прошел в большой зал, специально для него пышно убранный, и взобрался на небольшую позолоченную платформу в дальнем его конце. Сел на грубый деревянный трон, возвышавшийся на платформе. Мгновением позже Моддо занял место на ступеньку ниже, а еще одной ступенькой ниже расположился Помощник Слуги Просвещения. Зал постепенно заполнился одетыми в белые мундиры роскошного, наиболее модного, в свободно спадающих складках, покроя Старшими Руководителями Центра Воспитания. Впереди платформы выстроились личные тело-

хранители Гароммы. И празднество началось. Празднество, посвященное установлению полного контроля. Сначала старейший из чиновников Службы Воспитания процитировал соответствующие места из Устных Преданий. О том, как каждый год при определенном режиме с незапамятных доисторических, так называемых “демократических” времен в старших классах средних школ по всему миру производилась психометрическая проверка с целью точного определения степени эффективности политического воспитания подростков. О том, что ежегодно обнаруживалось, что подавляющее большинство считало находящегося в момент проверки правителя самой стержневой фигурой, поддерживающей благосостояние людей, главной движущей силой повседневной жизни. О том, что существовало незначительное меньшинство, в среднем пять процентов, успешно противостоящее идеологической обработке, и за ними надо было внимательно следить, как за потенциальными источниками недовольства. О том, что с приходом к власти Гароммы и его Слуги Просвещения Моддо, 25 лет тому назад началась новая эра интенсивного промывания мозгов широких масс, преследующая гораздо более честолюбивые цели. Старейший замолчал, поклонился и, сделав шаг назад, затерялся в толпе.

Поднялся Помощник Слуги Просвещения и, повернувшись лицом к Гаромме, охарактеризовал новые цели — полный контроль — противостоящие устаревшему довольству прежней администрацией 95 процентами. Потом он начал рассуждать о новых, широкомасштабных механизмах внушения страха и об ускоренных методах психометрической профилактики на ранних стадиях, с помощью которых должны быть достигнуты эти цели. Все методы, разработанные “под мудрым руководством непогрешимого вдохновителя Гароммы, Слуги для Всех, дали в результате то, что проведенная через несколько лет проверка показала, что количество независимых юношеских умов сократилось до одного процента. Собравшиеся боготворили при этом каждый вздох, вырывающийся из груди их Слуги. Помощник Слуги Просвещения отметил, что затем прогресс замедлился. Новыми методами воспитания было охвачено большинство наиболее способных детей, однако все еще оставалось твердокаменное ядро психологических не-

удачников, которые не могли приспособиться к окружению, преобладающему в их социальной среде. В течение нескольких лет в муках родилась такая методика воспитания, которая давала возможность даже неудачникам вписаться в общество, главной характеристикой которого являлось обожествление Гароммы, а еще через несколько лет выборочные проверки показали, что количество носителей отрицательных реакций стало уменьшаться до нуля: 0,016%, 0,007%, 0,0002%.

Наконец, наступил нынешний год. И что же?

Помощник Слуги Просвещения сделал паузу.

Пять недель тому назад состоялся очередной выпуск молодых людей, прошедших Единую Систему Просвещения. Была проведена обычная проверка в масштабах всей планеты. Потом — сравнение и повторная проверка. Результат оказался поразительным — отрицательная реакция составила ноль процентов выпускников, вплоть до самого последнего десятичного знака! Контроль стал полным и всеобъемлющим. В зале вспыхнула овация, в которой принял участие и сам Гаромма. Затем он наклонился вперед и по-отечески, как обращаются с любимой вещью, возложил руку на голову Моддо. Узрев такое необычное оказание чести своему шефу, собравшиеся разразились приветствиями.

Воспользовавшись шумом, Гаромма тихо спросил у Моддо:

— А что известно об этом широком массам? Что ты им говоришь на сей счет?

Крупное лицо Моддо с выступающими скулами повернулось к Гаромме:

— Что это — праздник, главной целью которого является нечто такое, что по душе их Слуге. Напускаю побольше туману, чтобы могли радоваться этому вместе с ним.

— Своему собственному рабству... Мне это на самом деле по душе. — Гаромма долго смаковал наслаждение неограниченного господства. Но в его вкусе появилась некая кислинка, и он, вспомнив, решительно проговорил: — После обеда я хотел бы заняться вопросом, касающимся Слуги Безопасности. Начнем, как только отправимся отсюда. Слуга Просвещения кивнул.

— На этот счет у меня есть некоторые мысли. Как вы понимаете, все не так просто. Взять хотя бы проблему преемника.

— Да, это так. Может быть, подождем еще несколько лет, и, если только нам удастся подтвердить результаты проверки и распространить наши методы на людей более старшего возраста, сможем начать ликвидацию Службы Безопасности вообще.

— Может быть. Однако прочные убеждения менять гораздо труднее. И вам всегда нужна будет Служба Безопасности в высших эшелонах государственного аппарата. Но я сделаю все, что в моих силах. Все, что в моих силах.

Гаромма кивнул и удовлетворенно откинулся на спинку трона. Моддо всегда будет делать все, что в его силах. И что особенно приятно — самую нудную, неблагодарную работу. Гаромма небрежно вскинул руку. Аплодисменты и приветствия прекратились. Вперед вышел еще один ответственный работник Просвещения и стал описывать подробности выборочной проверки. Церемония шла своим чередом.

Это был день установления Полного Контроля!

Моддо, Слуга Просвещения, одетый в лохмотья Учитель Человечества, потер разболевшийся лоб своими большими, хорошо ухоженными пальцами и позволил себе погрузиться в блаженство ощущения абсолютной власти, безграничной власти, власти, о которой не грезилось никому из людей прежде.

Полный Контроль. Полный.

Оставалась, правда, еще проблема преемника Слуги Безопасности. Гаромма потребует от него решение, как только они отправятся назад, в Лачугу Служения. А решение это все не приходит. Любой из двух помощников Слуги Безопасности мог бы успешно выполнять эту работу, но не в этом заключается затруднение.

Вопрос в том, что неизвестно, кто из этих двоих может в большей степени поддерживать на высоком уровне страхи Гароммы, внушенные ему Моддо за 30 лет. В этом, по

его мнению, и заключается единственная функция Слуги Безопасности: непрерывно возбуждать и без того обуянное страхом подсознание Слуги для Всех до такой степени, пока не придет время периодически повторяющегося психического кризиса. А потом, заменив человека, вокруг которого аккумулируются все эти страхи, временно ослабить напряжение. Моддо улыбнулся. Это несколько напоминает рыбную ловлю. Сначала забрасываешь удочку с наживкой лишний раз, уничтожив очередного Слугу Безопасности, а затем спокойно и непрерывно разматываешь леску следующие несколько лет, исподтишка подбрасывая намеки о все более явно проявляющихся намерениях его преемника. Только никогда не следует вытягивать эту рыбку на берег. Необходимо просто удерживать ее на крючке, чтобы она находилась под постоянным контролем. Слуга Просвещения улыбнулся выверенной легкой улыбкой, незаметной для окружающих. Делать ее он научился еще в юности. Вытащить рыбку на берег? Это равнозначно тому, чтобы самому стать Слугой для Всех. Но какой же умный человек мог бы удовлетворять свою жажду власти таким идиотским образом? Нет, пусть это остается его коллегам, увешанным лохмотьями, высокопоставленным чинам Лачуги Служения, вечно плетущим интриги и заговоры, объединяющимся в различные фракции и контрфракции. Слуге Промышленности, Слуге Сельского Хозяйства, Слуге Науки и остальному непомерно важному дурачью.

Быть Слугой для Всех — значит быть мишенью для заговоров, эпицентром повышенного внимания. Любой одаренный человек в этом обществе рано или поздно приходит к пониманию, что власть — единственная стоящая цель в жизни. А Слуга для Всех — само воплощение власти как таковой. Нет уж. Гораздо лучше, когда тебя считают робкой, забитой мелкой сошкой, колени которой трясутся под бременем ответственности, намного превышающей способности. Разве он не наслушался за своей спиной пренебрежительных фраз вроде:

“...административная игрушка Гароммы...”

“...подстилка под башмаками Гароммы...”

“...шестерка для выполнения дел, которыми брезгует Слуга для Всех...”

“...вешалка для грязного белья Гароммы...”

“...жалкий, ничтожный, трусливый слизняк...”

“...Гаромма чихает, Моддо нюхает...” и так далее.

Но в этом лакейском, презиравемом положении можно быть подлинным творцом вырабатываемого политического курса, вершителем судеб людей, фактическим диктатором человечества... Он еще раз поднял руку и разгладил морщины на лбу. Головная боль становилась все нестерпимее. А официальная церемония достижения полного контроля, похоже, продлится еще добрый час, не меньше. Хорошо бы сейчас смотаться минут на 20—30 к Луубу-Исцелителю, но так, чтобы Гаромма не слишком разволновался. В такие критические периоды со Слугой для Всех нужно обращаться особенно деликатно. Тот первый испуг, который Моддо в нем вызвал, может в любой момент чрезмерно разрастись и привести к поспешным, принятым самостоятельно, решениям. Такой возможности нельзя допускать ни в коем случае. Это было бы слишком опасно. На какое-то мгновение Слуга Просвещения прислушался к тому, о чем бубнит молодой докладчик. О способах и средствах, наклонных кривых и коэффициентах корреляции, и все это на том статистическом жаргоне, за которым скрывалось все великолепие революции в психологии, которую совершил он, Моддо.

...Да, это продлится еще не менее часа...

Тридцать пять лет назад, корпя над диссертацией в библиотеке Высшего Центрального Училища Службы Воспитания, он раскопал великолепный самородок среди накопившегося за несколько столетий шлака статистических данных по воспитанию масс — концепцию индивидуально-го подхода.

В течение долгого времени эта концепция казалась ему невероятно трудной для применения. Когда все, чему тебя учили, направлено на эффективное воздействие на людскую психику в масштабе миллионов, учет склонностей и чувств одного человека кажется неуловимым и скользким, как свежевывловленный угорь.

Тем не менее, защитив диссертацию, посвященную методам достижения полного контроля, которыми пренебрегала прежняя администрация, он вернулся к проблеме индивидуального воспитания. В течение следующих несколь-

ких лет, выполняя нудную работу в Бюро Прикладной статистики Службы Воспитания, Моддо одновременно разрешал проблему выделения личности из группы перехода от общего к частному. Одно было очевидно: чем моложе материал, тем легче выполнение задачи — так же, как и при массовом воспитании. Однако, если начинать в детском возрасте, пройдет немало времени, прежде чем воспитуемый начнет эффективно воздействовать на окружающий мир от своего имени. И, взявшись за воспитание ребенка, непрерывно сталкиваясь с необходимостью преодоления идеологической обработки, получаемой им в младших классах. Требовался молодой человек, занимающий уже определенный правящий пост, по той или иной причине обладающий немалой долей нереализованного или же не подготовленного в должной мере потенциала. Предпочтительно, чтобы его прошлое могло повлиять на создание личности, в которую уже заложены страхи и желания такого рода, чтобы могли послужить в качестве адекватных рычагов управления. Моддо работал по ночам, роясь в личных делах сотрудников своей организации в поисках такого человека. И нашел двоих-троих вполне подходящих. Более всего ему импонировал замечательный парнишка из Службы Транспорта. Но тут он натолкнулся на личное дело Гароммы.

Этот молодой человек был само совершенство. Он был создан для того, чтобы руководить. Обаятельный, умный, восприимчивый, впечатлительный...

— Я мог бы чертовски многому поучиться у вас, — застенчиво сказал он Моддо при первой встрече. — Столица еще несколько смущает меня, а вы здесь родились и чувствуете себя, как рыба в воде.

Благодаря неряшливой работе Специального Уполномоченного по вопросам Воспитания шестого округа в местах, где вырос Гаромма, оказалось удивительно много лиц с независимым складом мышления на самых различных уровнях развития интеллекта. Большинство из них склонялось к революции, особенно после десяти неурожайных лет и непомерного повышения налогов. Но Гаромма был честолюбив. Он отвернулся от своего крестьянского прошлого и занял место в одном из нижних этажей Службы Безопасности. Когда в шестом округе произошло восстание, его

полезность при подавлении была вознаграждена высоким постом. Но, что самое главное — он был избавлен от надзора и дополнительной идеологической обработки, которые неизбежно ожидали бы любого другого человека с такими подозрительными семейными связями.

Это означало, что в распоряжении Моддо оказалась не только восходящая звезда, но и личность, превосходная в своей пластичности. Личность, на которую он мог старательно накладывать планируемый образ.

Прежде всего, в ней имелось замечательное качество — чувство вины перед отцом за непослушание, толкнувшее молодого Гаромму на уход с фермы, а впоследствии заставившее его стать доносителем на собственную семью и соседей. Это чувство вины, имеющее своим следствием боязнь и ненависть ко всему, связанному с прошлым, можно было легко перенаправить на ненавистного нового "отца" — Слугу Безопасности, нового начальника Гароммы. Позже, когда Гаромма стал Службой для Всех, он все еще оставался благодаря неусыпным стараниям Моддо с тем же чувством вины и вездесущим страхом наказания, независимо от того, кто в данный момент возглавлял Службу Безопасности. Необходимо только было, чтобы вождь не догадывался, что имеет хозяина — высокого мужчину, который всегда сидит справа от него и кажется всегда таким взволнованным и неуверенным... Моддо неустанно воспитывал и перевоспитывал Гаромму. С самого начала он понял, что необходима постоянная подпитка узколобого крестьянского высокомерия Гароммы, и начал перед ним унижаться. И даже заставил Слугу для Всех уверовать, что это он приручил Моддо, а не наоборот. Мысли о ненадежности Слуги Безопасности он незаметно каждый раз прививал Гаромме самолично. Теперь Моддо был занят закладкой грандиозных планов на будущее и совсем не хотел, чтобы они расстроились из-за накопившихся обид — наоборот, они должны быть подкреплены обожанием, испытываемым к любимой собаке, приниженная зависимость которой только укрепляет хозяина в сознании собственной значимости и приводит к еще большей зависимости от нее, чего хозяин даже не осознает. Моддо едва сдержал улыбку, вспомнив потрясение, которое не смог скрыть

Гаромма, когда до него дошло, что Слуга для Всех фактически является Диктатором над Всеми. Что ж, однажды ему самому в детстве пришлось услышать подобную фразу в разговоре родителей во время морской поездки, которую семья совершала по привилегии, данной отцу — мелкому служащему Службы Рыболовства и Мореплавания. И это потрясло молодую душу так, что Моддо вырвал... Потеря веры тяжело переносится в любом возрасте, а в зрелости — особенно.

В возрасте шести лет Моддо потерял не только веру, но и родителей. Они слишком много и откровенно говорили... Он сжал ладонями голову. Такой сильной головной боли у него не было уже давно. Все же необходимо будет отлучиться минут на 15—20 к Ллуубу. Целитель восстановит его силы, а их много понадобится до конца этого утомительного дня. В принципе, Гаромму так или иначе нужно покинуть на некоторое время, чтобы в одиночестве поразмыслить о том, кто станет следующим Слугой Безопасности. Моддо поднял голову.

— Мне нужно проверить выполнение нескольких мелких распоряжений, прежде чем мы двинемся назад. Я могу быть свободен минут на двадцать, самое большее — двадцать пять?

Гаромма нахмурился, глядя перед собой.

— Ты, что, подождать не можешь? Этот день настолько же твой, насколько и мой. И мне хочется, чтобы ты был подле меня.

— Я понимаю это и очень признателен тебе, Гаромма. Но... — Он умоляюще прикоснулся к колену Слуги для Всех. — Но я все же прошу отпустить меня. Дела весьма безотлагательны. Одно из них связано, правда, косвенно, со Слугой Безопасности...

Лицо Гароммы оживилось.

— Иди. Но обязательно возвратись до конца церемонии. Я хочу, чтобы мы вместе вышли отсюда.

Моддо кивнул и поднялся. Простирая руки, он тихо произнес, обращаясь к своему владыке:

— Служи нам, Гаромма. Служи нам, служи нам.

Пятясь, Слуга Просвещения направился к заднему выходу из зала. Лицо его все время было обращено к Слуге для Всех.

Оказавшись в коридоре, он быстро зашагал к своему персональному лифту мимо вытянувшихся в почтительных позах охранников Центра Воспитания. Нажал на кнопку третьего этажа. И только, когда дверь за ним закрылась, и кабина начала подниматься, позволил себе сдержанно улыбнуться. Чуть-чуть, одними уголками рта.

Больше всего он хотел вдолбить в толстую башку Гароммы, что основополагающим принципом современного, научно обоснованного, правления является настолько ненавязчивое поведение правительства, чтобы создавалось впечатление, будто его не существует вовсе. Необходимо пользоваться иллюзией свободы как своего рода смазкой для облегчения надевания незримых очков. И, превыше всего — править во имя чего угодно, кроме правления как такового!

Эту мысль высказал сам Гаромма в обычном своем тяжеловесном стиле после их великого переворота, когда они, испытывая все еще немалые неудобства от собственного величия и прикрывавших его лохмотьев, наблюдали за возведением нового здания Лачуги Служения на пепелище старого, простоявшего почти столетия. огромная вращающаяся разноцветная надпись на верхушке недостроенного сооружения сообщала населению: "Отсюда будут удовлетворены каждое ваше желание и каждая потребность, отсюда вам будут служить более эффективно и быстро, чем когда-либо прежде".

Гаромма долго смотрел на эту надпись, которая должна была вспыхивать на экранах видеоприемников по всему миру каждый час. Потом он произнес, обращаясь к Моддо и сопровождая свои слова характерным хриплым смешком, по обыкновению означавшим, что высказываемая мысль, по его мнению, является совершенно оригинальной:

— Это вроде того, о чем мне частенько говаривал отец. Хороший продавец, достаточно долго и упрямо долдоня одно и то же, сможет убедить покупателя, что самые толстые колючки являются такими же мягкими, как лепестки розы. Все, что от него требуется, — это без усталости называть их розами. Не так ли, Моддо?

Моддо неторопливо кивнул, делая вид, что сражен блеском сравнения и теперь смакует его. Затем, как всегда, он приступил к тому, чтобы преподать новому Слуге для Всех еще один урок. Подчеркнув необходимость избегать внешнего проявления пышности и роскоши, чем грешили высокопоставленные чины прежней администрации, он указал, что Слуги Человечества должны постоянно казаться просто смиренными орудиями воли огромных народных масс. Тогда всякий, оказавший сопротивление воле Гароммы, понесет наказание не за неповиновение своему правителю, а за действия, направленные против подавляющего большинства человечества. Потом он предложил новшество. Заключалось оно в провоцировании случающихся время от времени бедствий в тех районах, которые всегда были верными и покорными. Это должно было говорить о том, что Слуга для Всех — всего лишь человек, что бремя трудов и забот подавляют его, что он тоже иногда устает.

Эти бедствия должны были также усилить впечатление, что труд по координации всепланетных служб и потребностей стал невероятно сложным, чтобы его можно было выполнять без мелких ошибок. Это должно было побудить население творить ничем не вызванные чудеса безумной преданности и самоограничения, чтобы этим они могли привлечь к себе максимум внимания Слуги для Всех. — Конечно, — согласился Гаромма. — Именно это я и имел в виду. Вся загвоздка в том, чтобы не дать им возможности догадаться, что мы направляем весь ход их жизни, и что они сами помогают нам в этом. Ты уловил самую суть идеи.

Он уловил суть! Он, Моддо, который еще с юношеских лет изучал эту концепцию, возникшую много веков тому назад, когда человечество начало высвобождаться из первобытного хаоса самоуправления и персональных решений и организовываться в упорядоченное мироздание современной эпохи...

Он уловил суть идеи!

Моддо признательно улыбнулся. Он применял к Гаромме те же методы, что и к человечеству в целом. Год за годом, внешне погруженный в необычные проекты, он фактически спихнул всю работу своим подчиненным, а сам

сосредоточил внимание на Гаромме. Сегодня он впервые вкусил сладость полного контроля над Гароммой. В течение последних пяти лет Моддо пытался выкристаллизовать свою власть в такой форме, чтобы ею было легче пользоваться, чем сложной моделью из скрытых намеков и недосказанных фраз. И вот сейчас все эти утомительные часы ненавязчивого и вкрадчивого воспитания начали с лихвой себя окупать. Жест рукой, едва уловимое прикосновение — к этим стимулам было приучено сознание Слуги для Всех, и он каждый раз реагировал именно так, как было нужно!

Идя по коридору третьего этажа в скромный кабинет Лууба, он искал в уме соответствующие сравнения. Этот метод, как ему казалось, напоминает совершение разворота гигантского лайнера от одного прикосновения к штурвалу. Нет, пусть Гаромма наслаждается неприкрытым низкопоклонством и испытывает моменты своего величия, пусть ему достаются тайные дворцы и табуны наложниц. Он же, Моддо, удовлетворится единственным, как бы случайным прикосновением... и полным контролем. В приемной кабинета Лууба никого не было. Моддо нетерпеливо подождал несколько секунд, потом позвал:

— Лууб! Здесь есть кто-нибудь? Я очень спешу!

Из кабинета суетливо вышел пухлый невысокий мужчина с бородкой клинышком.

— Моя секретарша... все сошли вниз... когда прибыл Слуга для Всех... все перепуталось... Она еще не вернулась. Но я приму меры, — продолжал он, стараясь перевести дух, — чтобы отменить прием других пациентов, пока вы находитесь в здании. Пожалуйста, проходите.

Моддо растянулся на кушетке в кабинете Лууба.

— У меня всего лишь 15 минут. Нужно принять очень важное решение, но этому мешает дикая головная боль.

Лууб спокойными движениями принялся массировать голову Моддо.

— Постараюсь сделать все, что в моих силах, Учитель. Расслабьтесь. Еще. Вот так. Еще спокойнее. Помогает?

— Немного, — вздохнул Моддо.

Он должен изыскать метод ввести Целителя в свое ближайшее окружение. Этому человеку нет цены. Было бы

замечательно, если бы он всегда был под рукой. Такою мысль внушить Гаромме можно довольно легко.

— Ты не возражаешь, чтобы я немного поразмышлял вслух? — спросил Моддо.

— Делайте все, что хотите, Учитель, — почтительно произнес Лууб, усаживаясь в массивное зачехленное кресло за письменным столом. — Можете говорить обо всем, что вас в данный момент беспокоит. Все, что нам нужно сделать за эти 15 минут — это помочь вам расслабиться.

Моддо начал говорить.

* * *

Это был день установления полного контроля.

Лууб, Целитель Душ, Помощник Третьего Заместителя Слуги Просвещения, теребил пальцами бородку, которая была отличительным знаком его профессии, позволив себе погрузиться в пучину сладостного ощущения абсолютной власти, безграничной власти, власти такой, о которой до сих пор даже не мечталось никому из смертных. Полный Контроль! Полный...

Сейчас было бы предпочтительнее уладить непосредственно вопрос, касающийся Слуги Безопасности, но такие удовольствия придут со временем. Его технари в Бюро Лечебных Исследований уже почти разрешили проблему, поставленную перед ними. А пока что вполне достаточно мщения и наслаждения сознанием неограниченного господства.

Он прислушался к тому, что говорит Моддо о своих затруднениях, тщательно подбирая слова и упуская конкретные детали, и поднес к лицу пухлую руку, чтобы прикрыть ухмылку. Этот человек наивно убежден, что после семи лет близких взаимоотношений на почве терапии еще в состоянии скрывать подобные детали от него, Лууба!

Конечно же, он должен быть в этом убежден. Два первых года Лууб посвятил переустройству его психики, положив в ее основу именно такую убежденность, и только после этого начал осуществлять эффективный перенос на всеобщей основе. Продублировав чувства, которые Моддо испытывал к своим родителям, в отношении самого себя,

Целитель Лууб принялся зондировать ни о чем не догадывающийся ум Моддо. Поначалу он не верил себе, не верил тому, что показало зондирование. Но позже, изучив пациента гораздо глубже, Лууб удостоверился в захватывающем дух масштабе своей неожиданной удачи. Более 25 лет Гаромма в качестве Слуги для Всех был правителем человечества, но в течение еще большего времени Моддо в качестве преданнейшего секретаря контролировал во всех отношениях его мысли и поступки. Поэтому в течение последних пяти лет он, Лууб, как психотерапевт и незаменимый костыль для нерешительного и сломанного эго Моддо, направлял все его действия и таким образом осуществлял господство над всем миром, господство неоспоримое, без помех с чьей-либо стороны. И не вызывая при этом ни малейших подозрений.

Человек позади человека, стоящего рядом с тронном — что может быть безопаснее подобного положения? Разумеется, было бы гораздо более эффективно осуществлять воздействие на самого Гаромму. Но быть персональным психиатром Слуги для Всех — значит вызвать ревность всей камарильи окружающих его высокопоставленных интриганов. Да, намного лучше осуществлять опеку над опекуном, особенно, если настоящий опекун является совсем мелкой сошкой в иерархии Служения. А потом, когда-нибудь, когда у его технарей будет нужный ему ответ, можно будет избавиться от Слуги Просвещения и собственноручно осуществлять контроль над Гароммой с помощью этого нового метода. Забавно было слушать рассуждения Моддо относительно Слуги Безопасности, как о некоем гипотетическом лице его собственной епархии, которое необходимо заменить. Суть же проблемы заключалась в том, кого из двух чрезвычайно способных заместителей следовало бы назначить на его место.

Лууб задумался над тем, имеет ли его пациент хотя бы малейшее представление, насколько прозрачны все его увертки. Нет, вряд ли. Потревоженный разум этого человека манипулировался таким образом, что продолжение его нормального функционирования зависело от двух факторов: непреодолимой потребности консультироваться с Луубом каждый раз, когда возникала необходимость решения какого-либо тонкого вопроса, и в убежденности в том,

что он в состоянии получить решение, не открывая подлинного положения вещей.

Как только голос с кушетки закончил свой беглый обзор ситуации, Лууб приступил к делу. Спокойно, уравновешенно, почти бесстрастно он повторил все, что сказал Моддо. Просто еще раз более четко выразил мысли своего подопечного. На самом же деле они были переформулированы таким образом, чтобы у Слуги Просвещения не оставалось выбора. Ему предстояло выбрать более молодого из двух кандидатов. Того, кто, судя по его прошлому, более благоприятно будет относиться к гильдии Целителей. Не то чтобы это имело какое-либо особое значение. Главным было доказательство установления Полного Контроля. Именно это прежде всего имелось в виду, когда Лууб подталкивал Моддо к убеждению Гароммы в необходимости избавиться от Слуги Безопасности в то время, когда Слуга для Всех вовсе не испытывал какого-либо психологического кризиса. Более того, в то время его приподнято-радостное настроение достигло наивысшего уровня. К этому, не мог Лууб не признать себе, примешивалось ощущение удовлетворения, вызванное уничтожением человека, повинного в казни единственного брата Лууба. Было это много лет тому назад, когда человек этот был Начальником Безопасности 47-го округа. Двойное достижение было столь же восхитительно, как и двойной вкус кисло-сладких пирогов, которыми были столь знамениты родные места Целителя. Он тяжело вздохнул, вспоминая об этом. Моддо приподнялся и сел, опираясь большими руками о кушетку.

— Ты даже не представляешь, Лууб, как помог мне этот короткий сеанс. Боль прошла, голова прояснилась. Оказалось, что для этого вполне достаточно всего лишь выговорить то, что меня тревожило. Теперь я точно знаю, как мне надлежит поступить.

— Хорошо, — протянул осторожно, как бы в сторону, Лууб.

— Завтра я постараюсь выкроить целый час... Знаешь ли, я уже подумываю о том, чтобы перевести тебя в свой персональный штат. Но как это сделать, я еще не решил.

Лууб пожал плечами и провел пациента к двери.

— Это всецело ваше личное дело, Учитель. Мой долг — наилучшим образом помогать вам.

Он смотрел вслед шагающему к лифту рослому мужчине. “Я еще не решил”... Что ж, и не решит, пока это не сделает за него Лууб. Целитель заложил эту мысль в сознание Моддо полгода назад, но все откладывал приведение ее в действие. Он не был еще полностью убежден, что стоит приближаться к Слуге для Всех. К тому же существовала одна небольшая проблема в Бюро Лечебных Исследований — программа, которой следовало уделять максимум внимания ежедневно. Вошедшая секретарша сразу же принялась печатать. Лууб решил спуститься вниз, чтобы проверить, что сделано за сегодняшний день. Из-за помпы, которой сопровождалось прибытие Слуги для Всех, было серьезно нарушено нормальное течение исследовательских работ. А ведь решение могло прийти в любую минуту. К тому же ему нравилось проверять каждое направление исследований в поисках потенциальных положительных побочных результатов, ибо эти технари были начисто лишены творческого воображения! Идя по коридору, Целитель задумался. Подозревает ли Моддо, что находится под полным контролем? Бедняга представляет из себя сплошной комок беспокойства и нерешительности. В небольшой степени виной тому является то, каким образом он потерял в детстве своих родителей. Многое из того, что Моддо стремился в себе подавить, до сих пор частенько давало о себе знать. Никогда, даже отдаленно, он не давал себе отчета в том, что причинной нежелания быть официальным вождем является боязнь принять на себя ответственность за все. Сфабрикованный им образ Гароммы был его действительным собственным образом, а единственным их различием является то, что он научился себе же во благо использовать свои страхи и робость. Но до определенного предела.

Семь лет назад, когда Моддо набрел на Лууба, требуя “немножко психотерапии для разрешения парочки мелких проблем”, он находился на грани полного краха. Лууб временно подремонтировал быстро разрушающееся здание его психики, придав ему несколько другие очертания. Очертания, полезные себе самому.

Он не мог не задуматься над тем, были ли в состоянии древние чем-либо серьезно помочь Моддо. Согласно Устным Преданиям, они были как раз на пороге Новой Эры

и разработали такие методы психотерапии, которые творили чудеса по изменению и перестройке личности индивидумов.

Только ради чего? Не было предпринято серьезной попытки использовать эти методы ради само собой разумеющейся цели, единственной цели любого метода — достижения власти. Лууб покачал головой. До чего же невероятно наивными были эти древние! И так много утрачено безвозвратно из их полезных знаний! Понятие “супер-эго”, например, существовало в Устных преданиях гильдии Целителей просто как непонятное слово, и не было никаких намеков на его первоначальное значение, надлежащим образом примененное сегодня, оно могло стать очень полезным. С другой стороны, большинство членов современной гильдии по ту сторону океана вряд ли были менее наивными, чем их доисторические коллеги. Сюда можно смело включить и его собственных отца, дядю. Последний сейчас возглавлял гильдию. С того самого дня, когда он сдал последний экзамен на право быть членом гильдии и начал отращивать бородку клинышком в знак своего статуса, Лууб понял удивительную ограниченность устремлений своих коллег. Там, в родном его городе, где, согласно легенде, возникла гильдия Целителей Психики, каждый ее член не желал от жизни большего, чем достижения власти над жизнью 10—15 состоятельных клиентов. Лууба смешивала такая ограниченность кругозора. Ему была ясна очевидная цель, которую не замечали многие годы его коллеги. Чем могущественнее пациент, полностью зависимый от своего Целителя, тем большее могущество получает сам Целитель! Центр власти над миром находился на Столичном Острове по другую сторону океана, и именно туда решил направиться Лууб. Совершить это было нелегко. Жесткие законы, запрещавшие перемену места жительства, за исключением перевода по официальному разрешению, пять долгих лет стояли на его пути. Но как только одна из его пациенток стала женой Уполномоченного по Связи 47-го округа, задача сразу упростилась. Когда же Уполномоченный был отозван на Столичный Остров и назначен на должность Второго Заместителя Слуги по Связи, Лууб переехал туда вместе с его семьей — он стал теперь незаменимым. Досталась ему небольшая должность в Службе

Воспитания. Благодаря ей он добился, пользуясь преимуществами своей профессии, того, что привлек августейшее внимание самого Слуги Просвещения. На самом деле Лууб никогда не ожидал, что заберется столь высоко. Однако немного удачи, высокий профессионализм и неусыпная бдительность составили неотразимую комбинацию. Достаточно было Моддо полежать на его кушетке 45 минут при первом посещении, как Лууб осознал свое предназначение — господствовать над всем миром.

Но что же делать с этим господством? С этим безграничным богатством? С этой властью! Что ж, с одной стороны, существовала его небольшая программа исследований. Это было очень интересно само по себе, но могло послужить, в случае благоприятного результата, укреплению и гарантированности его власти. Теперь в распоряжении Целителя были десятки небольших радостей и приобретений, но постепенно частое повторение их начало приедаться. Самым главным, что он имел, было Знание. Знание! Особенно запретное Знание... Лууб мог теперь безнаказанно наслаждаться им. Сопоставлять различные Устные Предания и на их основе создавать одно вразумительное целое, благодаря чему можно стать единственным в мире человеком, которому известно, что же на самом деле происходило в прошлом.

При помощи привлеченных нескольких бригад работников Лууб скоро получил такие пикантные сведения, как первоначальное название своего родного города, затерявшееся много лет назад при введении системы нумерации вместо географических названий, целью которой было искоренение исторических ассоциаций, вредных для мирового государства. Задолго до того, как он стал пятым городом 47-го округа, город назывался Австрией, и был прославленной столицей гордой Венской Империи. А Столичный Остров именовался некогда Гаванокубой — столицей империи, установившей свое господство над всеми остальными на туманной, заполненной войнами, заре современной эпохи. Что же, эти достижения принесли Целителю глубокое внутреннее удовлетворение. Он весьма сомневался в том, что Гаромме было когда-либо интересно узнать, что он вырос не в 20-м сельскохозяйственном районе шестого округа, а в местности, называвшейся Канадой, одной из 48

республик, составлявших древние Североамериканские Соединенные Штаты. Но ему, Луубу, это было интересно. Каждая частица знаний давала ему дополнительную власть над согражданами и когда-нибудь могла стать полезной. Так вот, если бы Моддо хоть немного был знаком с технологией метода переноса, которую изучали в высших кругах гильдии Целителей Душ, он мог бы до сих пор единолично править миром! Но нет. Гаромма должен был неизбежно стать не более чем творением, вещью Моддо. И неминуемым было то, что Моддо, прибегнув к помощи своих источников информации, должен был обязательно наткнуться на Лууба и подпасть под его влияние. И так же неизбежным было то, что Лууб с его специфическим знанием возможностей обработки человеческого разума должен был стать единственным независимым человеком на всем земном шаре! Он хихикнул украдкой, очень довольный собою, в последний раз расчесал пальцами свою бородавку и вошел в Бюро Лечебных Исследований.

Тотчас же к нему подошел заведующий и поклонился.

— Ничего нового сегодня сообщить не могу.

Он сделал жест в сторону крохотных отгороженных друг от друга клетушек, где специалисты корпели над старинными книгами или проводили эксперименты на подопытных животных и осужденных за преступления людях.

— Ясно, — кивнул Лууб. — Я и не ожидал какого-либо значительного прогресса в такой день. Старайтесь, чтобы они не слишком отвлекались. Это очень важная проблема.

Его собеседник пожал плечами, как бы извиняясь.

— Эта проблема такова, что, насколько нам известно, никогда не была решена прежде. Древние рукописи, которые мы обнаружили, все находятся в ужасном состоянии. Но в тех из них, где есть упоминания о гипнозе, нет расхождений во мнениях. Согласно им, гипноз нельзя осуществить при любом из тех трех условий, на которых вы настаиваете: против воли гипнотизируемого, вопреки его личным желаниям и твердым убеждениям и содержании под гипнозом длительное время, не прибегая к дополнительным мерам. Я не утверждаю, что это невозможно, но...

— Но это очень трудно. Что ж, вы работаете над этим длительное время, уже три с половиной года, и впереди у вас еще столько времени, сколько понадобится. Аппаратуру, персонал — только попросите. А пока я хочу пройтись и поглядеть, над чем работают ваши люди. Мне хотелось бы задать им несколько вопросов.

Заведующий учтиво поклонился и направился к своему столу в дальнем конце помещения. А Лууб не спеша переходил из клетушки в клетушку, наблюдая за работой, задавая вопросы, подмечая, главным образом, личные качества того или иного специалиста-психолога в каждой из клетушек.

Он был убежден в том, что подходящий человек мог бы разрешить эту проблему. Необходимо только найти этого человека и создать для него наилучшие условия. Он будет достаточно умен и настойчив, чтобы определить верное направление исследований, но в то же время настолько лишен воображения, чтобы не ужаснуться цели, которая ускользала от лучших умов в течение многих столетий. Но, как только проблема будет решена, в течение одной краткой беседы со Службой для Всех он, Лууб, сумеет поставить его под свой прямой личный контроль на всю оставшуюся жизнь и обойтись без сложностей, связанных с длительными психотерапевтическими сеансами, которым приходится подвергать Моддо... Как только проблема будет решена... В последней клетушке молодой человек с прыщавым лицом, сидящий за простым письменным столом, внимательно изучал потрепанный фолиант, не заметив прихода Лууба. Какое-то время Целитель молча наблюдал за ним. Какую убогую и бессмысленную жизнь приходилось вести этим молодым специалистам! Это уже было написано на их покрытых морщинами, похожих одно на другое, лицах. Режим, придуманный изощренным правителем, не позволял им иметь ни одной собственной мысли, они и мечтать не смели ни о чем другом, что не было разрешено официально.

Но этот парень был самыммышленным из всех. Лууб довольно длительное время с растущим интересом наблюдал за ним, все более и более склоняясь к мысли, что это — именно то, что ему надо.

— Как дела, Сидоти? — спросил он наконец.

Молодой человек оторвался от книги, вздрогнув от неожиданности.

— Закройте дверь, — попросил он.

Лууб прикрыл дверь.

* * *

Это был день установления Полного Контроля.

Сидоти, Младший Лаборант, специалист-Психолог Пятого Разряда, щелкнул пальцами прямо перед лицом Лууба и теперь мог позволить себе наслаждаться роскошным ощущением абсолютной власти, безграничной власти, власти такой, которая даже во сне не могла привидеться кому-либо из людей до сего дня.

Контроль. Полный Контроль...

Не поднимаясь со стула, он еще раз щелкнул пальцами и сказал:

— Докладывайте!

В глазах Лууба появился привычный стеклянный блеск. Тело его закаменело. Руки безвольно повисли, ровным бесцветным голосом он начал свое донесение. Замечательно!

Слуга Безопасности через несколько часов станет трупом, а его место займет человек, который нравится Сидоти. Блестящий успех!

Эксперимент состоял из нескольких этапов. Во-первых, необходимо выяснить, можно ли, возбудив в Луубе чувство мщения за никогда не существовавшего брата, вынудить Целителя действовать на том уровне, которого он всегда стремился избегать. Потом нужно заставить Моддо сделать что-либо такое, что совершенно не пересекалось с его интересами. И, в завершение, подтолкнуть Гаромму к мерам против Слуги Безопасности в то время, когда Слуга для Всех не испытывал никакого душевного кризиса. Эксперимент удался на славу. Сидоти подтолкнул маленькую костяшку домино по имени Лууб три дня назад, и целый ряд других мелких костяшек начали падать. Сегодня, когда Слуга Безопасности будет удушен прямо за письменным столом, упадет последняя костяшка.

Да, контроль был полнейшим.

Разумеется, была и другая, не столь важная причина, побудившая его провести этот эксперимент, взяв за основу

жизнь Слуги Безопасности. Сидоти видел, как он при всех выпил четыре года назад изрядную порцию спиртного. Так не надлежит себя вести Слугам Человечества. Им полагается жизнь простая, чистая и умеренная, чтобы быть образцом для всего остального человеческого рода. Сидоти и в лицо не видел никогда Заместителя Слуги Безопасности, которого по его приказанию должны были повесить в должности. Но он слышал, что человек этот живет очень скромно, не допуская никаких излишеств. И Сидоти это импонировало — именно так и должно быть.

* * *

Лууб застыл в ожидании, завершив доклад.

Сидоти думал.

Следует ли ему приказать отказаться от этой глупой, хвастливой идеи о прямом контроле над Гароммой? Нет, не следует. Ведь именно это приводило в действие механизм ежедневного посещения Бюро Лечебных Исследований для проверки достижений в этом вопросе. И хотя вполне достаточно было бы дать простой приказ ежедневно заходить к нему, Сидоти чувствовал, что до тех пор, пока он не изучит досконально все аспекты своей власти, целесообразнее оставить в неприкосновенности уже отлаженные механизмы личных связей, если не случится что-либо непредвиденное.

Это напомнило ему еще об одном деле. У Лууба был некий повышенный интерес, удовлетворение которого было, по сути, пустой тратой времени. Теперь, при абсолютном контроле, самое время избавить его от этого.

— Вы должны бросить все эти исследования исторических фактов, — приказал Сидоти. — А высвободившееся время используйте для более полного изучения слабостей Моддо. Это гораздо интереснее, чем изучение прошлого. На этом все! — Он щелкнул пальцами. Подождал немного и щелкнул еще раз. Целитель Душ глубоко вдохнул воздух, выпрямился и улыбнулся.

— Хорошо. Так и продолжайте, — сказал он ободряюще.

— Спасибо, сэр. Непременно, — заверил его Сидоти.

Лууб открыл дверь клетушки и вышел. Сидоти смотрел ему вслед. Какая идиотская самоуверенность присуща это-

му человеку — он убежден, что найденный метод гипнотического полного контроля будет отдан в его руки! Сидоти подошел вплотную к решению этой задачи три года назад. И тотчас же притаился, направив свою работу внешне в совершенно ином направлении. Затем, усовершенствовав методику, применил ее к Луубу...

Это было естественно.

Сидоти был ошеломлен, его едва не стошнило, когда он узнал, что Лууб подчинил себе Моддо, а Моддо главенствует над самим Гароммой. Но, спустя некоторое время, молодой человек вполне освоился. В конце концов, с самого раннего детства единственной воспринимаемой им и его сверстниками реальностью являлась реальность власти. Власти в каждом школьном классе, каждом клубе, на каждом собрании. Власть была единственным, за что стоило бороться. И это занятие приходилось избирать не потому, что он ощущал себя наиболее подходящим для этого, а из-за того, что оно давало перспективу власти над тем, кто интересуется его, интересуется, исходя из собственных наклонностей. Но такая власть, которую он получил, ему никогда и не снилась. Тем не менее, это стало реальностью, и с этой реальностью следовало считаться. Но что с такой властью делать!

Ответить на этот вопрос оказалось очень трудно. Со временем ответ, разумеется, придет. А пока что имеется замечательная возможность удостовериться в том, насколько добросовестно каждый на своем месте выполняет работу и наказывать тех, кто плохо себя ведет. Сидоти намеревался оставаться на этой работе, пока не подойдет удобное время для повышения в должности. Пока еще нет нужды гоняться за громкими титулами. Пускай себе Гаромма правит, он же будет направлять его действия из третьих или четвертых рук, оставаясь в тени.

И последний вопрос: чего он все-таки хотел бы достичь, управляя Гароммой? Раздался звонок. Из громкоговорителя, установленного под самым потолком, донеслось:

— Внимание! Внимание всем сотрудникам Центра! Слуга для Всех покидает здание Центра через несколько минут! Все в главный вестибюль, чтобы молить его о продолжении служения человечеству. Все...

Сидоти примкнул к толпе специалистов, в спешке покидавших помещение лаборатории. В коридоре к ним присоединялись другие, выскакивая из всех дверей по обе стороны. Людской поток вынес Сидоти в Главный вестибюль, где охрана Службы Воспитания уже теснила к стенам тех, кто попал сюда раньше.

Он улыбнулся. Если бы только охранники догадывались, кого они толкают! Своего Повелителя, который мог бы обречь на казнь любого из них! Единственного на Земле человека, который мог бы сделать все, что ему только заблагорассудится! Все, что угодно...

В дальнем конце вестибюля зазвучали приветственные выкрики. Все стали нервно переминаться с ноги на ногу, вставать на цыпочки, чтобы лучше разглядеть происходящее. Даже у охранников участилось дыхание. В вестибюле появился Слуга для Всех.

Крики стали еще громче. Стоящие впереди в возбуждении начали подпрыгивать. И вдруг Сидоти увидел Его!

Руки его непроизвольно взметнулись в горячем мышечном порыве. Что-то огромное и сладкое, казалось, сдавило грудь. Из горла вырвалось:

— Служи нам, Гаромма, служи нам! Служи нам! Служи нам!

Его целиком накрыла горячая волна любви, равной которой он никогда прежде не испытывал. Любви к Гаромме, к родителям Гароммы, к детям Гароммы, ко всему и вся, так или иначе связанному с Гароммой. Тело корчилося, движения потеряли координацию, волна острого наслаждения пронзила все тело от бедер до шеи. Сидоти извивался, подпрыгивал, размахивал руками. Казалось, все его тело пыталось вывернуться наизнанку в стремлении выразить свою верность Слуге для Всех. И все это несколько не было для него необычным, поскольку такие проявления чувств были воспитаны в нем еще в раннем детстве.

— Служи нам, Гаромма! — пронзительно вопил он, пуская пузыри пены из уголков рта. — Служи нам! — Подавшись всем телом вперед, Сидоти протиснулся между охранниками, и его вытянутые пальцы прикоснулись к развевающимся лохмотьям Гароммы. Разум Сидоти взорвался вспышкой бешеной любви к этому человеку, и, не

в силах сдерживать более охвативший его экстаз, он лишился чувств, прошептал еще раз:

— Служи нам, Гаромма...

Когда все закончилось, коллеги-специалисты поволокли бесчувственное тело в Бюро Лечебных Исследований, завистливо вздыхая. Далеко не каждый день кому-то удавалось дотронуться до краешка лохмотьев Слуги для Всех! И какое глубокое воздействие оказывает это на счастливец!

Прошло не менее получаса, прежде чем Сидоти пришел в себя.

Это был день установления Полного Контроля!

ПЛОСКОГЛАЗОЕ ЧУДОВИЩЕ

THE FLAT-EYED MONSTER

Ballantine Books

New York

1956

Первые несколько секунд доцент кафедры сравнительной литературы университета в Келли Клайд Меншип героически пытался убедить себя, что это — всего лишь дурной сон. Закрыв глаза, он уговаривал себя, как ребенка, с улыбкой превосходства на устах, что таких кошмарных вещей просто не бывает в реальной жизни. Совершенно не бывает.

Определенно, это — только сон.

Он уже почти поверил в это, как вдруг чихнул, да так громко и сочно, что понял, что во сне чихать нельзя. Пришлось сдаться. Он приоткрыл глаза и посмотрел еще раз. Тотчас же шею свело судорогой.

...Некоторое время назад он прикорнул, перечитывая написанную им самим статью для научного журнала. Заснул в своей собственной кровати, в своей квартире в Кэллахэн-Холле — “очаровательном и недорогом пристанище для тех сотрудников университета, которые не женаты и желают жить в университетском городке”. Проснулся он от ощущения мучительного покалывания во всем теле — будто его распяли, крепко связали, продержали так довольно долго, а потом развязали. После этого он вдруг как бы воспарил над кроватью и, как мгновенно растаявший дымок, вытек сквозь открытое окно, уплывая прямо в усыпанное звездами ночное небо. Плоть его растаяла, он полностью отключился... И вот он приходит в себя на этом огромном плоском белом столе, похожем на операционный, над ним — потолок с множеством сводов, в легких — влажный, промозглый, едва пригодный для дыхания воздух. С потолка свисает огромное множество самых разнообразных, несомненно электронных приборов. Таких, о ко-

торых ребята с физического факультета могли бы только мечтать даже в том случае, если бы правительственные субсидии на военные радиационные исследования были в миллион раз больше, а профессор Боулз, декан факультета, потребовал бы, чтобы каждый прибор внешне выглядел совершенно иначе по сравнению с теми, которые могла дать науке современная электроника. Вся эта немыслимая аппаратура шелкала, жужжала и потрескивала, сверкала и переливалась экранами и сигнальными лампами. Затем все это прекратилось, как будто кто-то, наконец, удовлетворился проведенными исследованиями и отключил ее. Клайд Меншип слегка приподнялся, чтобы увидеть того, кто это сделал.

И увидел!

Но не "кого", а "что". И это "что", определенно, не предвещало ничего хорошего. Фактически таких "что" было несколько, и каждое из них было ничуть не лучше другого. Поэтому он тотчас же закрыл глаза и мысленно заметался в поисках разумного объяснения всего этого ужаса.

Объяснение никак не находилось, и глаза пришлось открыть еще раз. Со второго раза все могло показаться не таким плохим, как с первого. "Тьма всегда, — напомнил Клайд себе избитую фразу, — сгущается перед рассветом". И тут же непроизвольно добавил: "Кроме тех дней, когда происходит солнечное затмение".

Однако глаза открыл только на самую щелочку, приблизительно так, как открывают рот дети перед второй ложкой касторки. Нет, все осталось точно таким же жутким.

Стол был неопределенной формы, по его контуру располагались в дюйме друг от друга крупные сферические шишки. А на этих шишечках, как на насесте, примерно в двух метрах справа от Клайда, разместились два существа, похожие на черные плоские чемоданы из кожи. Вместо ручек и ремней они были снабжены десятками черных щупалец, каждое второе или третье из них заканчивалось влажным бирюзовым глазом, прикрытым парой роскошнейших ресниц, какие можно увидеть разве что на рекламе косметики. В дополнение к этому каждый чемодан был украшен вкраплением множества небесно-голубых глазок,

в отличие от первых не имевших ресниц и выступавших наружу скоплениями огромных самоцветов, сверкающих множеством крохотных граней.

Слева, примерно в четырех метрах, там, где поверхность стола образовывала нечто вроде вытянутого полуострова, находилось еще одно существо. Его щупальца крепко сжимали пульсирующий сфероид, на поверхности которого непрерывно возникали и исчезали световые пятна.

Насколько понимал Меншип, все глаза существ следили за ним с неослабным вниманием. Ему стало немного не по себе, и он попытался распрямить плечи.

— Так что, профессор, — неожиданно раздалось над его головой, — что вы на это скажете?

— Скажу, что все это выглядит довольно жутко, — с жаром признался Меншип и хотел уже было продолжить и развить эту интересную тему во всех красочных подробностях, но ему помешали два обстоятельства.

Во-первых, вопрос прозвучал невесть откуда — вокруг не было ни одного человека, фактически ни одного живого существа, кроме увенчанных щупальцами чемоданов. Во-вторых, кто-то другой начал отвечать, перебив Меншипа и не обратив ни малейшего внимания на его слова.

— Да, можно констатировать со всей очевидностью, — произнес этот “кто-то”, — что эксперимент увенчался успехом. Он полностью оправдал расходы и долгие годы исследований, связанных с подготовкой к его проведению. Теперь вы сами понимаете, советник Гломч, что односторонняя телепортация является свершившимся фактом.

Меншип понял, что голоса исходят справа. Более широкий из чемоданов, очевидно, являлся “профессором”, которому был задан вопрос. Теперь он обращался к более узкому чемодану, который отвел большинство своих глаз от Меншипа и сосредоточил внимание на собеседнике. Но откуда исходят эти голоса? На существах не было заметно и следов речевого аппарата.

В голове Меншипа мелькнула истерическая мысль: “А каким это образом они говорят по-английски?”

— Ясно, профессор Лирд, — отозвался советник Гломч.

— Да, это — свершившийся факт. Только ответьте мне, что же именно свершилось?

Лирд поднял сразу тридцать-сорок шупалец, что, как догадался Меншип, было эквивалентно нетерпеливому пожатию плечами.

— Телепортация живого организма с астрономического объекта 649-301-3 без помощи передающей аппаратуры на его родной планете.

Советник снова перевел глаза на Меншипа.

— Вы всерьез считаете его живым? — недоверчиво спросил он.

— Послушайте, советник, — предложил профессор, — давайте оставим в стороне всякий флейноморфизм, Ведь это же явно способное ощущать и в определенном смысле передвигаться живое...

— Да, да. Оно живое. Я это допускаю. Но испытывающее ли ощущения? Мне совершенно не слышно, чтобы оно хоть как-нибудь трлнкало. А эти кошмарные глаза! Всего лишь два, и такие плоские! А эта сухая кожа без малейшего следа слизи! Я признаюсь...

— Можно подумать, что вы — прекраснейший образец творенья! — оскорбился Меншип.

— ...в том, что придерживаюсь концепции флейноморфизма при оценке чуждых форм жизни, — продолжал советник, как будто не слыша Меншипа. — Да, я — флейнофил, и горжусь этим. Профессор, мне доводилось видеть немало всяких невероятных существ с других планет, которых привозили сюда мой сын и другие исследователи. Однако и самые причудливые из них, и самые примитивные обладали способностью трлнкать. Но здесь я не наблюдаю этого. Невероятно, даже противостоительно!

— Отнюдь нет, — поспешил заверить его Лирд. — Это просто отклонение от научной нормы. Возможно, на дальних окраинах Галактики, где часто встречаются подобного рода животные, условия жизни таковы, что трлнканье не является необходимым. Думаю, тщательное обследование в скором времени разрешит эту загадку. Главное — мы доказали, что жизнь существует и в других областях Галактики, а не только в тесно наполненном звездами ядре. И когда настанет время проведения широкоохватных исследовательских экспедиций, отважные первопроходцы, вроде вашего сына, отправятся в эти области, вооруженные необходимыми знаниями.

— Послушайте! — завопил Меншип. — Вы в состоянии услышать меня или нет?

— Можете выключить энергию, Срин, — заметил профессор. — Нет смысла расходовать ее зря. Я убежден, что у нас уже столько этого существа, сколько нам необходимо. Если что-то еще и должно материализоваться, то оно прибудет за счет остаточного излучения.

Существо слева быстро повернуло причудливый сфероид, и слабое жужжание, наполняющее помещение, прекратилось. Судя по тому, как внимательно Срин разглядывал пятна света на поверхности прибора, это могли быть только показания Меншипа. Клайд напряженно думал.

Если они не в состоянии услышать его, как бы громко он не кричал, и если в то же самое время каким-то непостижимым образом они умудряются общаться на английском языке, напрашивается один вывод — телепатия. И поэтому у них нет ничего, что напоминало бы рот и уши.

Он внимательно прислушался. Казалось, в ушах звучит чистая английская речь, голос звучен и четок. Но все-таки какое-то отличие было... Чего-то не хватало, чего-то такого, что есть у свежих фруктов и нет у мороженных... К тому же слова звучали на фоне негромкого шелеста других слов, бессвязных обрывков предложений, которые прослушивались достаточно четко, чтобы можно было определить, к чему они относились, хотя это и не являлось темой "разговора". Меншип понял, что благодаря этому фону он и узнал о том, что означают на самом деле световые пятна.

Также стало ясно происхождение бессмысленных звуко сочетаний — это были слова, которым не находилось эквивалента в английском языке. Пока что ничего особенно плохого не произошло. Его выдернул из теплой постели телепатический чемодан по имени Лирд, имеющий бесчисленное множество щупальцев и глаз. И перенес на какую-то неизвестную планету поблизости от центра Галактики прямо в светло-зеленой пижаме. Планета оказалась населенной телепатами, которые были не в состоянии услышать Меншипа, хотя сам он с удивительной легкостью мог подслушивать их мысли. И узнал, что ему предстоит "тщательная проверка". Судя по тому, что похитители рассматривали добычу в качестве подопытного животного,

перспектива вырисовывалась довольно неприятная. И все из-за того, что он ни в малейшей степени не мог трлнкать. Меншип подумал и решил: наступило время дать им почувствовать, что он — отнюдь не низшая форма жизни, по меньшей мере — равня им, тоже принадлежит к избранному кругу существ, разум которых неоспорим, а коэффициент интеллекта — гораздо выше средней нормы.

Вот только как бы это сделать?

В голову лезли воспоминания о прочитанных в детстве приключенческих повестях, где отважные исследователи высаживались на неизвестных островах, а коварные, кровожадные туземцы, вооруженные дубинами или копьями, бросаются на них из зарослей, и воинственные крики их являются, без сомнения, прелюдией к избиению. Поэтому исследователям, не знакомым с языком аборигенов, приходится прибегать к жестам...

Меншип поднял руки над головой.

— Мой — друг, — нараспев произнес он. — Мой пришел с миром.

Он не ожидал особого эффекта, скорее эти слова психологически должны были помочь ему самому и добавить искренности жесту.

— ...записывающую аппаратуру тоже можете выключить, — продолжал наставлять своего ассистента профессор. — С этого момента мы будем дублировать все показания в специальном записывающем устройстве.

Срин снова занялся сфероидом.

— Мне, наверное, следовало бы понизить влажность. Сухая кожа существа, похоже, требует сухого климата.

— Не обязательно. У меня есть самые веские основания полагать, что это — одна из тех примитивных форм жизни, которые могут существовать в самой различной среде. Пока что существо переносит все просто замечательно. И мы должны быть в высшей степени довольны результатами эксперимента, во всяком случае, на данной стадии.

— Мой — друг! — закричал Меншип, в отчаянии поднимая и опуская руки. — Мой — разумное существо! Мой имеет коэффициент 140 по шкале Векслера-Бельвю!

— Вы, может быть, и удовлетворены, — задумчиво промолвил Гломч, как только Лирд легким прыжком воспарил, подобно огромному одуванчику, к нагромождению

аппаратуры под потолком. — Но я — нет. И мне очень не нравится все это.

— Мой — разумное и дружелюбное суще... — начал снова Меншип и чихнул. — Черт поberi эту сырость, — угрюмо пробурчал он.

— Что там такое? — требовательно спросил Гломч.

— Ничего особенного, советник, — успокоил его Срин. — Существо делало это и раньше. Очевидно, это — характерная для низкоорганизованных существ биологическая реакция, периодически имеющая место. Что-то вроде примитивного способа поглощения чрка. Совершенно исключается предположение, что это — средство общения.

— Общение меня совершенно не интересует, — раздраженно заметил Гломч. — Главное — чтобы это не предвещало его агрессивных действий.

Профессор приземлился на поверхность стола, волоча за собой моток светящихся проводов.

— Едва ли можно опасаться подобного рода существ. Боюсь, советник, что вы излишне позволяете недоверию к неизвестному овладевать собой.

Меншип скрестил руки на груди и погрузился в беспомощное молчание. Очевидно, кроме телепатии, не было другого средства установить контакт. Но каким же образом начать телепатическую передачу мыслей? Чем для этого воспользоваться? Вот если бы его докторская диссертация была по биологии или физике, тоскливо подумал он, а не об "Особенностях размера стихосложения первых трех книг "Илиады", то он чувствовал бы себя гораздо тверже на ногах. И все же, будь что будет. Стоит попытаться.

Меншип закрыл глаза, удостоверившись предварительно, что профессор Лирд не имеет намерений приблизиться к его особе с новыми образцами аппаратуры и, сморщив лоб, весь подался вперед, стараясь стимулировать предельную сосредоточенность. "Проба, проба, проба... Раз, два, три, четыре. Проба! Вы слышите меня?" — зывал Меншип, пытаясь придать мыслительному процессу как можно большую силу.

— Не нравится мне все это, — снова объявил Гломч. — Не нравится. Называйте это предчувствием, называйте, как хотите, но мы затеяли рискованную игру с чем-то неизвестным, а этого не следовало бы делать!

“Проба, проба! Я пытаюсь связаться с вами. Пожалуйста, отзовитесь!” — неистовствовал Меншип.

— Вот что, советник, — раздраженно сказал Лирд, — давайте не будем. Это — чисто научный эксперимент.

— Конечно. Но все же я уверен в существовании таких тайн, в которое флешнобам не следует соваться. Чудовища с такой жуткой внешностью, не способные или не желающие трлнкать, пусть остаются в покое на своих планетах. У науки есть пределы, мой высокоученый друг. Или, по крайней мере, должны быть. Нельзя познать непознаваемое.

“Почему вы меня не слышите? Отзовитесь, Срин, Лирд, Гломч! Отзовитесь, пожалуйста!” — не унимался Меншип.

— Я не признаю подобных ограничений, советник. Мое любопытство безгранично, как сама Вселенная. А вот, кстати и ваш сын. Не взяв на вооружение добрый десяток достижений науки, он вряд ли мог бы совершать свои героические подвиги в межпланетных путешествиях. Спросите у него!

Испытывая ощущение полного поражения, но еще не потеряв любопытства, Меншип открыл глаза и увидел новый чемодан, необычайно узкий. Чемодан вскарабкался на стол.

— Что... это? — заинтересовался новоприбывший, изогнув над Меншипом пучок надменных глаз-стебельков.

— Существо с астрономической единицы 649-301-3, которое мне только что удалось телепатировать на нашу планету, — с гордостью сообщил Лирд. — И, представьте себе, не имея передатчика на другом конце! Признаться, я и сам не понимаю, как это могло произойти, ведь предыдущие эксперименты не давали результата. Впрочем, это уже предмет дальнейших исследований... Прекрасный образец, не так ли, Рабд? И, насколько мы в состоянии судить, в прекрасном состоянии. Теперь можете убрать его, Срин.

— Не надо, не надо! — закричал Меншип, забыв о телепатии.

Спускающийся с потолка огромный прямоугольник из какого-то эластичного материала накрыл его. Мгновением позже ему показалось, что поверхность стола провалилась.

Концы материала прямоугольника соединились под ним и были скреплены Срином. Упакованный так же тщательно, как подарок ко дню рождения, Меншип утешал себя мыслью, что пока что его оставили в покое... Пока что... Мысль, что он является первым в истории человеком, повстречавшимся с представителями внеземной расы, несколько не утешала его.

Во-первых, возделенный человечеством контакт прошел на явно ничтожном уровне и напоминал ощущения причудливо раскрашенного мотылька, соприкасающегося с сачком коллекционера бабочек. Во-вторых, и это было гораздо более важным, такого рода рукопожатие через космическое пространство могло вызвать гораздо больший энтузиазм у астронома, физика или даже социолога, чем у доцента кафедры сравнительной литературы. Какие только фантазии не рождались в его голове за прожитые годы! Но все они касались, большей частью, различных толкований шекспировских пьес или споров между древнегреческими городами, каждый из которых считал себя родиной великого слепого поэта. А однажды ему даже пригрезилось, что он находится в Ясной Поляне, в гостях у Толстого, и вот из сада в дом входит писатель с рассеянным лицом и говорит: "Мне только что пришла в голову мысль написать рассказ о вторжении Наполеона в Россию. Очень скромный, ничего вычурного. Назову его "Война и мир". В Петербурге, скажу вам, все упадут в обморок. Разумеется, это будет всего лишь небольшой рассказик, хотя потом, возможно, я дополню его парой эпизодов". Но вот о путешествии на Луну или же другие планеты, не говоря уже о путешествии к центру галактики, да еще в пижаме, он как-то никогда не думал. Нет! Ему было бы гораздо интереснее разок взглянуть на едва различимую с земли высокую мансарду Виктора Гюго в Сен-Жерменском предместье или посетить те острова Греческого Архипелага, где предавалась любви пламенная Сафо, и, время от времени, когда у нее было настроение, пела свои песни. Чего бы только не отдал профессор Боулз или любой другой из этих электронных ковыряльщиков с физического факультета за то, чтобы очутиться на месте Меншипа! Быть участником подлинного эксперимента, превосходящего своей смелостью любую гипотезу земной науки, оказаться лицом

к лицу с техникой, намного опередившей их собственную! Для них, пожалуй, вивисекция, которой, как предполагал, содрогаясь, Меншип, закончится фестиваль галактической науки, была бы пределом мечтаний и наилучшим подарком... Физический факультет.

Меншип неожиданно вспомнил причудливую загадочную башню, утыканную серыми полушариями, которую физический факультет возводил на пустыре. Из своего окна в Кэллахэн-Холле он регулярно наблюдал за тем, куда уходят правительственные ассигнования на исследования в области лучевой техники.

Вчера вечером, когда башня поднялась до уровня окна его комнаты, ему подумалось, что она больше похожа на средневековую осадную башню, чем на современное средство коммуникации. Однако теперь, выслушав суждения Лирда о том, что никогда прежде не удавалось осуществить одностороннюю телепортацию, он задумался над тем, а не явилась ли эта башня, глядевшая в его спальню нагромождением электронной машинерии, ответственной за весь этот кошмар? Может быть, именно она добавила недостающее для телепортации необходимое звено, что-то вроде снижения антенны заземляющего провода? Если бы он хоть чуть-чуть разбирался в физике! И что бы было? Помогло бы ему знание некоторых подробностей этого процесса: мегавольты, ампераж и тому подобное? Нет, он так и оставался бы мерзким, плоскоглазым чудовищем, лишенным разума, которое случайно выковыряли из далеких глубин Вселенной... Охваченный отчаянием, он с силой дернул за материал, которым был обернут. В пальцах остались два небольших кусочка. Чтобы хорошенько рассмотреть их, света было маловато, но ощущения позволили сделать безошибочный вывод — бумага! Или же что-то, на нее похожее. Это имело определенный смысл. Поскольку конечности флефнобов представляли из себя всего лишь нежные щупальца, заканчивающиеся или глазами, или заостренными кончиками, бумажного мешка было вполне достаточно, чтобы гарантировать, с их точки зрения, полнейшую безопасность в отношении бегства экспоната.

Внутри этого мешка их щупальцам было бы не за что ухватиться, а мышцы, по-видимому, не обладали достаточной силой, чтобы проткнуть бумагу. Зато у него силы было

достаточно, хотя он никогда не считал себя атлетом, но явно не сомневался в своей способности силой проложить путь из бумажной клетки. Эта мысль ободрила Меншипа, хотя реальной пользы от нее было не больше, чем от "гениальной" догадки относительно роли башни на пустыре. Если бы только существовал какой-нибудь способ передачи этой информации! Может быть, тогда бы они поняли, что "безмозглый ужас из гиперпространства" обладает некоторыми интеллектуальными способностями, достаточными для того, чтобы высвободиться из их плена, и сумели бы, разобравшись, отослать его назад, на Землю. Если бы, разумеется, пожелали. Но он не обладал способностью передавать информацию. Все, на что он был пригоден — это ее воспринимать. Тяжело вздохнув, Меншип настроился на прием. Он аккуратно разгладил пижаму. Не столько ради того, чтобы показать, насколько искусно она пошита, сколько вследствие мучительного приступа ностальгии. И неожиданно осознал, что это дешевое зеленое одеяние стандартного покроя стало единственным артефактом, сохранившимся у него от прежней жизни. Единственный, так сказать, сувенир, которым он обладал — продукт цивилизации, породившей Тамерлана и "Войну и мир"...

— Что касается меня, — заметил сын Гломча, — то я оставляю инопланетных чудовищ в покое, если они оказываются такими же мерзкими, как этот экземпляр. Но, в отличие от папши, меня ничуть не пугает непознанное. И все же я не в состоянии убедить себя, профессор, что все, что вы здесь делаете, может иметь какой-нибудь по-настоящему серьезный результат. Меншип обрадовался, что бумажный барьер ничуть не ослабляет возможность слышать мысли похитителей.

Рабд после недолгого молчания продолжал:

— Надеюсь, я не слишком огорчил вас, сэр. Но таково мое мнение. Я — практический флэфноб, и верю только в реальные вещи.

— Как это "ничего по-настоящему серьезного"? — вознегодовал профессор. — Величайшей задачей нашей науки является осуществление путешествия в удаленные районы галактики. Вы не хуже меня знаете, что мы пока в состоянии путешествовать между четырьмя планетами нашей системы и недавно осуществили полет к нескольким сосед-

ним звездам, однако путешествие на родину этого образца остается на сегодняшний день фантастическим проектом...

— Верно! — довольно резко перебил его Рабд. — Почему? Ведь не из-за того же, что у нас нет кораблей, способных совершить такое путешествие? С тех пор, как был изобретен двигатель Бальвонна, любой корабль военного или торгового флота, даже мой крошечный разведчик с тремя ракетными ускорителями, может пересечь космос вплоть до астрономической единицы 649-301-3 и вернуться назад, нисколько не перегрев двигателя. Но мы этого не делаем. И есть на то серьезные причины!

Теперь Клайд Меншип прислушивался или, вернее, принимал столь внимательно, что казалось, будто оба полушария его мозга слиплись. Его чрезвычайно интересовала астрономическая единица 649-301-3 и все, посредством чего туда можно было бы добраться, независимо от того, насколько несуразным с точки зрения преобладающих на Земле стандартов мог показаться метод транспортировки.

— И причина, разумеется, — продолжал молодой исследователь, — весьма прозаична. Умственное расстройство. Старое доброе умопомешательство. Все двести лет, связанных с космическими путешествиями, мы топчемся в окрестностях собственной планеты. Стоит нам удалиться на мизерных 20 световых лет от ее поверхности, — и мы тотчас же сходим с ума, начинаем вести себя, как умственно отсталые дети и, если сейчас же не повернем назад, можем свихнуться полностью.

Конечно, догадался Меншип, телепатическая раса привыкает с самого раннего детства к полю мышления планеты, полю, непрерывно существующему все время. Они полностью зависят от телепатии как средства общения, у них никогда не возникало необходимости развития какого-либо другого способа. И какое одиночество, какое крайнее отчуждение должны они испытывать, когда корабль достигает той удаленной точки, в которой они уже не в состоянии поддерживать контакт с полем планеты! Запомним эту цифру!

Меншип пришел в состояние приятного возбуждения.

Возьмем теперь их систему образования. О ней можно только догадываться, однако с изрядной степенью достоверности следует предположить, что обучение должно быть

чем-то вроде упорядоченного и непрерывного умственного насыщения, причем насыщения взаимного. Каким бы способом ни осуществлялось образование, оно, вероятнее всего, делало ударение на единении отдельного индивидуума с группой. И стоит этой сопричастности стать достаточно слабой вследствие барьера, создаваемого помехами или непреодолимыми межзвездными расстояниями, у флешноба неизбежно наступает разрушение психики. Но все это было несущественно. Главное — космические корабли. Они существуют, следовательно, существует возможность вернуться на Землю, в университет Келли, где ему уже грезились со временем должность профессора кафедры сравнительной литературы. Впервые искра надежды затеплилась в его груди. Но как только ум допустил такую возможность, присущая ему сметливость сразу же поставила под сомнение созданный причудливой игрой воображения выход из сложившейся ситуации, напомнив, что его технические способности заставили бы ухмыльнуться синантропа и возмущенно фыркнуть неандертальца. Сможет ли он разобраться в механизмах конструкций, созданных намного более технически развитой цивилизацией флешнобов, неизбежно связанных с необычайным своеобразием хозяев? Меншип был вынужден угрюмо признать, что вся эта затея является практически неосуществимой. Однако в ответ на доводы логики он послал логику ко всем чертям. Возьмем, например, Рабда. Он мог бы свободно переправить Меншипа на Землю, если бы посчитал это стоящим делом и если бы с ним можно было общаться. Что могло бы его заинтересовать? Очевидно, упомянутое умственное расстройство.

— Если бы вы нашли против этого средство, — урезонивал тот Лирда, — я от души приветствовал бы это. Ибо иначе мы вынуждены сидеть здесь на привязи. Вот что я подразумеваю под настоящей практической проблемой. Но когда вы тащите этот забытый богом кусочек протоплазмы из его дыры на другом краю галактики и спрашиваете у меня, что я об этом думаю, я могу вам ответить только одно — ничего. Ничего не думаю. — Меншип уловил нотки согласия в мыслях Гломча.

— Я согласен с тобой, сынок! Это не только непрактично — это опасно. Полагаю, что сумею заставить других

членов совета согласиться со своей точкой зрения. Уже и так на этот проект израсходовано чересчур много средств.

Резонансный пик интенсивности их мышления стал понемногу спадать. Меншип понял, что они покидают лабораторию. Откуда-то издали донеслось отчаянное "однако... однако..." Лирда и вопрос, адресованный Гломчем сыну:

— А где малютка Тект? Я полагал, что она должна быть с тобой.

— Она на взлетном поле, следит за окончательной заправкой корабля, — ответил Рабд. Ведь сегодня вечером мы отправляемся в свадебное путешествие.

— Замечательная женщина! — "Голос" Гломча теперь едва доносился. — Ты — очень удачливый флефноб.

— Знаю, папуля! — самоуверенно ответил Рабд. — Самый богатый набор щупалец-глазок по эту сторону Ганси-боккля — и все они мои, все мои!

— Тект — самая обаятельная и умная из флефнобок, но мне не нравится, что ты сводишь все к количеству щупалец-глазок, — недовольно заметил Гломч. — У нее множество других великолепных качеств.

— Вовсе нет, папа! — с жаром заверил его Рабд. — Вовсе нет. Подбор пары очень важен для меня. И серьезен. Я подошел к нему со всей ответственностью. Но тот факт, что у Тект более 176 омываемых нежной слизью щупалец, каждое из которых заканчивается прелестным прозрачным глазиком, поверь мне, ничуть не повредит нашим отношениям. Как раз наоборот!

— Суеверный старый хрыч и нахальный молодой хлыщ, — раздался вдруг поблизости "голос" профессора. — Но они могут добиться того, что моя работа будет прекращена, Срин. И как раз тогда, когда в ней появился положительный результат. Поэтому нам придется сейчас предпринять кое-какие контрмеры!

Меншипу, однако, были совсем не интересны эти давно приевшиеся ему академические дразги. Он делал отчаянные попытки не потерять мысли Гломча и Рабда. И не потому, что его так уж сильно интересовали советы старикашки в отношении того, как вести умеренную и счастливую половую жизнь.

В состоянии глубокого душевного волнения его ввергли побочные мысли, сопровождавшие невзначай брошенные

Рабдом слова о последних приготовлениях к отлету. В другой части рассудка флэфноба ассоциативно возникла конструкция небольшого корабля, его обслуживание и, самое главное, органы управления.

Всего лишь на несколько секунд промелькнула панель управления с разноцветно мигающими сигнальными лампочками и начало давно разработанной и постоянно повторяемой инструкции: "Прогрейте двигатели привода, провернув сначала самые верхние три цилиндра. Теперь внимание!"

Это было нечто вроде подсознательной мысленной картины, подобной той, которую он уловил от Срина, когда догадался, что световые узоры на сфере являются показаниями приборов. Очевидно, его чувствительность к восприятию мыслей флэфнобов была настолько велика, что он улавливал не только полностью сформированные фразы, но и то, что происходило в подсознании, во всяком случае, в тех его верхних слоях, которые составляют личность и память. К тому же, несмотря на то, что он все еще находится здесь, ему удастся проникать в глубины мозга флэфнобов на немалом расстоянии. Следовательно, стоит немного отточить это умение — и он сможет проникать в мозг любого на этой планете! От этой мысли у Меншипа захватило дух. Его это, не отличавшееся до сих пор особой силой, было подвергнуто яростной бомбардировке в течение прошедшего получаса под презрительными взглядами сотен бирюзовых глазок. Личность, страдающая от бессилия почти всю свою жизнь, неожиданно обнаружила, что может держать судьбу целой планеты в полости своего черепа. От этого ощущения ему стало гораздо лучше. Каждая крупница знаний, которыми обладали флэфнобы, становилась теперь его легкой добычей. Чего же захотеть, например, для начала! Размечтавшийся Меншип вспомнил, где находится, и его эйфория исчезла, как огонек спички, погашенный плевком. Единственная информация, которую необходимо получить, это как побыстрее добраться домой!!! Единственное на данный момент существо, способное помочь, направлялось в компании отца к готовому к взлету кораблю. Наступившее с той стороны молчание свидетельствовало о том, что оно вышло за пределы теле-

патического восприятия. Из груди Меншипа вырвался хриплый, наполненный страстью и болью крик, похожий на вопль быка, который уткнулся на огромной скорости во что-то мягкое и был вынесен по инерции вперед, успев заметить краем глаза, как служители оттаскивают раненого матадора. Именно с таким мычанием Меншип рванулся, одним могучим движением разорвал бумагу и вскочил на ноги.

— ...семь или восемь цветных диаграмм, представляющих историю телепортации до проведения этого эксперимента, — наставлял Лирд ассистента. — А если бы у вас нашлось время, чтобы выполнить эти диаграммы пространственными, ручаюсь, что это произвело бы большее впечатление. Мы вовлечены в сражение, Срин, и нам приходится пускать в ход любое оружие...

Мысли его прервались, как только один из стеблей-глаз развернулся в сторону Меншипа. Мгновением позже весь комплект щупалец-глаз, а затем и аналогичный комплект ассистента, со свистом рассекая воздух, повернулся в сторону стола и замер, подрагивая, сфокусировавшись на неожиданно появившемся существе.

— Святой Квrm! — едва пискнул трепещущий под напором мыслей рассудок профессора. — Плоскоглазое чудовище! Оно высвободилось!

— Из прочной бумажной клетки! — с ужасом добавил Срин.

Лирд принял решение.

— Бластер! — скомандовал он. — Дайте мне бластер, Сирн! Независимо от судьбы нашего проекта, мы не имеем ни малейшего права на риск, имея дело с таким существом, находясь в густонаселенной части города. Стоит только ему прийти в ярость...

Продолговатый черный чемодан его тела задрожал, быстро произведя регулировку какого-то причудливо завитого инструмента, профессор навел его на Меншипа. А тот замер в нерешительности, продолжая стоять. Он никогда не был человеком действия в любом смысле этого слова, и сейчас обнаружил, что, по сути, ошеломлен перспективой замысленных решительных действий. Во-первых, он не имел ни малейшего понятия, в какую сторону направились Гломч и его отпрыск. Во-вторых, вокруг не было ровным

счетом ничего, хотя бы отдаленно напоминающего дверь... Был, правда, какой-то зигзагообразный узор-углубление в противоположной стене...

И вдруг Меншип заметил направленное на него, хотя и решительно, но все же с каким-то непрофессиональным волнением, приспособление. Рассудок его, мгновение назад практически не интересовавшийся обменом мыслями между профессором и его ассистентом, внезапно осознал, что сейчас он станет первой и, скорее всего, неизвестной жертвой Войны Миров.

— Эй! завопил он, начисто забыв о своем жалком неумении общаться с флефнобами. — Я только хотел бы встретиться с Рабдом! Я вовсе не собираюсь приходить в ярость! Лирд что-то сделал с изогнутым, похожим на часовую пружину инструментом, что, скорее всего, было эквивалентом нажатия на спуск. Одновременно он закрыл глаза. Это, как понял позже Меншип, когда у него появилось место и время для размышлений, спасло ему жизнь. И еще — громадный прыжок. Мгновение спустя миллионы красных точек с треском вырвались из бластера и пронеслись рядом с отворотами пижамы, вонзившись в один из нижних сводов помещения. В нем беззвучно появилось отверстие диаметром в добрых полметра. Сквозь него показалось ночное небо планеты. В груди Меншипа все заледенело. За всю свою жизнь он не испытывал еще такого всепоглощающего страха.

— Э... Эй, — прохрипел он.

— Пожалуй, слишком мощный заряд, профессор, — не без ехидства заметил Срин. — Попробуйте еще раз, уменьшив заряд.

— Спасибо, — с благодарностью произнес Лирд.

Он поднял свой инструмент и еще раз прицелился.

Меншип понял, что погиб. Двигаться он был не в состоянии и застыл, вытаращив на профессора переставшие быть плоскими глаза. Флефноб снова стал возиться со спусковым механизмом оружия. Мысли Меншипа остановились, каждая мышца тела невыносимо напряглась... Неожиданно Лирд затрясся и заскользил назад по поверхности стола. Оружие выпало из шупалец и разбилось на множество покотившихся во все стороны спиралек.

— Срин! — издал вопль его мозг. — Чудовище... Его глаза источают...

Чемодан разломился, показалась липкая светло-голубая слизь. Щупальца опали, глаза стали мутно-коричневыми.

— Срин! — испустил мольбу затухающий рассудок. — Помоги мне... чудовище является... помоги мне... помо...

Он растворился. Не осталось ничего, кроме темной жидкости, испещренной голубыми полосками. Журча, она потекла по столу и стала капать с его загнутого края. Меншип смотрел на все это, полностью осознав только одно — что он все еще жив. Мозг Срина вспыхнул безумным, безотчетным страхом. Ассистент заскользил по столу на трепещущих щупальцах, приостановился на мгновение у бугорчатых наростов, чтобы зацепиться, а затем подпрыгнул и по огромной дуге понесся к дальней стенке помещения. Зигзагообразные впадины молниеносно слегка расширились, пропуская его тело наружу. Значит, вот это и было "дверью". Меншип испытал немалое удовлетворение от выполненного им дедуктивного умозаключения на основе столь скудных исходных данных. Весьма, весьма... Затем его мысли вернулись к тому, что могло произойти несколькими мгновениями раньше, и он затрясся. Он мог стать мертвецом — грудой растерзанной плоти и обуглившихся костей. Что же произошло? Лирд первый раз промахнулся. Как раз тогда, когда он собирался выстрелить во второй раз, что-то поразило его. Но что именно? В распоряжении Меншипа не было никакого оружия и ни одного, насколько он понимал, союзника на этой планете... Стоп. А о чем там "кричал" профессор, прежде чем превратиться в густой туман? Что-то о глазах Меншипа. Будто они что-то испустили. Все еще ошарашенный, несмотря на испытанное облегчение, вызванное неожиданным спасением, он не мог не ощущать некоторого раскаяния по поводу исчезновения Лирда. По своему профессиональному статусу флэноб был единственным существом своей расы, к которому Меншип испытывал хоть какую-то симпатию. Он даже почувствовал нечто, похожее на ощущение вины. Различные бессвязные мысли, которыми он непроизвольно увлекся, внезапно исчезли, уступив место одному в высшей степени важному наблюдению. Зигзагообразный дверной проем, сквозь который пробкой вылетел Срин, начал закрываться.

А это, насколько было известно Меншипу, был единственный выход из этого помещения. Оттолкнувшись от края стола, он резким прыжком достиг сужающегося промежутка, готовый локтями и ногтями проложить себе путь сквозь стену, если это окажется необходимо. Он был решительно настроен покинуть это помещение, выбраться из него до тех пор, пока его окружит флефнобская полиция, вооруженная эквивалентами слезоточивого газа и пулеметов. И еще необходимо было догнать Рабда и получить у него два-три урока пилотирования космического корабля.

Но как только Меншип приблизился к проему, он снова начал расширяться. Что-то вроде фотоэлемента. Бросившись сквозь проем, он впервые очутился на поверхности планеты. Над головой сияло ночное небо, от зрелища которого у Меншипа захватило дух, и он на некоторое время даже позабыл о необыкновенном городе, простиравшемся вокруг. На небе было так много звезд, как будто кондитер высыпал на него мешок сахара, и каждая крупинка сверкала так ярко, что было светло, как в ранние сумерки. Луны не было, но ее отсутствие как-то совсем не ощущалось. Здесь, в центре галактики, не просто видишь звезды. Скорее, живешь среди них.

Новое ощущение заставило его опустить взгляд — ощущение воды под ногами. Оно не обмануло — Меншип стоял посреди неглубокого ручейка красноватой жидкости, текущей между скругленными зданиями. Канализационный сток? Подвод воды к домам? Скорее всего, ни то, ни другое. Возможно, нечто такое, что не имеет никакого отношения к человеческим нуждам. Потому что параллельно текли другие цветные ручьи — зеленоватые, лиловые, ярко-розовые. На уличном перекрестке в нескольких метрах впереди красноватый ручей уходил в сторону, в какой-то переулок, а по главному руслу вместо него текли новые цветные потоки. В напоминавшей губку атмосфере мокрыми были не только ноги. Пижама прилипла к телу, влага настолько затуманила глаза, что их пришлось протереть тыльной стороной ладони. И все же, что представляют собой эти ручейки?

Меншип вспомнил, что с момента появления на этой планете ему не довелось увидеть ничего, хотя бы отда-

ленно напоминающего человеческую пищу. но и ничего такого, что свидетельствовало бы о наличии у флефнобов желудка, не говоря уж об их ртах. Так может, они поглощают питательные вещества поверхностью кожи, всасывают их из текущих по улицам ручейков? Красный, возможно — мясо, зеленый — овощи, а на десерт... Он сжал кулаки и встрепенулся. Нет времени философствовать! Всего через несколько часов его ожидают голод и жажда. И, помимо этого — яростная погоня. Поэтому нужно поспешить с решением. Опять, протерев глаза, он огляделся. Улицы казались пустыми. Может быть, флефнобы боятся темноты, и независимо от степени респектабельности, забираются в постель, чтобы во сне переждать темень? Может быть... Рабд!

Нужно разыскать Рабда. Вот начало и конец любого решения задачи, стоящей перед ним с момента материализации на лабораторном столе профессора Лирда. Меншип попытался мысленно “прослушать” окрестности. И мозг тут же окатил поток разнообразных мыслей ближайших к нему обитателей города.

“Все в порядке, дорогая, все в порядке. Если тебе не хочется гадать, то не станем. Займемся чем-нибудь другим, дорогая...”

“Ох уж этот ловкач Богр! Завтра я ему устрою такое, что...”

“У тебя есть три замжжинса? Я хочу заказать пересылку...”

“Богр закатится сюда завтра утром, полагая, что все так же, как и прежде. Интересно, придет ли он в изумление, или...”

“Ты мне нравишься, Нерит, очень нравишься! Именно поэтому я считаю своей обязанностью сказать тебе честно, как другу...”

“Нет, дорогая, я вовсе не имею в виду, что мне не хочется гадать. Мне показалось, что это тебе не хочется. Я пытаюсь войти в твое положение, ты же сама просила об этом. Разумеется, мне хотелось бы погадать. Только, пожалуйста, не гляди на меня так, будто...”

“Послушайте, я могу поколотить любого флефноба, который...”

“По правде говоря, Нернт, мне кажется, что ты единственный, кто об этом ничего не знает. Все остальные — знают, и...”

“И вы испугались? Что ж, давайте по двое. Валяйте, валяйте...”

И никаких признаков Рабда! Меншип осторожно двинулся вперед по улице, с хлопанием разбрызгивая мелкие ручейки. Стоило ему близко подойти к стене большого темного здания, как в ней открылся зигзагообразный проем, приглашая войти. Поколебавшись немного, Клайд осторожно шагнул вперед.

Внутри тоже никого не было. Может, флефиобы спят в каком-нибудь специально предназначенном для этого здании? Да и спят ли они вообще? Не мешало бы пристроиться к какому-нибудь подходящему мозгу и постараться что-нибудь разузнать. любая информация может оказаться в данном случае полезной.

Здание было похоже на склад — уставлено стеллажами. Стены, однако, были голыми. Похоже на то, что у этих существ запрещалось прислонять к стенам предметы. Стеллажи крепились на высоких подпорках разнообразной формы, поднимавшихся в центральной части помещения.

Меншип подошел к ближайшей полке, бывшей ровнею с его грудью. В белых, похожих на фарфоровые чашках размещались десятки массивных зеленых шаров. Пища? Может быть. Они напоминали что-то съедобное, вроде лимонов.

Он протянул руку и поднял один из шаров, но тот внезапно распростер крылья в взмыл к потолку. Все остальные “лимона” поступили так же — вроде сферических птиц, чьи гнезда потревожили. Достигнув купола, венчавшего здание, шары, казалось, куда-то исчезли.

Меншип поспешно ретировался через любезно отворившийся проем.

Очутившись снова на улице, он почувствовал, что что-то не так. В темноте витало какое-то бурлящее возбуждение, напряженное ожидание. Прислушавшись, он уловил редкие неоформившиеся мысли. И вдруг беспокойство сту-

стилось в грандиозный мысленный крик, едва не оглушивший его. "Добрый вечер!

Прослушайте экстренный выпуск последних известий!

Всепланетную телепатическую передачу ведет Пукр, сын Кимпа.

Самые свежие новости о плоскоглазом чудовище!

В сорок три скима после беблворта, сегодня вечером, это создание с астрономической единицы 649-301-3 было материализовано профессором Лирдом в ходе выполнения опытов по односторонней телепортации. Исполняя свои служебные обязанности, в качестве свидетеля опыта присутствовал советник Гломч. Заметив агрессивное поведение чудовища, он тотчас же предупредил Лирда об опасности, которая может возникнуть, если немедленно не умертвить хищника. Но Лирд пренебрег предупреждением, и позже, после ухода советника и его сына Рабда, известного межпланетного исследователя, чудовище пришло в буйство. Вырвавшись из прочной бумажной клетки, оно обрушило на профессора неизвестное высокочастотное мысленное излучение, которое, казалось, испускалось из его невообразимо плоских глаз. В настоящее время над этим аспектом проблемы лихорадочно работают наши лучшие психофизики. Профессор Лирд жизнью заплатил за свою научную любознательность и пренебрежение к предупреждению, основанному на опыте советника Гломча. Несмотря на отчаянные попытки Срина, ассистента Лирда, смелым отвлекающим маневром спасти своего старого учителя, профессор погиб самым ужасным образом в результате безжалостной атаки чудовища. Убедившись в смерти любимого руководителя, Срин с боем успел своевременно отступить. Это инопланетное чудовище с его невероятными способностями теперь находится на свободе в нашем городе! Просим всех граждан проявлять спокойствие и не поддаваться панике. Как только власти выработают надлежащий план действий, они тотчас же приступят к его осуществлению. Самое главное — оставайтесь спокойными! Тем временем Рабд, сын Гломча, отложил свой свадебный полет, который должен был начаться сегодня ночью. Как вы знаете, он сочетался браком с Тект, дочерью Хилпа — выдающейся звездой фнеша и блелга с южного материка. Рабд взялся возглавлять отряд флэфнобов-добровольцев, которые намере-

ны направиться в тот район города, где расположены научные учреждения и где в последний раз видели чудовище. Их цель — уничтожение его до того, как оно начнет размножаться.

По поступлении свежих новостей я возобновлю свою передачу.

На этом заканчиваю, мои дорогие реципиенты".

Теперь у Меншипа не оставалось ни малейшей надежды на то, что можно будет каким-то образом войти в контакт с этими существами и спокойно договориться о способах и возможностях отправки его домой. Хотя именно этого все искренне, скорее всего, желали.

Но с этого момента главный лозунг дня — "Изловить чудовище!"

И это его совершенно не устраивало!

Впрочем, теперь отпала необходимость разыскивать Рабда. Он сам будет искать встречи с Меншипом, вооруженный до зубов... Поэтому Клайд принял решение пока что спрятаться. Он пошел вдоль стены ближайшего дома, пока в ней не открылся проем. Скользя внутрь, проследил, чтобы дверь закрылась и огляделся. Место показалось ему подходящим. В центре помещения располагалось большое количество крупных тяжелых предметов, и все они, насколько он мог судить, были неодушевленными и достаточно непрозрачными. Втиснувшись между двумя предметами, Меншип с тоской понадеялся, что органы чувств флэфнобов не располагают какими-либо неизвестными земной науке способами обнаружения цели. А какими же неизвестными флэфнобской науке способностями обладает он сам? Что за чепуху относительно высокочастотного мысленного излучения нес комментатор? Сам Меншип ничего не ощутил, однако Лирд перед смертью успел отметить какой-то эффект. Может быть, это какой-то побочный продукт человеческого мышления, улавливаемый только флэфнобами и чрезвычайно вредный для них? Ведь он может настраиваться на их мышление, в то время как этим существам не дано проникнуть в его череп. И, может быть, единственный способ заставить их осознать наличие у него разума и заключается в каком-то чудовищном ментальном воздействии, которое буквально разрывает их на ча-

сти! Однако сам он, очевидно, не в состоянии по собственной воле включать и отключать это излучение — ведь профессор был невредим, пока не выстрелил первый раз. Внезапно для Меншипа донеслись обрывки чых-то взволнованных мыслей. Источник их находился где-то снаружи, на улице. Рабд!

— Трое пусть направлятся дальше, — скомандовал молодой офицер. — Для прикрытия боковых улиц мне понадобятся двое. Не тратьте слишком много времени на обыск зданий. Я уверен, что чудовище затаилось на какой-нибудь темной улице, подкарауливая новую жертву. Со мной пойдут Танжи, Зоги, Львов. Держите кончики шупальцев наготове — эта тварь невообразимо опасна. Не забывайте, что мы должны уничтожить ее до того, как она начнет размножаться. Меншип непроизвольно издал вздох облегчения. Они не собираются обыскивать дома. Следовательно, у него есть немного времени. Он мысленно последовал за Рабдом. Это было совсем не трудно — нужно было сосредоточиться на его мыслях и не обращать внимания на других флефнобов. "Следуй за разумом Рабда! За мыслями Рабда! Вот так! Это — подсознание... А это — отделы памяти... Нет, только не эта ерунда об особе женского пола, состоящей только из глаз и мягких ослизлых шупальцев, черт побери!

Блоки памяти...

Старые воспоминания...

...когда производится посадка на планеты типа С-12...

Не то! Чуть глубже!

Вот!!!

...чтобы произвести продувку переднего двигателя, нужно слегка нажать..."

Меншип прочесал все содержание руководства по управлению звездолетом, находившееся в памяти Рабда, то и дело останавливаясь, чтобы более четко уяснить то или иное понятие, затуманенное терминологией флефнобов, или чтобы выбросить из поля зрения фривольные мысли в отношении Текта, на которые он непрерывно натывался. Теперь он обладал достаточным количеством знаний, чтобы пилотировать корабль в пределах обычных для человека представлений. И ощутил в себе некоторую уверенность. Но как отыскать корабль?

А очень просто! Добрая старая энциклопедия Рабд, разумеется, должна помнить, где располагается корабль. Так Меншип и поступил. С искусством, которое, казалось, вернулось после многих веков забвения, он обшарил все закоулки памяти в мозгу флэфнобов, отбрасывая ненужное:

“...ручей цвета индиго протяженностью в пять кварталов. Затем свернуть вдоль первого сливающегося с ним красного...” Весьма приятная прогулка для скучающего профессора кафедры сравнительной литературы, у которого до этой странной ночи был такой же опыт телепатии, как и охоты на африканских львов! Но, возможно, об отсутствии опыта можно говорить только в отношении сознательной телепатии, в то время как человеческий разум привычен к чему-то вроде постоянного подсознательного зондирования психики других людей, а столкнувшись с существами, мысли которых очень легко воспринимать, разум человека способен быстро освоиться с дремавшей до сих пор способностью.

Что ж, это очень интересно, но все же далековато от сферы исследований литературоведа. И не имеет никакого отношения к решению непосредственно стоящей перед ним задачи. Задача заключается в том, чтобы незаметно ускользнуть из этого здания прямо перед носом у караулящих снаружи флэфнобов. Ведь не исключено и то, что в любой момент к ликвидации столь опасного существа будет привлечена полиция. Меншип осторожно выбрался из своего убежища, зигзагообразный проем раздвинулся, и он нос к носу столкнулся с усеянным шупальцами черным чемоданом. Флэфноб быстро пришел в себя и направил на него уже знакомое спиральное оружие, лихорадочно заводя пружину. Землянин остолбенел от страха. Погибнуть сейчас, после всего того, через что он уже прошел... Мозг флэфноба затрепетал и издал вопль:

— Плоскоглазое чудовище! Я нашел его! Его глаза... его глаза...

Через секунду от него не осталось ничего, кроме лужицы жидкости, подрагивающей в небольшой выбоине у стены здания. Не оборачиваясь, Меншип побежал. Сноп красных точек с треском пронесся над его плечом и проделал дыру в стене здания. Тогда он завернул за угол и побежал еще быстрее. Телепатические крики сзади зати-

хали — видимо, человеческие ноги больше приспособлены к перемещению тела, чем щупальца.

Ручьи нужного цвета указывали дорогу к кораблю. Несколько раз на пути Меншипа встречались флефнобы, но никто из них вооружен не был. При виде его они обвиняли щупальцами свои чемоданы, прижимались к стене и, пробормотав что-то вроде “Кврм! Кврм, спаси меня...”, похоже, теряли сознание.

“Пукр, сын Кимпа, сообщает последние новости о плоскоглазом чудовище. Первое. Совет пожелал, чтобы я оповестил всех, кто еще не проинформирован по бленч-каналам, о том, что в городе введено военное положение. Повторяю: военное положение! Никто из граждан не должен появляться на улицах впредь до особого уведомления. К городу в спешном порядке подтягиваются подразделения армии и космического флота, а также тяжелые майцельтоверсы. Не мешайте им. Освободите все улицы!

Плоскоглазое чудовище совершило еще одно нападение. Всего лишь десять коротких скимов тому назад оно поразило Льюва, сына Ифга, в схватке у Здания Колледжа Передовой Туркаслерогии и едва не растоптало Рабда, сына Гломча, который отважно бросился под его нижние конечности, чтобы задержать хищника. Тем не менее, знаменитый исследователь уверен, что серьезно ранил чудовище прицельным выстрелом из своего бластера. Предупреждаю! Оружием врага являются высокочастотные лучи, испускаемые из глаз! Незадолго перед этой схваткой хищник случайно забрел в музей, где полностью уничтожил ценнейшую коллекцию зеленых фермфнаксов. Они были найдены в бесполезном крылатом состоянии. Почему он сделал это? По чистой злобе? Некоторые ученые считают, что этот акт указывает на наличие разума, очень высокого разума, который, вкупе с уже проявленными фантастическими способностями, делает задачу уничтожения чудовища гораздо более трудной, чем полагают местные власти. Одним из этих ученых является профессор Вавб. Он считает, что только после правильной психосоциологической оценки поведения этого существа и распознавания особенностей

культурной обстановки, в которой оно выросло, мы окажемся в состоянии выработать адекватные контрмеры и спасти таким образом планету.

Сейчас профессор сам выскажет свою точку зрения".

Когда профессор начал путаться в объяснении термина "культура", Меншип добрался, наконец, до взлетной площадки. Он вышел на нее неподалеку от угла, где была расположена возделенная стоянка трехдвигательного катера Рабда между огромным межпланетным грузовым кораблем и сооружением, которое Меншип мог бы принять за склад, если бы уже не испытал во всей полноте на собственном опыте, до каких ошибочных выводов могут довести эквиваленты флефнобов, соответствующие, на первый взгляд, аналогичным проявлениям человеческой деятельности. Взлетное поле было плохо освещено, а большинство находящихся поблизости флефнобов занималось загрузкой грузовоза. Набрав в легкие побольше воздуха, Меншип метнулся к небольшому сферическому аппарату, глубокие впадины которого на днище и в верхней части делали его похожим на металлическое яблоко. Зигзагообразный проем распахнулся, и землянин прыгнул внутрь. Судя по всему, он остался незамеченным. Со стороны грузовоза исходил ровный рокот мыслей, направленных на тщательное закрепление контейнеров, то и дело перекрывающийся пространственными социофилософскими рассуждениями профессора Вавба:

"...поэтому мы можем заключить в этом отношении по крайней мере то, что плоскоглазое чудовище не проявляет типичных моделей поведения, характерных для необразованных существ. Но в этом случае, если мы попытаемся соотнести базовые характеристики первичной городской цивилизации..."

Меншип двинулся на ощупь по узкому извилистому наклонному проходу к рубке. Отыскав главный пульт управления, он уселся перед ним и, хотя сидеть было очень неудобно, сразу же принялся за дело. Пальцы с большим трудом справлялись с органами управления, спроектированными для щупальцев, но выхода не было.

"...разогреть вспомогательные двигатели привода..."

Осторожно, очень осторожно он повернул три верхних цилиндра на полный оборот. Затем, когда на экране слева

появились чередующиеся красные и белые полосы, потянул за большую черную рукоятку, торчащую из пола. Снаружи раздался пронзительный рев стартовых ракет, и через несколько секунд корабль оторвался от поверхности планеты, скачком оказавшись в глубоком космосе. Включив главный привод, Меншип задал курс в направлении астрономической единицы 649-301-3. Теперь от него ничего не требовалось до самой посадки. Сама посадка вызвала некоторые опасения, но до сих пор все шло настолько хорошо, что доцент кафедры сравнительной литературы ощутил себя бывалым космическим волком и не сомневался, что выкрутится и на этот раз.

Согласно подсознательным расчетам Рабда, при условии выжимания из главного привода максимальной скорости, до Земли было всего 10-12 часов полета. Откуда-то из глубин собственного подсознания карабкались несвоевременные мысли о еде и воде, но Меншип загнал их обратно. Им овладела другая идея: какую сенсацию он произведет на Земле! Даже большую, чем на планете флешнобов... Каким же все-таки оружием он обладает? Видимо, при виде бластера, в ожидании неминуемой смерти, глаза его приобретают способность испускать нечто чудовищное, если судить по результату. Может быть, чрезвычайно высокое выделение адреналина в кровеносную систему в состоянии стресса было губительным для структуры флешнобского тела. А может, психическая реакция человеческого мозга сопровождалась такой волной излучения, которая на части рвала жителей этой планеты.

Видимо, в этом есть смысл. Если Меншип так чувствителен к их мыслям, то и они должны быть в какой-то мере подвержены влиянию его мыслительной деятельности. Он заложил руки за голову, глядя на показания приборов. Механизмы работали удовлетворительно. Интересы ради новоиспеченный космолетчик активировал видеозэкран. Увиденное заставило его тотчас вскочить на ноги. Экран показывал погоню. Меншипу показалось, что его нагоняет весь космофлот флешнобов. Один из огромных космических аппаратов уже почти поравнялся с катером и начал испускать серии ярких вспышек, которые, если не обманывало подсознание Рабда, являлись якорными захватами.

Что же могло быть причиной такой суматохи? Угон одного жалкого ракетного катера? Украденные тайны флэфнобской науки? Да ведь они должны радоваться, что существо сбежало, не успев начать размножаться! Только теперь до Меншипа дошло, что из недр корабля непрерывно струится какая-то мысль, на которую он раньше не обращал никакого внимания, всецело поглощенный проблемами космической навигации. На борту катера он был не один!

Поспешно сбегая по извилистой лестнице в главное помещение катера, он все понял. Тект!

Выдающаяся звезда фнеша и блелга с южного материка, возлюбленная Рабда съехала в дальнем конце помещения. Все ее шупальца, включая 175 покрытых липкой слизью и венчавшихся прозрачными глазами, обвилились вокруг узкого черного чемоданчика и перепутались в многочисленные узлы.

— О-о-о! — стонал ее разум. — Кворм! Кворм! Ужасное жуткое существо! Оно все ближе! Сейчас это произойдет со мной...

— Послушайте, леди, вы меня несколько не интересуете, — начал было Меншип, в очередной раз забыв, что ему еще ни разу не удавалось вступить в контакт с кем-либо из флэфнобов, тем более с истеричной особой женского пола.

Корабль дернулся. Магнитные захваты! Что ж, все начинается сначала. Сейчас здесь появятся abordажники, и их придется превращать в голубую пену. Он подумал, что Тект, видимо, является достаточно важной фигурой в иерархии флэфнобской цивилизации, если ради ее спасения отправился в погоню целый космофлот. Меншип почувствовал, что кто-то проник в катер. Рабд!

Один, вооруженный своим верным бластером, он намеревался умереть, сражаясь за возлюбленную.

— Тект! — раздалась исполненная нежности мысль. — С тобой все в порядке?

— Убийца близко! Помогите мне! Помогите! — звала окваченная ужасом звезда южного материка.

Меншипу ужасно не хотелось разочаровывать Рабда в его медовый месяц, но иного выхода не было. Он сделал еще несколько шагов в сторону липкого клубка шупальцев.

Клубок перестал думать и, судя по всему, шлепнулся в обморок. Зигзагообразный проем разошелся, и в помещение ворвался Рабд, одетый в скафандр, состоящий из нескольких соединенных между собой продолговатых баллонов. Вглянувшись на распростертую на полу Тект, он безрассудно повернулся, направив на Меншина бластер.

— Бедняга! — с искренним сочувствием прошептал Меншип. — Бедный, глупый, недалекий герой! Через несколько секунд от тебя останется мокрое место. И принял самоуверенную позу.

Но почему-то ничего не излучалось из его глаз.

И Рабд уничтожил мерзкое, ужасное, непотребное плоскоглазое чудовище прямо на месте. А затем подхватил невесту в нежные объятия своих щупалец.

По возвращении домой его встречали как героя!

УИНТРОП БЫЛ УПРЯМ

WINTHROP WAS STUBBORN

Bantam Books

New York

1958

Миссис Бракс исполненным отчаяния взглядом обвела своих попутчиков из двадцатого столетия.

— Как он смеет! — воскликнула она. — Неужели же он бросит навсегда нас в этом безумном мире!

Дэйв Поллок пожал плечами. На нем был скромный серый костюм, откровенно диссонирующий с ярким убранством квартиры двадцать пятого столетия, в которой они находились.

— Он сказал, что мы должны быть благодарны ему. И что ему безразлично, будем мы благодарить или нет. Он остается.

— Но это же означает, что мы тоже будем вынуждены остаться!

— А какая ему разница? Он бесповоротно вознамерился не возвращаться. Ему, видите ли, понравился двадцать пятый век. Я спорил с ним два часа. Никогда раньше не встречал такого упряма.

— А почему бы вам не поговорить с ним, миссис Бракс? — вступила в разговор Мэри-Энн Картингтон. — Он к вам неплохо относится. Может быть, вам бы удалось склонить его к благоразумию.

Миссис Бракс провела рукой по волосам, немного растрепавшимся за две недели пребывания в будущем.

— Мистер Мид, — задумчиво спросила она. — Как вы думаете, это неплохая мысль?

Четвертый присутствующий, полноватый мужчина средних лет, кивнул:

— Вреда от этого не будет. А может быть, и получится. Все равно нужно хоть что-то предпринимать.

— Ладно, попробую.

Миссис Бракс тяжело вздохнула. Будучи бабушкой, она прекрасно все понимала. Для спутников Уинтроп и они были "стариками", и, следовательно, могли найти общий язык. Правда, Уинтроп все же был на десять лет старше ее. Но это не имело особого значения для мистера Мида, которому было всего сорок шесть, тем более для тридцатичетырехлетнего Поллюка, не говоря уже о двадцатилетней Мэри-Энн. Все было предельно ясно: один из "старичков" должен вразумить другого. Никакого значения не имело для них и то, что Уинтроп — убежденный холостяк, лишенный каких бы то ни было привязанностей, в то время как она — мать шестерых детей и бабушка двух внуков. Вообще-то с тех пор, как группа прибыла в будущее, она и Уинтроп вряд ли сказали друг другу десяток фраз. Сильная неприязнь возникла между ними еще с первой встречи в Вашингтоне на финальном отборе путешественников во времени. Предыдущие маневры успеха не принесли. Мистер Мидд безрезультатно обрушивал на старого упряма всю мощь своего гнева. Мэри-Энн напрасно старалась расшевелить его гибкостью своей роскошной фигуры и дрожью в голосе. Даже Дэйв Поллок, преподаватель физики в старших классах, имеющий степень магистра каких-то там наук, и тот оказался не в состоянии встряхнуть Уинтропа. И вот настал черед миссис Бракс.

Она поднялась, расправив морщинки на дорогом черном платье, которое подарил ей муж за день до отправления. Подарок был приобретен у "Лорда и Тэйлора", являясь показателем законной гордости мужа за жену. Попробовала бы она только заикнуться Сэму о том, что это было чистой воды везением, что выбрали ее только по соответствию физическим данным, изложенным в послании из будущего! Он же, наверное, расхвастал всей мастерской, каждому закройщику и каждой портнихе о своей жене — одной из пятерки, которую собирали со всей территории США. Что же будет с ним, когда пройдет предельный срок, и она не вернется сегодня в шесть часов вечера?

— Вызвать по телефону джампер? — предложила Мэри-Энн.

— Я что, рехнулась? — сердито огрызнулась миссис Бракс. — Или вы думаете, что меня пугает небольшая прогулка по коридору? Я в состоянии пройти пешком. И

она двинулась в направлении двери прежде, чем девушке удалось вызвать это выводящее из душевного равновесия устройство, мгновенно перебрасывающее из одного места в другое. У порога обернулась и окинула комнату последним тоскливым взглядом. Поскольку, что ни говори, эта квартира в Бронксе была весьма уютным местом, где она провела почти две недели. Во всяком случае, здесь ничего не выскакивало из пола и не высывалось из стен. Потом она быстро прошла по коридору, стараясь держаться только посередине, на как можно большем расстоянии от стен, таящих непредвиденные опасности, корчащихся, как живые. В том месте, где пурпурная стена, не замедляя бега, обтекала неподвижный желтый прямоугольник, миссис Бракс остановилась. Скривив неприязненно губы, обратилась в сторону прямоугольника:

— Мистер Уинтроп?

— Да. Миссис Бракс? Неужели? — раздался из-за прямоугольника громкий голос. — Проходите смело внутрь, миссис Бракс. На желтом фоне появилось крохотное пятно, быстро разросшееся до размеров двери. Она осторожно прошла в нее, подсознательно опасаясь, что может провалиться на несколько этажей по другую сторону. Комната имела форму вытянутого узкого равнобедренного треугольника. Мебели в ней не было. Цветные полосы пробегали одна за другой по стенам, полу и потолку, причем доминирующим цветом была поочередно любая составляющая спектра, начиная от бледно-розоватого цвета до сочного темно-фиолетового. Каждому новому цвету соответствовал исходящий из стен новый аромат, и эта совокупность цвета и запаха придавала комнате особое очарование, интригующее и несколько смущающее своей необычностью. Откуда-то из-за стен лилась тихая музыка, еще более усиливающая воздействие красок и ароматов. В дальнем конце комнаты, на возвышении в вершине треугольника, возлегал шуплый старичок. Время от времени это возвышение поднималось, опускалось, медленно наклонялось из стороны в сторону, подобно корове, пытающейся принять более удобную позу в траве на лугу.

Одеяние, в которое был облачен Уинтроп, точно так же непрерывно приспосабливалось ко всем его движениям и меняло свою окраску и форму. То это была красно-белая

туника, прикрывающая все туловище от шеи до бедер и временами удлиняющаяся до пальцев ног, то она внезапно сокращалась в размерах, превращаясь в светло-коричневые шорты, украшенные вычурным орнаментом из переливающихся перламутровых морских раковин. Миссис Бракс наблюдала за этими трансформациями с почти что религиозным неодобрением. Ей смутно казалось, что мужчине положено быть одетым в один и тот же костюм достаточно длительное время. Против шортов она не очень возражала, хотя благопристойная душа ее расценивала их как несколько нескромную одежду. В это время Уинтрон, как бы отвечая на ее мысли, облачился в зеленый хитон, очень напоминающий ночную рубашку, не соответствующую, пожалуй, полу старика. Но она и это смогла перенести, лишь жалея, что одежда постоянно меняется, свидетельствуя как бы об отсутствии силы воли и сосредоточенности у этого человека.

Уинтрон поставил на пол огромное яйцо, которое перед этим держал в руках.

— Присаживайтесь, миссис Бракс, — весело предложил он.

Неуклюже покачиваясь на буграх пола, появившихся по жесту хозяина, миссис Бракс подогнула колени и села.

— Как... как ваши дела, мистер Уинтрон?

— Отлично, миссис Бракс, просто великолепно! Лучше не может быть. Ну, скажем, вы видели мои новые зубы? Вглянитесь!

Миссис Бракс наклонилась и с искренним интересом рассмотрела его наполненный белой сверкающей эмалью рот.

— Неплохая работа, — объявила она наконец. — Здешние дантисты быстро все сделали.

— Они вырастили для меня эти зубы, миссис Бракс!

— Как вырастили?

— Откуда мне знать? Просто они это умеют, вот и все. Недавно я прослышал о регенерационной лечебнице. Это такое место, куда надо обращаться, если потерял, к примеру, руку. Там отращивают точно такую же новую, задаром. Я пошел туда и сказал стоящей там машине: "Мне нужны новые зубы". Машина предложила мне сесть. Раз, два, три — готово! И я уже выбрасываю свои вставные челюсти. Не хотите ли попробовать сами?

Она неуклюже заерзала на своем податливом сиденье. Уинтроп рассмеялся.

— Вы напуганы, — заметил он. — Ничем не отличаетесь от остальных. Новое пугает вас. А у меня, самого старого из вас, хватает смелости.

Миссис Бракс робко улыбнулась.

— Но вы, мистер Уинтроп, — единственный, кого никто не ждет в двадцатом веке. А у меня семья, у мистера Мида семья, мистер Поллок только-только женился, мисс Картингтон обручена...

— Мэри-Эни обручена? Ни за что не догадался бы. Она так строила глазки парню из Темпоральной службы!

— Обручена. С бухгалтером из ее конторы, Эдгаром Раппом. Прекрасный, работающий юноша. И она хочет к нему вернуться.

— Ну и пусть себе возвращается. Мне-то какое дело?

— Но, мистер Уинтроп, — умоляюще сложила она ладони. — Она не сможет вернуться, никто из нас не вернется, если только мы не отправимся домой все вместе. Вы разве не помните, о чем предупреждали темпоральные инспекторы? Мы должны сидеть по своим местам, когда будет производиться то, что они называют трансфером. Но если к шести часам мы все не соберемся там, они не смогут выполнить этот трансфер! Поэтому, если один из нас, вот вы, например, не явитесь...

— Не рассказывайте мне о своих бедах! — резко оборвал ее Уинтроп.

Лицо его вспыхнуло. В комнате распространился резкий кисловатый запах, на стенах появились багровые пятна, музыка превратилась в сплошную какофонию. Видимо, так помещение отреагировало на смену настроения постояльца.

— Все хотят, чтобы Уинтроп оказал им любезность. А что они сами сделали когда-нибудь для Уинтропа? — едко поинтересовался он.

— Не понимаю вас, мистер...

Миссис Бракс смутилась.

— Когда я был ребенком, мой родитель каждый вечер возвращался домой пьяным. Когда я подросток, меня ожидала паршивая работа и такая же паршивая жизнь. Помните очереди за хлебом? Кто, по-вашему, стоял в этих очере-

дых? Такие, как я. А потом, когда депрессия сменилась лучшими временами, я был уже слишком стар, чтобы получить приличную работу. Таких, как я, брали разве что ночными сторожами, мойщиками посуды или сборщиками ягод. Дешевые ночлежки, дешевые меблированные комнаты...

Он снова взял в руки крупный яйцевидный предмет и начал пристально вглядываться в него. Из-за багрового освещения комнаты лицо его казалось почти черным. На той же щеке вздрагивала крупная вздутая вена.

— М-да... Говорите, у каждого есть к кому возвращаться? У каждого, кроме меня. У меня никогда не было настоящего друга, жены, даже девушки, которая бы оставалась со мной дольше, чем ей требовалось для того, чтобы вытряхнуть из моих карманов завалявшуюся в них мелочь. Так почему же мне нужно возвращаться? Я счастлив здесь. А вам неуютно, вы ощущаете себя чужаками в этом мире... Я остаюсь. Это решение — окончательное.

— Послушайте, мистер Уинтроп, — встревоженно подалась вперед миссис Бракс. — У каждого в жизни случаются неприятности. Вы думаете, у меня их нет? Моя дочь Анни, мой Джулиус! То, что мы пережили, я не пожелала бы худшему врагу. Но отыгрываться на других? Вы правы. Нам не нравится здесь. Все эти джамперы, пищевые аппараты...

— Кстати, о пищевых аппаратах, — оживился Уинтроп. — Вы видели мой новый пищевой рекордер? Последняя модель. Я прослышал о ней только вчера вечером, сказал, что мне нужен такой, и что бы вы думали? Первое, что я увидел утром — только что доставленный, новенький, с иголки, автомат. И без всяких хлопот и денег! Удивительный мир!

Он открыл огромное яйцо и заглянул внутрь, где располагалось множество циферблатов, выключателей и кранов.

— Хотите попробовать? Я настроил его на самый модный номер этого нового композитора с Альдебарана: "Воспоминания о марсианском суфле".

Она выразительно покачала головой.

— Нет. Как по мне, то еду следует подавать в тарелках. Я не хочу пробовать. Спасибо.

Старик пожал плечами.

— Ладно. Другие хотя бы попробовали. Но вы все эти две недели питаетесь кормежкой двадцатого столетия, не переступая порога своей комнаты. А чем вы просили ее убрать? Да вы же находитесь в двадцать пятом столетии, госпожа! Проснитесь!

— Мистер Уинтроп! — твердо произнесла миссис Бракс. — Да или нет? Вы будете столь любезны или нет?

— Вам за пятьдесят, — подчеркнуто откровенно заявил Уинтроп. — Далеко за пятьдесят, миссис. И сколько вы еще собираетесь прожить у себя дома? Лет десять? Пятнадцать? Здесь бы вам перепало еще минимум сорок. Даже я в состоянии протянуть не менее двадцати. Не надо беспокоиться о войнах, эпидемиях, депрессиях, все даром, и сколько же вокруг интересного! Зачем же возвращаться?

Миссис Бракс, и без того уже изрядно расстроенная, совсем потеряла самообладание.

— Потому что у меня там дом, — зарыдала она. — Потому что я не представляю себе иначе. Потому что я хочу быть со своим мужем, детьми, внуками... И потому что мне здесь не нравится!

— Какие же вы трусы! — вскричал Уинтроп. — Все, даже этот молодой балбес Поллок. Первую неделю он еще бродил со мной и хотя бы по разу все пробовал. А под конец испугался. Вот и забирайте его с собой, возвращайтесь!

— Но мы не можем возвратиться без вас! Вспомните, что нам сказали. Трансфер осуществляется одновременно с двух сторон. Мы не сможем вернуться без вас!

Уинтроп улыбнулся и почесал затылок.

— И все же я останусь. Это единственная эпоха, которая по душе старику Уинтропу.

— Пожалуйста, мистер Уинтроп, не упрямитесь! Не вынуждайте нас прибегнуть к силе...

— Вы не имеете права принуждать меня, — объявил он с видом торжествующего хищника. — Согласно законам Америки XXV века, ни одно человеческое существо нельзя к чему-либо принудить. Это факт, только попробуйте напасть на меня. Я подниму скандал, появится целая рота правительственных машин и освободит меня. Так-то, дорогие мои!

— Послушайте, — сказала она уже перед дверью. — В шесть часов мы все будем в здании машины времени. И будем ждать вас.

— Ни за что! — крикнул он вслед. — Ни за что не вернусь!

И миссис Бракс пошла к себе и рассказала всем, что Уинтроп так же упрям, как и раньше.

Оливер Мид, вице-президент компании по производству емкостей для свежей воды из Гэри, штат Индиана, заведующий внешними связями фирмы, нетерпеливо барабанил по ручке удобного кресла, обтянутого красной кожей, которое комната миссис Бракс создала специально для него.

— Нелепо! — воскликнул он. — Нелепо и совершенно бессмысленно! Этот отщепенец, этот бродяга! Да как он смеет мешать другим заниматься своими делами! Известно ли вам, что через несколько дней должно состояться общенациональное совещание по вопросам розничной торговли? И мне необходимо на нем присутствовать. Ведь произойдет ужасная неразбериха, скажу я вам, если ответственные лица из этой эпохи не поймут всей важности...

— Могу поспорить, что так оно и будет, — перебила его Мэри-Энн, прищурив густо накрашенные веки. — Такая крупная фирма как ваша, могла бы потребовать от них возмещения убытков.

Дэйв Поллок устало скривился.

— Фирма, которая не существует уже 500 лет? Кому будет жаловаться ваша корпорация? Разве что составителям учебников истории! Увидев, что толстяк сердито заерзал в кресле, миссис Бракс успокаивающе подняла руки.

— Не расстраивайтесь. Давайте обсудим все спокойно, без драки. Как вы считаете, мы действительно не имеем права заставить его вернуться?

— Безответственные, преступные губошлепы! — утрировано произнес мистер Мид. — Пригласили нас в свою эпоху, а теперь сидят, сложа руки. А что же случится с их людь-

ми, с теми пятерыми, которых мы заменили на трансфере? Если мы застрянем здесь, они застрянут в 1958 году. Навсегда. Любое правительство, достойное называться правительством, обязано защищать своих граждан, выезжающих за границу.

— Только вот похоже на то, что здешнее правительство состоит из одних машин. А разве мы в состоянии спорить с машинами? — заметила мисс Картингтон. — Единственный официальный представитель, с которым мы встречались, это мистер Сторку, который приветствовал нас от имени Соединенных Штатов Америки 2458 года. И, похоже, мы не слишком уж его интересовали.

— Так вот, сделать нам необходимо следующее, — заговорил мистер Мид, загибая по очереди пальцы правой руки. — Первое. Нужно действовать, исходя из того, что единственным человеком из руководства, с которым мы встречались, является этот мистер Сторку. Второе. Выбрать среди нас компетентного представителя. Третье. Представитель должен встретиться с мистером Сторку и обрисовать ему ситуацию. Как его правительству удастся связаться с нашим правительством и сообщить о возможности путешествия во времени, но при выполнении определенных условий: в частности, соблюдая это... как оно там называется, Поллок?

— Закон сохранения энергии и массы. Материя или ее эквивалент в виде энергии не могут быть ни созданы, ни уничтожены. Если вы хотите перенести пять человек из Вселенной 2458 года во Вселенную 1958 года, вам нужно заменить их одновременно в их собственном времени пятью лицами точно такого же физического строения из времени, куда они отправляются. В противном случае образуется недостаток массы в одном пространственно-временном континууме и соответствующий избыток в другом. Как в химическом уравнении...

— Это все, что я хотел знать, Поллок. Я не ученик в одном из ваших классов, вам незачем поражать своими знаниями меня, — сделав ударение на последнем слове, произнес мистер Мид.

— Вас никто не пытался поразить, — воинственно огрызнулся молодой физик. — Я просто пытался прояснить для вас наши трудности. Поскольку машина настроена на

нас пятерых и на пятерых из этой эпохи, нельзя осуществить перемещение, если на обоих концах темпоральной линии не будем присутствовать все мы и все они.

Мистер Мид сделал медленный театральный поклон.

— Премного вам благодарен. С вашего позволения, я хотел бы продолжить. Не все из нас находятся на государственной службе, и поэтому не у всех время столь драгоценно.

— Послушайте только этого воротилу! — весело заметил Поллок. — У него драгоценное время. Если вам угодно знать, для здешних обитателей мы являемся никем иным, как дикарями из первобытного прошлого.

— Тихо! — скомандовала миссис Бракс. — Будьте любезны, продолжайте, мистер Мид. Это все очень интересно. Не правда ли, мисс Картингтон?

Блондинка кивнула.

— Администраторами просто так не назначают. Вы все излагаете... э... правильно, мистер Мид.

Оливер Мид смягчился и одарил девушку благодарной улыбкой.

— Итак, третье. Мы излагаем факты этому мистеру Сторку, говорим, что пришли сюда с самыми благими намерениями после того, как были отобраны в результате общенационального конкурса по подысканию точных эквивалентов пятерых представителей их эпохи. О том, что пошли на это частично из вполне понятного любопытства и, что самое главное, выполняя патриотический долг. Разве эта Америка 2458 года не является и нашей Америкой? Разве она не является нашей Родиной? Как патриоты, мы не могли поступить иначе, мы...

— Оливер Мид произносит присягу перед флагом! — взорвался Поллок. — Вот это мысль!

Лицо бизнесмена отразило мучительную борьбу с самим собой. Стараясь не выйти из себя, он предложил:

— Поллок, если вам неинтересны мои мысли, то почему вы не выйдете в коридор подышать кислородом из автомата? Да... На чем я остановился... Как я уже говорил, объяснив подноготную фактов мистеру Сторку, мы подходим к пункту четвертому. Факту отказа. Отказа Уинтропа вернуться вместе с нами домой. И требуем от правительства этой эпохи, чтобы оно приняло соответствующие ме-

ры, которые гарантировали бы наше возвращение даже в том случае, если это повлечет за собой, ну... как это... принуждение силой в отношении Уинтропа.

— Вы так думаете? — иронически спросил Дэйв Поллок. — А что, если Сторку скажет “нет”?

— Он не сможет отказать, если его прижать как следует!

— И сделать это можете только вы, мистер Мид! — одобрительно кивнула миссис Бракс.

Толстяк сразу скис.

— Я?

— Разумеется, — горячо поддержала Мэри-Энн. — Вы — единственный, кто может это сделать, изложить все... как бы это... так правильно.

— Я... мы... не очень-то... У меня сложились не очень хорошие отношения с мистером Сторку. Поэтому лучше возложить решение этой задачи на кого-то другого.

Дэйв Поллок расхохотался.

— Олли, не скромничайте. У вас со Сторку такие же отношения, как и у любого из нас. И разве вы не специалист по внешним связям? Вы ведь большая шишка в своей компании, не так ли?

Мистер Мид попытался вложить в свой жесткий продолжительный взгляд всю ненависть, накопившуюся во Вселенной.

— Очень хорошо. Раз никто из вас не берется за это, придется мне. Я скоро вернусь.

— Почему бы вам не воспользоваться джампером? Это ведь гораздо быстрее, — спросил ядовито Поллок, когда Мид выходил из комнаты.

— Нет, благодарю, — вежливо ответил мистер Мид. — Мне нужно размяться. Я пройду пешком.

Он начал спускаться по лестнице быстрым пружинистым шагом, но на лестнице, однако, показалось, что он движется недостаточно быстро. Включился эскалатор, набирая скорость до тех пор, пока Мид не споткнулся.

— Остановись, черт тебя побери! — завопил он. — Я могу это сам!

Лестница повиновалась. Он вытер лицо большим белым носовым платком и снова пошел вниз по ступенькам. Через несколько секунд эскалатор включился снова.

Раз за разом Мид приказывал ему остановиться, и раз за разом он останавливался, а затем снова исподтишка делал попытки ему помочь. В конце концов ему пришлось сдаться, и к тому времени, когда он достиг нижнего этажа, эскалатор двигался так быстро, что мистер Мид по инерции пролетел через весь пустой вестибюль здания и очутился на тротуаре, рискуя сломать шею. К счастью, тротуар под ним начал двигаться. У толстяка после путешествия по лестнице изрядно кружилась голова, но стоило ему покачнуться, как тротуар тут же следовал за ним, осторожно, но умело предотвращая его падение. В конце концов, Мид остановился, чтобы перевести дух.

Тротуар под ним слегка затрепетал, выжидая. Мистер Мид начал озираться по сторонам.

— Что за мир! — вырвалось у него. — Хоть бы полицейский появился. Хоть бы кто-нибудь!

И тут же перед ним возник этот "кто-нибудь". С характерным попыхиванием чуть выше его головы появился джампер. Из него прямо в воздух вышел человек. Позади человека была какая-то похожая на плетень, решетчатая штукавина, утыканная глазами. Участок тротуара взметнулся вверх, образовав горб прямо под двумя появившимися существами, а затем аккуратно опустился вниз.

— Я очень рад нашей встрече! — закричал мистер Мид. — Я пытаюсь добраться до Государственного Департамента и испытываю определенные затруднения. Был бы очень признателен вам за помощь.

— Извините, но мы с Клап-Лилтом должны через полчаса вернуться на Ганимед. Мы и так уже опаздываем на встречу. Почему бы вам не вызвать государственную машину? — спросил человек.

— Кто это? — поинтересовался плетень, когда они начали плавное движение ко входу в здание.

Тротуар под ними струился счастливой рекой.

— Путешественник во времени, — пояснил его спутник. — Из прошлого. Один из тех туристов, которые прибыли к нам в порядке обмена две недели назад.

— О! — протянул плетень. — Из прошлого? Вы знаете, мы на Ганимеде не верим в путешествия во времени. Это противоречит нашей религии.

Землянин рассмеялся.

Ох, уж эта ваша религия, Клап-Лилт!

— Все вы, люди, не можете никак уразуметь, что наша религия...

Голос плетня растаял, как только они скрылись внутри здания. Мид едва не плюнул им вслед. Затем взял себя в руки. Нравы этого странного времени чудовищно отличаются от нравов двадцатого века. Кто знает, какое наказание положено здесь за плевков?

— Государственную машину, — уныло произнес он в пустоту. — Мне нужна государственная машина.

Мистер Мид чувствовал себя несколько глуповато, но именно это, как им говорили, нужно делать в случае необходимости.

Как по заказу, рядом с ним прямо из ничего возникла сверкающая разноцветными пластинами штукovina, вся из проводов и катушек.

— Да? — спросила штукovina бесстрастным голосом. — Чем могу служить?

— Мне нужно встретиться с мистером Сторку из вашего Государственного Департамента.

— Можно предложить вам джампер? Я сейчас же вызову.

— Не нужно. Я хочу пройти пешком. все, что от вас требуется — велеть этому дурацкому тротуару не вмешиваться и стоять неподвижно.

— Простите, сэр, — ответила машина, — но тротуар просто выполняет свои обязанности. К тому же, мистера Сторку сейчас нет. Он выполняет духовную зарядку либо на Поле для Визга, либо на Стадионе Ужаса.

— О, увольте, — взмолился Мид.

Оправдывались его самые худшие опасения. Ему не хотелось побывать в этих местах еще раз.

— Простите, сэр. — Один момент. Я проверю. — Между обмотками проскочило несколько ярко-голубых искр. — Мистер Сторку сейчас занят визгом. Он чувствует, что стал чрезмерно агрессивен. Приглашает вас присоединиться к нему.

Толстяк задумался. У него не было ни малейшего желания отправляться туда, где нормальные люди на несколько часов становятся сумасшедшими. Но, с другой стороны, времени было в обрез.

— Ладно, — удрученно согласился он. — Я присоединяюсь.

— Вызвать джампер, сэр?

— Нет! — отпрянул Мид. — Я пойду пешком.

— К сожалению, сэр, пока вы будете туда добираться, визг уже закончится.

Вице-президент по внешним связям приложил к лицу потные ладони и, чтобы успокоиться, сделал легкий массаж. Он должен не забывать о том, что это не тупой полисмен, на которого можно пожаловаться в газету, и не секретарь-растяпа, которого можно уволить. Это всего лишь машина, в электронной цепи которой встроен определенный набор речевых реакций. Если он покажет, что непомерно раздражен, она просто вызовет другую машину. Медицинскую.

— М-н-е н-е н-р-а-в-я-т-с-я д-ж-а-м-п-е-р-ы, — процедил он сквозь зубы.

— Извините, сэр. Если вы не возражаете против того, чтобы подождать, пока закончится визг, то нет проблем, но тогда вам придется отправиться на Венеру на Праздник Ароматов, который сразу же после визга намерен посетить мистер Сторку. Поэтому, если вы хотите повидаться с ним незамедлительно, вам, увы, придется воспользоваться джампером. Другой возможности нет, сэр.

— Ладно, сдаюсь, — поник мистер Мид. — Вызывайте джампер.

— Есть, сэр. Вот он, сэр.

Тотчас над головой Мида материализовался полый цилиндр и замкнулся вокруг него, не дав даже рта раскрыть. Вокруг стало темно. У бедняги возникло ощущение, будто его желудок постепенно, но неумолимо, вытаскивают через рот. За желудком последовали печень, селезенка и легкие. Затем все его кости повывпадали в середину уже пустой брюшной полости и стали уменьшаться в размерах, пока не исчезли. Он как бы сколлапсировал внутрь самого себя. Через некоторое время мистер Мид снова ощутил себя целым и невредимым, стоящим на просторной зеленой лужайке. Его окружало несколько десятков людей. Желудок вернулся на положенное место и там закрепился, тело слегка подбросило вверх. Когда спазмы успокоились, Мид увидел перед со-

бой мистера Сторку — высокого светловолосого молодого человека очень приятной наружности.

— Ведь это так просто, мистер Мид. Нужно только во время прыжка оставаться совершенно спокойным.

— Легко... легко говорить, — отдуваясь, произнес толстяк, вытирая лицо платком. — Почему вы... Почему бы вам не придумать другой способ передвижения? В нашу эпоху удобство в средствах передвижения является краеугольным камнем промышленности.

— Какой он забавный! — воскликнула находящаяся рядом девушка, обращаясь к своему спутнику. — Он разговаривает, как в старых любовных романах.

Мистер Мид бросил в ее сторону угрюмый взгляд и в замешательстве разинул рот. Она была совершенно голая. И такими же голыми были все окружающие, включая мистера Сторку. Мид разнервничался. Кто знает, что происходит на этих Полях для Визга! Ведь раньше они наблюдали за этим с большого расстояния, с трибуны.

— А ведь житель эпохи Елизаветы I или человек из Древней Греции при необходимости поехать в одном из ваших безлошадных экипажей или внутри железного коня испытал бы еще большее беспокойство, — заметил мистер Сторку. — Это всего лишь привычка, некоторые приспособляются, как ваш современник Уинтроп. А некоторые, как вы, например, нет.

— Если уж говорить об Уинтропе, — поспешно начал мистер Мид, — то...

— Все собрались? — раздался голос атлетически сложенного молодого человека. — Сегодня я — ваш вожатый. — С этими словами незнакомец подпрыгнул вверх. — А ну, ножками, все, все, ножками, пусть разомнутся ваши мускулы. У нас будет по-настоящему отличный визг. Сбросьте одежду, — обратился он к мистеру Миду. — Нельзя визжать одетым. Мид опешил.

— Я пришел, чтобы переговорить с мистером Сторку. И лучше посмотрю на все это со стороны.

Вокруг раздался дружный громкий хохот.

— Нельзя смотреть, находясь посередине Поля для Визга! И, помимо всего прочего, вы автоматически занесены в число участников визга. Сбрасывайте одежду, дружище, и присоединяйтесь!

Мистер Мид задумался на мгновение и начал раздеваться. Он был смущен, подавлен, напуган, но уж слишком неотложным было дело, с которым он пришел. Девизом людей, занимающихся внешними сношениями, всегда было: "Не лезь со своими уставами в чужой монастырь". Ему позарез хотелось домой, в тот мир, где справедливая система, базирующаяся на спросе и предложении, где с важным деловым человеком соответственно обращаются, где неодушевленные предметы остаются неодушевленными. А единственным каналом, через который можно в этот мир вернуться, является сейчас мистер Сторку. И поэтому его надо ублажить и дать почувствовать, что Оливер Мид — свойский парень. Кроме того, он заметил, что многие из собравшихся здесь девушек были очень недурны собой. Это напомнило ему ужин после окончания ревизии отделения компании в Де-Мойне. Вот если бы они еще не брили головы!

— Теперь все вместе, — пропел вожатый. — Давайте в кучу. Все вместе, одной тесной группой, теснее друг к другу, теснее, по кругу, по кругу!

Мистера Мида впихнули в толпу. Энергично подгоняемая вожатым группа спланивалась все теснее и теснее. Неожиданно загремела музыка, затем ее стал заглушать шум, нарастая все громче и громче. Кто-то, пытаясь сохранить равновесие в куче-мала голых тел, саданул мистера Мида в живот, кто-то сзади сделал подножку.

— Осторожней! — взывала рядом девушка, которой он наступил на ногу.

— Простите, я просто не успел...

Но тут кто-то ударил его локтем. толпа продолжала кружиться под аккомпанемент такой душераздирающей какофонии, что, казалось, вот-вот лопнут барабанные перепонки. И все же голос вожатого перекрывал шум:

— Еще, еще! Вот так! Быстрее! Нет, сюда, вокруг дерева! Снова все в кучу! Держитесь вместе! А теперь — назад! Быстрее, быстрее!

Они попятились назад, огромная масса людей навалилась на мистера Мида, прижав его к другой, такой же огромной, толпе, которая была у него за спиной. В этом беспорядочном броуновском движении были свои небольшие подводные течения, и поэтому, когда его несло вперед, ка-

кие-то силы одновременно отшвыривали на метр-два сначала влево, потом — вправо. Раз или два его отбрасывало на периферию, однако, к величайшему своему удивлению, когда он вспоминал об этом впоследствии, единственным, что он делал, было прокладывание локтями и коленями пути в самую гущу толкающихся людей. Неистовствовал, нанося пинки во все стороны, ни о чем не думая, кроме того, как остаться на ногах. Внезапно, откуда-то извне водоворота голых человеческих тел, раздался душераздирающий вопль, протяжный вопль могучего мужчины. Крик бесконечно долго отдавался эхом на лужайке, почти заглушив шумную какофонию. Женщина впереди Мида подхватила его на такой высокой ноте, что ему показалось, что череп сейчас лопнет. Через несколько мгновений вопили уже все собравшиеся, и Мид не удивлялся, что к общему шуму присоединился и его собственный голос. Он вложил в этот крик все неприятности, испытанные за прошедшие две недели, все разочарование и ненависть, накопившиеся за всю прошлую жизнь. Крики слились в непрерывный обезличенный визг, где-то в глубине своего разума мистер Мид испытывал почти что детское наслаждение от того, что вошел в общий ритм и стал во всем ничуть не хуже других.

О, как хорошо!

Впоследствии Мид так и не мог определить, как долго они бегали и вопили... Очнувшись, он заметил, что больше уже не находится внутри тесной группы. Участники визга каким-то образом рассеялись по лужайке, выстроившись в длинные раскачивающиеся, воющие цепи. Ему стало немного не по себе. Стараясь не сбиться с ритма визга, он сделал попытку подобраться поближе к мужчине и женщине справа от себя. Вопли внезапно прекратились, так же неожиданно затихло шумовое сопровождение. Он взглянул прямо перед собой, туда, куда смотрели остальные. И увидел... Бурое, покрытое шерстью животное, величиной с овцу. Оно вертело головой, испуганно озираясь, потом со всех ног бросилось бежать.

— Хватайте его! — пронзительно взвизгнул вожатый. — Хватайте его!

Мистер Мид побежал через луг за животным, вопя что есть мочи.

— Хватайте его! — колоколом гудело в голове. — Хватайте! Животное почувствовало, что его вот-вот поймают, резко развернулось и, непрерывно увертываясь, метнулось прямо сквозь людские цепи. Мистер Мид попробовал схватить его, но в ладони осталось только несколько клочков шерсти. Падая, он больно стукнулся коленями о землю. Не испортив ни одной ноты в общем хоре невообразимого визга, Мид сразу же вскочил и снова бросился вдогонку за животным. Все остальные также развернулись и побежали вместе с ним.

— Хватайте его! Хватайте!

Животное ловко увертывалось, мистер Мид так увлекся погоней, что бежал все время в первых рядах. Люди все больше сужали пространство, в котором металось животное. И, наконец, поймали его.

Толпа образовала огромный, неправильной формы круг и замкнула его вокруг жертвы. Мистер Мид одним ударом кулака сбил животное с ног. На распростертое тело прыгнула девушка с перекошенным лицом, но он успел схватить шерстистую бурую лапу, и, рванув с чудовищной силой, оторвать ее от тела.

Из раны торчали порванные провода и сыпались какие-то мелкие детали.

— Мы поймали его, — бормотал он, глядя на ногу. — Мы его поймали!

Внезапно на него навалилась такая усталость, что он, шатаясь, отошел подальше от толпы и тяжело бухнулся в траву. К нему подошел мистер Сторку.

— Ну как? — спросил он, тяжело дыша. — Хорошо повизжали?

Мистер Мид поднял руку со все еще зажатой в ней бурой ногой.

— Мы поймали его, — сказал он.

Светловолосый рассмеялся.

— Вам необходим хороший душ и легкое успокаивающее. Пойдемте.

Он помог мистеру Миду подняться и, держа его за локоть, направился через луг к трибуне. Другие участники визга оживленно болтали, стряхивая с себя пыль и восстанавливая дыхание. Побывав в душевой кабине, специалист по внешним сношениям снова почувствовал себя самым со-

бой. Правда, чего-то в нем не доставало с того мгновения, когда в руке его оказалась нога механической жертвы, он старался убедить себя, что остался тем же Оливером Мидом, хорошим мужем и отцом, преуспевающим бизнесменом, одним из столпов общества. Но это не помогало. Отныне и до конца своих дней он стал также и... Ему стало страшно употребить это слово. Надо было во что-то одеться. Быстро.

— Вероятно, это вам очень помогло, — произнес мистер Сторку, выслушав объяснения мистера Мида о тех побуждениях, которые им двигали. — Я бы не беспокоился. Вы такой же, как и все остальные из вашей эпохи. А вот одежду вашу вымели с поля с прочим мусором, оставшимся после визга.

— Что же мне делать? — застонал мистер Мид. — Не могу же я идти домой в таком виде!

— Почему? — весьма удивился представитель правительства. — В самом деле не можете? Очаровательно! Ну что ж, станьте под этот автомат. Как я полагаю, вам больше по вкусу одежда двадцатого века?

Мистер Мид кивнул и недоверчиво поместил свое тело под указанный механизм.

— Пожалуйста, что-нибудь пристойное, такое, чтобы я мог носить.

Мистер Сторку быстро произвел настройку на пульте. Из машины послышалось легкое гудение, и прямо сверху на ошеломленного толстяка свалился комплект парадной черно-белой вечерней одежды. Еще через мгновение эта одежда трансформировалась в совершенно иной наряд: туфли стали сапогами до бедер, смокинг вытянулся и превратился в зюйдвестку. В таком наряде в самую пору занимать место на мостике китобойного судна.

— Хватит! — взмолился мистер Мид, когда дождевик начал уменьшаться до размеров футболки. — Остановитесь на чем-нибудь одном!

— Вы это сумеете сделать сами, если попытаетесь укротить свое подсознание, — пояснил мистер Сторку.

Тем не менее, он добродушно трахнул по боковой поверхности машины, после чего одежда мистера Мида приняла вид твидового пиджака и панталон для гольфа, модных в середине 20-х годов.

— Так лучше?

— Да.

Он хмурился, но все-таки это было нечто удобоваримое, а как только удастся вернуться домой...

— Послушайте, Сторку, — начал мистер Мид, стараясь забыть о своем непристойном поведении на Поле для Визга. — У нас неприятности с этим Уинтропом, он не хочет возвращаться назад.

Они стояли на краю лужайки. На противоположном ее конце начинался новый визг.

— Ну и что? — равнодушно спросил мистер Сторку. Он протянул руку в сторону обнаженной толпы. — Поймите, еще два-три таких сеанса, и ваша психика будет в прекрасной форме. Хотя, судя по вашему виду, больше бы подошел Стадион Ужаса. А почему бы, в самом деле, не попробовать? Почему бы прямо сейчас не отправиться туда? Одна первоклассная серия приступов панического страха, и вы будете абсолютно...

— Спасибо, нет! С меня и этого достаточно. Состояние моей психики — это сугубо мое личное дело.

Светловолосый мужчина понимающе кивнул.

— Разумеется. "Состояние психики индивидуума является его личным делом и не может находиться в юрисдикции какого-либо другого лица", — процитировал он. — Я просто хотел дать вам дружеский совет.

Мистер Мид заставил себя выдавить улыбку. При этом лацканы его пиджака поднялись и нежно погладили подбородок.

— Я несколько не обижаюсь. Однако, что вы думаете предпринять в отношении Уинтропа?

— Предпринять? Ничего. А что мы в состоянии сделать?

— Вы в состоянии принудить его вернуться назад! Вы здесь представляете правительство, не так ли? Правительство, которое пригласило нас сюда и отвечает за нашу безопасность.

На лице мистера Сторку отразилось недоумение.

— А разве вам что-либо угрожает?

— Вы понимаете, что я имею в виду, Сторку! Наше благополучное возвращение. Правительство несет ответственность за это.

— Но только не в том случае, когда ущемляются желания и свобода действий другого совершеннолетнего лица. Я просто процитировал вам, друг мой, одну из статей Положения 2314 года. Принуждение не может применяться к взрослому мужчине. Даже к официальным уговорам можно прибегать только в определенных, весьма ограниченных случаях. Здесь, определенно, такой случай не имеет места. Должен вам сказать, что к тому времени, когда ребенок завершает прохождение нашей системы воспитания, он является гармоничным членом общества, заслуживающим доверия.

— Ну чем не настоящая, залитая неоновым утопия, — насмешливо ухмыльнулся мистер Мид. — Не нужна полиция, чтобы охранять жизнь и собственность, не нужно никого никуда направлять... Ну что ж, это ваш мир, он вам нравится. Суть вовсе не в этом. Неужели вы не понимаете, Сторку, что Уинтроп не является гражданином вашего мира?

— Но он прибыл сюда по приглашению, в качестве гостя. И имеет полное право на защиту со стороны наших законов.

— А мы, как я полагаю, такого права не имеем? — воскликнул, негодуя, мистер Мид. — Он может делать с нами все, что заблагорассудится, и ему все сходит с рук? И это вы называете законом? Это вы называете справедливостью?

Светловолосый молодой человек успокаивающе положил руку ему на плечо.

— Послушайте, друг мой, попытайтесь понять. Если бы Уинтроп попытался что-либо сделать с вами, это было бы предотвращено. Но не прямым вмешательством в поступки Уинтропа, а тем, что вы были бы ограждены от него. Но для того, чтобы мы прибегли даже к таким мерам, он должен что-либо совершить. тогда возникнет прецедент деяния, направленного на ущемление ваших прав как личности. Вы же, напротив, обвиняете Уинтропа в несовершении определенного действия. Он отказывается вернуться с вами? Так вот. Он имеет право на отказ. И может отказываться делать что угодно, касающееся его тела и разума. Уложение 2314 года предусматривает и такое. Хотите, я процитирую соответствующий параграф?

— Нет, не хочу. Итак, вы хотите сказать, что никто и ничего не сможет сделать?

— Единственное, что можете сделать вы сами, — сказал мистер Сторку, — это попытаться переубедить Уинтропа. Вплоть до последней минуты, на которую назначено осуществление трансфера.

— А если нам не удастся? — спросил мистер Мид, нетерпеливым жестом урезонивая не в меру расчувствовавшегося лацканы своего пиджака. — Тогда выходит, нам не повезло? И мы не сможем взять его за шиворот и...

— Боюсь, что не сможете. Тотчас же появится государственная машина и освободит его. Не причинив, как вы понимаете, при этом вам самим ни малейшего вреда.

— И просто оставив нас на произвол судьбы в этом бедламе на всю оставшуюся жизнь, — с горечью добавил мистер Мид.

На лице мистера Сторку появилось выражение обиды.

— А разве у нас так уж плохо? Здесь столько нового и волнующего! Ваш Уинтроп неплохо освоился в нашем мире — почти каждый день он бывает на Стадионе Ужаса или Поле для Визга. За последние десять дней я не меньше трех раз сталкивался с ним на различных семинарах и выставках. В Департаменте Национальной Экономики я прослышал о том, что он — восторженный и искренне преданный потребитель. Что он может заставить себя...

— Да уж, Уинтроп понабирал там всяких штучковин, — фыркнул мистер Мид. — Ему ведь не нужно было платить за них. А что еще нужно такому лодырю?

— Единственное, что я еще хотел бы отметить, — спокойно продолжал Сторку, — что перспектива застрять в этом, как вы выражаетесь, "бедламе" имеет свои положительные стороны.

— Значит, никто не поможет нам с Уинтропом?

Мистер Сторку вызвал джампер и поднял руку, придерживая его в воздухе.

— Сказано, пожалуй, слишком сильно. Вполне возможно, что кто-нибудь, где-нибудь во Вселенной и мог бы помочь вам, если бы перед ним была поставлена такая задача, и имелась достаточная заинтересованность в ее разрешении. Но Государственный Департамент здесь бессилён, это я могу сказать со всей определенностью.

Мистер Мид заскрежетал зубами.

— Не могли бы вы, если это возможно, быть настолько любезны, чтобы подсказать нам, куда еще можно обра-

титься за помощью? У нас, если вы помните, осталось менее двух часов, и за это время мы просто не в состоянии обогнать всю Вселенную.

— Да уж, — одобрительно кивнул мистер Сторку. — Я рад видеть, что вы успокоились, надо подумать. Так. Прежде всего — Темпоральное Посольство, которое ведает обменом посетителей. Затруднением, с моей точки зрения, является то, что у них слишком широкий взгляд на подобные вещи. Есть еще машины-Оракулы, которые дадут вам ответ на любой вопрос, если на него есть возможность ответить. Здесь главная трудность состоит в том, чтобы правильно истолковать ответ. Кроме того, на этой неделе на Плутоне должен состояться съезд хронопсихологов. Затем, на одной из планет системы Ригеля обитает раса разумных грибов, наделенная потрясающим даром предвиденья. Могу, основываясь на своем личном опыте, порекомендовать обратиться именно к ним. У них совершенно невероятная способность... Мистер Мид замахал руками.

— Хватит! Я вижу, у вас еще многое в запасе, но у нас осталось только два часа, вы не забыли об этом?

— Разумеется, не забыл. И поскольку весьма вероятно, что вам ничего не удастся сделать за такое короткое время, я позволю себе предложить вам бросить всю эту затею и отправиться вместе со мной на Венеру.

Мистер Мид отпрянул назад, уступая место джамперу, которому мистер Сторку подал знак опуститься.

— Нет, благодарю покорно! Почему вы все здесь постоянно спешите куда-то отдыхать или развлекаться? — пожаловался он, отойдя на почтительное расстояние. — А как же делается работа в этом мире?

— Делается, делается, — рассмеялся светловолосый, заключая себя в объятия джампера. — Наши интересы очень отличны от ваших. Просто наша работа больше подходит на игру, а не на тупое занятие. И исчез.

Мистеру Миду ничего не оставалось, кроме как вернуться в комнату миссис Бракс и рассказать остальным, что Государственный Департамент в лице мистера Сторку ничем не может помочь.

— Вы сказали ему все, что говорили нам, и он ничего не предпринял? — спросила Мэри-Энн. — А вы уверены в том, что ему известно, кто вы?

Мистер Мид не удосужился ответить.

— Разумеется, известно, — ответил за него Поллок. — Как и то, что его компания прогорела на бирже 481 год тому назад и поэтому сейчас, здесь, он никем не является.

— Я не думаю, что это так смешно, Дэйв Поллок, — сказала мисс Картингтон и укоризненно покачала головой. Ей казалось, что этот тощий учительница просто завидует мистеру Миду. Только вот одно плохо. Если уж такая важная шишка, как мистер Мид, не в состоянии выручить их, то кто же тогда сможет это сделать?

— Мистер Мид, — проворковала она. — Я все же убеждена, что он все-таки сказал что-нибудь обнадеживающее.

— Конечно, он сказал мне, что мы кое-что можем сделать, — с едва скрываемой злостью ответил толстяк. — Что нам могло бы помочь Темпоральное Посольство, если бы мы нашли там кого-нибудь влиятельного. Оказывается, нам необходим хороший заступник в Темпоральном Посольстве.

Мэри-Энн едва не откусила кончик помады, которой в этот момент подкрашивала губы. Не поднимая глаз, она чувствовала, что присутствующие обернулись в ее сторону. И знала всем своим напуганным нутром, о чем они думают.

— Ну я точно не...

— Не нужно сейчас скромничать, Мэри-Энн, — перебил ее Поллок. — Это наш единственный шанс. Вызывайте джампер, отправляйтесь туда и пускайте в ход все свое очарование!

Миссис Бракс под села к девушке, по-матерински положив руку ей на плечо.

— Послушайте, мисс Картингтон. Иногда нам приходится делать вещи, идущие вразрез с нашими желаниями. Но что еще остается? Разве лучше застрять здесь? Вам это нравится? И в то же время немножко пудры сюда, помады — туда... Поверьте мне, у него глаза разбегутся. Он и так уже от вас без ума. И неужели же сможет отказать, если вы попросите его о небольшой любезности?

Мэри-Энн пожала плечами.

— Вы в самом деле так считаете? Что ж... может быть. постепенно откуда-то из глубины красивого молодого тела стала подниматься волна самодовольства и выплеснулась наружу пикантным подъемом груди.

— Никаких “может быть”! — напирала миссис Бракс. — Для такой хорошенькой девушки, как вы, и для такого мужчины, как он, не должно быть никаких “может быть”. Оно всегда так, мисс Картингтон, поверьте мне. То, чего не могут добиться такие, как мистер Мид, во все времена возлагается на женские плечи.

Мэри-Энн кивнула, соглашаясь с подобным подходом к роли женщины в истории, и поднялась. Дэйв Поллок тотчас же вызвал джампер. Как только огромный цилиндр материализовался в комнате, она нерешительно отступила на шаг.

— Это обязательно? — спросила она, закусив губу. — В ней меня вывернет наизнанку!

Поллок взял ее под руку и начал потихоньку подталкивать к джамперу.

— У нас нет времени разгуливать пешком. Поверьте, Мэри-Энн. Это ваш звездный день и звездный час. Поэтому будьте пайнкой и станьте сюда... Напирайте на тот факт, что его современники застрянут в нашей эпохе, что лично для него может обернуться неприятностями по службе.

— Не учите меня! — высокомерно воскликнула девушка, решительно становясь под джампер. — Ведь это все-таки мой друг, мой очень хороший друг!

— Я только предлагаю... — начал было Поллок, но в этот момент цилиндр коснулся пола и исчез вместе с мисс Картингтон. Он повернулся к оставшимся в комнате. — Это наш последний шанс.

Материализовавшись в Темпоральном Посольстве, Мэри-Энн встряхнула пару раз головой, чтобы подавить подступающую тошноту, потолок над ее головой тотчас же взволновался, из него появился розоватый комок и опустился вровень с ее прической.

— Да? — вежливо спросил он. — Вы что-то хотели?

Мэри-Энн провела помадой по губам и расправила плечи. Ей уже приходилось встречаться с такими штуковина-

ми. Перед ними нужно не терять самообладания и не показывать своего волнения.

— Я пришла встретиться с Гайджио... С мистером Гайджио Раблином. Он здесь?

— Мистер Раблин в данный момент не в размере. Он вернется через 15 минут. Не угодно ли подождать в его кабинете? Там уже есть один посетитель.

Девушка задумалась. Ей совершенно не по душе была сама мысль еще об одном посетителе, но, может быть, это даже к лучшему. Присутствие третьего лица предотвратит тот неизбежный разрыв, который бы ожидал ее в качестве просительницы... после того, что уже произошло между ними.

— Но что значит "не в размере"?

— Да, я подожду в кабинете, — ответила она потолку. — О, не беспокойтесь. — Это относилось уже к полу, который покрылся мелкой рябью под ее ногами. — Я знаю дорогу.

— Меня это вовсе не беспокоит, — добродушно ответил пол, унося ее в кабинет Раблина. — Для меня это — просто удовольствие.

Мэри-Энн тяжело вздохнула и покачала головой. Некоторые из этих удобств такие своевольные! Она расслабилась. Лицо ее зарделось от воспоминаний, ей даже захотелось вызвать джампер и вернуться назад. Но нет, нельзя было себе этого позволить. Как там сказал Поллок? "Последний шанс"? В одной из стен расширился желтый прямоугольник, пол внес ее в кабинет Раблина и снова стал ровным. Девушка огляделась. Все здесь было для нее непривычным.

Вот письменный стол Гайджио, если только можно назвать столом эту странную мурлыкающую штуковину. А вот та самая извивающаяся под тяжестью тела кушетка, на которой... У нее перехватило дыхание. На кушетке возлежала молодая женщина, одна из тех ужасных женщин с бритой головой, столь обычных в этом мире.

— Простите меня, — на едином дыхании выпалила Мэри-Энн. — Я представления не имела... я не хотела...

— Все в полном порядке, — безмятежно улыбнулась женщина, не отрывая взгляда от потолка. — Вы ничуть

не помешали. Я сама только что заскочила к Гайджио. Присаживайтесь.

В ответ на ее слова пол взметнул вверх одну из своих секций. Когда Мэри-Энн устроилась поудобней, он плавно опустился на подходящую высоту.

— Вы, должно быть, та, из двадцатого столетия... — Женщина загнулась, но тут же быстро поправилась. — Та посетительница, которая в последнее время встречалась с Гайджио. Меня зовут Флурит. Я — просто одна из старых подруг его детства. Еще с тех времен, когда мы проходили курс воспитания Ответственности в Третьей Группе. Мэри-Энн натянуто кивнула.

— Очень приятно. Меня зовут Мэри-Энн Картингтон. И я никоим образом, в самом деле...

— Я же вам сказала, чтобы вы не беспокоились. Между мной и Гайджио ничего, совершенно ничего нет. Служба в Темпоральном Посольстве в некоторой степени притупила его влечение к обычным женщинам, ему подавай старомодных или еще не ставших модными. Словом, что-то вроде анахронизмов. А я ожидаю трансформацию. Очень важную трансформацию, потому от меня сейчас нельзя ожидать сильных чувств. Вы удовлетворены? Надеюсь, что да.

— Потолок сказал, — робко начала Мэри-Энн, что Гайджио, то есть Раблин... мистер Раблин, в данное время "не в размере". Это что-то вроде того, что мы называем "нет дома"? Лысая девушка кивнула.

— В некотором смысле, он в этой комнате, но не настолько большой, чтобы с ним можно было разговаривать. Дайте-ка мне вспомнить, о чем это он говорил при настройке... Есть, вспомнила. Его размер — 35 микрон, и он находится в водяной капле в поле зрения вон того микроскопа, слева от вас.

Мэри-Энн недоуменно уставилась на черный сферический предмет, расположенный на столе у стены. За исключением двух окуляров, он не имел ничего общего с изображениями микроскопов, которые ей приходилось встречать в журналах.

— Он там... внутри? Что же он там делает?

— Занимается микроохотой. Вам следовало бы хорошо знать своего Гайджио. Совершенно неизлечимый роман-

тик. Его неугомонная душа жить не может, не убивая вручную кишечных паразитов. Я много раз пыталась убедить его, что это — просто детские игры. Это задело его самолюбие, и он заявил, что замкнется на 15 минут. Установит пятнадцатиминутную блокировку! Услышав об этом, я решила прийти сюда и понаблюдать за битвой. Просто так, на всякий случай.

— Это пятнадцатиминутная блокировка... это опасно? — спросила Мэри-Энн дрогнувшим голосом.

У нее из головы все еще не шли слова девушки о том, что "вам следовало бы уже хорошо знать своего Гайджио". Эта черта будущей эпохи мисс Картингтон не нравилась. При всей здешней трепотне о тайне личной жизни и священных правах личности мужчины, вроде Гайджио, не задумываясь, выбалтывают все.

— Судите сами. Гайджио установил себе размер 35 микрон. Это почти вдвое больше размера большинства кишечных паразитов, с которыми он намерен сразиться — различных видов амёб. Но, предположим, ему попадется скопление эндоамёб, не говоря уже о нашей хорошей подруге, возбудителе тропической дизентерии. Что тогда?

— Что тогда?

У Мэри-Энн не было ни малейшего представления, что тогда. С такими проблемами не приходилось сталкиваться в Сан-Франциско.

— Беда тогда, вот что. Серьезнейшая беда. У них размеры бывают даже 36 и 37 микрон, а иногда попадаются еще большие экземпляры. А размер, как вам должно быть известно, является самым важным фактором в микроохоте. Особенно в том случае, если вы настолько глупы, что ограничили свой арсенал мечом, не прихватив автомат. Так вот, замкнуться в таком размере, не имея возможности прекратить охоту, заблокироваться так, что никто не сможет вас выудить оттуда в течение полных 15 минут — значит самому накликать беду. Вот такая-то беда и постигла нашего мальчика.

— В самом деле? И случилось самое худшее?

Флуригт кивнула в сторону микроскопа.

— Взгляните. Я настроила свое зрение на большое увеличение, но вы этого делать не умеете. Вам для всего нужны механические приспособления. Иногда мне кажется это

невероятным... Взгляните-ка, взгляните! Он сражается с амебой обыкновенной. Тварь мелкая, но резвая. И очень, очень злобная.

Мэри-Энн поспешила к шарообразному микроскопу и прильнула к окулярам.

Гайджио находился в самом центре поля зрения. Голову его прикрывал прозрачный шлем наподобие пузыря. Плотная эластичная одежда, состоящая из цельного куска ткани без швов, облегла его тело. Поблизости копошилось около дюжины амёб величиной с собаку, протягивающих к нему округлые стекловидные ложноножки. Охотник сдерживал натиск взмахами огромного двуручного меча, разрубая пополам наиболее упрямых и смелых тварей. Дыхание его было учащенным, Мэри-Энн поняла, что он уже очень устал.

— Откуда он берет воздух? — спросила она.

— Охотничий костюм содержит достаточно кислорода на весь промежуток блокировки, — пояснила Флурит, несколько удивившись вопросу. — Осталось еще пять минут. Я думаю, он их выдержит. Хотя переживет несколько очень неприятных мгновений. Вы видели вот это?

Мэри-Энн в изумлении открывала рот. Прямо над головой Гайджио появилась продолговатая веретенообразная тварь. Она была почти в полтора раза больше охотника. Ему пришлось низко пригнуться, амёбы рассыпались в разные стороны. Однако, как только опасность миновала, они снова окружили его.

— Что это было?

— Трипаносома. Какая точно, я не успела разобрать. Она проскочила так быстро. Может быть, даже та разновидность, которая вызывает в Африке сонную болезнь. Или это могла быть... О, какой глупец!

Мэри-Энн испуганно повернулась к ней.

— Почему? Что он такое сделал?

— Пренебрег возможностью достать чистую культуру, вот что! Если там у него есть трипаномы, то вполне могут быть и еще кое-кто! А его размер — всего 35 микрон!

Мэри-Энн снова прильнула к микроскопу. Он продолжал отчаянную борьбу, но удары меча стали теперь реже. Внезапно в поле зрения медленно всплыла еще одна амёба, почти прозрачная, размером не менее половины охотника.

— Это опасно? — спросила девушка у Флурит, не отрываясь от окуляров.

— Нет. Всего лишь безвредный комок протоплазмы. Но почему Гайджио все время оглядывается влево? Чего он...

Флурит отчаянно вскрикнула. Мэри-Энн увидела овальное чудовище, длиной почти в три роста Гайджио и шириной не менее двух. Оно было покрыто узкими, похожими на реснички, жгутиками, которые, казалось, придавали ему фантастическую быстроту. Охотник замахнулся мечом, но чудовище свернуло в сторону и вышло из поля зрения. Но всего через мгновение оно появилось снова, упав сверху, как пикирующий бомбардировщик. Гайджио успел отпрыгнуть, но одна из атаковавших его амеб замешкалась и тотчас же исчезла, отчаянно сопротивляясь, в похожей на дымовую трубу пасти, которой оканчивался передний конец яйцевидного великана. — Балантидий, — пояснила Флурит прежде, чем Мэри-Энн удалось заставить повиноваться дрожащие губы и задать вопрос. — 100 микрон в длину, 65 — в ширину. Быстрый, смертельно опасный, ужасно голодный. Я всегда боялась, что рано или поздно он столкнется с чем-либо подобным. Это — конец. Он не в состоянии убить тварь такой величины. Мэри-Энн протянула к ней дрожащие руки.

— Неужели же вы ничего не можете сделать?

Во взгляде лысой девушки сверкнуло нескрываемое удивление.

— Конечно. Он заблокирован внутри этой культуры по крайней мере еще на четыре минуты. Неужели вы ждете, что я отправлюсь ему на помощь?

— Если можете...

— Но ведь это будет вторжением в его суверенные права как личности! Дорогая моя! Даже если его желание погубить себя является невольным, это все еще его желание, и оно должно всеми уважаться! Положение о дополнительных правах от...

— С чего вы взяли, что он хочет погубить себя? — всхлипнула Мэри-Энн. — Я ни о чем таком не слышала! Ведь он считается вашим другом! И просто попал в переделку более опасную, чем рассчитывал. А теперь не может выпутаться. Бедняга Гайджио! Пока мы стоим здесь и разговариваем, он там погибает!

Флурит задумалась.

— Возможно, вы в чем-то правы. Он — неисправимый романтик, и близость с вами побудила его искать новые приключения. Но неужели же вы всерьез считаете, что стоит нарушать чьи-либо неотъемлемые права только для того, чтобы спасти старого хорошего друга?

— Разумеется! Сделайте все, что нужно, отправьте меня туда! Пожалуйста!

Флурит поднялась и покачала головой.

— Нет! У меня это получится лучше. Эта романтика так захватывает! И, — усмехнулась она, — немного интригует. У вас, людей из двадцатого века, такие странные нравы!

— Прямо на глазах Мэри-Энн она стала быстро уменьшаться. За мгновение до того, как Флурит исчезла, послышалось какое-то шуршание, похожее на угасание пламени свечи, и тело ее крохотной искоркой проскочило под микроскоп. Мэри-Энн жадно приняла к окулярам.

Припав на одно колено, Гайджио старался оттеснить от себя овальное чудовище. Амебы, окружавшие его ранее, либо разбежались, либо были проглочены тварью. Губы его были сжаты, в глазах мелькало отчаяние. В какой-то момент реакция подвела охотника, бландидий ударил... Гайджио упал. Меч отлетел в сторону. Вздвиг волосатые придатки, чудовище развернулось, приблизив к жертве страшную пасть... Мэри-Энн похолодела, но тут в поле зрения возникла огромная рука, почти таких же размеров, как и все тело Гайджио. Мощным ударом она отбросила хищника в сторону. Гайджио, шатаясь, поднялся и снова схватил меч. Мэри-Энн поняла, что была права. На лице его появилась благодарная улыбка. Девушка облегченно вздохнула и тоже неожиданно улыбнулась. Флурит, очевидно, ограничила размеры своего тела не так сильно, как незадачливый охотник. Его не было видно в поле зрения микроскопа, но достаточно хорошо просматривалось бландидием, который поспешил убраться восвояси. В оставшиеся несколько минут блокировки Мэри-Энн не удалось увидеть ни одного создания, которое хотя бы смутно имело намерения оказаться поблизости от Гайджио. К великому удивлению Мэри-Энн, первыми словами Флурит, когда они оба появились

рядом с нею во весь свой рост, были слова извинения, с которыми она обратилась к Гайджио.

— Я искренне извиняюсь, но твоя подруга слишком уж разволновала меня в отношении твоей безопасности. Если ты хочешь возбудить против меня обвинение во вмешательстве в осуществление своих тщательно разработанных планов самоуничтожения...

Гайджио взмахом руки заставил ее замолчать.

— Забудь об этом. Ты спасла мне жизнь. И, насколько я понимаю, мне этого хотелось.

Флурит кивнула.

— Я, знаешь ли, вовсе не собиралась отправляться спасать твою жизнь. Сама не пойму, что это на меня нашло.

— Могу объяснить, — сказал Гайджио и указал на Мэри-Энн. — Столетие строгой регламентации жизни, тотальных войн, массового подслушивания.

Мэри-Энн прорвало.

— Ну и ну! Я... я не верю своим ушам! Сначала она не желает спасать вашу жизнь, считая, что это будет вмешательством в ваши, пусть даже неосознанные, намерения. Неосознанные! После того же, как она все же спасает вас, вы вместо благодарности прощаете ее за совершенное насилие и оскорбление действием! И она извиняется! А потом вы начинаете оскорблять меня, и... и...

— Простите, — произнес Гайджио. — У меня не было намерений вас оскорбить. Ни вас, ни ваше столетие. Именно оно и было первым столетием современной эпохи, критическим временем, с которого началось возрождение. И оно было во многих отношениях по-настоящему великим и безрассудно смелым периодом, в котором человечество в последний раз отважилось на многое из того, чего уже больше никогда не пыталось предпринять.

Мэри-Энн почувствовала себя несколько лучше, но тут же заметила, как Гайджио и Флурит обменялись взглядами, в которых было что-то вроде намека на улыбку. Ну что за люди! Что это они из себя воображают?

Флурит направилась к желтому прямоугольнику двери.

— Мне пора. Я просто заглянула сюда попрощаться перед трансформацией. Пожелай мне удачи, Гайджио.

— Трансформация? Так скоро? Что ж, разумеется, всего наилучшего. Было так хорошо быть твоим другом, Флурит.

Когда лысая девушка стремительно вышла, Мэри-Энн посмотрела на озабоченное лицо Гайджио и несмело спросила:

— А что такое трансформация? Большая трансформация, — сказала она. — Я до сих пор ни о чем таком не слышала.

Молодой человек некоторое время молча глядел перед собой.

— Об этом лучше бы ничего не говорить, — произнес он наконец, обращаясь, скорее к себе, чем к Мэри-Энн. — Это одно из тех понятий, которые кажутся для вас столь же неприятным и неприемлемым, как наша живая еда. Кстати, о еде. Я голоден. Слышите? Голоден!

Одна из секций стены яростно затряслась, из нее сформировалась рука и протянула на ладони поднос. Не присаживаясь, Гайджио принялся за еду. Он не предложил Мэри-Энн разделить с ним трапезу и правильно сделал. Может быть, эта фиолетовая, напоминающая спатетти пища и была вкусной, но девушка точно знала, что никогда не заставит себя съесть что-либо, что извиваясь, поднимается прямо ко рту и уютно сворачивается, оказавшись внутри.

Гайджио поднял глаза и увидел выражение ее лица.

— Мне бы так хотелось, чтобы вы хоть раз попробовали. Я бы добавил ради вас целое новое измерение! В дополнении ко вкусу, запаху и структуре вы еще испытали бы подвижность. Вообразите себе! Пища, которая не лежит вяло и безжизненно у вас во рту, а красноречиво выражает желание, чтобы ее съели.

— Благодарю вас! Я могу упасть в обморок только при одной мысли об этом.

— Ладно, — с сожалением произнес молодой человек.

Он разделался с едой и кивнул в сторону стены, та тотчас же отвела руку и втянула в себя поднос.

— Мне просто очень хотелось, чтобы вы попробовали перед отъездом мое любимое блюдо.

— Кстати, об отъезде. Как раз из-за этого я и пришла к вам. У нас неприятности.

— О, Мэри-Энн! А я-то надеялся, что вы хотели просто повидаться со мной. — Гайджио безутешно понурил голову.

Ей трудно было разобраться, говорит ли он всерьез или шутит. И, в качестве наиболее легкого овладения ситуацией, девушка рассердилась.

— Послушайте, Гайджио Раблин! Из всех людей на Земле — в прошлом, настоящем и будущем — вы последний, кого бы я хотела увидеть еще раз! И вы знаете, почему! Любой мужчина, который... который такое говорит такой девушке, как я, и в такой момент...

К крайней досаде, ей на самом деле изменил дар речи, из глаз брызнули слезы и заструились по щекам. У нее появилось непреодолимое желание бежать куда глаза глядят, однако она решительно сжала губки и попыталась смахнуть слезы.

Теперь стало весьма неуютно Гайджио.

— Прошу прощения, Мэри-Энн. Мне на самом деле жаль, что так получилось. Мне не следовало с самого начала крутить с вами любовь. Вы же понимаете, что мы не имеем почти ничего общего. Но вы показались мне такой привлекательной! Такой возбуждающей женщины я не встречал ни в одной эпохе, включая мою. Единственное, к чему я никак не мог привыкнуть — это то удручающее воздействие, которое оказывают ваши специфические косметические средства. Но реальные осязательные ощущения были в высшей степени ошеломляющими.

— Но вы раньше ничего не говорили об этом! Только водили пальцем по моим губам и говорили: "Сколько!".

Гайджио пожал плечами.

— Я только сказал, что мне очень жаль, и ничего другого не имел в виду, — произнес он после некоторой паузы. — Если бы вы знали, Мэри-Энн, как эти жировые вещества действуют на сильно развитое осязание! Эта вязкая красная помада на губах! А эта искусно растертая лепица на щеках! Я принимал это, как должное, а теперь стараюсь, чтобы вы поняли, почему меня прорвало так глупо!

— Насколько я вас поняла, — едко вставила Мэри-Энн, — вы считаете, что я стала бы много привлекатель-

ней, если бы выбрила голову нам вроде этой ужасной Флурит?

Он усмехнулся и покачал головой.

— Нет. Вы не смогли бы стать такой, как она, а она — такой, как вы. Это связано с разными представлениями о женственности и красоте. В вашу эпоху особо подчеркивается определенного рода физическое подобие, для чего используются различные искусственные средства, с помощью которых женщина как бы приближается к общепринятому идеалу. Мы же делаем ударение на несхожесть и эмоциональные различия. Например, при бритье головы одной из целей является показ морщинок, неожиданно возникающих на коже черепа, которые можно было бы не заметить, если бы эта часть была покрыта волосами.

Плечи Мэри-Энн поникли.

— Не понимаю я этого. И, наверное, никогда не пойму. Одно знаю точно — я не смогу остаться в одном с вами мире, Гайджио. Одна мысль об этом вызывает ощущение, будто меня выворачивает наизнанку.

— Мне понятны ваши чувства, — произнес серьезно молодой человек. — И, если это может служить вам хоть каким-то утешением, знайте, что вы производите на меня точно такое же действие. Никогда раньше я не совершал ничего настолько идиотского, как микроохота в загрязненной культуре, пока не повстречался с вами. Мне так запали в душу ваши волнующие рассказы о смелом искателе приключений Эдгаре Раппе, что я обнаружил непреодолимое желание доказать самому себе, что и я являюсь мужчиной в вашем понимании этого слова, Мэри-Энн! В вашем понимании этого слова...

— Эдгар Рапп? — Она подняла брови, и не веря своим ушам, уставилась на Гайджио. — Искатель приключений? Волнующий душу? Эдгар? Разве что назвать приключением покер, в который он режется по ночам с ребятами из бухгалтерии.

Гайджио вскочил и принялся мерить комнату шагами.

— Как вы можете говорить об этом таким тоном! Небрежно, полупрезрительно! Ведь эта игра связана с постоянным риском для психики, с многократными возникающими по ходу игры столкновениями характеров, явными или подсознательными. И это на протяжении часов, когда

вовлечены в соперничество не двое-трое, а целых пятеро, шестеро или даже семеро совершенно разных, агрессивно настроенных людей! Эти блефы, завышение ставок, утонченные хитрости! И для вас это ничего не значит? Во всем нашем мире не найдется ни одного человека, который смог бы выдержать пятнадцать минут столь сложной психологической пытки?

Взгляд девушки стал нежным и кротким.

— Так вот почему вы отправились под этот ужасный микроскоп, Гайджио! Чтобы доказать самому себе, что вы ничуть не хуже Эдгара, когда он играет в покер?

Гайджио остановился.

— Да разве только в покере дело, Мэри-Энн? А этот подержанный автомобиль, на котором он ездит? По сравнению с управлением любым из этих неповоротливых, непредсказуемых самоходных экипажей в гуще движения, сопряженного, как хвастается в том ваш мир, с таким огромным количеством несчастных случаев, микроохота выглядит всего лишь жалким, надуманным занятием. Но это — единственное доступное для меня дело, хоть чем-то напоминающее полную риска жизнь ваших современников!

— Вам вовсе не надо было ничего мне доказывать, Гайджио.

— Может быть, может быть... — произнес он понуро. — Но я должен был доказать это себе. И кое-что мне удалось. Теперь я знаю, что два человека с совершенно различными стандартами, касающимися мужчины и женщины, внушенными ей в раннем детстве, не имеют ни одного шанса на счастье независимо от того, насколько привлекательными они кажутся друг другу. Я не могу жить в согласии с вашими нормами, а вы... У вас, разумеется, вызывают душевное расстройство мои. Действительно, нам не следует жить в одном мире. И это правильно вдвойне после того... Ну, после того, как мы выяснили, насколько сильно нас влечет друг к другу.

Девушка кивнула.

— Я понимаю. Поэтому-то вы перестали ухаживать за мной, произнесли то... то противное слово... Поэтому вздрагивали при виде меня, вытирая губы... Гайджио, вы же смотрели так, будто от меня дурно пахнет! И это терзало мою душу, именно тогда я поняла, что мне нужно

покинуть ваш мир навсегда... Но, поскольку Уинтроп совсем задурил, я не представляю себе, как это можно сделать.

— Расскажите мне об этом.

Он, казалось, пытался восстановить душевное равновесие, присев рядом с ней на секцию приподнявшегося пола. К тому времени, когда она закончила свой рассказ, Гайджио полностью пришел в себя. Мэри-Энн с тревогой следила, как он снова становится изысканно вежливым, чрезвычайно смышленным, и слегка высокомерным, молодым человеком XXV века. И до мозга костей ощутила, как ее кричащая и не очень-то умная примитивность отчетливо проступает сквозь толстый слой косметики.

— Я не могу сделать этого для вас, — вынес Гайджио свой приговор.

— Даже несмотря на то, — спросила она, уже отчаявшись, — что всех нас ожидают здесь только неприятности? На весь тот ужас, который внушает мне ваше время?

— Вряд ли вы поймете меня, Мэри-Энн... Здесь затронут вопрос социальной основы нашего мира, что гораздо значимее, чем наши личные небольшие неприятности. В нашем мире, как уже подчеркнул Сторку, просто невозможно принудить человека к чему-либо. И с этим, дорогая моя, ничего нельзя поделать.

Мэри-Энн выпрямилась. Не нужно было обладать большой проницательностью, чтобы по насмешливому высокомерию последних слов Гайджио не понять, что он уже полностью овладел собой. Что теперь она для него — интригующий, но чрезвычайно далекий в культурном отношении экземпляр. Вскипев от гнева и отчаяния, девушка всем своим нутром почувствовала, что наступила пора обить с него спесь.

— Если Уинтроп не вернется, не только мы застрянем здесь. Люди вашей эпохи останутся в нашем времени! И вы, как сотрудник Темпоральной Службы, можете потерять свою работу!

— Дорогая моя малышка Мэри-Энн! Я не могу потерять свою работу. Она моя до тех пор, пока сама мне не надоест. Что у вас за представления! Перед следующей встречей предупредите меня, чтобы я мог заранее обрезать уши!

Плечи его затряслись от смеха. Что ж, по крайней мере, она вызвала у него хорошее настроение. Но это "дорогая моя малышка"... Какая едкая ирония!

— Неужели у вас настолько отсутствует чувство ответственности? И неужели вы такой бесчувственный?

— Те пятеро из нашего столетия, которые добровольно вызвались проделать путешествие в вашу эпоху, являются высокообразованными, чрезвычайно осторожными и в высшей степени ответственными людьми. Они понимали, что это связано с определенным и неизбежным риском.

Мэри-Энн живо вскочила на ноги.

— Но откуда им было знать, что Уинтроп окажется таким упрямым? И откуда мы могли знать об этом?

— Каждый должен допускать, что перемещение на 500 лет непременно связано с определенными опасностями. Невозможность вернуться — одна из них. К тому же, каждый должен допускать, что кто-либо из путешествующих осознает эту опасность, по крайней мере подсознательно, и не пожелает подвергнуть себя такому риску. А возникновение подобной ситуации ведет к тому, что вмешательство являлось бы серьезным преступлением не только против осознаваемых действий Уинтропа, но и против подсознательных побуждений таких людей. Оба эти преступления практически равнозначны с точки зрения морали нашей эпохи. Я стараюсь объяснить как можно проще, Мэри-Энн. Теперь вы понимаете?

— То есть, вы хотите сказать, что примерно по такой же причине вас не хотела спасать Флуриг? Потому что вы, может быть, подсознательно хотели подвергнуться опасности гибели?

— Да. И, поверьте мне, она бы даже пальцем не пошевелила, несмотря на всю вашу романтическую взволнованность, не будь на пороге важнейшей трансформации, чему часто сопутствует психологическое отстранение от общепринятых норм.

— А что представляет из себя эта столь важная трансформация?

Гайджио покачал головой.

— Не спрашивайте. Все равно не поймете, к тому же вам это не понравится. Это — одна из характерных черт нашей эпохи, подобно тому, как характерными чертами вашей эпохи являются бульварная литература или предвыборная лихорадка. Мы защищаем и оберегаем самые эксцентричные побуждения личности, даже если они самоубийственны. Позвольте провести аналогию. Французская

революция пыталась кратко выразить себя в лозунге "Свобода, равенство и братство". Американская революция провозглашала "Жизнь, свободу и стремление к счастью". Целостная концентрация нашей цивилизации содержится в таких словах "Абсолютная неприкосновенность личности и ее самых странных прихотей". Наиболее важной является вторая часть, ибо без этого у человека не будет даже элементарной свободы делать с собой все, что вздумается. Лицо, которое возжелало бы...

— Меня несколько не интересует эта бессмысленная галиматья! — решительно перебила его Мэри-Энн. Вы не поможете нам, не так ли? Мне остается только уйти!

— А вы ждали, что я скажу что-либо другое, дорогая моя? Я ведь не Машина-Оракул. Я всего лишь человек!

— Человек? — презрительно вскричала Мэри-Энн. — Человек? Вы смеете называть себя человеком? О, позвольте мне уйти отсюда!

Он только пожал плечами, потом встал и вызвал джампер. Когда тот материализовался, Гайджио вежливо указал девушке на него. Она было повернулась, но тут же спохватилась и протянула руку.

— Гайджио, — произнесла она. — Независимо от того, удастся ли нам вернуться в свой мир, я не намерена больше когда-либо встречаться с вами. Но знайте...

Она сделала паузу. Он опустил глаза и склонил голову, сжав ее руку в своей.

— Это... это всего лишь то... О, Гайджио, вы — единственный мужчина, в которого я когда-либо влюблялась. И любила искренне и всецело. Я хочу, чтобы вы об этом знали...

Всклипывая, она вырвала руку и метнулась к джамперу. Вернувшись в комнату миссис Бракс, Мэри-Энн объяснила присутствующим, что Гайджио Раблин, сотрудник Темпоральной Службы, не может и не хочет помочь им преодолеть упрямство Уинтропа.

Дэйв Поллок обвел взглядом собравшихся.

— Значит, мы сдаемся? Неужели ничего нельзя сделать? Никто в этом сверкающем автоматизированном бу-

душем и пальцем не шевельнет, чтобы помочь нам вернуться, а сами мы не в состоянии помочь себе. Ладно, прекрасный новый мир. Вершина цивилизации.

Подлинный прогресс.

— Не понимаю, с чего это вы позволяете себе распускать язык, молодой человек, — недовольно пробурчал мистер Мид. — Мы-то хоть пытались что-нибудь предпринять. Чего нельзя сказать о вас.

— Скажите, что я должен сделать. И я сделаю. Может быть, я и не плачу большие налоги, но хочу выяснить, каким образом можно решить стоящую перед нами задачу. А всей этой истерией, эмоциональной шумихой, размахиванием руками и напусканием на себя важности, будто мы — крупные шишки, мы пока что ничего не смогли добиться. Миссис Бракс вытянула руку и произнесла, показывая на свои крохотные позолоченные часики:

— Осталось всего сорок пять минут. Что мы сможем сделать за это время? Произнести какое-нибудь магическое заклинание? Я чувствую, что никогда больше не увижу своего Барни.

Поллок смерил ее свирепым взглядом.

— Я не говорю о чудесах или волшебстве. Я рассуждаю, призвав на помощь логику. У этих людей есть не только фиксация исторических фактов. Они имеют также регулярные контакты с будущим — их будущим. Это означает, что им доступна также регистрация фактов, которые имели место в их будущем.

Миссис Бракс издала возглас одобрения. Ей нравилось слушать людей образованных.

— И что? — спросила она.

— А разве это не очевидно? Пяти нашим партнерам из этого мира доподлинно известно наперед о том, что Уинтроп заупрямится. Этот факт зарегистрирован. И они бы не отправились в прошлое, если бы не знали о существовании выхода из этого положения. Теперь очередь за нами найти этот выход.

— Может быть, — предположила мисс Картингтон, — следующее будущее сохраняет это в тайне от них. Или может быть, эти пятеро страдают тем, что у них здесь называется запущенным случаем индивидуального эксцентричного порыва.

— Понятие индивидуального эксцентричного побуждения здесь вовсе ни при чем, — презрительно скривившись, произнес Дэйв Поллок. — Нет. Решение за нами, здесь. И мы обязаны его найти.

Пока они пререкались, на лице Оливера Мида появилось выражение сосредоточенности. Он как будто старался откопать что-то в конце длинного туннеля затуманенной горем памяти. Неожиданно он выпрямился и произнес:

— Сторку! Он упоминал еще о чем-то... Что же он такое сказал?

Все встревоженно посмотрели на него.

— Вспомнил! Машина-Оракул! Мы можем спросить у Машины-Оракула! При этом у нас могут возникнуть затруднения с правильным истолкованием ее ответа, но нельзя забывать, что положение у нас отчаянное. Если бы только получить ответ, хоть какой-нибудь ответ...

— О чем-то подобном говорил и мистер Раблин, — встряла Мэри-Энн.

— Он тоже? Прекрасно! Может быть, еще не все потеряно!

Взоры всех устремились на Дэйва Поллока.

— Вы — единственный среди нас представитель длинноволосых, эксперт в области науки, — твердо заявил мистер Мид. — Вы — профессор физики и химии, вам и разбираться в этой машинерии.

— Я — преподаватель! Преподаватель в старших классах средней школы! Учитель! Подумать только — Машина-Оракул! Да при одной мысли о том, что необходимо к ней приблизиться, у меня мурашки бегут по телу. Это — один из наиболее ужасных аспектов этой цивилизации, который больше всего свидетельствует об упадке этого общества. Я лучше...

— А у меня не переворачивалось все внутри, когда мне пришлось идти уговаривать этого полуюмного Уинтропа? — вмешалась миссис Бракс. — Думаете, мне было приятно смотреть, как ползунки на нем превращаются в ночную сорочку? А эти его безумные бредни? То нюхает что-то с Марса, то попробует что-то с Венеры... Вы думаете, мистер Поллок, я получала от этого удовольствие?

— А я заверяю вас, — перехватила у нее эстафету Мэри-Энн, — что этот Гайджио Раблин — самый послед-

ний на Земле человек, к которому я обратилась бы с просьбой об одолжении. Это — дело личное, и мне не хотелось бы, если вы не возражаете, сейчас его обсуждать, но я лучше бы умерла, чем попыталась бы еще раз вытерпеть все это. И тем не менее, пришлось.

Мистер Мид кивнул.

— Я согласен с вами, юная леди. Мне тоже есть что вспомнить... — его на мгновение всего перекосило. — Это Поле для Визга... Так вот, Дэйв Поллок, самое время перестать трепать языком и постараться энергично действовать!

— Ладно, ладно. Я сделаю это.

— И непременно воспользуйтесь джампером, — продолжил мистер Мид. — Сами говорили, что у нас нет времени разгуливать пешком, а теперь это замечание вдвойне справедливо. Я и слышать не хочу никакой ваш лепет о том, что это вызывает тошноту. Если я и мисс Картингтон могли им воспользоваться, то вы сможете ничуть не хуже.

— Да я все время, что мы здесь находились, пользовался джампером! — со злостью отпаривовал Поллок и, вызвав механизм, ступил под него с высоко поднятой головой. В этот момент ему больше всего хотелось, чтобы с такой же смелостью он мог предстать перед Машиной-Оракулом. Материализовался молодой человек в здании, где помещалась машина. Пройти бы совсем немного пешком, чтобы привести в порядок нервы... Пол здания был другого мнения. Бесшумно и незаметно, но непреклонно, он начал двигаться у него под ногами и понес с огромной скоростью. Поллок отрешенно усмехнулся. Разумные, страстно желающие служить элементы здания не вызывали у него особого беспокойства. Нечто подобное он и ожидал увидеть в будущем. Движущиеся тротуары, одежду, меняющую цвет и покрой по прихоти владельца... Даже изменения в еде: корчащиеся телепатические блюда, изощренные кулинарные симфонии — все было логично. Каким удивительным показался бы американскому первопоселенцу супермаркет XX столетия, собравший на своих стеллажах продукты со всей планеты в самых разнообразных упаковках!

Когда в Хьюстон, штат Техас, пришла телеграмма с уведомлением, что он один из всех жителей Соединенных Штатов наиболее подобен по внешнему облику и физиче-

ским характеристикам одному из предполагаемых посетителей из XXV века, Дэйв едва не обезумел от радости.

Прежде всего, это было передышкой. Передышкой и еще одной возможностью. Возможностью добиться получения более высоких ученых степеней, необходимых для преподавания в университете и исследовательской работы, не говоря уже просто о престиже, чему прежде препятствовали различные семейные обязанности — умирающий отец, больная младшая сестра. Слишком поспешная женитьба тоже не очень-то благоприятствовала продвижению по служебной лестнице, посадив его в западню между приятным для жизни пригородом и сверхсовременной средней школой, куда ежедневно приходилось мотаться вплоть до того самого мгновения, когда пришла телеграмма. Однако всю полноту везения Поллок осознал только при встрече с остальными четверьмя. Он, разумеется, слышал о том, как бились, расталкивая друг друга локтями, лучшие в стране умы, чтобы очутиться среди посетителей будущего и получить возможность разнюхать о том, что должно произойти в сфере их деятельности в течение следующей половины тысячелетия. Только переговорив со своими попутчиками — рабочим-поденщиком, домохозяйкой из Бронкса, напыщенным дельцом со Среднего запада и милостивой, но совершенно заурядной стенографисткой из Сан-Франциско, Дэйв, осознал, что он — единственный среди них, кто имеет научную подготовку. Он, столь страстно желавший посвятить свою жизнь поиску знаний, получит возможность просуществовать в течение двух недель в качестве единственного интеллектуала группы, который сможет осознать будущие перемены науки! Поначалу все было именно так. Все дышало здесь величием, открытиями, все приводило в трепет. Затем, как первые признаки надвигающихся холодов, стали подкрадываться различные мелкие, не очень приятные недоразумения. А затем — Поле для Визга, Стадион Ужаса...

Впервые очутившись в будущем, Поллок испытывал гордость за него, воспринимая широту интересов и высокую образованность его обитателей как упрек лично в свой адрес. Однако первое знакомство с Полем для Визга едва не вызвало приступ тошноты. Прекраснейшие умы, с которыми ему приходилось сталкиваться, должны были через

определенные интервалы времени по собственной воле превращаться в брызжущую пеной, истерически воющую свору животных... Правда, они пытались ему втолковать, что никогда не смогли бы быть такими прекраснейшими умами, если бы не высвобождали себя периодически таким манером. И все же один взгляд на это приводил его в неопиcуемый ужас. А уж перед Машиной-Оракулом человеческая логика вообще пасовала. Для человека мыслящего это было пределом отвращения. Глянув на часы, Поллок отметил, что осталось всего двадцать пять минут, не мешало бы поторопиться. И он смело вверил себя услужливой лестнице.

— Меня зовут Стиллия, — представилась встретившая его наголо обритая девушка с приятным лицом. — Сегодня у Машины дежурю я. Вам нужна моя помощь?

— Кажется, нужна.

Он с тревогой посмотрел на пульсирующую в отдалении стену. За желтым прямоугольником на этой стене, как ему было известно, находился мозг Машины-Оракула. Как же хотелось проткнуть дырку в этом мозгу! Но вместо этого он сел на поднявшийся из пола бугор и начал рассказывать девушке свою невеселую историю.

— О, этот ваш Уинтроп! — улыбнулась дежурная. — Это же просто замечательный старик. Я повстречалась с ним на прошлой неделе в аптеке, где заказывают сны. У него просто достойная восхищения способность воспринимать все новое! Он вызывает у нас искреннее уважение. Мы хотели бы, насколько это только возможно, помочь ему во всем, что он хотел бы сделать.

— Простите, леди, — холодно заметил Поллок. — Но в помощи нуждаемся мы, а не он.

Стиллия рассмеялась.

— Разумеется! Мы хотели бы помочь всем и каждому. Только Уинтроп — особый случай. он изо всех сил старался вжиться в нашу эпоху, в этом никто из вас не может с ним сравниться. А теперь подождите меня здесь. Я изложу ваши затруднения Машине. Постараюсь активизировать соответствующие блоки памяти как можно скорее.

Она прошла сквозь расширившийся прямоугольник и вернулась через несколько минут.

— Машина работает над вашей задачей. Я дам знать, когда вам можно будет пройти внутрь.

— Спасибо, — поблагодарил Поллок. — Скажите мне вот что, мисс. Разве не обедняет ваше мышление и вашу жизнь знание, что Машина-Оракул решила намного лучше любую личную, научную или техническую проблему?

На лице Стиллини отразилось недоумение.

— Вовсе нет. Собственно решение проблем занимает совсем малую часть нашей творческой жизни. Следуя вашей логике, можно договориться до того, будто из жизни исчезает нечто существенное, если отверстия сверлить не ручной дрелью, а электрической. Машина-Оракул является главнейшим орудием нашей культуры. Она была создана для решения только одной задачи — задачи учета всех факторов, относящихся к данной проблеме, и соотношения их с общей суммой соответствующих данных, которыми располагает человечество. Советуясь с Машиной-Оракулом, можно неправильно истолковать и применить ее ответ. А можно предпочесть не полагаться на него.

— И действовать, не полагаясь на него? Разве это не бессмысленно, если ответы содержат наилучшее из того, что можно сделать?

— А разве человеческие поступки всегда должны иметь какой-то смысл? Это весьма модная современная точка зрения. Всегда существует личное эксцентричное побуждение.

— Да, — тяжело вздохнул Поллок. — Отказывайтесь от своей личности, присоединяйтесь к визжащей толпе, но не забывайте о своих особых эксцентричных побуждениях...

Никогда, никогда не забывайте о своих личных различных побуждениях!

— Именно так, — спокойно произнесла девушка. — Даже несмотря на ваш, весьма очевидный, сарказм. Почему вам так трудно это воспринять? Человек является одновременно и стадным животным, и животным очень индивидуальным. Стадные инстинкты должны удовлетворяться любой ценой. В прошлом это выливалось в войнах, религии, национализме, различных формах группового шовинизма. Необходимость отказа от всего личного и растворения в чем-то большем была признана в незапамятные времена. Поля для Визга и Стадионы Ужаса направлены именно на это, удовлетворяют такую необходимость в абсолютно безвредной форме.

— Я бы не сказал, что это безвредно с точки зрения механического кролика...

— Я понимаю. Человеческие существа, которые прежде использовались вместо кроликов... Им было много хуже, — согласилась Стиллия. — Думаю, вы понимаете, о чем я говорю. Но, с другой стороны, осознанные личностью инстинкты также подлежат удовлетворению. Мы требуем при этом только одного — чтобы это не касалось в значительной степени никакого другого человека.

— И пока это действительно не касается, дозволено все!

— Совершенно верно. Все дозволено. Абсолютно все, чего только может возжелать любое лицо, исходя из индивидуальных эксцентричных побуждений, не только позволяется, но и поощряется. Мы считаем, что многие величайшие свершения человечества имеют своим источником индивидуальные эксцентричные побуждения и остро ощущаем, что величайшим триумфом нашей цивилизации является то почетное отношение, которое мы питаем к подобному внутреннему самовыражению.

Дэйв Поллок не мог не смотреть на нее без уважения. Стиллия казалась очень смышленной. Именно на такой девушке он мог бы жениться, а не на Сюзи, если бы продолжал работу над своей докторской диссертацией. Хотя и Сюзи... Дэйв задумался. Увидит ли он ее когда-нибудь? И удивился тому, какая горькая тоска по дому охватила его.

— Это неплохо звучит, — согласился он. — А вот жить так — совсем другое дело.

За стеной послышалось какое-то жужжание. Стиллия поднялась.

— Машина-Оракул готова. Заходите внутрь, сядьте и повторите в наиболее простой форме свой вопрос. Желаю вам удачи.

Дэйв прошел в крохотную комнатку сквозь раздвинувшийся желтый прямоугольник. Несмотря на все пояснения Стилли, он чувствовал себя очень неуютно в этом мире легко удовлетворяемых стадных инстинктов и личных эксцентричных побуждений. И очень хотел вернуться туда, где все было привычным.

И, что было превыше всего, ему совсем не хотелось оставаться в мире, где на любой вопрос можно было получить ответ от окружающих его сейчас голубоватых пуль-

сирующих стен. Молодой человек сел и, ощущая себя круглым идиотом, дикарем, вопрошающим у горстки священных костей, произнес:

— Что нам делать с упрямством Уинтропа?

Со всех четырех стен, пола, потолка зазвучал глубокий голос, в котором не было ничего ни женского, ни мужского:

— Точно в назначенное время отправляйтесь в Бюро путешествий во времени в Темпоральном Посольстве.

Дэйв немного помолчал. Больше ничего. Стены были неподвижны.

Наверное, Машина ничего не поняла.

— Это не сулит нам ничего хорошего, — заговорил он снова. — Уинтроп не намерен возвращаться вместе с нами. Поэтому мы не сможем попасть назад, в свое время. Так уж устроен механизм трансфера. Поэтому суть в том, как нам убедить Уинтропа, не прибегая...

— Точно в назначенное время отправляйтесь в Бюро путешествий во времени в Темпоральном Посольстве.

По-видимому, это и было окончательным ответом.

Он уныло потащился к выходу и рассказал Стилли о происшедшем.

— Мне кажется, — заявил Поллок не без ехидства, — эта машина нашла мою задачу настолько трудной, что попыталась уклониться от ее решения.

— Я бы посоветовала вам послушаться Машину-Оракула. Если только у вас нет иной, более тонкой интерпретации ее ответа.

Дэйв Поллок вернулся в комнату миссис Бракс и рассказал всем остальным о нелепом ответе, который дала ему Машина-Оракул на вопрос об упрямстве Уинтропа.

* * *

Тем не менее, за несколько минут до шести все четверо уже были в Бюро путешествий во времени в здании Темпорального Посольства, прибыв туда при помощи джампера и испытав при этом душевное расстройство, степень которого у каждого была своя. У них не было никакой надежды. Просто ничего другого не оставалось.

Невесело поглядывая на часы, они расселись по своим местам в машине времени. Ровно без одной минуты шесть

в помещение вошла группа граждан XXV века. Среди них были: сотрудник Темпоральной Службы Гайджио Раблин, оператор Машины-Оракула Стиллия, отрешенная Флурит и мистер Сторку. Они торжественно пронесли на руках к положенному сиденью Уинтропа и застыли с выражением почтения на лицах, словно выполняя определенную религиозную церемонию. Собственно, так оно и было на самом деле.

Уинтроп был человеком пожилым, прожив уже 64 года. За последние две недели ему пришлось испытать множество волнующих мгновений. Он участвовал в микроохоте, многочисленных фантастических путешествиях вплоть до телепортационных бросков на невероятно удаленные планеты. Много чудесных превращений претерпело его тело, много удивительного произошло с его рассудком. Он рьяно гонялся за кроликом на Поле для Визга и в страхе спасался бегством со Стадиона Ужаса. И, самое главное, ел в изобилии пищу, выращенную на далеких звездах, приготовленную совершенно чуждыми существами, состав которой оказался совершенно неожиданным для его метаболизма. Для обмена веществ организма путешественника из двадцатого века эти блюда оказались чудовищными. Уинтроп больше не был упрямым.

Уинтроп был мертв.

ЛИССАБОН В КУБЕ

LISBON CUBED

Ballantine Books

New York

1968

Зазвонил телефон.

Альфред Смит, который в этот момент перекладывал вещи из чемодана в ящики типичного гостиничного комода, недоуменно поднял голову. — Кому это... — начал было он, но не стал продолжать.

Очевидно, кто-то ошибся номером. Никто не знал, что он в Нью-Йорке, и уж тем более — в какой именно гостинице. Хотя, если подумать, кто-нибудь мог догадаться. А может быть, это портье звонит, чтобы предупредить о какой-нибудь мелочи — типа перегоревшей настольной лампы. Телефон зазвонил снова.

Смит поставил чемодан и обошел вокруг кровати. Поднял трубку.

— Аллю?

— Мистер Смит? — спросил сочный голос на другом конце линии.

— Говорите.

— Это мистер Джонс. Мистер Коун и мистер Келли со мной, в вестибюле. Здесь же Джейн Доу, что вы предпочитаете — чтобы мы поднялись к вам или подождали внизу?

— Прошу прощения...

— Что ж, тогда мы поднимемся. Номер 504, не так ли?

— Да... А кто это говорит?

Но трубку уже положили.

Смит провел пальцами по волосам.

Это был среднего роста, неплохо сложенный, весьма приятной наружности молодой человек. Намечающееся брюшко свидетельствовало о том, что он преуспевает. Мистер Джонс? Коун? Келли? И кто такая Джейн Доу? Наверное, розыгрыш. Всякий, носящий фамилию Смит, при-

выкает к шуткам в свой адрес. Тем более, звонивший спрашивал просто мистера Смита, а это очень распространенная фамилия. Не исключена ошибка.

Он снова поднял трубку.

— Справочное бюро, — попросил Альфред у дежурной.

— Да, справочное, — раздался через несколько секунд нежный голос.

— Это мистер Смит из 504-го номера. Жил ли здесь до меня какой-нибудь другой Смит?

Продолжительная пауза.

— У вас какие-либо затруднения, сэр?

Смит скривился.

— Я только хочу знать, жил ли в этом номере до меня Смит?

— Сэр, если бы вы могли сказать, что это доставляет вам какие-то неудобства...

Терпение его начало лопаться.

— Я прошу вас ответить на простой вопрос. Проживал ли какой-нибудь мистер Смит в этом номере до меня? В чем дело? Он что, покончил с собой?

— У нас нет достаточных оснований полагать, что он совершил самоубийство, сэр. Существует много, очень много обстоятельств, при которых постоялец может исчезнуть после того, как забронировал номер!

В дверь настойчиво постучали.

— О'кэй. Это все, что я хотел узнать, — прорычал Альфред Смит и бросил трубку.

Открыв дверь, он впустил в номер троих мужчин и весьма миловидную женщину.

— Послушайте...

— Привет, Гар-Пита! — перебил его один из мужчин. — Джонс — это я. Это — Келли, это — Коун, а это, разумеется — Джейн Доу.

— Произошла ошибка...

— Какая тут может быть ошибка! — сказал Коун, тщательно прикрывая за собой дверь. — Джонс, вы назвали Смита его настоящим именем, да еще при открытой двери! Это непростительная глупость!

Джейн Доу кивнула в знак согласия.

— Открыта дверь или закрыта, мы не должны забывать, что находимся на Земле. И обязаны употреб-

лять только земные имена. Статьи 14—22 Полевого Устава.

Альфред окинул ее пристальным взглядом.

— На Земле?

Женщина стыдливо улыбнулась.

— Ну вот. И я совершила практически ту же ошибку. Надо было сказать “в Америке”. Или, чтобы не вызывать особых подозрений, “в Нью-Йорке”.

Мистер Келли внимательно рассматривал Альфреда.

— Вы — само совершенство, — наконец сказал он. — Лучше, чем у любого из нас. Такая маскировка наверняка потребовала огромного терпеливого труда. Не говорите ничего, я знаю! Вы — само совершенство, Смит!

Смит недоуменно переводил взгляд с одного странного посетителя на другого. Лунатики, что ли? Нет, шпионы! Что же делать? Объяснить им все или, высунув голову в окно, завопить “Караул!” А, может быть, они не шпионы, а просто сыщики, напавшие на след шпионов? Ведь это, как-никак, Нью-Йорк, а не какой-нибудь Гройсери-Корнерз, штат Иллинойс. С другой стороны, Нью-Йорк — обиталище самых ловких и остроумных пройдох. Может, это всего лишь розыгрыш городскими хлыщами только что прибывшей деревенщины?

Пока козьяин размышлял, гости расселись, не дожидаясь приглашения. Мистер Келли открыл портфель и начал что-то крутить внутри. Номер заполнило слабое жужжание.

— Не хватает мощности, — произнес он извиняющимся тоном. — Здешнее Солнце слабовато. Подождем еще пару минут. Все наладится. Мистер Джонс наклонился вперед.

— Послушайте, друзья, вы не будете возражать, если я сброшу свою маскировку? Здесь невыносимо жарко.

— Не положено, — напомнила ему Джейн Доу. — При исполнении обязанностей форму снимать запрещается.

— Знаю. Но ведь Стэн-Дюрок... Я хотел сказать, Коун закрыл дверь на замок. В таком месте, как это, никто не войдет в окно, а о материализации можно не беспокоиться. Так как насчет того, чтобы мне расслабиться на парочку минут?

Альфред Смит рассматривал мистера Джонса, не скрывая веселого удивления. Толстый коротышка был одет в дешевый серый костюм из блестящего кремплина. Растительность на голове отсутствовала напрочь, если не считать реденьких бровей. Вот это маскировка! Смех, да и только!

— Пусть позволит себе, — понимающе усмехнувшись, предложил Альфред. — Здесь, кроме нас, никого нет. Смелее, Джонс. Снимайте свою маскировку.

— Спасибо, — прочувственно произнес Джонс. — Я просто задыхаюсь в этом облачении.

Альфред хихикнул. Уж он покажет этим нью-йоркцам!

Джонс расстегнул сначала пиджак, потом — белую рубашку. Приложил указательный палец к груди, надавил... из образовавшегося темного отверстия диаметром в 25—30 сантиметров, извиваясь, выполз черный паук. Его небольшое округлое тело было величиной с мужской кулак, лапы имели длину и толщину черенка курительной трубки. Паук припал к груди Джонса, тело осталось в той же позе: пальцы продолжали держать грудь открытой, спина удобно откинута на спинку кресла.

— Хорошо-о-о... — произнес паук.

Альфред залился истерическим смехом. Кое-как ему вскоре удалось приостановить поток звуков, извергавшихся из рта, но смех продолжался где-то глубоко внутри. Он смотрел на паука, на застывшее тело, откуда тот выбрался. Остальные отнеслись к происходящему совершенно равнодушно.

Гудение из портфеля на коленях Келли внезапно сменилось разборчивой речью. Выражение скуки тотчас же улетучилось с лиц гостей, они заинтересованно подались вперед.

— Приветствую агентов по особым поручениям, — неслось из портфеля. — Это Центр Управления. Говорит Робинсон. Имеются какие-либо важные сообщения?

— Нет, — ответила Джейн Доу.

— И у меня нет, — произнес Келли.

— Пока что ничего нового, — вставил Коун.

Паук с наслаждением потянулся.

— Все то же. Сообщать не о чем.

— Джонс! — почти взвизгнул голос из портфеля. — Немедленно вернитесь в свою форму!

— Жарко, шеф. И мы здесь одни сидим, как тут говорят, за запертой дверью. Помните, какое суеверие выработалось на Земле в отношении запертых дверей? Нам совершенно не о чем беспокоиться.

— Сейчас забеспокойтесь! Вам, вероятно, в тягость роль агента по особым поручениям? Хочется вновь обрести статус обычного агента?

Паук вытянул ноги и совершил телодвижение, эквивалентом которого могло быть только пожимание плечами. Затем он осторожно попятился к отверстию в груди. Как только оно закрылось, тело Джонса ожило и застегнуло рубашку и пиджак.

— Вот так-то лучше, — наставительно произнес голос. — Больше никогда так не поступайте.

— Ну, будет, шеф, будет. Вот только нельзя ли нам немного остудить эту планету? Вызвать зиму или начать новый ледниковый период? Работать станет куда легче.

— И намного легче влипнуть, глупец. Вы там занимаетесь большими делами, вроде съездов или конкурсов красоты. А мы в Центре — такими мелочами, как произвольные изменения климата и установление новых ледниковых периодов! — Голос на минуту замолчал, потом продолжил: — А как ваши дела, Смит? О чем вы можете сообщить? Альфред тряхнул шевелюрой и нерешительно обвел взглядом номер.

— Со... сообщить? — нерешительно протянул он, но тут же собрался с духом. — Ничего. Сообщать нечего.

— Мне не нравится ваш тон. Вы там ничего не утаиваете, а? Не забывайте, оценка информации — наше дело, а не ваше!

— Н... нет, — выдавил из себя Смит. — Я абсолютно ничего не утаиваю.

— И не советую. Попробуйте только забыть сообщить нам хоть об одном конкурсе красоты — и вам крышка. Мы все еще не забыли о том промахе, который вы допустили в Загребе.

— О, шеф! — вмешалась Джейн Доу. — Нужно непременно быть местным жителем, чтобы определить, кто

является самой главной коммунисткой с партбилетом в Хорватии. Нельзя упрекать Смита за это.

— А я убежден, что можно! Этот, как вы считаете, съезд активисток подпал под определение конкурса красоты, которое было вам дано. Если бы Коун не наткнулся на упоминание о нем в “Киевской правде”, на нас бы обрушились все силы ада. Не забывайте об этом, Смит. И перестаньте называть меня шефом! Моя фамилия Робинсон. Запомните это! Ясно?

Все кивнули. Альфред бросил в сторону Джейн Доу взгляд, в котором были и сомнение, и благодарность.

— Ладно, — продолжал голос из портфеля, несколько умиротворившись. — Чтобы доказать вам, что я столь же щедр на похвалу, как и на упреки, хвалю Смита за его маскировку. Она несколько необычна, но выглядит подлинной, а это — самое главное. Если бы все остальные не пожалели времени на то, чтобы привести в такой же порядок свою форму, вы бы, в конце концов, — тут голос сделал паузу и стал вкрадчивым и весьма игривым, — могли даже назвать меня Джеком Робинсоном.

Все покорно засмеялись, даже Альфред.

— Вы полагаете, что Смит хорошо поработал над своей маскировкой, не так ли, шеф... то есть, мистер Робинсон? — с энтузиазмом спросила Джейн Доу, как бы подчеркивая этот факт для всех остальных.

— Безусловно. Взгляните на его костюм. Это не просто какой-то там старый костюм, нет! Он состоит из твидового пиджака и фланелевых брюк. Это свидетельствует об использовании собственного воображения. Подбородок его — не просто подбородок, а с ямочкой. Очень неплохо. И цвет волос первосортный. Единственное против чего я, возможно, стал бы возражать, так это его манера завязывать галстук. По-моему, солидный репсовый галстук стандартной длины меньше бы привлекал внимание. Но и этот, тем не менее, смотрится хорошо. А это — самое главное! Ощущать цельность своей маскировки! В нашем деле необходим инстинкт слияния с населением данной планеты, иначе ничего не выйдет. Я думаю, что у Смита этот инстинкт выработался.

— Спасибо, — пробормотал Альфред.

— Хорошо, хорошо, э... мистер Робинсон, — нетерпеливо произнес мистер Джонс. — Но не это самое

главное. Работа наша гораздо важнее того, как мы выглядим.

— Ваша работа заключается как раз в том, как вы выглядите! Смотрите соответственно — и работа будет спориться. Возьмем к примеру, вас, Джонс. Мне, кажется, никогда не приходилось встречаться с подобным, совершенно небрежно сработанным человеческим существом. Кем вам положено быть, а? Мистером Американцем, Человеком из Толпы.

У мистера Джонса был глубоко обиженный вид.

— Предполагается, что я — аптекарь из Бруклина. И, поверьте мне, моя форма вполне соответствует этой роли. Я знаю это точно. Вам бы следовало самому взглянуть на некоторых из этих аптекарей.

— Некоторые, Джонс — это далеко не большинство. А я именно это имею в виду.

— Не хотел бы вас перебивать, Робинсон, но наш визит к Смигу не будет длительным. Мы просто как бы заглянули на минутку.

— Верно, Коун, верно. Главное — пунктуальность. Все готовы к инструктажу?

— Готовы! — хором ответили все.

Альфред старался больше всех.

— Коун, вы продолжаете выполнять свое прежнее задание, внимательно следя за всеми новыми конкурсами красоты, которые должны состояться в этой стране, обращая особое внимание, разумеется, на Нью-Йорк. Келли, вы продолжаете то же самое в отношении различных съездов. Джейн Доу и Джон Смит следят за всем, что может быть замаскированной попыткой подобных событий.

— У вас что-нибудь особенное на уме? — спросила Джейн Доу.

— Пока что нет. Вы просто продолжаете обход косметических салонов в надежде наткнуться на что-либо. А вы, Смит, получите особое задание. Вскоре должен состояться костюмированный бал сантехников Нью-Йорка и его пригородов. Вам нужно попасть на него и разнюхать все. Если на что-нибудь наткнетесь, немедленно дайте нам знать.

— Что вас особенно интересует? — как можно более небрежным тоном поинтересовался Альфред.

— Ну, раз вы сами не догадываетесь, — в голосе из портфеля зазвучали нетерпеливые нотки, — то это — входная плата, призы за лучшие костюмы, даже конкурс на звание “Мисс Водопроводная труба 1921 года”, или какого-то другого, который сейчас на Земле. Честно говоря, я не думаю, что нам стоит обращать на этот бал особое внимание.

— А я? — не вытерпел Джонс.

— Вам мы довольно скоро передадим специальные инструкции. Возможно, придется кое в чем изменить подход, — последнее сообщение, казалось, заинтересовало всех, однако голос из портфеля явно не намерен был पु-скаяться в дальнейшие объяснения.

— На этом все, — заявил он недвусмысленно. — А теперь расходитесь. — Мистер Келли застегнул портфель, раскланялся со всеми и вышел из номера. Несколькими мгновениями позже за ним последовал мистер Коун.

Затем Джонс зевнул и сказал:

— Прощайте, друзья.

Когда он закрыл за собой дверь, Джейн Доу поднялась тоже, но направилась не к двери, а туда, где с глупым выражением лица стоял Альфред Смит.

— Вот так, Джон, — нежно произнесла она.

Альфреду ничего не оставалось, как повторить за ней:

— Вот так, Джейн.

— Да, мы снова вместе. В одном и том же здании. Разве не замечательно?

Он осторожно, не сразу, кивнул:

— Да, замечательно.

— Если бы только на этот раз нам удалось покончить навсегда с этим грязным делом! Мы могли бы вернуться вместе...

— И что тогда?

— Какой же ты несмышленный, дорогой! — Ее глаза заблестели. — Тихая уютная паутинка где-нибудь, только для нас двоих... Ты и я — и больше никого! И множество, множество яиц.

У Альфреда перехватило дыхание и он, не в силах больше терпеть, отвернулся.

— О, прости меня, дорогой, — вскрикнула она, хватая его за руку. — Прости! Я разволновала тебя! Заговорила

об этом, оставаясь в униформе. Тогда пусть будет вот так: маленький домик у водопада и трое детишек. Ты и я, рука в руке, вплоть до золотой свадьбы. Пока не посереблятся твои волосы. Так, пожалуй, лучше?

— Немного, — ему удалось взять себя в руки и взглянуть на нее. — Вернее — намного лучше.

Джейн обняла его. Он отпрянул.

— О, мне все равно... — зашептала она ему на ухо. — Плевать на все это. На дисциплину и все остальное, когда я рядом с тобой. И я повторю это, даже если нас подслушивают из Центра Управления. Ты знаешь, милый, чего бы я хотела сейчас больше всего?

Альфред тяжело вздохнул. Он очень опасался того, что может произойти.

— Нет.

— Я бы хотела, — жарко зашептала она, — чтобы мы оба были сейчас без формы и отправились в какое-нибудь темное сырое местечко... Мне бы хотелось ощущать на себе твои лапы, чувствовать, как твои передние усики ласкают меня... Меня, а не эту грубую бесчувственную маскировку.

Он задумался.

— Это все впереди. Терпение, моя дорогая.

Она выпрямилась и приняла деловой вид.

— Да, ты прав. Пора уходить. Вот наши номера телефонов, на тот случай, если захочешь связаться с кем-либо из нас. И не забывай, что эта операция должна быть проведена в строгом соответствии с Наставлениями. Следовательно, нельзя допускать никакого пфмпвания, ни малейшего пфмпвания вообще, за исключением случаев крайней необходимости. Во всех остальных случаях пользуемся телефонами.

— Телефонами? — непроизвольно повторил он.

— Да, вот такими штуковинами, — показала она на черный аппарат, стоящий на тумбочке возле кровати.

— О, этими штуковинами, — пробормотал Смит, пытаясь встряхнуть слипшиеся в черепной коробке мозги. — Да, именно этими... И никакого... э... пв... пф... кик ты сказала?

— Никакого пфмпвания.

— Совершенно?

Он был уверен, что, задавая вопросы, сможет как-нибудь прояснить картину, уловить хоть какой-нибудь смысл.

Лицо ее стало в высшей степени сосредоточенным.

— Разумеется, никакого! Ведь это чрезвычайное задание!

— Да, — согласился он. — Чрезвычайное. Я как-то не подумал об этом.

— Ни при каких обстоятельствах нельзя об этом забывать! — настойчиво потребовала Джейн. — А то снова попадешь в беду, как тогда, в Загребе. Еще один такой промах — и тебе крышка, дорогой. Выгонят из разведки. Что же тогда будет с нашими совместными планами?

— Они рухнут, да?

Альфред изучающе глядел на собеседницу. Нельзя забывать... Действительно, нельзя. Под этой очаровательной девичьей плотью сидит огромный черный паук, управляя телом, как крановщик — рычагами управления грузового крана.

— Вот именно. Я не выйду замуж за кого-либо, не имеющего отношения к Разведке. Наша жизнь была бы искалечена. Поэтому побереги себя, дорогой, постарайся, как только можешь. Не зевай. Будь всегда начеку. Старайся выходить сухим из воды. Будь честен и точен. Действуй энергично. Никому не доверяй. Не позволяй садиться себе на голову. Трудись упорно и копи деньги. Кто рано встает, тому бог дает. И не плыви против ветра.

— Постараюсь, — упавшим голосом пообещал Смит.

— Мой маленький волосатик, — игриво прошептала она и поцеловала его в ухо. Затем вышла и закрыла за собой дверь.

Альфред, шатаясь, добрал до кровати и обессиленно рухнул на нее.

На кого это, интересно, он набрел? Или, вернее, кто это набрел на него? Шпионы? Без сомнения. Шпионы с другой планеты! Что же им у нас нужно? Конкурсы красоты, различные съезды, маскарады сантехников... За чем это они гоняются по вселенной? Очевидно было только одно. Ничего хорошего от них ждать не приходится. Чего стоит одно только постоянное презрение в разговорах о Земле! Передовая волна захватчиков? Разведчики, прокла-

дывающие путь главным силам? Вполне возможно. Только для чего же им нужны все эти конкурсы красоты, эти маскарады? Что в них есть ценного, привлекающего особый интерес к подобным мероприятиям? Захватчиков следовало бы ожидать в лабораториях ядерных исследований, на ракетных полигонах, в окрестностях Пентагона... Голова трещала. Альфред решил, что нет смысла угадывать ход их мыслей. Чуждые существа... Кто может знать, какого рода информация представляется им ценной?

— Грязные, подлые пауки, — прошептал Альфред в приступе ксенофобии.

И один из них еще влюблен в него! Собирается за него замуж! О чем это она там говорила? О великом множестве яиц? Хорошенькая перспектива! По всему телу, от шеи до пяток, пробежала дрожь. Они уверены в том, что он — Джон Смит. Значит, у Земли еще есть шанс. Слепая удача предоставила в распоряжение землян контрразведчика. В его лице! Альфреду стало страшно, но одновременно он испытал гордость. Контрразведчик! Мозг лихорадочно заработал.

Первое, что необходимо сделать — это навести справки о Джоне Смите.

Он поднял трубку.

— Справочная!

Дежурная знала немного. Джон Смит зарегистрировался в этой гостинице две недели назад. Однажды в полдень он ушел и больше не вернулся. После того, как прошло положенное время, администрация решила, что он просто скрылся, так как уже порядочно задолжал. Вещи его перенесли в камеру хранения.

— Нет, сэр, — ответила девушка на закономерный вопрос. — Мне очень жаль, но наши правила не позволяют вам ознакомиться с его вещами. Если только вы не пожелаете официально заявить, что состоите с ним в родстве.

— А если я это сделаю?

— Вам нужно будет представить доказательства, сэр.

— Понятно. Большое спасибо.

Он повесил трубку.

Итак, Джон Смит зарегистрировался здесь, по всей видимости, по предварительной договоренности с сообщника-

ми. Номер должен был служить явкой, местом встречи группы. Затем в один прекрасный день Джон Смит ушел и не вернулся. Поскольку маскировка подлежала частой смене, а шпионы ничего не знали об исчезновении прежнего Смита, они посчитали Альфреда своим. Но что же произошло с его предшественником? Попал в руки правительства США? Или ООН? Вряд ли. В этом случае шпионов поджидали бы здесь агенты ФБР или небольшое армейское подразделение. Нет, он попросту исчез. Погиб? Или временно скрылся, избрав новый способ выполнения задания своей межпланетной организации? И что будет с Альфредом, когда вернется Джон?

По телу молодого человека пробежала дрожь. В шпионских романах, которые ему доводилось читать, у разведчиков сложилась хорошая традиция — убирать всех, кто вольно или невольно попал в их среду. Следовательно, ему нужна помощь.

Но чья?

Полиции? ФБР?

Альфред снова вздрогнул, представив себе, как он, смущенный, заикающийся, путаясь в подробностях, пытается поведать о своих необыкновенных приключениях твердолобому дежурному сержанту. Инопланетное вторжение, мистер Смит? С Марса? Ах, не с Марса! Так откуда же? А, вы точно не знаете, мистер? Понимаю... В первый же день вашего пребывания в Нью-Йорке в ваш гостиничный номер вошли четверо и рассказали вам обо всем этом... Очень интересно. Очень, очень интересно... И как же их звали? О, они даже вам представились? Мистер Коун, мистер Келли, мистер Джонс и Джейн Доу? А ваша фамилия — Смит, не так ли? И все, что нам нужно сделать, чтобы удостовериться в истинности ваших слов, это по телефонному номеру разыскать адрес одного из этих типов, разрезать грудь того, на имя которого зарегистрирован этот телефонный номер, извлечь на свет большого черного паука и...

— Нет! — застонал Альфред. — Таким путем у меня нет ни малейшего шанса чего-либо добиться! Нужны доказательства. Осязаемые доказательства. И факты. Самое главное — факты. Кем являются эти пауки, с какой они планеты, когда намечается вторжение, какого рода оружие

будет использовано... И побольше сведений об их организации здесь, на Земле.

Каким же образом раздобыть эти сведения? Не спрашивать же об этом в лоб. Это приведет к его разоблачению. Единственная пока ниточка — поручение, связанное с костюмированным балом сантехников. Несомненно, оно является составной частью плана пауков. Несомненно.

Он поднял трубку.

— Справочная? Это опять мистер Смит из 504-го. Посоветуйте, каким образом разузнать, где в Нью-Йорке размещаются сантехники?

— Если в вашем номере протекает кран, сэр, — спокойно пояснил терпеливый голос, — администрация пришлет к вам...

— Нет! Мне не нужен в данный момент водопроводчик. Нужны все сантехники Нью-Йорка и пригородов. Как их можно разыскать? Он отчетливо услышал, несмотря на то, что микрофон на другом конце линии был прикрыт ладонью, шепчущий кому-то в сторону голос: "Опять этот из 504-го. Ух, какой там на этот раз красавчик! Не завидую дежурной из вечерней смены, ей-ей!" Потом дежурная отчетливо сказала в микрофон:

— Алфавитный телефонный справочник находится на столике возле вашей кровати. Сантехников нужно искать на букву "С". Там есть большинство сантехнических контор Манхэттена. Что касается сантехников Бруклина, Бронкса, Куинса и Стэйтен-Айленда, то я бы посоветовала вам...

— Мне не нужны сантехники из Бруклина или Бронкса! — взорвался Альфред. Сорвался! А ведь обязан держать себя в руках. Судьба всей планеты, всего рода человеческого зависит от того, насколько ясным будет его мышление. Он выждал некоторое время, чтобы успокоиться, затем снова заговорил, на этот раз спокойно, не торопясь:

— Проблема заключается в том, что сегодня вечером должен состояться костюмированный бал сантехников Нью-Йорка и окрестностей. Я обязан на него попасть. Но, к несчастью, потерял пригласительный билет с адресом. Как мне выяснить, где он будет проводиться?

Изложив таким образом суть дела, Альфред поздравил себя с необыкновенной быстротой мышления, какая и положена настоящему контрразведчику. Наступила пауза. Подумав, девушка сказала:

— Я могла бы навести соответствующие справки, сэр, а потом позвонить вам. Вас это удовлетворит, сэр?

— Вполне! — с энтузиазмом ответил он. — Это было бы просто замечательно.

Что ж, пора начинать постигать науку шпионского ремесла. Приобретать практику в быстром мышлении, быстром ведении разговора. В конторе его ждут только завтра. Так что в активе — еще полдня и весь сегодняшний вечер, которые можно посвятить спасению человечества. Рекламой фирмы "Блэксим", которая переманила его из "Мозаичного нейлона", был лозунг: "Мужчины примечают тех, кто носит изделия фирмы "Блэксим". На них такие потрясающие чулки!" Посылая его в эту командировку, начальство и предположить не могло, в какой чудовищной игре ему придется принять участие с первого же дня своего пребывания в Нью-Йорке. Разумеется, в фирме хорошо знали, что он за человек. Без ложной скромности можно сказать, что Альфред Смит создал себе в Иллинойсе неплохую репутацию. Еще бы: обеспечил максимальный сбыт в течение последних трех лет и постоянные заказы еще на пять следующих. В "Мозаичном нейлоне" он так и продолжал бы оставаться всего лишь удачливым продавцом, в то время, как "Блэксим" с его ориентацией на Мэдисон-Авеню и другие самые респектабельные торговые дома увидела в нем возможного претендента на пост окружного торгового менеджера. Да, только "Блэксим" сумела разобраться в том, что Альфред Смит достоин выступать в высшей лиге чулочного бизнеса, но не могла предугадать, какую огромную роль предстоит сыграть ее агенту в судьбе человечества. Зазвонил телефон.

— Я все разузнала, сэр. Костюмированный бал боссов сантехнических контор и котельных центрального отопления Нью-Йоркского муниципалитета начнется сегодня в восемь вечера в Меншевик-Холле на 10-ой Авеню. Темой маскарада является эпоха дореволюционной Франции, приглашенные должны быть в соответствующих костюмах.

Вам уютно записать адрес ближайшего магазина, где такой костюм можно взять напрокат?

— Да, — промямлил Альфред, — пожалуйста.

Все как будто налаживается.

Новоявленный контрразведчик отправился по полученному адресу и, не мешкая, приобрел наряд Герцога де Ришелье. Пока костюм подгоняли по его фигуре, основательно пообедал — впереди была Большая Ночь. За обедом проштудировал буклет, посвященный характерным для Франции нарядам XVI—XVII веков. Любопытный факт мог оказаться существенной зацепкой. Вернувшись в свой номер, Альфред облачился в костюм и подошел к зеркалу. Результат несколько разочаровал его. В этом одеянии он скорее выглядел молодым протестантом, ни в коей мере не похожим на "Серое Пресвященство". Однако, в коробке нашлась седая борода, поставившая все на свои места.

Неожиданная мысль внезапно пришла ему в голову. Маскировка маскировки! Молодой человек улыбнулся своему отражению.

— Дабы, — патетически произнес он, — господство людей, осуществляемое ради людей самими людьми, не исчезло с лица Земли! Раздался телефонный звонок. Это был Джонс.

— Только что со мной говорил Робинсон. Относительно моего спецзадания. Это будет ночь из ночей!

— Сегодняшняя ночь?

Альфреду показалось, что кружевной воротничок сжимается вокруг его горла.

— Да, они намерены попытаться войти в контакт сегодня вечером. Мы пока еще не знаем, где именно, но это произойдет в Нью-Йорке. Меня оставляют в резерве. Я должен поспешить на помощь любому, кто этот контакт обнаружит. В качестве подкрепления, руки братской помощи, рука к руке, дружба превыше всего, на миру и смерть красна, с милым и в аду — рай. А вы будете на маскараде сантехников, не так ли? Где он должен состояться?

— В Меншевик-Холле, на 10-й Авеню. А что делать, если я обнаружу контакт?

— Пфмывать, пфмывать, как сумасшедший. Я тотчас же примчусь к вам. Забыть обо всех этих телефонах, спецканалах, нарочных, почтовых голубях, конных эстафетах,

беспроволочном телеграфе и о курьерах Его Величества. Это выше любой "крайней необходимости", согласно статьям 23 и 49 Полевого Устава. Так что пфмивуйте, не стесняясь, сколько душе угодно!

— Отлично! — восторженно заорал Альфред. — Только вот что...

На другом конце раздался щелчок повешенной трубки. Сегодня вечером.

Ночь из ночей.

И ради чего?

Меньшевик-Холл представлял собой двухэтажное здание в самой захудалой части Десятой Аvenues. На первом этаже располагалась закусовая, над грязными окнами которой неоновая надпись провозглашала:

*"Февральская революция была единственной
настоящей революцией."*

*Гриль-бар. Пиво. Вина. Изысканные ликеры.
Алексей Иванович Антипов, владелец."*

Второй этаж был ярко освещен. Из его окон доносилась музыка. На двери сбоку от бара была приколота карандашная записка:

*"Полугодовой костюмированный бал
управляющих водоканализационных контор и
отопительных котельных Нью-Йорка
и его пригородов.*

Допускаются только в соответствующих нарядах.

*Если не уплачены членские взносы
за последнее полугодие, прежде чем
подняться наверх, разыщите в баре
Бушке Хоровица. Он будет в наряде
"Железной Маски" пить там ром до семи".*

Альфред Смит взбирался по шаткой скрипучей деревянной лестнице, не сводя глаз с загорелого генерала Мон-

кальма, охраняющего вход на второй этаж. Никакого пригласительного билета, слава богу, не потребовалось — достаточным основанием для входа оказался наряд. Краснолицый генерал едва удостоил взглядом герцога де Ришелье и взмахом руки пригласил пройти внутрь. Народу было полно. Десятки Людовиков XIII, XIV, XV и XVI степенно танцевали с Аннами Австрийскими и Мариями-Антуанеттами под звуки румбы и ча-ча-ча. Над их головами медленно вращались две цветные люстры, отбрасывая разноцветные блики на сверкающий паркет.

С чего начать?

Альфред взглянул на помост, на котором сидели музыканты. Они были без маскарадных костюмов. Надпись на большом барабане гласила, что ритмами снабжает вечер "Оле Олсен и его пятерка". Никто из них не был похож на межпланетных шпионов. Но, с другой стороны, шпионы как раз имеют заурядный вид, и искать их надо в самых неподходящих местах. Поэтому Альфред направился в мужской туалет.

Туалет был полон. Возле раковины для мытья рук толпилось не менее двух десятков мушкетеров, жующих огромные сигары и тихо переговаривающихся между собой. Смит затесался в их компанию и прислушался. Говорили о чем угодно, начиная с цен на цветные унитазы и кончая проблемами, возникшими при прокладке канализации в новых кварталах Лонг-Айленда.

— Я подрядчику так прямо и сказал, — говорил болезненного вида мушкетер-недомерок, отряхивая пепел сигары об эфес шпаги. — Джо, сказал я ему, как вы можете рассчитывать на то, что я проложу трубу, если вам не известна потребность, не говоря уже о типе... Послушайте, а ведь мы еще ничего не говорили о типе канализационной системы, которую они там намерены проводить! Джо, сказал я ему, вы ведь человек умный, так вот, я спрашиваю у вас, Джо, разве так делают? Какой во всем этом смысл? Вы требуете, чтобы я провел канализационный коллектор, пропускная способность которого будет гораздо меньше, чем канализационных труб отдельных улиц? Ведь стоит тогда новым жильцам начать сливать воду в своих туалетах, как она поднимется и затопит ваннные комнаты. Вы этого хотите, Джо? Нет, отвечает он, я этого не хочу. Лад-

но, говорю, тогда вы, видимо, хотите, чтобы я провел коллектор намного более мощный, чем требуется, пропускная способность которого будет гораздо выше? Но ведь тогда придется поднять цену домов, что уже поздно делать. Вы этого хотите, Джо? Нет, говорит он, я этого не хочу. Так вот, Джо, говорю я, признайтесь, что такое предложение — глупость с самого начала и до конца. Представьте себе, Джо, что кто-то просит вас выстроить дом и не в состоянии сказать, какой ему нужен фундамент — каменный, бетонный, стальной, шлакоблочный. Так вот, именно это вы и упрощаете меня сейчас сделать, Джо, именно это.

Раздалось одобрительное посапывание. Высокий художник мушкетер с печальным лицом высморкался и, аккуратно сложив платок, заметил:

— Общая беда всех подрядчиков. Все они думают, что сантехники могут творить чудеса. Им надо, в конце концов, понять, что сантехники — такие же люди, как и все остальные.

— Я придерживаюсь другого мнения, — произнес только что подошедший гугенот. — По-моему, сантехники на самом деле являются кудесниками. Что нам нужно принять на вооружение — так это всю нашу американскую сообразительность, наше американское умение, нашу чисто американскую способность все учесть и рассчитать до мелочей. Вы заказываете мне канализационную систему в новом микрорайоне такого типа, какого еще никто никогда не применял, и никто толком не знает, какая от нее потребуется пропускная способность. И я рассчитываю всю систему трубопроводов даже с учетом дальнейшего расширения микрорайона, которая будет всегда прекрасно функционировать. И сделаю это, к тому же, с наименьшими затратами.

— Каким это образом? — поинтересовался мушкетер-недомерок.

— А таким, — отпарировал гугенот. — Приложив свою американскую творческую фантазию, свою американскую мастеровитость и свою американскую способность учесть все мелочи. Вот каким образом.

— Простите, — поспешил вмешаться Альфред Смит, опасаясь, что мушкетер-недомерок наберется духу и полетит в дальнейшую словесную перепалку. — Господа, не

знает ли кто-нибудь, какие призы будут вручаться сегодня за лучший наряд, какие — на прощание, и все такое?

Наступила тишина. Затем гугенот (Колинь? Конде? Де Роган?) наклонился и похлопал его по груди.

— Когда у тебя возникает вопрос, сынок, самое главное — найти человека, который может на него ответить. Поэтому обратись лучше к человеку у входа — он наверняка знает, что будут давать на прощание. Скажи ему, что тебя послал Ларри, что Ларри, просил, чтобы он рассказал тебе все о сегодняшних призах. И он, сынок, удовлетворит твоё любопытство. — Он снова повернулся к своему негодующему собеседнику. — Вы еще не начали говорить, а я уже наперед знаю, что за слова у вас на языке. И поэтому уже сейчас говорю, что вы неправы.

Альфред начал протискиваться подальше от разгорячившихся боссов водопровода и канализации. На его пути подошедший только что гвардеец кардинала глубокомысленно заметил палачу в черном капюшоне:

— Этот Ларри — большая шишка. Я бы многое отдал за то, чтобы увидеть, как он сядет задницей в лужу.

Палач кивнул и легонько толкнул его топором в плечо.

— Когда-нибудь прозвучит анонимный звонок в Санитарную Инспекцию насчет него, и пришлют такого инспектора, которому нельзя будет сунуть в лапу. Вот и все! Как должно быть со всяким, кто покупает выброшенные в утиль трубы, хромирует их и продает своим товарищам как новые...

Резиновое лезвие топора затрепетало над плечом палача, как знамя на ветру. Через несколько минут Альфред добрался до входа, где раскачиваясь на складном стульчике сидел дежурный. Альфред задал ему вопрос относительно призов.

— Разве меня посвящают во что-нибудь важное?

Он надвинул шляпу на глаза и уставился в пустоту, размышляя.

— А почему бы вам не расспросить в баре? Все заправилы находятся сейчас там.

Заправил оказалось что-то слишком много. Кринолины, экстравагантные прически и напудренные парики настолько заполнили помещение бара, что полдюжину его завсегдатаев в потрепанных костюмах и поношенных куртках,

казалось, были единственными, облаченными в настоящие маскарадные наряды — наряды бедствующих, обиженных судьбой анахронизмов из будущего, каким-то образом затесавшихся в императорский Версаль. Бушке Хоровиц, высоко подняв Железную Маску, несмотря на строжайшие указы короля и кардинала, принимал членские взносы, высказывая свое мнение о перспективах использования стояков и стоячих душевых толпе, разодетой в парчу и шелка. Периодически он щедрым жестом бросал монеты бармену — неуклюжему, сердитому на вид мужчине с окладистой бородой. Протираясь сквозь толпу и едва успевая извиняться, Альфред скоро понял, что протолкнуться к нему нет никакой возможности. Поэтому он пытался выяснить что-либо в отношении призов у окружающих, но на него никто не обращал внимания. Видимо, нужно поискать кого-либо пониже рангом.

Кто-то потянул его за рукав кардинальской мантии. Герцог посмотрел вниз и увидел весьма худую мадам Дюбарри, сидящую в пустой кабинке. Она улыбалась.

— Взадрогнем? Ты да я. Вдвоем, — пояснила женщина. Альфред покачал головой.

— Нет, спасибо. Я... э... занят. Может быть, попозже.

Он хотел отойти, но мадам удержала его за рукав. Хватка была совершенно недвусмысленной.

— Поглядите-ка на этого сильно занятого бизнесмена, — обиженно надула она губки. — У него нет на меня времени. Он такой занятой!

Стараясь унять растущее раздражение, Альфред пожал плечами и сел в кабинке за столик напротив нее. Все равно пока не получается ничего путного. Изящные пальчики отпустили его рукав. Появился сердитый бармен.

— Хочу виски со льдом, — капризно заявила мадам. — Виски со льдом — единственный подходящий для меня напиток.

— Два виски со льдом, — заказал Альфред.

— Я слышала, вы интересуетесь конкурсами. Я как-то раз была победительницей конкурса. Надеюсь, после этого признания я вам понравлюсь чуточку больше?

— И в каком же конкурсе вы победили? — рассеянно спросил Альфред, разглядывая ее.

Без этого нелепого костюма она, видимо, была бы довольно привлекательной, хотя и слишком костлявой. Ничего для него интересного.

— За меня голосовали как за Девушку, вместе с которой Молодые Водопроводчики Кливленда хотели бы починять трубы. Поначалу предполагалось, что титул победительницы будет звучать иначе: "Девушка, с которой Молодые Водопроводчики Кливленда согласны были бы полезть в трубу". Но какие-то злюки расшипились, и судьи изменили титул. Это было три года назад. У меня до сих пор хранится почетная грамота. А теперь... не знаю, поможет ли мне это?

— Боюсь, что не поможет. Но в любом случае поздравляю. Не каждая может... как бы это сказать... похвастаться таким титулом.

Сердитый бармен поставил на столик два стакана в подстаканниках, промычав что-то неразборчивое, по-видимому, означающее, что нужно расплатиться. Получив деньги, он сердито заковылял к окруженной клиентами стойке бара.

— А какого рода конкурсы вас интересуют? Может быть я смогу вам помочь? Я знаю очень много всяких мелочей о превеликом множестве других мелочей.

— Да ничего особенного, просто всякие там конкурсы и призы на них. Альфред смотрел на заднюю стенку кабинки. На ней висела в рамке фотография Плеханова, обменивающегося рукопожатием с Керенским, позади которых тянулся на цыпочках весьма молодой, сердитый на вид мужчина с окладистой бородкой, изо всех сил старающийся попасть в кадр.

Поняв, что он зря теряет время, Альфред допил виски и бесцеремонно сказал.

— Мне пора уходить.

— Так скоро? — неодобрительно проворковала мадам. — Ведь мы только-только познакомились. Вы так сильно понравились мне...

— Что вы имеете в виду? — раздраженно спросил Альфред. — Мы ведь действительно только-только познакомились.

— Но вы на самом деле нравитесь мне! Вы — сливки в моем кофе. Предел моих мечтаний. Вы что-то со мной

сделали. Вы — как раз то, что заставляет вращаться весь мир. Я от вас без ума. Я пойду за вами, мой большой малыш, хоть в огонь, хоть в воду. Я совершенно обезумела, просто обезумела. Я заберусь на самую высокую гору, переплыву самую глубокую реку. Я — ваша душой и телом. Вы — красная роза, лиловая фиалка моих сновидений. Пейте меня до дна своими глазами. О, Джонни! Вы в моем сердце, я дарю его вам.

Она умолкла, чтобы перевести дух.

Глаза Альфреда едва не вылезли из орбит. Он привстал.

— Спасибо, леди, за приятную беседу, но...

Затем он снова сел. Его ошеломило то, как она выражала свои чувства и стремления, чтобы ее поняли со всей определенностью! Как Джейн Доу, как Джонс...

— Он вышел на связь!!!

— Так, все-таки, насколько сильно я вам нравлюсь? — спросил он, стараясь потянуть время, чтобы продумать следующий ход.

— О, это невозможно передать словами. Вы — мой светоч. Я боготворю вас. Я ничего не соображаю. Я согласна, дорогой, на все...

— Хватит! — почти что завопил он, отчаянно стараясь перекрыть этот фонтан любовных словозлияний. — Ладно! Мне бы хотелось податься куда-нибудь в такое местечко, где мы могли бы остаться наедине и более подробно обсудить наши чувства.

В течение нескольких секунд он изо всех сил пытался изобразить на своем лице непреодолимое вожделение.

Мадам Дюбарри с готовностью кивнула.

— Ко мне на квартиру. она совсем рядом.

Идя рядом с ней к выходу, Альфред непрестанно напоминал себе, что это вовсе не веселая деваха, несмотря на все эти трепетные пожатия рук и упругие прикосновения бедра, а разумный паук, управляющий не более, не менее, как механизмом. Но это также было и первым ключом к решению загадки, состоящей в том, чего же все-таки добиваются все эти инопланетяне на Земле. Только бы удалось продержаться! Немного везения — и эта мадам станет средством спасения человечества. Они сели в подъехавшее такси, она назвала адрес водителю и повернулась к Альфреду.

— А теперь, дорогой, давай страстно поцелуемся.

Они страстно поцеловались.

— А теперь прижмемся друг к другу.

Они прижались.

— Давай прижмемся еще сильнее!

Он стиснул ее в объятиях изо всех сил.

— Ладно, хватит пока что, — отстранилась она.

Такси остановилось перед большим старым многоквартирным домом, который, казалось, судорожно мигал огнями окон, не переставая дремать, погруженный в воспоминания о прошлом.

Альфред расплатился с водителем и повел мадам Дюбарри к парадному. В кабине лифта она начала взволнованно ему подмигивать и нажала на кнопку "О".

— В подвал? — изумился Альфред. — Разве ты живешь в подвале?

Вместо ответа она направила ему в живот крохотный красный цилиндр. На его крышке он заметил кнопку, на которую лег ее большой палец.

— Тебе не нравится подвал, паршивый вакклитианин? Стой спокойно и делай в точности то, что я скажу. К твоему сведению, мне известно, где находишься ты и где расположена твоя камера управления. Так что не думай, что тебе удастся удрать, заплатив всего лишь повреждениями формы.

Альфред опустил глаза на тот участок тела, к которому было приставлено ее оружие. Она явно заблуждалась относительно расположения его камеры управления, однако без желудка тоже вряд ли можно жить.

— Не беспокойся, — взмолился он. — Я не собираюсь совершать никаких глупостей.

— И правильно делаешь. Предупреждаю, не вздумай сдурить. Изрешечу так, что через дырки в твоём теле будет просвечивать солнце, распылю на молекулы твое...

— Понял, — перебил ее Альфред. — Никакого пфмывания. Абсолютно никакого. Обещаю. Даю честное слово!

— Твое честное слово! — презрительно фыркнула она.

Лифт остановился. Она вышла спиной вперед, жестом приказав ему следовать за ней. Он смотрел на лицо в ма-

ске, на сверкающую блестками одежду и неожиданно вспомнил, что Дюбарри, когда ее волокли на гильотину в 1793 году, кричала толпе: "Милосердия! Милосердия за раскаяние!". Но ни толпа, ни революционный трибунал, с удовлетворением подумал он, не приняли во внимание эти крики. В холодном выбеленном подвале их ждал мужчина. Гугенот. Тот самый, который обладал американской способностью все учитывать.

— Было трудно?

— Нисколько, — ответила она. — Он сразу клюнул на шаблонное упоминание о конкурсе трехлетней давности. Внешне, правда, и виду не подал, что это его интересует, но должно быть, сильно испугался. Я обнаружила через несколько секунд, когда объяснилась ему в любви, а он прямо в лоб предложил уединиться. — Мадам хихикнула. — Бедолага, такой неумелый и трогательный! Разве так отреагировал бы любой американец-самец? Ничего не сказал о моих красивых глазах, о том, какая я милашка, как не похожа ни на одну другую и не предложил трахнуть еще по одной, называя меня крошкой. Гугенот, тем не менее, весьма подозрительно рассматривал Смита.

— Его форма и маскировка на удивление превосходны, — заметил он. — Это указывает на высокую профессиональную подготовку.

— Ну и что из этого? — пожала плечами она. — Можно соорудить распрекрасную форму, но какая от этого польза, если крайне неряшливо играть свою роль? Он почти ничего не знает о том, как ведут себя люди, какие у них манеры. Посмотрел бы ты, как неловок он был в любви, пока мы ехали в такси!

— Настолько плох?

— Плох? — Она закатила глаза, стремясь придать своему лицу максимум выразительности. — Мне было его от души жаль, настолько он неуклюже делал вид, что ласкает настоящую женщину. Плох — это не то слово. Дешевая подделка. Второсортное проявление своего либидо. Ни малейшего вождения. Симуляция похоти. Неубедительно! Альфред глядел на нее взглядом, преломленным сквозь широко разверзшиеся раны уязвленного мужского достоинства. Это в ее исполнении были грубые проколы, которые

сорвали бы любой спектакль с ее участием! Но решил воздержаться от высказывания вслух своего неодобрения. В руках мадам Дюбарри по-прежнему сжимала оружие, и он не имел ни малейшего представления о том, в какое кровавое месиво может превратить его этот красный цилиндр-рик.

— Ладно, — кивнул гугенот. — Давай поместим его вместе с тем, другим. Ощущая прикосновение цилиндра к своему позвоночнику, Альфред пошел по подземному коридору, свернул направо, еще раз направо и остановился перед голой стеной. Гугенот провел несколько раз рукой по кирпичной кладке. Часть стены откинулась в сторону, и они прошли внутрь.

Потайная дверь, вот как!

Мрачные мысли овладели Альфредом.

Потайная дверь, женщина-сирена в качестве приманки и гугенот — руководитель операции — вот и весь необходимый реквизит. Единственно, чего недоставало — это причины всей этой чертовой заварухи. Похитители, очевидно, не разгадали в нем контрразведчика-человека. Иначе уничтожили бы сразу же. Для них он — вакклитианин. Подлый вакклитианин, не меньше. Значит, существуют две шпионские сети? И враждуют между собой с целью установить контроль над Землей еще до вторжения? Это значительно осложняло его миссию; теперь даже и думать нечего о том, чтобы обратиться в полицию, если разумеется, удастся когда-нибудь до этой полиции добраться, с заявлением о существовании угрозы двух инопланетных вторжений! Да и кто бы признал в нем контрразведчика?

Помещение было просторным, без окон. В одном из углов находился прозрачный куб со сторонами примерно в два с половиной метра. На полу внутри куба сидел средних лет мужчина в однобортном коричневом деловом костюме. Во взгляде его мелькнуло любопытство, сменившееся горькой безнадежностью.

Подойдя к кубу, гугенот остановился.

— Ты его, разумеется, обыскала?

Мадам Дюбарри засуетилась.

— Нет... не полностью. Я собиралась это сделать, но ты уже ждал у двери лифта. Я не думала, что ты придешь так скоро, а затем... мы начали разговор, и я просто...

Начальник сердито покачал головой.

— Ты еще говоришь о компетентности! Ну, что ж, раз мне приходится самому делать все подряд, то деваться некуда!

Ошупав Альфреда, он извлек из его карманов авторучку и зажигалку, внимательно осмотрел их и положил на место. Вид у него был несколько растерянный.

— При нем нет оружия...

— Он явно недостаточно опытен, чтобы ему можно было доверять что-либо опасное.

Гугенот задумался.

— Нет. В таком случае ему бы не позволили действовать одному. Он бы обязательно находился под наблюдением.

— Может быть, так оно и было, но тогда мы...

— В таком случае, мы под наблюдением! Да, весьма вероятно. Что ж, мы все равно оставим их в дураках. Независимо от того, состоялся контакт или нет, сегодня вечером мы заканчиваем операцию на этой планете. Не станем больше выходить наружу.

Примерно через час покинем Землю, забрав пленников с собой в штаб-квартиру.

Гугенот несколько раз провел руками по кубу, так же как и по наружной стене. В прозрачной преграде появился пробел, который стал быстро расширяться. К спине Альфреда красноречиво прижался цилиндр, и он был вынужден шагнуть внутрь куба.

— Дай ему небольшую дозу, — услышал он шепот гугенота. — Не столько, чтобы он умер до допроса, но так, чтобы оглушить его и лишить их возможности переговариваться.

Позади раздался чуть слышный щелчок. Розовое свечение озарило стены. Он почувствовал, как в желудке образуется газовый пузырь и медленно поднимается вверх. Через секунду последовала сильная отрыжка.

Когда Альфред обернулся, проем в прозрачной стенке уже затянулся, а гугенот сердито глядел на мадам Дюбарри. Лицо мадам было весьма озабоченным, она недоуменно смотрела на свое оружие.

— Я ведь велел тебе оглушить его, а не пощекотать! Неужели на тебя ни в чем нельзя положиться?

— Я сделала все правильно. Прицелилась точно в управляющий отсек и применила среднюю по величине дозу по индексу вакклитиан. Не понимаю...

Гугенот возмущенно замахал руками.

— Пошли отсюда! Начнем паковать вещи. Вернемся сюда поздно ночью, и я попрошу штаб о выделении мне другой помощницы для следующей операции на Земле. Такой, у которой познания в сфере сексуальной практики людей будут не столь обширны, но которая будет знать, как нужно обезоружить только что пойманного пленника и будет в состоянии прочесть на циферблате индекс! Мадам Дюбарри опустила голову и последовала за начальником. Потайная дверь закрылась. Альфред осторожно пощупал прозрачную стенку. Вещество было прозрачным, как стекло, на ощупь напоминало резину и слегка липло к пальцам, как только что отлитая пластмасса. Оно было на удивление прочным. Ко всему прочему стенка испускала слабое молочное свечение, благодаря которому сквозь нее можно было видеть, хоть и не четко, гладкие стены потайной комнаты. Потом он повернулся и принялся рассматривать своего сотоварища по плену. Человек этот, в свою очередь, смотрел на него подозрительно и в то же время нерешительно, явно не понимая, как следует себя вести в сложившейся ситуации. Во всем его облике была какая-то безликость и совершеннейшая посредственность, что делало его чем-то замечательно знакомым.

Конечно же! Он выглядел точь в точь, как Джонс, Келли и Коун. И только теперь до Альфреда дошло, что же это за человек.

— Джон Смит? — спросил он. — Или, — добавил еще одно имя, произнесенное Джонсом. — Гар-Пита?

Мужчина выпрямился, улыбнувшись с облегчением.

— Мне трудно определить, кто вы, главное — вы наш. Если только не провокатор... Хотя нет, им не может быть известно мое настоящее имя. А как, между прочим, вас зовут?

Альфред застенчиво улыбнулся.

— Робинсон поручил мне выполнение особого задания. Я не имею права открывать свое имя.

Джон Смит тяжело вздохнул.

— Тогда не надо. Робинсон знает, что делает. Значит, вы говорите, специальное задание? Что ж, теперь вам уже не выполнить его. Она изловила меня точно таким же образом. Мы оба чертовски влипли.

— Это точно?

— А как же! Вы слышали, о чем они говорили? Как только эти гнусные лидсгаллианцы доставят нас на свою родную планету, то поработают в свое удовольствие! Из меня-то они ничего не вытянут... Надеюсь, что вы тоже не посрамите честь Академии, к каким бы изощренным пыткам они не прибегали. Но достанется нам крепко, прежде чем мы выйдем в расход. Должен вам сказать, лидсгаллианцы знают толк в пытках! Чего только стоят камеры в их тюрьмах...

— Какие камеры? Какие пытки?

Альфреду едва не стало дурно, собеседник заметил это и положил руку ему на плечо.

— Крепись, парень, — произнес он. — Держи хвост пистолетом. Не подавай виду, что боишься. Умирают один раз. Тебе нечего терять, кроме цепей. Не опускай флаг. Смелого пуля боится.

Альфред молчал. Джон Смит расценил это, как знак согласия и продолжал:

— Из этой камеры нельзя выбраться. Сетчатая паутина из чистейшего чрока, практически неразрушаемого. Но хуже всего, разумеется, ее изолирующие свойства. Стой хоть на голове, но сквозь чрок никак не пропфмпвуешь. Я пытался это сделать и едва не порвал антенны. Именно поэтому я отказался выйти из своей формы, чтобы поболтать с тобой — здесь лучше пользоваться речевым аппаратом формы. Альфред молча рассматривал стены из этого самого чрока.

— А что, если воспользоваться речевым аппаратом, чтобы позвать на помощь? — предложил он. — Такие звуки, похоже, проходят через него. Мы могли бы покричать.

— А кто нас услышит? Только люди. Что они смогут сделать?

Альфред развел руками.

— Не знаю. Иногда... даже люди, может быть...

— Забудь об этом. Плохи наши дела. Но еще не настолько плохи, чтобы... Кроме того, эти стены особенно

толстые и в них нет ни трещинки. Если бы лидсгаллианцы не проветривали помещение два раза в день, я бы давно уже задохнулся. Все равно мне несколько раз становилось так плохо, что приходилось прибегать к неприкосновенному запасу, хранящемуся в грудной клетке. Ты знаешь: в отделении справа, под отсеком управления. Должен сказать тебе вот что. Если мне когда-нибудь удастся все же вернуться целым и невредимым на Вакклит, то я попробую уговорить спецов из Центра Управления произвести некоторую модернизацию нашей формы. Эта мысль пришла мне в голову, когда я наблюдал, как они тебя обскивали. К чему этот запас воздуха в груди? Я уже не раз говорил об этом Робинсону. Разве доводилось кому-нибудь из наших агентов тонуть или попадать на фронт, где применяются ядовитые газы? Не лучше ли такому агенту иметь при себе оружие — настоящее, надежное оружие, управляемое непосредственно когтями, и думаю, было бы неплохо иметь что-либо вроде оружейной турели, выходящей из нашей формы, чтобы уж стрелять, так стрелять. Но стоит только лидсгаллианцам пронюхать об этом, как они... — Речь его стала бессвязной. Альфред понял, что он истосковался по общению с соплеменниками. И что этой словоохотливостью можно и нужно воспользоваться! Вдруг им все же удастся избежать плена? И он сможет продолжить борьбу за спасение человечества? К тому же знание фактов всегда может пригодиться. Опираясь на них, можно строить планы дальнейших действий. Ему представлялась великолепная возможность определить, кто из двух враждующих группировок представляет наибольшую угрозу для Земли и кто с большей готовностью примет предложение дружбы со стороны перепуганного человечества. Но вопросы нужно формулировать очень осторожно, быть начеку, чтобы быстро исправлять промахи.

— Почему это вы считаете, — спросил он как бы невзначай, — что лидсгаллианцы так сильно нас ненавидят? Да, мне известен стандартный ответ, но интересно было бы послушать мнение человека бывалого. У нас, как мне кажется, должна быть на это своя точка зрения.

Джон Смит одобрительно хмыкнул, на миг опущенным подумался, затем пожал плечами.

— В данном случае стандартный ответ подходит. Война есть война. Как же иначе?

— Только война? Больше, вы полагаете, ничего?

— Только война? Ну и ну! Разве может быть “только войной” межзвездная бойня, в которую ввергнуты две трети Галактики и которая длится почти три столетия? Триллионы и триллионы погибших, десятки стертых в порошок планет! И это вы называете “только войной”?

— Я... я вовсе не это имел в виду, — быстро поправился Альфред. — Разумеется, война — вещь ужасная. невообразимо жуткая! И наши враги, эти гнусные лидсталианцы...

Джон Смит подпрыгнул от негодования.

— Лидсталианцы никакие не наши враги! Они — наши союзники!

Теперь настала очередь подпрыгнуть Альфреда.

— Наши союзники? — переспросил он, лихорадочно размышляя, как бы выпутаться из этого нелепого положения. — Наши союзники? — повторил он, пытаясь, изменив интонацию, придать хоть какой-нибудь смысл своим словам.

— Подумать только, насколько низко могла пасть Академия, — проворчал Джон Смит. — В мое время там можно было получить неплохое общее образование плюс достаточный курс лабораторных работ по шпионажу, что в совокупности гарантировало назначение в разведслужбу, если удовлетворяешь прочим требованиям. Академия выпускала прекрасно подготовленных, высококультурных галактических граждан с приличным знанием истории, экономики, искусства, науки и ведения широкомасштабных террористических акций. Вершиной всего этого было почетное ремесло шпиона. Разумеется, если возникало желание специализироваться в каких-либо более узких сферах приложения, можно было всегда вернуться в Академию, чтобы пройти интенсивный курс обучения элементарной и специальной шифровке, искусству маскироваться, лгать, не опасаясь детекторов лжи, проведению пыток как физических, так и психологических, способам самому выдерживать аналогичные пытки... Словом, научиться многим другим полезным навыкам, которые могут пригодиться в нашем ремесле. Теперь же всюду во главе угла ставится эта

самая специализация. Раньше все, о чем я упоминал, можно было изучать только после получения общего образования. Теперь же желторотые молокососы могут расшифровать любой код, но не знают самых элементарных способов спасения своей шкуры. Академия выпускает юнцов, которые могут создавать шедевры формы и маскировки, но не знают, какая разница между лидстгаллианцем и фарседдом! Помни мои слова, парень, это еще приведет Академию на край гибели!

— Я с вами согласен, — с напускной искренностью поддержал его Альфред, решив подчеркнуть свою солидарность с ветераном. — Всею свое время. Пожалеешь розг — испортишь ребенка. Тяжело в учении — легко в бою. Скупой платит дважды. Трудись, как муравей... — Тут он спохватился, что уклоняется от темы, и прекратил словоблудие. — Видите ли, руководство Академии сейчас придерживается того мнения, что ее выпускники, вступая в жизнь и становясь агентами разведслужбы, в процессе выполнения заданий встречаются со старшими, более опытными товарищами вроде вас, от которых они непосредственно на месте черпают сведения об общей политической обстановке. Вот теперь я до конца понял, что настоящим противником в самом точном значении этого слова являются фарседды, однако...

— Фарседды — наши враги? Да они являются нейтралами, единственными на свете нейтралами! Послушай, малец, и заруби себе на носу раз и навсегда. Абсолютно исключена возможность осуществления первоклассной шпионской деятельности на Земле без знаний общих принципов и тех основополагающих фактов, на которых они строятся. Начну сначала. На лидстгаллианцев напали гаруниши, верно?

Альфред кивнул.

— Верно! Это известно каждому школьнику.

— Вот и прекрасно. Нам пришлось вступить в войну с гарунишами не потому, что мы что-то имели против них или питали очень дружеские чувства к лидстгаллианцам, а потому, что в случае победы гарунишей у них появится возможность покорить майруннанцев, которых считали нашими единственными предполагаемыми союзниками в борьбе против растущей мощи ишполийцов.

— Естественно, — потрясенно промямлил Альфред. — У нас не было иного выбора.

— Разумеется! Но именно это вынудило гарунишей действовать заодно с оссфолианами. Оссфолиане возобновили действие договора о взаимопомощи с кензийцами из сектора Ригеля, а из страха перед кензийцами ишполийцы объединили свои силы с нашими, толкнув тем самым майрунианцев в лагерь гарунишей. Затем произошла Битва в Девятом Секторе, в ходе которой оссфолиане четырежды переходили из одного лагеря в другой, из-за чего в конфликт оказались втянуты менимейцы, казкафьяне, доусады и даже кензийцы из секторов Прощиона и Канопуса. После этого, разумеется, военно-политическая обстановка значительно усложнилась.

— Да, разумеется, — Альфред провел языком по пересохшим губам. — Стала еще более сложной.

— И весьма запутанной! — поднял указательный палец Джон Смит.

У Альфреда Смита сил осталось только на то, чтобы кивнуть ему в ответ, после чего, чтобы совсем не сойти с ума, он решил перейти к более насущным проблемам по времени и местоположению.

— А тем временем здесь, на Земле, обосновались шпионы из... обосновались шпионы... Простите меня за неосведомленность, но сколько, по вашему мнению, действует в данное время на Земле разведок воюющих сторон?

— Разведки всех сторон! Каждой! Включая и фарседов, которым постоянно нужно быть в курсе всех дел для того, чтобы иметь возможность поддерживать свой нейтралитет. Земля, как вы помните из курса Элементарной Секретности, который вы проходили на первом же году обучения, идеально расположена, ибо она находится вне зоны обычных боевых действий, но легко доступна почти для всех воюющих сторон. Это единственное оставшееся безопасным место, где можно передать через линию фронта информацию, заключать различные договоры и вести переговоры. Поэтому она пользуется заслуженным уважением всех втянутых в конфликт сторон. Ведь, в конце-то концов, именно на Земле мы предали доусадов, здесь же была достигнута договоренность о полном уничтожении менимейцев между их союзниками — майрунианцами и каз-

кафьянами. Точно так же нам сейчас приходится следить за нашими самыми старыми союзниками — лидсгаллианцами, которые делают попытки установить контакт с гарунишами с целью заключения сепаратного мира. Я раздобыл доказательство. Даже узнал, когда именно и где должен был произойти контакт и каковы были его предварительные условия. А затем меня провела эта бабенка со своей болтовней о Кливлендском конкурсе, где она якобы победила три года назад.

— Контакт должен был состояться на чем-то вроде конкурса красоты, не так ли?

— Конечно! — Собеседник потерял всякое терпение. — А где же еще можно установить контакт с такими существами, как гаруниши?

— Даже представить себе не мог, — едва выдавил из себя Альфред. — Значит, все-таки гаруниши!

Он надолго замолчал, ошеломленный грандиозностью нарисованной Джоном Смитом картины. На ум пришло что-то прочитанное о Лиссабоне Второй Мировой войны. Но это был Лиссабон в квадрате, Лиссабон в кубе, Лиссабон возведенный в какую-то невероятную экспоненциально растущую степень. Вся Земля представлялась ему необъятным лабиринтом, напшигованным шпионами, контрразведчиками... Внезапно ему захотелось узнать, а каково же истинно человеческое население планеты? Кого больше — людей или замаскированных агентов? В "Мозаичном нейлоне" жизнь представлялась намного проще, и это был единственный вывод, который Альфред сумел сделать.

— Они идут, — перебил ход его мыслей Джон Смит. — Они хотят забрать нас с собой на Лидсгалл.

Стена раскрылась. Вошли двое мужчин и женщина. Они были в верхней одежде, несли в одной руке казавшийся тяжелым чемодан, в другой — цилиндрическое оружие. При взгляде на цилиндры Альфреда озаарила неожиданная мысль. Оружие не принесло ему особого вреда. Видимо, метаболизм людей и вакклетнан был настолько различен, что заряд, который должен был оглушить инопланетянина, у человека вызвал лишь небольшое скопление газов в желудке. А если Земля остается в полном неведении относительно того, что на ней происходит, это оружие

не должно причинить вред землянам. Более того, в таком случае агенты, руководствуясь только необходимостью нейтрализации друг друга, постепенно неизбежно должны были прийти к всеобщему соглашению не иметь при себе оружия, которое могло бы причинить вред людям. А если до них дойдет истинная причина внезапного отказа оружия?

Необходимо действовать, и действовать без промедления! Альтернативой этому может быть только камера пыток, расположенная на неприятно большом от Земли удалении. Даже узнав, что он — человек, лидсталинцам не останется ничего иного, кроме как любым способом избавиться от ненужного свидетеля.

Один из мужчин что-то покрутил в своем чемодане и прозрачный куб как бы растворился. Повинуясь недвусмысленным жестам рук, сжимающих оружие, они пересекли помещение и подошли к потайной двери. Сейчас Альфреду уже трудно было узнать мадам Дюбарри и гутенота без масок и маскарадных костюмов. Они стали заурядными во всех отношениях людьми из толпы. Что, разумеется, было главной целью, которую они преследовали. Когда все пятеро начали проходить сквозь дверной проем, он принял окончательное решение. В какое-то мгновение они все оказались очень близко друг к другу, фактически прижались телами. Он схватил женщину за руку и с силой толкнул ее на гутенота, который от неожиданности замешкался. Затем, увидев, что Джон Смит находится между ним и еще одним мужчиной позади, рванулся вперед, подобрав свою кардинальскую мантию, и пустился бежать. Повернул налево, затем еще раз налево, и очутился в главном коридоре подвала. Впереди, в дальнем его конце, виднелась каменная лестница, ведущая на улицу. За спиной он слышал шум борьбы и отдаленный сдавленный крик Джона Смита.

— Так, малыш, так! Нам нет преград! Четвертую скорость! Еще одно, последнее, усилие! Дорогу осилит идущий! Смелого пуля... Голос его прервался, послышался глухой звук падения тела.

Рядом сверкнуло розоватое свечение, дернулось несколько раз и остановилось на его туловище. Он зычно ргнулся. Свечение стало алым, оно все потемнело до кроваво-красного зловещего цвета. Отрыжка усилилась, но он

уже успел добраться до лестницы и начал быстро подниматься.

Минут через десять Альфред уже садился в такси на Шестой Авеню. Живот слегка побаливал. К счастью, боль прошла довольно быстро. Когда машина подъезжала к гостинице, он оглянулся. Погони видно не было. Это успокоило его. Лидсталлиане не узнают, где он живет. Интересно, а каковы они на самом деле? Пауки? Едва ли. Различные названия рас и вся эта титаническая межзвездная схватка указывали на то, что в космосе существует множество различных форм разумных существ. Правда, все они должны быть достаточно небольшими, чтобы помещаться в теле обычного человека. Возможно, это змеевидные существа или же червеобразные. Похожие на крабов или каракатиц. Может быть, даже на крыс. По коже Альфреда побежали мурашки. Он чувствовал, что неплохо бы было хорошенько отоспаться. Ведь завтра — первый рабочий день в “Блэксиме”. А затем, как только предоставится возможность все обдумать и взвесить, он примет окончательное решение, что предпринять. Обратиться в полицию, ФБР, еще куда-нибудь. Может быть, даже в редакцию одной из нью-йоркских газет. Еще лучше — к кому-нибудь из популярных телескомментаторов, чтобы эта история стала достоянием более широких аудиторий. История должна выглядеть убедительной. Неплохо бы было иметь какие-нибудь доказательства. Жаль, что лидсталлианцы в данный момент, скорее всего, уже находятся в пути на свою родную планету. Ну да ничего. Существует еще его собственная шайка — вакклетиане. Еще пару деньков поводить их за нос, а потом воспользоваться ими в качестве доказательства. “Собственная шайка” ожидала его в номере гостиницы. Все четверо — Коун, Келли, Джонс, Джейн Доу. Похоже было, что ждут они уже долго. Джейн Доу, видимо, даже плакала. Мистер Келли сидел на кровати, держа на коленях открытый портфель.

— А вот и вы, Смит, — раздался оттуда голос Робинсона. — Надеюсь, вы сумеете все объяснить. Очень надеюсь, что у вас найдется объяснение.

— Что объяснить? — раздраженно спросил Альфред. Он так мечтал о том, что сбросит с себя костюм, примет горячий душ и завалится в постель. Неожиданное продол-

жение боевика "Шпион" вызвало у него чувство досады. И, пожалуй, навело скуку.

— Что объяснить? — взревел Робинсон. — Келли, скажите ему, что именно!

— Послушайте-ка, Смит, — требовательно произнес Келли. — Интересовались ли вы у дежурной справочного бюро костюмированным балом сантехников?

— Разумеется. Она сообщила всю необходимую мне информацию.

Из портфеля донесся протяжный вой.

— Он получил необходимую информацию! Шесть лет общей подготовки в области шпионажа в Академии, годичная стажировка, шесть месяцев в школе спецразведки, изучение в ней таких спецпредметов, как сбор и просеивание информации, обнаружение и слежка! И после всего этого у вас еще хватает совести стоять здесь, держа в когтях свою оболочку и заявлять мне, что единственным способом отыскания этого маскарада были звонки в справочное бюро, где самая что ни на есть заурядная дежурная человек будет выполнять вашу просьбу!

Альфред заметил, что у присутствующих выражение лиц было довольно напряженным.

— А что тут такого? Если это обыкновенный, заурядный человек, то я не вижу никакого вреда...

— По данным, которыми мы располагаем, это вполне мог быть Помощник Военного министра гарунишей! — взорвался портфель. — Но не это главное! Пока дежурная искала ответ на ваш вопрос, запрашивая различные службы, излагая суть вопроса своим друзьям, знакомым и коллегам, были поставлены на ноги все разведывательные службы галактики. Они узнали, что нас более всего беспокоит, что мы ищем, где и когда надеемся найти. Вы совершили непревзойденный подвиг налаживания межзвездного взаимодействия, которого еще не знала история. Намарку пошли шестьдесят пять лет кропотливого труда по установлению разведывательной сети. Что вы можете ответить на это?

Альфред выпрямился, мужественно расправив плечи.

— То, что уже сказал. Очень сожалею о том, что так получилось.

Потом подумал немного и добавил:

— Глубоко и искренне сожалею.

Из портфеля понеслись громовые раскаты, он едва не скатился с коленей Келли.

— Я просто не в состоянии более выдерживать такое, — неожиданно заявила Джейн Доу. — Подожду за дверью.

Она прошла мимо Альфреда, скользнув по нему мокрыми глазами, полными укора.

— Милый, как же ты мог... — расслышал он тихий шепот.

Портфелю все-таки удалось в некоторой степени взять себя в руки.

— Представляю вам, Смит, последний шанс. Очень сомневаюсь, что вы сумеете оправдаться, но мне претит сама мысль о необходимости разжалования спецаргента, изгнания его из разведки без права объяснения своего проступка. Вот так. У вас есть какое-нибудь оправдание?

Альфред призадумался. В их глазах это, по-видимому, было очень серьезным делом. Но он чувствовал себя уже по горло сытым всеми этими сложностями. И страшно устал. В конце концов, его зовут не Джон, а Альфред!

Наверное, он мог бы поведать им о событиях этого вечера, информация могла оказаться очень ценной. Но заковыка заключается в том, что в этом случае неизбежно возникнет вопрос об истинной личности Джона Смита, а это может привести черт знает к чему. Кроме того, он уже не испытывал прежнего страха перед этими существами. Их сверхоружие можно было не принимать в расчет, по крайней мере, на Земле. Подумав об этом, он вообще потерял уверенность в необходимости предоставления полезной для инопланетян информации и покачал головой, ощущая усталость в каждом мускуле шеи.

— У меня нет оправданий.

Из портфеля раздался тяжелый вздох.

— Смит, поверьте, мне это доставляет не меньшие муки, чем вам. Поймите, это дело принципа. Наказание должно соответствовать преступлению. Я не столько разгневан, сколько опечален. Ну да ладно. Келли, приговор!

Келли поставил портфель на кровать и встал. Все остальные тоже вскочили, вытянув руки по швам. Должен был, очевидно, совершиться определенный ритуал.

— В силу полномочий, которыми я наделен как руководитель этой спецгруппы, — нараспев начал Келли, — и на основании параграфов 97, 98 и 99 Полевого Устава я лишаю вас, Гар-Пита с планеты Вакклит, звания Спецагента Второго класса и понижаю в звании вплоть до просто Агента и ниже, о чем вынесет решение Центр Управления, исходя из высших интересов Разведывательной Службы. Я испрашиваю разрешение на обнародование вашего позора во всех звеньях и на всех уровнях, включая и Академию. И, наконец, от имени этой спецгруппы в целом и каждого из ее членов в отдельности отрекаюсь отныне и навечно от вас как от коллеги и равного товарища. “Лечение с помощью сильнодействующих средств”, — подумал Альфред.

Затем Коун и Джонс быстро подошли к нему с обеих сторон, чтобы завершить ритуал. Вид у них был торжественный и очень сосредоточенный. Секунду спустя они содрали с осужденного его форму.

СОДЕРЖАНИЕ

Конструкции Уильяма Тенна. <i>Предисловие Л. Ткачука</i>	5
Огненная вода. <i>Перевод А. Кона.</i>	9
Бунт мужчинистов. <i>Перевод Ж. Васюренко.</i>	97
Люди в стенах. <i>Перевод Н. Любимовой.</i>	147
Венера — планета мужчин. <i>Перевод Н. Поповой.</i>	229
Чисто человеческая точка зрения. <i>Перевод А. Кона.</i>	255
Вплоть до последнего мертвеца. <i>Перевод А. Кона.</i>	263
Проблема служения. <i>Перевод А. Кона.</i>	291
Плоскоглазое чудовище. <i>Перевод А. Кона.</i>	325
Уинтроп был упрям. <i>Перевод А. Кона.</i>	357
Лиссабон в кубе. <i>Перевод А. Кона.</i>	407

Літературно-художнє видання
Зал слави всесвітньої фантастики

Книга 21

ТЕНН Уільям

ПЛАСКООКЕ ЧУДОВИСЬКО

(Російською мовою)

Відповідальний редактор *І. Чудінова*
Редактори *С. Локишина, О. Бурсук*
Художники *С. Павленко, Т. Костецька*
Художній редактор *О. Шамрай*
Комп'ютерна верстка *О. Яцук*
Комп'ютерний дизайн *О. Васкес-Кампос*

Здано до набору 12.10.94. Підписано до друку 13.04.95.
Формат 84х108/32. Папір книжково-журнальний.
Гарнітура Тип Таймс. Друк високий. Умов.-друк.арк. 23,52.
Умов.фарб.-відб. 23,96. Обл.-вид.арк. 22,88.
Замовлення № 5-116.

МСП «Альтерпрес», 254053 Київ, вул. Артема, 42, а/с 29.

Надруковано з оригінал-макета на ОП «Київська книжкова фабрика»,
252054, Київ-54, вул. Воровського, 24.

ПЛОСКОГЛАЗОЕ ЧУДОВИЩЕ

ЗАЛ
СЛАВЫ
ВСЕМИРНОЙ
ФАНТАСТИКИ

УИЛЬЯМ ТЕНН

William Tenn

